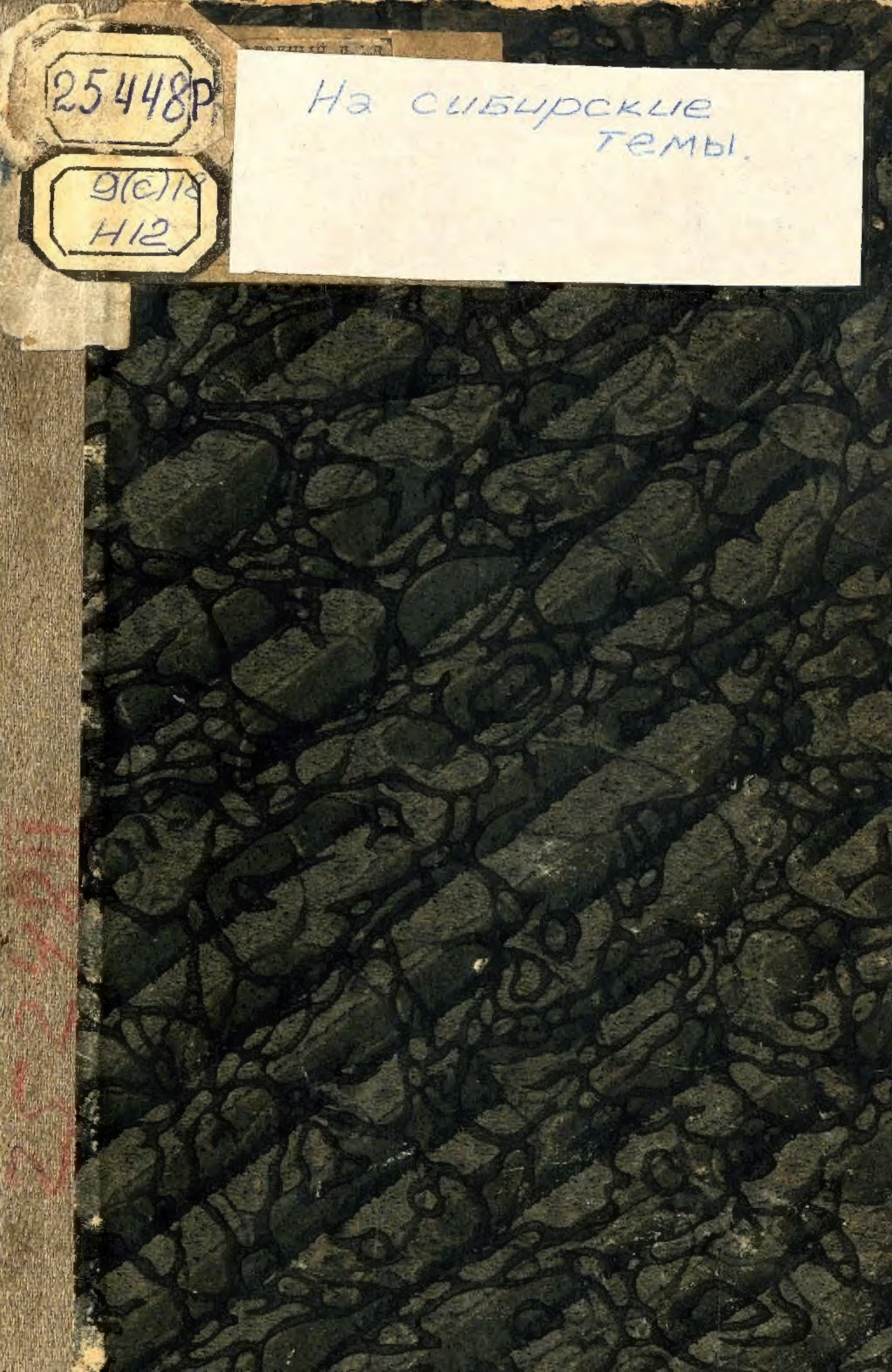

На сибирские темы.

На сибирскія темы.

Сборникъ въ пользу Томскихъ воскресныхъ школъ и Гоголевскаго народнаго дома.

Подъ редакціей

М. Н. Соболева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Предисловіе VII

Изъ настроеній прошлаго. (Элегія въ прозѣ). *С. Марусина* 1

Праведникъ и грѣшникъ (сказаніе). *В. Анучинъ* 5

Троевѣры (изъ жизни минусинскихъ инородцевъ). *Д. Е. Лаппо* 9

Родинѣ (стихотвореніе). *Н. Ядринцевъ* 53

Къ роднымъ цвѣтамъ (стихотвореніе). *Н. Ядринцевъ* 54

На сѣверѣ (стихотвореніе). *Н. Ядринцевъ* 55

Къ характеристикѣ Н. М. Ядринцева. *Ник. Михайловскій* 57

Памяти Н. М. Ядринцева. *С. Н. Южаковъ* 62

Оскудѣніе Западной Сибири. *П. Голубевъ* 69

Старецъ Аврамій Венгерскій (очеркъ). *Н. Оглоблинъ* 92

Ошибка (разсказъ). *П. Степнякъ* 116

Итоги землеустройства сибирскихъ переселенцевъ за десятилѣтіе 1893—1902 гг. *А. Кауфманъ* 139

Киргизская народность въ мѣстахъ крестьянскихъ переселеній. *Ф. Щербина* 173

Николай Θедоровичъ Костылецкій. *Г. Потанинъ* 219

Въ пустынѣ (стихотвореніе). *Танъ* 235

Задачи экономической политики въ Сибири. *М. Соболевъ* 240

Хронологія событій моей жизни (къ автобіографіи Н. Ядринцева) ... 244

Тимофей Михайловичъ Бондаревъ (изъ сибирскихъ воспоминаній). *И. П. Бѣлоконскій* 262

Стихотвореніе Н. М. Ядринцева 293

Предисловіе.

Въ 1903 г. среди преподавателей томскихъ воскресныхъ школъ возникла мысль ознаменовать приближающееся двадцатипятилѣтіе существованія этихъ образовательныхъ учрежденій изданіемъ литературнаго Сборника. Для осуществленія этой идеи была избрана особая комиссія, которая начала свою дѣятельность приглашеніемъ писателей, такъ или иначе связанныхъ съ Сибирью, принять участіе въ предположенномъ изданіи. Обращеніе къ литературнымъ силамъ Сибири и Европейской Россіи увѣнчалось успѣхомъ. Комиссія получила въ свое распоряженіе рядъ разсказовъ, стихотвореній и научныхъ статей, посвященныхъ въ томъ или иномъ отношеніи Сибири, той Сибири, которая сильна духомъ своей общественности, проявляющейся между прочимъ и въ разнообразныхъ формахъ просвѣтительныхъ организацій, той Сибири, которая своей грандіозной природой и своеобразнымъ складомъ жизни вдохновила и даже породила многіе литературные таланты и дала имъ неисчерпаемый источникъ впечатлѣній и художественныхъ образовъ.

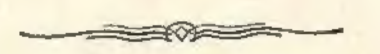
Отъ лица томскихъ воскресныхъ школъ мы позволяемъ себѣ выразить горячую признательность всѣмъ лицамъ, которыя отозвались на приглашеніе къ участію и дали возможность осуществить литературное предпріятіе въ далекомъ Томскѣ. Благодаря содѣйствію П. В. Вологодскаго, редакція Сборника получила возможность воспользоваться нѣсколькими статьями, собранными 3 года тому назадъ для предполагавшагося, но не осуществившагося «Сборника памяти Ядринцева»; сюда относятся статьи гг. Михайловскаго, Южакова, Кауфмана и 3 стихотворенія самого Ядринцева. Сибиряки относятся съ глубокимъ уваженіемъ къ имени Н. М. Ядринцева, какъ человѣка, всю жизнь положившаго на служеніе родному краю и на литературную защиту его интересовъ. Вполнѣ естественно, что и нашъ Сборникъ, появившійся въ Томскѣ и посвященный разработкѣ сибирскихъ темъ, удѣляетъ значительное мѣсто характеристикѣ и воспоминаніямъ о сибирякѣ-гражданинѣ Ядринцевѣ.

Скоро исполнится 25 лѣтъ, какъ безкорыстно работаетъ группа лицъ въ томскихъ воскресныхъ школахъ, черезъ которыя за четверть вѣка прошло свыше 9.000 человѣкъ учащихся, взрослыхъ и малолѣтнихъ. Въ настоящее время томскія воскресныя школы водворились въ Гоголевскомъ народномъ домѣ, въ учрежденіи, созданномъ пожертвованіями частныхъ лицъ и томскаго городского самоуправленія. Издавая Сборникъ, воскресныя школы не только полагаютъ отмѣтить имъ свой 25-лѣтній юбилей, но и надѣются получить отъ продажи изданія нѣкоторую матеріальную поддержку на оборудованіе своего помѣщенія и на свои образовательныя нужды. Мы хотѣли бы на-

дѣяться, что Сборникъ встрѣтитъ среди публики такое же сочувствіе, какое онъ нашелъ въ литературномъ мірѣ, и внесетъ свой скромный вкладъ въ дѣло развитія и процвѣтанія общественныхъ воскресныхъ школъ въ Томскѣ.

М. Соболевъ.

Томскъ, 12 января
1905 г.

Изъ настроеній прошлаго.

Элегія въ прозѣ.

Еще юношей, полнымъ силъ и энергіи, съ горячей любовью къ родинѣ и страстной вѣрой въ ея грядущее счастіе, онъ покинулъ эти мѣста. И только теперь, когда сѣдина серебрила его бороду, когда тяжесть прожитыхъ лѣтъ давила его плечи, онъ вновь попалъ въ эти мѣста...

И бродитъ онъ по роднымъ полямъ и лѣсамъ, гдѣ выросъ и возмужалъ, научился любить и ненавидѣть. Онъ напряженно вглядывается въ незнакомыя лица, жадно вслушивается въ ихъ непонятныя странныя рѣчи. Онъ ищетъ чего-то и не находитъ... И морщины сильнѣе бороздятъ его лобъ, обрамленный сѣдыми волосами, въ глазахъ свѣтится грусть, а вокругъ плотно сжатыхъ губъ залегла скорбная, горькая складка...

Десятки лѣтъ и тысячи верстъ отдѣляли его отъ родины. Суровый край, суровая обстановка, суровые люди. Жизнь давила всею своею тяжестью, не справляясь съ его силами. И когда подъ игомъ одиночества энергія падала, когда весь міръ, казалось, замыкался пустынной тайгой да четырьмя стѣнами затерявшейся въ глубокихъ снѣгахъ избы, одно воспоминаніе о родинѣ заставляло усиленно биться сердце и вызывало на глаза горячія слезы. И такъ шли годы, унося молодость, силы, энергію, надежды...

Онъ вновь охваченъ мечтой и вѣрой. Молодыя мысли, юношескія чувства волнуютъ его старческую голову, его старческое сердце...

Передъ нимъ неотступно встаютъ картины родины, то въ видѣ яркаго солнечнаго дня, молодой зелени, чистаго синяго неба и птичьихъ пѣсенъ; то въ видѣ прекраснаго облика молодой женщины, окутанной въ черное, съ поникшей головой и опущенными глазами... Бѣлая весенняя ночь; могучая рѣка несетъ свои темныя воды въ гранитомъ обшитыхъ берегахъ; кругомъ каменныя — громады, но какъ онѣ красивы въ эту бѣлую, точно застывшую мертвую ночь! И сердце сжимается тоскою и болью и слезы катятся по его поблекшимъ и морщинистымъ щекамъ...

Оторванный отъ дома, но всегда порываясь къ нему, онъ давно привыкъ въ извѣстномъ настроеніи взлетать мыслью надъ родною страной и разомъ охватывать ее единымъ взоромъ, единымъ чувствомъ. Гдѣ-то тамъ, далеко внизу, раскинулась безконечная равнина, степи чередуются съ лѣсами

и болотами. Повсюду виднѣются сѣрыя кучки едва примѣтныхъ для глазъ деревенскихъ избъ, съ взъерошенными соломенными крышами; кругомъ пашни и пашни... Равнина, во всѣхъ направленіяхъ изборожденная дорогами, по которымъ несутся поѣзда, съ шумомъ, свистомъ и дымомъ, тянутся безконечные обозы и арестантскія партіи, наполняя воздухъ скрипомъ полозьевъ да звономъ цѣпей.

Теперь эта картина чаще и чаще встаетъ передъ нимъ, и его мысль, его чувство рвутся туда, гдѣ эти избы, гдѣ эти пашни, свистъ паровика и скрипъ обоза... И кажется ему, что достаточно увидѣть родину и припасть къ ея землѣ,—и онъ, подобно сказочному богатырю, обновится душой и вновь будетъ готовъ любить и страдать, страдать и любить. И ощущеніе счастія, заработаннаго всѣми муками жизни, горячею волной разливается по всему его тѣлу, и духъ захватываетъ, и голову туманитъ...

Давно уже сбылись его пламенныя мечтанія, наполнявшія больную грудь восторгомъ; давно уже онъ бродитъ среди родныхъ полей, родныхъ лѣсовъ... Но куда же дѣвалась его родина? Чтó сталось съ ней? Онъ ищетъ ее и не находитъ...

Съ кѣмъ росъ и вмѣстѣ рвался къ свѣту, вступая въ жизнь, звалъ всѣхъ на бой со зломъ, — давно тѣхъ нѣтъ. Сама природа будто бы поблекла, нѣтъ прежнихъ яркихъ красокъ, звуковъ... Мертво и тихо все кругомъ, все чуждо, не знакомо... Гдѣ-жъ люди тѣ, чтó родинѣ молились, чтó ей служить клялись до смерти, до смерти биться за нее? Давно ихъ нѣтъ...

На смѣну имъ пришли другіе люди, другія поколѣнія, и вѣетъ холодомъ отъ нихъ: нѣтъ прежней вѣры, нѣтъ любви, надежды нѣтъ... Они не знаютъ родины, не думаютъ о ней,—и родина не знаетъ ихъ... Имъ чужды родины страданія, ея болѣзни, муки, нищета...

А нищеты повсюду больше стало, страданій больше, мрака... Пронесся голодъ надъ страной, какъ грозный Божій бичъ; объятый ужасомъ, содрогнулся народъ, палъ ницъ въ смиреніи покорномъ и ждалъ кончины... Какъ ураганъ, холера пронеслась, оставивъ всюду за собой ряды холмовъ могильныхъ... Казалось, изсякла жизнь народа, повисла туча надъ страной, закрывши солнце навсегда!

И тутъ то слышался постыдный хохотъ, неслась хула на умирающій отъ голода и въ судорогахъ бьющійся народъ...

Такою нашелъ онъ родину. Мысль его напряженно работала, наболѣвшее, измученное сердце искало исхода, не видя его нигдѣ... И холодъ отчаянія проникалъ въ душу, и руки опустились въ безсиліи.

Поздній вечеръ.

Онъ идетъ занесенной снѣгомъ дорогой, по сторонамъ стройные ряды запушенныхъ снѣгомъ елей, сбѣгающихся гдѣ-то вдали. Съ темнаго неба тихо, безшумно падаютъ крупные хлопья снѣга. Онъ не чувствуетъ холода; съ устремленнымъ вдаль взоромъ, въ которомъ свѣтится внутренній огонь, съ поднятымъ кверху лицомъ, на которомъ отражается любовь и восторгъ, съ развѣвающимися по вѣтру сѣдыми волосами; онъ идетъ, не за-

мѣчая, что по колѣно вязнетъ въ снѣгу, что шагъ его замедляется... Онъ еще полонъ только-что пережитымъ: разгоряченное воображеніе еще рисуетъ картину, отъ которой онъ не можетъ оторваться...

Часъ назадъ онъ вышелъ оттуда, гдѣ нашелъ олицетвореніе любви къ родинѣ, воплощеніе милосердія къ народу. Молодая дѣвушка съ длинной бѣлокурой косой, съ исхудалымъ, поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ синими кроткими глазами. Она одѣта въ сѣрое ситцевое платье и бѣлый фартукъ съ длинными рукавами. Толпа народу наполняетъ комнату: мужики, бабы, ребятишки. Она съ утра до ночи окружена ими; каждый идетъ къ ней съ своею болью, своимъ страданіемъ, своимъ горемъ. Каждаго она терпѣливо выслушиваетъ и каждому помогаетъ. кому лѣкарствомъ, кому лаской, бодрящимъ словомъ, простой улыбкой. Передъ ней разматываютъ грязныя тряпицы и обнажаютъ смрадныя язвы; ей передаютъ хватающія за душу семейныя драмы; ей показываютъ нищету, доводящую до потери человѣческаго достоинства, невѣжество, не освѣщаемое ни единымъ лучемъ свѣта... И она ни разу не дрогнула душой, и любовь къ нимъ ни разу въ ней не поколебалась. Она связала свою жизнь съ ихъ жизнью, свои радости и горе съ ихъ горемъ и радостями. И они это знаютъ и несутъ ей любовь, шлютъ за нее горячія молитвы...

Жизнь, полная лишеній и тяжелаго труда, непрерываемое зрѣлище чужихъ мукъ и страданій губятъ ее: она давно уже чувствуетъ въ себѣ присутствіе смертельнаго недуга, давно уже знаетъ, что не далекъ ея конецъ... Знаетъ и остается тутъ... Любовь въ ней сильнѣе разгорается къ тѣмъ, кому она отдала жизнь, и она лихорадочнѣе работаетъ, еще меньше думаетъ о себѣ...

— Таетъ наша голубушка, таетъ, какъ Господу свѣчечка, говорятъ о ней тѣ для кого живетъ она, и сокрушенно вздыхаютъ: они знаютъ, что вмѣстѣ съ нею померкнутъ всѣ ихъ надежды, и жизнь станетъ еще тяжелѣе, еще темнѣй...

Когда онъ увидѣлъ эту любовь, этотъ подвигъ, чувство восторга и нѣмого благоговѣнія охватило его измученную душу. Онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ, цѣловать слѣды ея и рыдать, но боязнь смутить ее, нарушить ея душевный миръ, удержала его, и онъ тихо вышелъ изъ этого дома на опушкѣ лѣса, одиноко стоявшаго вдали отъ всякаго жилища. Онъ уносилъ въ себѣ вѣру, что въ молодыхъ сердцахъ тихимъ свѣтомъ горитъ любовь къ родинѣ... это была не его любовь, не любовь его юности, но всетаки искренняя и чистая любовь, и онъ уносилъ сознаніе, что нашелъ родину, къ которой столько лѣтъ напрасно рвался... Чувство глубокой радости и молитвеннаго настроенія переполняло его душу. Онъ шелъ впередъ, но силы оставляли его...

Онъ мечется въ горячечномъ бреду, смѣняемомъ рѣдкими проблесками сознанія... Онъ и теперь живетъ послѣдними впечатлѣніями, дѣйствительность сплетается съ фантазіей. Образъ дѣвушки, сгарающей любовью къ народу, дополняется тихимъ синеватымъ огонькомъ восковой свѣчки, колеблемымъ вѣтромъ во мракѣ.

— Свѣчечка Господня! шепчутъ его запекшіяся губы.

Онъ старается вглядѣться въ этотъ образъ, столь дорогой для него теперь, но видитъ передъ собою ту же лѣсную дорогу съ двумя рядами вдаль убѣгающихъ елей. Снѣгъ тихо падаетъ огромными хлопьями, осѣдая на вѣтвяхъ прямыхъ, стройныхъ деревьевъ... Удивительно тихо кругомъ. Но вотъ опять вспыхнулъ знакомый синеватый огонекъ.

— То новая свѣчка затеплилась! проносится въ его разгоряченномъ мозгу.

Онъ снова старается вглядѣться, но вотъ и еще огонекъ... Какъ много ихъ... Снѣгъ по прежнему падаетъ, дорога между елями вытягивается куда-то въ безконечную даль, становится все шире и какъ-то незамѣтно развертывается въ знакомую равнину съ ея соломенными крышами, поѣздами, скрипомъ обозовъ и звономъ цѣпей. Снѣгъ и снѣгъ... Какъ темно кругомъ, какъ холодно... Синіе огоньки мелькаютъ во всѣхъ направленіяхъ, вспыхиваютъ все новые и новые, едва мерцая сквозь мракъ и густую сѣтку падающихъ хлопьевъ... Вотъ цѣлая кучка огоньковъ, но какъ темно... Мерцающія искорки безсильны разогнать этотъ мракъ, точно придавившій равнину... Онъ чувствуетъ, что мракъ давитъ его самого, его голову, грудь... сердце сжимается отъ боли, готовое замереть... Онъ дѣлаетъ усиліе надъ собою... Опять эти синіе огоньки... Порывами вѣтра задуваетъ ихъ, падающіе хлопья снѣга гасятъ ихъ, заставляя свѣтильни шипѣть и трещать... Но они снова вспыхиваютъ, кажется, еще въ большемъ числѣ... Мракъ еще гуще, еще тяжелѣе... Онъ напряженно слѣдитъ за борьбой огоньковъ съ тьмою, ему они теперь такъ дороги, близки... Вотъ опять и опять порывъ вѣтра... Его охватываетъ тревога, онъ безпокойно мечется по подушкѣ... Какъ тяжело! какъ давитъ грудь, жжетъ голову!.. А мракъ все надвигается... Ему кажется уже что не будетъ и конца этой борьбѣ огоньковъ со снѣгомъ и съ тьмою... Больная мысль безсильно бьется надъ скорбнымъ вопросомъ:

— Да, полно, точно-ли Господу угодны эти такъ тихо мерцающіе огоньки?..

Онъ старается стряхнуть съ себя налегшую тяжесть, напряженно смотритъ впередъ... Онъ видитъ теперь всю раскинувшуюся передъ нимъ равнину,—и повсюду та же безсильная борьба огоньковъ съ свирѣпой непогодой...

— Нѣтъ, не имъ разогнать этотъ гнетущій мракъ... Здѣсь солнце нужно съ его могучимъ зноемъ и животворной силой!.. проносится въ его мозгу, но мысль его путается, силы слабѣютъ...

Вдругъ что-то блеснуло и ослѣпило его... Тьма быстро начала исчезать, огоньки померкли, не видно ихъ... Кругомъ свѣтло и ярко, повсюду шумъ и клики... Онъ вздрогнулъ и сердце замерло...

— Что это? радостно недоумѣваетъ онъ.—Да, это солнце всходитъ надъ пробуждающейся родиной, и вольныя птицы поютъ ему свои пѣсни!..

Но онъ не можетъ пошевелиться, ему кажется, что снѣгъ опять падаетъ на лицо ему, кругомъ опять мракъ.

Какъ холодно... Онъ потерялъ сознаніе...

С. Марусинъ.

Праведникъ и грѣшникъ.

(СКАЗАНІЕ).

Посвящаю моимъ школьнымъ товарищамъ.

Было время и жилъ въ горахъ великій учитель, мудрый Тиго.

Изъ далекихъ краевъ пришелъ сюда Тиго, изъ полдневной страны пришелъ онъ, гдѣ даны были людямъ великія книги откровеній, пришелъ и сталъ насаждать въ главахъ юныхъ небесную мудрость.

Люди приводили къ нему сыновъ своихъ и давали оленей, и шкуры звѣрей, и мясо, а Тиго училъ юношей тому, что было написано въ его святыхъ книгахъ.

Однажды, вмѣстѣ съ длинною тѣнью заходящаго солнца, приблизился къ порогу жилища Тиго человѣкъ Кхи и сказалъ:

— Воззри великій! Вотъ предъ тобою стоитъ рабъ твой негодный Кхи, и вотъ жена его Тьяньму и сынъ единственный Шикинъ.

Да ниспошлетъ Великое Небо мирную радость на доброе сердце твое и свѣтлыя мысли главѣ твоей!

Возьми себѣ, о мудрѣйшій изъ мудрыхъ, Шикина и научи его книгамъ, чтобъ онъ зналъ все.

— Да будетъ такъ,—отвѣтилъ учитель,—пусть помогутъ мнѣ добрые духи!

И послалъ Шикина въ сарай, гдѣ учились юноши, а самъ приступилъ къ жертвеннику, ибо было время воскурить вечернюю жертву богамъ.

И поѣхалъ Кхи домой. Ѣдутъ, а Тьяньму невесело, думаетъ и болитъ сердце ея.

— Ой, Кхи,—говоритъ она,—зачѣмъ ты отдалъ Шикина монаху... не хорошо тамъ.

А Кхи отвѣчалъ:

— Молчи, Тьяньму, не оскверняй себя хулой на святого.

И сталъ учить мудрый Тиго юношей великому ученію.

Онъ говорилъ, что въ мірѣ есть множество духовъ и что они боги, и въ ихъ власти судьбы вселенной. Этимъ духамъ нужно молиться, много молиться, принося обильныя жертвы, и тогда они будутъ милостивы къ людямъ и споспѣшествуютъ желаніямъ ихъ.

Говорилъ еще Тиго, что самые лучшіе люди на землѣ—это тѣ, съ устъ которыхъ не сходитъ молитва—и молился всегда мудрый Тиго.

А Шикину не хорошо было. Не открывалось сердце его для истинъ великаго ученія, и бѣгали тучки въ головѣ его, когда поучалъ мудрый Тиго.

Любо же было ему уходить въ темныя дебри лѣсовъ и взбираться на высокія горы.

И видѣлъ онъ тамъ: вотъ, высоко поднявшись къ лазурному небу, растетъ могучая сосна и маленькая-маленькая былинка рядомъ, около сѣраго камня,—и думалъ Шикинъ:

— Почему онѣ такъ растутъ, отчего?

Вотъ коза прыгаетъ со скалы на скалу, и орелъ виситъ подъ облакомъ—и не зналъ Шикинъ: зачѣмъ это такъ?

И видѣлъ онъ еще, какъ въ вершинахъ горъ, въ бурную ночь, воспылалъ кедръ, попаленный небеснымъ огнемъ, и какъ призрачный мостъ возсіялъ въ многоцвѣтныхъ огняхъ между тучъ.

И пришелъ Шикинъ къ мудрому Тиго, и спросилъ:

— Ты все знаешь, добрый наставникъ,—скажи мнѣ: зачѣмъ все это, почему это такъ?

И гнѣвомъ великимъ разгнѣвался Тиго, бросилъ въ юношу камнемъ и грозно сказалъ:

— Я училъ тебя молиться великимъ богамъ, а ты, недостойный, прельстился чарами демоновъ! Проклятье удѣлъ испытующихъ небо, будь проклятъ и ты!

Прокаженнымъ нѣтъ мѣста въ обители чистыхъ,—ступай, уйди отсюда, отверженный небомъ!

Сказалъ и склонился предъ жертвенникомъ мудрый учитель въ скорбной молитвѣ о безднѣ грѣховной.

И въ страхѣ бѣжалъ Шикинъ въ темныя дебри и бродилъ тамъ одинокій, роняя слезы на мягкій мохъ.

Шумитъ и тихо рокочетъ грустно-задумчивый лѣсъ—и не зналъ Шикинъ: о чемъ онъ шумитъ.

Игриво прыгаетъ по камешкамъ хрустальный ручеекъ и о чемъ-то ласково лепечетъ—и не понялъ Шикинъ: о чемъ говорилъ ручеекъ.

Радостной трелью звенитъ надъ поляной пѣсня маленькой сѣренькой птички и манитъ куда-то—и не видѣлъ Шикинъ: куда ему нужно итти.

И спросилъ онъ:

— Зачѣмъ Кхи отдалъ меня учителю, и за что мудрый Тиго проклялъ меня?

И никто ничего не отвѣтилъ Шикину.

— Я не знаю,—сказалъ онъ,—о чемъ ты говоришь, темный лѣсъ, и ты, свѣтлый ручеекъ, и ты, маленькая птичка,—объ этомъ ничего не написано въ книгахъ.

Грустно покачалъ головой темный лѣсъ и гнѣвно зашикалъ, сердито буркнулъ что-то и скрылся подъ камнемъ говорливый ручеекъ, печально примолкла на вѣткѣ звонкоголосая птичка.

Тогда досталъ Шикинъ изъ-за пояса ножикъ и крѣпко вонзилъ

его туда, гдѣ такъ больно ныло маленькое сердце — и не стало Шикина.

А юноши искали его, ибо всѣ любили Шикина и нашли его на мху около маленькаго ручейка, и склонились надъ нимъ и рыдая сказали:

— Зачѣмъ ты лежишь здѣсь на мягкомъ мху, зачѣмъ твоя горячая кровь течетъ въ холодный ручеекъ, бѣдный Шикинъ?

Ты уже больше не будешь думать о насъ, твое маленькое сердце уже не будетъ такъ сильно любить насъ, твои руки не обнимутъ насъ, добрый Шикинъ!

Спи мирно. Къ тебѣ не придетъ мудрый Тиго съ книгой поученій, а прилетятъ на зарѣ хоры птичекъ и нѣжной пѣсенкой будутъ баюкать тебя, славный Шикинъ!

Пошли юноши и, проливая слезы, повѣдали учителю горе свое.

И снова разгнѣвался Тиго и велѣлъ бросить тѣло Шикина въ сорную яму, ибо отъ злого духа погибъ онъ, и былъ скверенъ.

— А вы, -сказалъ юношамъ Тиго, -восхвалите добрыхъ боговъ, они являютъ вамъ новую милость, указуя судьбы нечестивыхъ.

И въ благодарственной молитвѣ воздѣлъ руки къ небу мудрый учитель.

А Кхи давно умеръ, и не знала Тьяньму, что спитъ въ землѣ отверженный небомъ грѣшникъ Шикинъ.

И травой заросла по веснѣ сиротка-могила въ лѣсу на полянѣ и люди, въ трудахъ каждодневныхъ, забыли Шикина, забылъ и великій учитель.

И было: люди приводили юношей къ мудрому Тиго, а онъ училъ ихъ великому ученію и много молился, принося обильныя жертвы богамъ, много молился Тиго и былъ праведный.

В. Анучинъ.

С.-Петербургъ.

Троевѣры.

Изъ жизни минусинскихъ инородцевъ.

Распространители и сѣятели православнаго христіанства на святой Руси до сихъ поръ въ глухихъ весяхъ нашего необъятнаго отечества находятъ еще слѣды двоевѣрія: христіанство со всей полнотой своихъ понятій не успѣло проникнуть во всѣ стороны народной жизни, а пережитки древняго до-Свято Владимірскаго язычества такъ слились съ народнымъ бытомъ, что всѣ усилія христіанскихъ вѣроучителей за тысячелѣтній періодъ русской исторіи не могли искоренить его слѣдовъ: и широкая масляница съ ея гомерическими пирами, и полная поэтическихъ преданій ночь на Ивана Купалу, и таинственныя чарующія святочныя гаданія съ ихъ несбыточными чаяніями продолжаютъ скрашивать будничную жизнь нашего народа наперекоръ строгому уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій [1]).

Я склоненъ думать, что, если заглянуть поглубже въ тайники души русскаго человѣка, то тамъ можно отыскать осадки не двухъ только религіозныхъ вѣрованій; да и вообще религія каждаго народа въ основѣ своей представляетъ сложную систему вѣрованій, сложив-

[1]) Уст. о пред. и прес. прест., ст. 28—35.

шуюся изъ различныхъ религій, нерѣдко чуждыхъ другъ другу по своимъ началамъ, но удивительно соотвѣтствовавшихъ въ свое время, въ эпоху своего господства, историческимъ условіямъ той или другой стадіи народной жизни.

Взять, напримѣръ, минусинскихъ инородцевъ, составляющихъ смѣсь тюрко-монгольскихъ племенъ. При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ ними бросается въ глаза, съ одной стороны, наивная ихъ вѣра въ религію Христа, а съ другой стороны, весь ихъ бытъ, ихъ жизненный строй проникнутъ чуждыми христіанству обрядностями; ихъ понятія и воззрѣнія проникнуты основами другихъ, нехристіанскихъ культовъ; на-ряду съ православными иконами чтятся и составляютъ предметы поклоненія символы фетишизма—тёс'и, сдѣланныя камами, т. е. шаманами; на-ряду съ православными священниками призываются и камы; православныя требы чередуются съ камланіями.

Всматриваясь ближе въ жизнь степняковъ, нетрудно замѣтить на-ряду съ христіанствомъ и идолопоклонствомъ шаманизма существованіе у нихъ третьяго культа: единому Богу, Худаю: Ему приносятся ежегодныя жертвы, Ему возносятся безмолвныя моленія.

Религіозныя понятія всѣхъ этихъ качинцевъ, сагайцевъ, койбаловъ далеки, конечно, отъ познанія догматовъ православія; эти народцы не знаютъ и обрядовъ православной церкви. Да и гдѣ имъ узнать все это? У кого имъ научиться и познать сложную систему христіанскихъ догматовъ и обрядовъ — результатъ многовѣковаго историческаго процесса, продуктъ дѣятельности глубокихъ умовъ и великихъ мыслителей? Разсѣянные на сотни верстъ по своимъ степямъ, минусинскіе инородцы лишены въ значительной степени возможности посѣщать свои рѣдкія приходскія церкви.

Но быстро мѣняются понятія вообще и въ частности религіозныя воззрѣнія этихъ кочевниковъ; на пространствѣ десятка-двухъ лѣтъ уже замѣтна рѣзкая разница въ ихъ обычаяхъ и домашнемъ обиходѣ, на которыхъ такъ чувствительно отражаются народныя религіозныя воззрѣнія.

Вотъ что писалъ лѣтъ двадцать тому назадъ о качинцахъ одинъ мѣстный наблюдатель [1]):

„Взрослые качинцы, кажется, всѣ считаются христіанами; только дѣти ихъ въ отдаленныхъ улусахъ иногда много лѣтъ остаются некрещеными; принявши крещеніе, качинцы попрежнему такъ же твердо вѣруютъ въ могущество шамановъ, какъ и до крещенія, и, вѣроятно, кромѣ крещенія, ни одного изъ св. таинствъ не знаютъ; даже къ бракосочетанію по христіанскому обряду они обращаются весьма рѣдко и послѣ него разводятся по своимъ обычаямъ, совершенно наравнѣ съ брачущимися безъ вѣнчанія. Въ томъ самомъ селѣ, гдѣ есть приходская церковь, женитьба по инородческимъ обычаямъ составляетъ самое обыкновенное явленіе. Нынѣшней зимой въ нашемъ селѣ по инородческимъ обычаямъ женился улусный писарь, братъ учителя, изъ семинаристовъ, православный. Невѣста православная, грамотная, хорошо говоритъ по-русски и изъ богатаго рода. Всѣ наши духовныя особы и я были на свадьбѣ. Здѣсь же одинъ самостоятельный домовладѣлецъ, крещеный, служившій три года головою, женатъ, по-инородчески, на двухъ женахъ и имѣетъ отъ обѣихъ нѣсколькихъ дѣтей, которые считаются и пишутся законными. По двѣ жены имѣютъ и еще нѣкоторыя крещеные качинцы, живущіе въ улусахъ; есть и такіе, которые имѣютъ по три жены; напримѣръ, въ юсской степи, качинской думы, одинъ шаманъ имѣетъ трехъ женъ. Православное духовенство уважается, какъ власть духовная, безпрекословно принимается во всѣхъ улусахъ и за молебны получаетъ вознагражденіе; но этими только формальными отношеніями къ духовенству и церкви и ограничивается духовная и обрядовая связь качинцевъ съ православіемъ.

Міромъ, по мнѣнію качинцевъ, управляетъ Кудай; онъ же и творецъ міра“.

Такъ было лѣтъ двадцать тому назадъ, теперь же въ предѣлахъ

---

[1]) Н. Поповъ: Повѣрья и нѣкоторые обычаи качинскихъ татаръ. Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ., т. XX.

всей Абаканской инородной управы, вѣдомству которой подчиненъ весь качинскій народъ, Кашларъ [1]), мнѣ удалось найти лишь одинъ случай двоеженства на Усть-Бидзѣ, Каратая; но всѣ инородцы на этотъ случай смотрятъ, какъ на исключительный; болѣе далекіе удивляются, если имъ разскажешь про этотъ случай. О томъ, что нѣкогда шаманы имѣли по три жены, сохранилось лишь въ преданіяхъ, да въ устныхъ разсказахъ стариковъ; моногамія нынѣ составляетъ обычно-правовое воззрѣніе минусинскихъ инородцевъ; былой авторитетъ шамановъ палъ; сильныхъ и могущественныхъ шамановъ теперь не стало: они перевелись; житье шамановъ самое несчастное, и имъ трудно найти себѣ даже одну жену, а не то что трехъ. „Шаманы самый несчастный народъ“ —говорилъ мнѣ Алексѣй-Василій-Тодокъ Котюшовъ, Бѣлоюсскаго рода.

„Встарину шаманщикамъ хорошо жилось—говорилъ мнѣ въ другой разъ тотъ же Котюшевъ:—они были сильны, а нынѣшніе шаманы слабы, и имъ не вѣрятъ. Теперь и замужъ за шамановъ идутъ неохотно, потому что тяжело житье шаманщика; чуть что не такъ сдѣлаетъ, такъ его и начинаетъ самого трясти; а прежде они имѣли по три —по четыре жены, жившихъ въ отдѣльныхъ юртахъ каждая“.

Но это было и быльемъ поросло, а теперь, какъ уже я сказалъ, во всей качинской и юсской степи одинъ случай двоеженства, да и то потому, что первая жена совсѣмъ старуха, и Каратой не имѣлъ отъ нея дѣтей. Нужда и заставила взять другую, молодую, отъ которой пошли дѣти; и обѣ жены живутъ дружно и не въ отдѣльныхъ юртахъ, а въ одномъ домѣ.

Правда, большое число браковъ между минусинскими инородцами совершается безъ церковнаго освященія; но это объясняется,

---

[1]) По мнѣнію Н. Ѳ. Катанова: Кашларъ. Письма изъ Сиб. и Вост. Турк., стр. 111. Но мнѣ кажется, что мнѣніе Кострена также вѣрно, потому что и нынѣ на вопросъ: «Какого сеок'у?» можно услышать отъ качинца отвѣтъ: «Кашкаларъ», «Брутларъ», «Кыргызларъ» множ. число отъ Каска, Брутъ и т. д.

между прочимъ, и тѣмъ формализмомъ и той дороговизной, съ которыми сопряжено у насъ бракосочетаніе и которыя совершенно недоступны кочевнику.

На глазахъ падаетъ обычай куромча, т. е. бракъ чрезъ умыканіе невѣсты; арча, бракъ по согласію, вытѣсняетъ совершенно прежнія дикія похищенія, оканчивавшіяся нерѣдко кровавыми схватками и смертью.

На-дняхъ Мурка Тобровъ похитилъ ночью дѣвицу Пелагею Тоторову, дочь Константина Тоторова, живущаго въ Челбакахъ; увезъ ее въ улусъ Саргу, гдѣ дѣвушки и женщины уговаривали Пелагею пойти замужъ за Мурку; она отказалась; ее увезли въ улусъ Сайгачи, гдѣ ее настигъ отецъ и спросилъ: „желаешь ли идти добровольно замужъ за Мурку?“

— Нѣтъ, не желаю — отвѣтила дѣвушка.

Отецъ увезъ ее домой, и никто не противился этому. Но Константинъ Тоторовъ не ограничился тѣмъ, что взялъ дочь; онъ подалъ мировому судьѣ жалобу, что его дочь была похищена, ограблена и изнасилована Муркой Тобровымъ. Жалоба однако не подтвердилась во всѣхъ частяхъ, и дѣло было передано инородческимъ установленіямъ, ихъ обычно-правовому суду.

Какъ мало въ приведенномъ эпизодѣ былой степной непосредственности! Развѣ въ былыя времена отдали бы, возвратили бы похищенную дѣвушку добровольно безъ смертнаго богатырскаго боя? Да развѣ въ былое время рѣшилась бы какая-либо сторона обратиться за защитой къ правительственной власти?

Здѣсь уже выразилась христіанская идея брака, какъ свободнаго союза между мужчиной и женщиной, союза, основаннаго на соглашеніи, а не на принужденіи.

3 ноября 1901 года въ улусѣ Котюшевскомъ на Бѣломъ Юсѣ умерла Матрена Котюшева 45 лѣтъ; для погребенія ея по христіанскому обряду обратились къ Усть-Фыркальскому священнику; за нимъ прислали лошадь въ улусъ Коковъ, гдѣ онъ былъ у инородца Семена Кокова, сынъ котораго за неосторожное убійство

былъ подвергнутъ церковному покаянію. Священникъ отказался хоронить Матрену Котюшеву, требуя увѣдомленія родового старосты о неимѣніи препятствій къ ея погребенію. Пригласили родового старосту; тогда былъ родовымъ старостой Бѣлоюсскаго рода Иванъ Андреевичъ Коковъ; онъ удостовѣрилъ лично, что нѣтъ препятствій къ погребенію Матрены Котюшевой по христіанскому обряду; но священникъ уѣхалъ, отказавшись совершить чинъ погребенія. Ждали Котюшевцы священника, ждали и не дождались. Матрена Котюшева была женщина бѣдная, безъ средствъ. Ее и похоронили инородцы такъ, какъ умѣли. Послѣ этого отъ 6 ноября за № 123 родовой староста получилъ отъ Усть-Фыркальскаго причта бумагу, въ которой изложено, что причтъ Усть-Фыркальской Никольской церкви приглашенъ на погребеніе скоропостижно умершей Матрены Котюшевой, что онъ, староста, былъ приглашенъ въ домъ Семена Кокова для удостовѣренія, что нѣтъ препятствій для погребенія по христіанскому обряду, но что такое удостовѣреніе до сего времени не получено. „А потому просимъ васъ дать знать, что сдѣлано съ тѣломъ скоропостижно-умершей и почему инородецъ Котюшевъ не явился къ причту“.

Бумажка эта вызвана нечѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что родные Матрены Котюшевой обѣщали подать, куда слѣдуетъ, жалобу на отказъ священника отпѣть Котюшеву, выразившую желаніе передъ смертію быть погребенной непремѣнно священникомъ по православному обряду; и за такое свое желаніе она поплатилась тѣмъ, что послѣ погребенія православный священникъ возбудилъ о ней переписку, признавъ ее неизвѣстно на какомъ основаніи скоропостижно-умершей. Поистинѣ: и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

Мнѣ разсказывали, что на Бѣломъ Юсѣ около Аспада есть гора Йзыкъ; на ней совершали ранѣе инородческія моленія, приносили жертвы. Гора высокая, мѣсто чистое, скотъ не ходитъ тамъ. Лѣтъ 10 12 тому назадъ инородецъ Алексѣй Топановъ, ходившій по святымъ мѣстамъ, построилъ на этой горѣ часовню, поставилъ въ

ней иконы. И инородцы ходятъ туда молиться, но своихъ моленій и жертвоприношеній по древнимъ обычаямъ уже не совершаютъ.

Мнѣ передавали, что и священники не знаютъ объ этой часовнѣ; она въ 70 верстахъ отъ Коковскихъ улусовъ. Мнѣ не удалось побывать тамъ.

Неудивительно, что въ юртахъ качинцевъ или сагайцевъ можно услышать сѣтованія на то, что народъ забылъ нынѣ старую вѣру. Новой вѣрой считается православіе; представители этой религіи — священники; это государственная религія; ея начала и обряды еще не одержали полной побѣды надъ древними вѣрованіями, ими еще совершенно не проникнутъ строй народной жизни минусинскихъ степняковъ; она еще не стала народной вѣрой, еще не „наша вѣра" „старинная". Однако на глазахъ и „наша вѣра", „старинная вѣра" утрачивается минусинскими инородцами, вмѣстѣ съ древними бытовыми чертами. Строй жизни болѣе богатыхъ уже налаживается на строй богатаго мужичка-крестьянина или торгаша-мѣщанина; юрта замѣняется совершенно избой или домомъ; а въ избѣ или домѣ т ӧ с'ъ [1]) не можетъ жить: „ему угарно", какъ объяснила мнѣ старая Офрои Бочугурова на Усть-Бидзѣ; т ӧ с'ъ любитъ вольный воздухъ юрты: „въ избѣ его душитъ". Первоначальное появленіе избъ среди инородцевъ, по словамъ стариковъ, сопровождалось сильными угарами и частыми смертными случаями отъ угара; происходило это отъ неумѣнія степныхъ хозяевъ обращаться съ печами: преждевременно скутывали трубы. Многіе на первыхъ порахъ побросали построенныя избы изъ страха передъ страшнымъ Айной, передъ разными темными злыми силами, которымъ не нравилось, что инородцы оставили юрты, гдѣ такъ уютно разнымъ т ӧ с'я м ъ, гдѣ каждый т ӧ с'ъ знаетъ свое мѣсто. Каждая стѣна юрты предназначена для опредѣленнаго тӧс'я; власть и могущество каждаго изъ нихъ точно опредѣлены; даже наружныя стѣны юрты находятся во власти того или

[1]) Тӧс'ъ—фетишъ шаманизма; значеніе его выяснится въ дальнѣйшемъ изложеніи.

другого опредѣленнаго tӧс'я. Могли ли они, эти могущественные tӧс'и, эти избавители отъ разныхъ болѣзней и несчастій, стерпѣть, что инородцы оставляютъ юрты, въ которыхъ кочевали много вѣковъ. Степная религія, степная нравственность и степной бытъ находятся въ такой зависимости одинъ отъ другого, что измѣненіе въ одномъ изъ нихъ влечетъ неминуемо измѣненіе въ другихъ. Нынѣ именно бытъ инородцевъ подъ вліяніемъ экономическихъ, рѣзко измѣнившихся, условій, претерпѣваетъ ломку и ломку рѣзкую; это сразу отражается и на его нравственности, и на его міровоззрѣніи въ области религіи.

Ранѣе и въ избахъ ставили камины, чувалы; ихъ много въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и теперь. Чувалъ прелестно вентилируетъ избу; но уменьшеніе топлива побуждаетъ замѣнять полезный и здоровый чувалъ нездоровой и вредной во всѣхъ отношеніяхъ желѣзной печкой. Натуральное хозяйство замѣняется денежнымъ; скотъ и лошади имѣютъ уже торгово-промышленное значеніе; мясная пища вытѣсняется злаками; удалой загонъ табуна замѣняется кражей по нуждѣ; прямая честность, необходимое условіе безопасности въ степяхъ, замѣняется мошенничествомъ. И сѣтуютъ старые инородцы: „теперь инородецъ сталъ тотъ же русскій; какъ русскій, онъ сталъ плохо держать свое слово“. Если русскій совершаетъ неблаговидный поступокъ, то инородецъ только рукой махнетъ: „казахъ и есть казахъ“, т. е. русскій и есть русскій; онъ не можетъ безъ того, чтобы не сдѣлать такъ дурно; это ему присуще. Инородецъ другое дѣло; онъ честенъ по природѣ, и все дурное заимствуется имъ у „казаха“. Бѣдные вездѣ составляютъ главную массу населенія; они всегда болѣе сохраняютъ черты древняго быта и древнихъ вѣрованій; и среди бѣдныхъ несчастныхъ минусинскихъ степняковъ скорѣе всего услышишь жалобы на потерю народомъ древней вѣры и нравственности.

И въ самомъ дѣлѣ, христіанство является религіей новой исторіи народовъ; это—религія высокой человѣческой культуры, откровенная религія, а не естественная, путемъ эволюціоннымъ выработавшаяся вмѣстѣ съ эволюціей видовъ. Она могла появиться только тогда, когда у разумнаго человѣка явилась твердая вѣра въ

вѣчную жизнь, въ торжество жизни надъ смертью, въ торжество творческаго созидательнаго начала надъ мертвой природой, когда человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ понялъ, что міромъ правитъ не злая и злобная воля мрачныхъ демоновъ, или айны, шайтана или Эрлика-Хана, вѣчныхъ враговъ благополучнаго житія человѣка на землѣ, а мудрая воля Всеблагаго, Всемогущаго Единаго Творца неба и земли. Тогда человѣкъ вздохнулъ свободно и почувствовалъ себя вольнымъ казакомъ, независимымъ отъ окружавшей его стройной и сплоченной арміи шайтановъ, населившихъ горы, лѣса, степи, водяные источники и самый воздухъ, готовыхъ всегда на всякомъ мѣстѣ въ видѣ грозныхъ разрушительныхъ явленій природы, въ видѣ мора людей и скота или въ видѣ страшныхъ таинственныхъ болѣзней вредить слабому, безпомощному кочевнику-степняку, мирному и кроткому скотоводу.

Вѣра во Христа несетъ за собою побѣду человѣка надъ всѣми этими темными силами; основанная на преданіи и писаніи, она несетъ за собою просвѣщеніе.

Неудивительно, что уже и теперь минусинскіе инородцы удивляются тому, что въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ недавно на памяти у всѣхъ являлись грозные облики шайтановъ и безцеремонно расправлялись по своему съ запоздалыми путниками, то отнимая у сонныхъ или пьяныхъ лошадей, то сбивая ихъ съ дороги и замораживая гдѣ-нибудь въ сторонѣ, — уже никто не встрѣчаетъ ничего страшнаго и опаснаго. Молодежь диву дается, куда это дѣвались шайтаны съ насиженныхъ мѣстъ, гдѣ такъ морочили живыхъ еще стариковъ, и старики сами тому же дивятся... На нашихъ глазахъ минусинскіе инородцы утратили качество совершенно некультурныхъ народовъ, или точнѣе качество людей первобытной культуры видѣть во всѣхъ грозныхъ явленіяхъ природы месть злыхъ духовъ; они уже утратили страхъ первобытнаго человѣка передъ всей мертвой природой; они уже утратили способность видѣть въ каждомъ неодухотворенномъ предметѣ таинственнаго фетиша, могущаго во всякое время

причинить зло или несчастіе бѣдному и слабому человѣку, игрушкѣ стихійныхъ силъ природы.

Они, минусинскіе инородцы, пріобрѣтаютъ иные методы мышленія, объективные, основанные не на одномъ лишь чувствѣ страха передъ смертью; имъ уже становится присущъ анализъ при оцѣнкѣ явленій природы, именно тотъ методъ мышленія, который выраженъ апостоломъ въ афоризмѣ: „испытуйте писаніе".

Надо, однако, сознаться, минусинскій инородецъ сильно сросся съ дресвяной почвой своихъ степей, съ тополевыми зелеными островами Енисея, съ пепельными сухими горами, поросшими по одному склону то рѣдкимъ карагасомъ, то рѣдкой березой; онъ сросся съ таинственными ключиками, оживляющими своими зелеными берегами выгорѣвшую отъ знойныхъ солнечныхъ лучей степь, незамѣтно родящихся у подножія горъ и также незамѣтно исчезающихъ посрединѣ безводной степи; онъ передалъ имъ часть своей трепетной души; они въ его воображеніи еще и нынѣ живутъ; онъ чувствуетъ житіе этихъ степей, горъ, ключиковъ. Это не мертвая природа; это или благодѣтельная и благотворная сила, или мрачная, злая и мстительная; то они сами, ключики и горы, отожествляются съ сильными духами, то они являются лишь жилищами иныхъ существъ, могущественныхъ и грозныхъ, готовыхъ во всякое время ни за что обидѣть слабаго и безпомощнаго сына степей, кроткаго скотовода; и только властный и ловкій Камъ въ состояніи или предотвратить злые ковы ихъ, или умилостивить ихъ просьбами, или устрашить ихъ своими угрозами, или побѣдить мощью еще болѣе сильныхъ подвластныхъ и покорныхъ ему шайтановъ.

Пала былая духовная мощь кама, но она еще и нынѣ чувствуется во всемъ обиходѣ кочевника: еще фетиши—тӧс'и, созданные фантазіей Кама, сдѣланные его руками, не покинули юртъ; они еще внушаютъ къ себѣ трепетный ужасъ, подобно ключикамъ, гдѣ гибнетъ часто скотъ, подобно поражающимъ воображеніе горамъ, среди которыхъ каждое эхо вызываетъ представленіе о грозномъ хозяинѣ горы.

Камы, шаманы, по глубокому убѣжденію минусинскихъ инородцевъ, не дѣлаются, не пріобрѣтаютъ необходимыхъ для служителя и повелителя духовъ силъ природы и свойствъ исключительно чрезъ обученіе и воспитаніе; такія свойства—природныя дарованія извѣстныхъ людей, обреченныхъ быть камами: non fiunt, sed nascuntur. Такова черта естественной религіи: сами таинственныя силы выбираютъ себѣ служителей, которые могутъ и должны быть съ ними въ общеніи; и камы такъ сживаются съ сонмомъ своего Олимпа, что являются участниками всѣхъ его событій, имѣя съ нимъ общеніе не только духовное, но и физическое.

И нынѣшніе камы, будучи убѣжденными православными христіанами, не могутъ въ то же время оставить шаманизма, не въ силахъ порвать связи со своими вѣрованіями. Камъ обладаетъ нѣжной и тонкой психической организаціей; міръ его представленій совершенно не похожъ на міръ представленій обыкновенныхъ людей. Нынѣ камъ является мученикомъ своихъ воззрѣній; иной любитъ Христа истинною любовью, проникнутъ страстной вѣрой въ Него; но онъ также проникнутъ страстной непоколебимой вѣрой въ свое назначеніе, въ свою судьбу быть служителемъ темной силы. Вотъ гдѣ трагизмъ положенія; едва ли описуемы страданія такого кама; онъ и самъ не знаетъ, какъ ему искупить свою вину передъ Христомъ за свое идолослуженіе или вѣрнѣе шайтанослуженіе; онъ жертва предопредѣленія, но не убѣжденія; ему на роду написано быть камомъ. Само собой разумѣется, наслѣдственность здѣсь играетъ большую роль. Напр., фамилія Капчегашевыхъ, сеок'а Сокхы, Кубановъ тоже, на Бѣломъ Юсѣ по своей тонкой организаціи склонна выдѣлять изъ своей среды камовъ; въ томъ убѣждены инородцы; такъ оно на самомъ дѣлѣ; мой знакомый шаманъ на Бѣломъ-Юсѣ изъ фамиліи Капчегашевыхъ, сеок'а Сокхы, Кубановъ тоже; умершая лѣтъ 6 тому назадъ шаманка Пахта также изъ фамиліи Капчегашевыхъ; она похоронена на горѣ Оспа̀; тамъ же виситъ на склонѣ горы на лиственницѣ ея шаманскій костюмъ. Въ прошломъ году при посѣщеніи Оспа̀ я къ ужасу инородцевъ взялъ

Орба, принадлежавшую Пахтѣ. Орба для юсскихъ шамановъ замѣняетъ бубенъ; эта Орба находится въ Минусинскомъ музеѣ.

Въ улусѣ Толчея мнѣ передавали разсказъ, какъ одинъ инородецъ сдѣлался шаманомъ. Вмѣстѣ со сверстникомъ еще ребенкомъ онъ игралъ въ степи около табуна лошадей. Пустивши стрѣлу изъ дѣтскаго лучка, онъ угодилъ ею въ Щыха, освященную лошадь, фетиша, хранителя табуна. Въ тотъ же мигъ мальчика затрясло; онъ упалъ на землю; испуганныя ребятишки убѣжали въ улусъ. Пока не собрался народъ, пока не явился шаманъ, мальчикъ лежалъ въ степи; его душилъ шайтанъ.

Камъ совершилъ надъ нимъ камланіе и прогналъ духа, возмущеннаго святотатственнымъ посягательствомъ на его Щыха. Мальчикъ всталъ съ земли здравъ и невредимъ; но послѣ этого событія онъ сталъ задумываться, чуждаться товарищей, людей, началъ одиноко и таинственно бродить въ горахъ, однимъ словомъ, онъ сталъ знаться съ шайтанами; впослѣдствіи онъ сдѣлался шаманомъ.

По разсказу отца Василія Суховскаго, Тинниковъ сдѣлался шаманомъ послѣ тяжкой болѣзни. „Около 10 лѣтъ тому назадъ [1]) онъ, Тинниковъ, заболѣлъ неизвѣстной болѣзнью и хворалъ болѣе полугода очень серьезно Во время болѣзни Тинниковъ лишился одного глаза, который закрылся навѣки. Въ то время Тинникову было 30 лѣтъ отъ роду, и онъ, какъ живущій среди обрусѣвшихъ инородцевъ, былъ вполнѣ христіаниномъ: ходилъ на молитву въ храмъ Божій, говѣлъ, хотя и не каждогодно. Постигшая его жестокая болѣзнь заставила обратиться къ помощи шамана, который послѣ различныхъ обрядовъ надъ нимъ объявилъ ему категорически, что ему надо сдѣлаться шаманомъ; въ противномъ случаѣ болѣзнь сведетъ его въ могилу. Чрезъ два мѣсяца послѣ приговора ша-

---

[1]) О шаманствѣ въ Минусинскомъ уѣздѣ. Докладъ въ Общ. арх., ист. и этногр. при Императорскомъ Казанскомъ унив. Томъ XVII изв. общ-ва. Я цитирую по перепечаткѣ въ Сибирской Жизни 1902 г. № 184.

мана болѣзнь Тинникова прошла, и онъ сдѣлался шаманомъ". „Въ настоящее время Тинниковъ уже старикъ, и готовъ бы былъ оставить свое ремесло, но шайтаны, т. е. злые духи, не даютъ ему покоя и заставляютъ его продѣлывать шаманскіе фокусы; въ противномъ случаѣ они его задушатъ".

На вопросъ от. Василія Суховскаго, „видѣлъ ли онъ Айну, т. е. злого духа, шайтана, Тинниковъ безъ смущенія отвѣтилъ: видалъ не одинъ разъ. Злые духи, по его словамъ, какъ л ѣ с ъ к р а с н ы й, т. е. на подобіе еловыхъ и пихтовыхъ деревьевъ, стоятъ другъ къ другу такъ близко, какъ пальцы на рукахъ, бороды у нихъ длинныя-предлинныя, когти у нихъ загнутые, какъ у хищныхъ птицъ, роста они высочайшаго, глаза у нихъ на выкатъ, огненнаго цвѣта, зубы черные, какъ смола, иные косматые, иные голые, одни съ длинными хвостами, а иные круглые, однимъ словомъ —черти. При видѣ этихъ чудовищъ Тинниковъ пришелъ въ ужасъ и лишился чувствъ. По мѣрѣ частаго сообщенія съ этими чертями, онъ до того привыкъ къ нимъ, что теперь обращается съ ними за панибрата, и они во время шаманства слушаются его".

То же самое скажетъ про себя каждый шаманъ.

Хотя наслѣдственность, наклонность или предопредѣленіе имѣютъ огромное значеніе при выборѣ камомъ своей профессіи, но, чтобы познать „красный лѣсъ" шайтановъ, чтобы постигнуть свойства каждаго изъ нихъ,—безъ науки обойтись нельзя; да и самыя камланія—обряды и заклинанія—могутъ быть усвоены только упорнымъ изученіемъ; обыкновенно, старый шаманъ подготовляетъ себѣ преемника. Но теперь старые шаманы одинъ за другимъ сходятъ съ земного поприща, а преемниковъ имъ не находится, потому что незавидно стало житье кама.

И мало-по-малу блѣднѣютъ образы злыхъ духовъ, властителей воображенія минусинскихъ кочевниковъ: шаманизмъ держится преданіемъ, а не писаніемъ; преданіе же ненадежный хранитель народныхъ вѣрованій.

По собраннымъ Н. Ѳ. Катановымъ свѣдѣніямъ [1]), у качинскихъ шамановъ о духахъ говорится слѣдующее:

1) Благословеніе огня. Огонь называется матерью, имѣющею 30 зубовъ, и караульщикомъ дома днемъ и ночью. Въ честь духа огня закалывается обыкновенно бѣлый холощеный баранъ съ черными щеками. У духа огня 50 косичекъ, спускающихся на спину, шею и плечи. Этотъ духъ охраняетъ хозяина дома спереди и сзади, днемъ и ночью. Въ связи съ огнемъ находятся и Плеяды, такъ какъ у нихъ и огня—одинъ покровитель.

2) Благословеніе воды. У духа воды постелью служитъ красное сукно, шапкою синее сукно. Онъ подаетъ помощь „чернымъ головамъ" (кара-пасъ), т. е. людямъ, и покровительствуетъ пасомымъ (кадарзанъ), т. е. домашнимъ животнымъ.

3) Благословеніе медвѣдя. Духъ, покровительствующій медвѣдямъ, украшается чернымъ желѣзомъ, отдыхаетъ на черныхъ шкурахъ, охраняетъ дверные пороги и ѣстъ черную черемуху.

4) Благословеніе птицъ. Духъ, покровительствующій птицамъ, ѣздитъ на черномъ, какъ воронъ, конѣ, питается черными тетеревами. Конь его ѣстъ траву на горѣ „Субур" и пьетъ изъ молочнаго озера.

5) Благословеніе растеній. Духъ, покровительствующій растеніямъ, живетъ въ Китайской землѣ, куритъ красный табакъ и ѣздитъ верхомъ на бѣло-голубомъ конѣ, спина котораго подобна змѣѣ. Трубка и стремена духа растеній—изъ желтой мѣди; кайма его платья—изъ черной парчи; обмахивается онъ черною бязью.

6) Благословеніе горъ. Жертвою горному духу служитъ паръ, исходящій изъ морей и лѣсовъ. Горы этого духа покрыты таволожникомъ и ягодами. Ѣздитъ онъ на бурыхъ коняхъ, гривы и хвосты которыхъ обхватываютъ всю землю. Кнутъ его черная выдра, подхвостникъ его лошади—сѣрая выдра. Украшается онъ самъ чернымъ сукномъ, лежитъ на отвѣсной скалѣ, одѣвается чернымъ

---

[1]) Письма Н. Ѳ. Катанова изъ Сиб. и Вост. Турк., Спб. 1893, стр. 91.

бархатомъ, носитъ шапку изъ чернаго камчатскаго бобра и отдыхаетъ въ тѣни березы, имѣющей золотые листья.

7) Благословеніе духа, покровителя голубыхъ коней. Ѣздитъ онъ верхомъ на голубомъ жеребенкѣ. Почитаніе этого духа заимствовано, какъ говорится въ молитвѣ, у ойратовъ и киргизовъ. Покровитель голубыхъ коней живетъ на бѣломъ хребтѣ въ верховьяхъ Абакана, отдыхаетъ въ тѣни березы, имѣющей золотые листья, подножіемъ его служатъ бѣлыя облака. Отецъ его святой Аркай и мать святое небо (Тегиръ).

8) Благословеніе духа, покровителя телеутовъ. Почитаніе этого духа, какъ видно изъ молитвы, заимствовано изъ Кузнецка. Этотъ духъ ѣздитъ верхомъ на голубо-сивомъ конѣ; трость его изъ сѣраго тальника, растущаго на пескѣ; пища его — мерзлое масло и чистая каша".

По словамъ Тинникова, на котораго ссылается отецъ Вас. Суховскій, главные духи слѣдующіе[1]):

1) „Китайскій духъ носитъ названіе Кыирга̀нъ; подъ нимъ конь гнѣдой, узда съ шелковымъ краснымъ чембуромъ, въ рукѣ сабля, шапку носитъ всегда соболью, одежда его изъ краснаго сукна, онъ ходитъ, т. е. ѣздитъ на конѣ по облакамъ, какъ по землѣ. Этотъ духъ подаетъ здоровье людямъ и скоту.

2) Монгольскій духъ Карамо̀лъ; онъ ѣздитъ на каремъ конѣ, узда съ чернымъ шелковымъ чембуромъ, носитъ одежду чернаго атласа, шапку изъ камчатскаго бобра, въ синихъ сафьянныхъ сапогахъ, въ такихъ же перчаткахъ; онъ посылаетъ здоровье овцамъ и рогатому скоту.

3) Чойетскій духъ носитъ названіе Сара̀хъ-Чибѐкъ; ѣздитъ на бѣло-саврасомъ конѣ, узда съ желтымъ шелковымъ чембуромъ, въ желтой одеждѣ изъ плиса, въ красной шапкѣ, въ

---

[1]) Тотъ же докладъ отца Василія Суховскаго. Необходимо имѣть въ виду, что свѣдѣнія, сообщаемыя от. Суховскимъ, касаются сагайскихъ инородцевъ, т. е. Аскизской инородной управы.

желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ; онъ очень милостивъ и помогаетъ женщинамъ въ родахъ.

4) Духъ Тазылганъ живетъ въ горахъ Амыльской тайги; гора, гдѣ онъ живетъ, имѣетъ видъ семи гребней; одинъ изъ гребней отбитъ громомъ, и во время этой катастрофы Тазылганъ до того испугался, что хотѣлъ перекочевать въ другія страны, но по сіе время живетъ тамъ, жалѣя бросить излюбленное мѣсто, хотя ежеминутно опасается повторенія катастрофы. Тазылганъ ѣздитъ на буро-сивогривомъ конѣ, чембуръ изъ черныхъ шелковыхъ нитокъ; шапка, сапоги, перчатки и одежда черные. Этотъ духъ, хотя и боязливъ, но очень милостивъ; онъ помогаетъ отъ ревматизма, отъ давленія подъ ложечкой и въ глазныхъ болѣзняхъ.

5) Кугурткан помогаетъ на западномъ берегу океана: онъ является къ услугамъ шамана только въ экстренныхъ случаяхъ; онъ ходитъ по воздуху, а когда идетъ по землѣ, то земля дрожитъ, воетъ вѣтеръ, сверкаетъ молнія, онъ ходитъ, какъ вихрь: во время его ходьбы, по выраженію Тиншикова, бѣла свѣта не видно: онъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ, чембуръ изъ бѣлыхъ серебряныхъ нитокъ, въ бѣлой шелковой шапкѣ, въ бѣлыхъ сафьянныхъ сапогахъ и такихъ же перчаткахъ: одежда на немъ изъ чистаго серебра; онъ разговариваетъ на 17 языкахъ; онъ царь надъ всѣми духами".

Само собой разумѣется, это только крайнія деревья краснаго лѣса черной силы, общеніе съ которой составляетъ культъ шаманизма. Культъ этотъ не ограничивается однако почитаніемъ духовъ: священными и чудодѣйственными предметами его являются многочисленные тӧс'и [1]). Тӧс'и—это фетиши. Въ культѣ минусинскихъ инородцевъ тӧс'и представляются или вещественными предметами, въ которыхъ воплотились духи, или символами духовъ, или же предметами, чрезъ которые духи обнаруживаютъ свою силу и мощь.

---

[1]) Д. Клеменцъ: Замѣтки о тюсяхъ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. об., т. XXIII, №№ 4 и 5, 1892.—Е. К. Яковлевъ: Этногр. обз. инор. нас. долины Южнаго Енисея 1900, стр. 108. Образцы тӧс'ей собраны въ Минусинскомъ музеѣ.

Міръ духовъ находится въ постоянномъ общеніи съ міромъ людей; духи обладаютъ всѣми качествами, свойственными людямъ; и нѣкоторые люди, обладающіе извѣстными качествами въ высшей степени, доступной лишь духу, а не слабому человѣку, обращаются при жизни въ тӧс'и. Каждый тӧс'ъ имѣетъ свою легенду; это герои культа черной вѣры; они раздѣляются на большихъ и малыхъ. „Для каждаго изъ такихъ идоловъ—говоритъ Е. Яковлевъ—детально установлены: случаи ставленія, порядокъ чествованія, время обращенія къ идолу и мѣсто, которое занимаетъ идолъ. Часть идоловъ, имѣющихъ болѣе общее значеніе—покровителей вообще, покровителей скота—ставится снаружи юрты, на огорожѣ скотскихъ загоновъ, наконецъ, на степи или пастбищѣ; таковы идолы: кус тӧс, тилег тӧс, ильгерка тӧс, чалмул изык и др. Другая часть идоловъ, имѣющая отношеніе скорѣе къ благополучію внутреннихъ обитателей юрты, помѣщается внутри ноя, на строго указанныхъ мѣстахъ; третьи прячутся въ абра, сундуки и вынимаются при случаѣ. Ухаживаетъ за каждымъ изъ божковъ въ точно установленное время мужчина и женщина, кланяясь идолу, бренча нѣкоторымъ идоламъ металлическими вещами, поливая ихъ или брызгая на нихъ молокомъ и масломъ. Часть идоловъ составляетъ родовую принадлежность и сопутствуетъ ставленію изыка опредѣленной масти, часть опредѣляется шаманами. Форма идоловъ —или миніатюрная модель конкретныхъ предметовъ: связка калачиковъ, рубаха, изображеніе человѣка, или система тряпицъ различнаго цвѣта и клочковъ шкуры того или иного звѣря, или птичьихъ перьевъ, привязываемыхъ къ березовой тычинкѣ или развилкѣ“ [1]). Напримѣръ, Тюръ-тӧс'ъ представляетъ собою деревянное кольцо изъ связаннаго въ концахъ прутика, да и самое слово тюр означаетъ кругъ, кольцо. Тюръ-тӧс'ъ ставится въ мужскомъ углу юрты, куда женщины не ходятъ.

---

[1]) Е. Яковлевъ. Этнограф. обз. инор. нас. долины Южнаго Енисея, стр. 109. Коллекція тӧс'ей имѣется въ Минусинскомъ музеѣ; въ книгѣ Яковлева она подробно описана.

Легенда объ этомъ тöс'ѣ слѣдующая: нѣкогда жилъ-былъ старикъ со своей семьей; жилъ онъ много-много лѣтъ, а умереть не могъ. Надоѣло семьѣ ожидать его смерти; семья его бросила и перекочевала на другое мѣсто.

— Что теперь дѣлать? Надо сдѣлаться тöс'емъ,—сказалъ старикъ.

Онъ сдѣлался тöс'емъ.

Послѣ этого у его семьи началъ пропадать скотъ. Обратились къ шаману. Шаманъ разъяснилъ причину гибели скота, именно дѣйствіе старика, обратившагося въ тöс'я. Шаманъ велѣлъ ставить ему изыха. Поставили изых'а, положили изыху на спину тöс'ь-тюръ, и скотъ пересталъ валиться.

Легенду эту разсказалъ мнѣ Константинъ-Кота Ефимовъ Тоторовъ Бирскаго рода. Онъ перевелся изъ Тинскаго рода и не знаетъ, какого онъ сеöк'а. Но я полагаю, что онъ сеöк'а Азах-Чистыхъ, потому что изыхъ его сивый. Къ большимъ тöс'ямъ принадлежитъ Усъ-тюнъ-сарха тöс'ъ, изображаемый въ видѣ женщины. Это также мужской тöс'ъ, помѣщается онъ съ правой при выходѣ стороны юрты, т. е. въ южной части. Легенда о немъ: въ старину жила лукавая-лукавая женщина; она не умерла, а при жизни сдѣлалась тöс'емъ. Она ѣздила на голубой кобылѣ. Усъ-тюн-сарха родовой тöс'ъ сеöк'а Сокхы; изыхъ этого сеöк'а голубой, но не чисто голубой, а изкрасна голубой, спина, хвостъ и грива черные, преимущественно кобыла.

Свѣдѣнія эти сообщилъ мнѣ Иванъ Андреевичъ Коковъ, бывшій родовой староста Бѣльюскаго рода, большой знатокъ вѣрованій минусинскихъ инородцевъ.

Старуха Офронъ Бочугурова на Усть-Биджѣ разсказала мнѣ легенду про Асъ-тöс'ъ. Давнымъ давно это было; одинъ парень увезъ двухъ дѣвокъ изъ китайской стороны; ихъ догналъ шаманъ; обѣ дѣвки померли и сдѣлались Асъ-тöс'ъ, а парень заплакалъ и ушелъ въ другую сторону.

По словамъ той же Офронъ Бучугуровой у сеöк'а Кыргызъ нѣтъ

родового тöс'я; а чрезъ каждые девять лѣтъ весной, когда кукуетъ кукушка, совершается изыкъ, на которомъ закалываютъ бѣлыхъ барашковъ.

Одежда Кама, его бубенъ и колотушка и его арба состоятъ изъ сплошныхъ символовъ. Какъ духи и тöс'и олицетворяютъ собою различныя грозныя и свѣтлыя явленія природы и нравственныя, злыя и добрыя, качества людей, такъ самъ бубенъ и изображенія на немъ символизируютъ собою все міросозерцаніе шамана.

Бубенъ означаетъ небо и землю. „Въ рукояткѣ бубна сверлятся 12 дыръ, называемыхъ барсами; эти барсы сверху и снизу рукоятки, за исключеніемъ середины ея, раздѣляются двумя вертикально идущими возвышеніями, изображающими гребни горъ, которыя приходится шаману переходить, переѣзжать или перелетать во время путешествія къ Эрлику Хану, властителю подземнаго царства, повелителю 88—99 эрликовъ, живущему на берегу чернаго моря. Поперекъ верхней части рукоятки идетъ желѣзная палка, называемая тетивою лука. Къ этой поперечинѣ привѣшиваются желѣзныя погремушки, которыя отпугиваютъ нечистыхъ духовъ отъ больного. Для отраженія духовъ подвѣшиваются также бубенчики и колокольчики". „Къ обичкѣ прикрѣпляются по обѣ стороны рукоятки 4 или 6 желѣзныхъ крючковъ, называемыхъ саблями. Этими саблями шаманъ отбиваетъ нечистыхъ духовъ. На поперочную желѣзную палку, увѣшанную погремушками, навязываются также ленточки изъ тряпичекъ бѣлыхъ, красныхъ, черныхъ и синихъ. Эти ленточки навязываются на освященное животное (изыхъ), если нѣтъ чистыхъ тряпочекъ. Эти тряпочки-амулеты, находясь на шеѣ освященнаго животнаго, служатъ оберегателями животнаго отъ нападенія нечистаго духа. Къ желѣзной поперечинѣ привязывается иногда 2 когтя ястреба, который несетъ на себѣ шамана во время полета въ подземнее царство страшнаго Эрлика-Хана.

Внѣшняя сторона бубна раздѣляется пополамъ чертою или тремя чертами, изображающими три слоя земли; верхняя часть бубна—поверхность земли и небесная сфера; нижняя—подземное царство со

своими страшными обитателями. Наверху изображается радуга; съ концовъ радуги спускаются 2 широкія клѣтки, изображающія лѣстницу, по которой шаманъ поднимается къ обители Кан-Кудая [1]) и получаетъ отъ него приказаніе: освятить изыха, исцѣлить или умертвить больного и пр. Передъ жилищемъ Кан-Кудая растутъ двѣ березы; къ нимъ шаманъ во время отдыха привязываетъ своего коня. Ниже радуги изображаются два круга съ лучами, которые называются зорницами; кромѣ зорницъ изображаются и звѣзды въ видѣ 14 крестиковъ. Подлѣ лѣстницъ или повыше ихъ изображаются бѣлою или красною краскою 7 человѣческихъ фигуръ; это 7 горныхъ русыхъ дѣвъ: онѣ помогаютъ шаману отводить нечистаго духа въ сторону, въ особенности тогда, когда силы шамана ослабѣваютъ. Рядомъ съ человѣческими фигурами изображаются 2 вѣщія птицы, съ которыми шаманъ летитъ на небо къ Кан-Кудаю. Рядомъ съ вѣщими птицами рисуются два всадника и коза. Бѣлый всадникъ на бѣломъ конѣ ѣдетъ къ Канъ-Кудаю, а красный всадникъ на красномъ конѣ ѣдетъ къ Эрлику, покровителю „красныхъ священныхъ коней“.

Нижняя часть. Лягушка, змѣя и ящерица, изображаемыя обыкновенно черною краскою, уводятъ нечистаго духа на расправу

---

[1]) Это описаніе бубна я беру у Н. Ѳ. Катанова. Канъ-Кудая онъ именуетъ Всевышнимъ Творцомъ, Господомъ Богомъ. По отношенію къ шаманизму это едва ли правильно. Шаманизмъ не знаетъ личнаго Бога, Всевышняго Творца, Господа Бога. Онъ знаетъ различныхъ духовъ, отожествляемыхъ съ различными явленіями и силами природы. Въ настоящее время, по убѣжденію Качинцевъ, шаманъ не можетъ молиться Богу, Всевышнему Творцу, Господу Богу. По крайней мѣрѣ, на всемъ пространствѣ Абаканской Инородной Управы, т. е. между Енисеемъ, Абаканомъ, Комыштой и Юсомъ, въ степи, занимаемой Качинцами, я встрѣтилъ воззрѣніе: христіанскій Богъ, Единый, Творецъ міра, Господь Богъ именуется Худай или Кудай. Шаманы не могутъ ему молиться; они молятся шайтанамъ. Впрочемъ, это станетъ яснѣе при дальнѣйшемъ изложеніи; противорѣчіе видно и въ объясненіи Н. Ѳ. Катанова. Господь Богъ едва-ли можетъ поручать шаману умерщвленіе больного.

къ Эрлику-Хану, живущему гдѣ-то на востокѣ, за 9 12 хребтами горъ. Лягушка, змѣя, ящерица пугаютъ своимъ присутствіемъ тѣхъ злыхъ духовъ, которые желаютъ прикоснуться къ овцамъ. Изображаются еще черною краскою 2 вѣщія рыбы-щуки, воплощеніе водяного духа. Изображеніе рыбъ исцѣляетъ отъ брюшныхъ болѣзней. Сильный шаманъ гонится за щуками, водяными духами, до тѣхъ поръ, пока не загонитъ ихъ за 9 морей, во владѣніе горнаго духа. На нѣкоторыхъ бубнахъ изображаются также двѣ собаки (черная и пестрая), которыя своимъ лаемъ отгоняютъ нечистыхъ духовъ отъ больного, по милости Эрлика-Хана и по молитвѣ шамана. Изображаются еще 7 коней и на нихъ 7 человѣкъ, которые представляютъ собою вѣрныхъ слугъ и вѣстниковъ Эрлиха-Хана

На бубнѣ, въ верхней части, изображается также учитель шамана, переселившійся по смерти на востокъ и живущій тамъ на берегу кипящаго моря. Изображеніе „старшаго шамана" избавляетъ отъ чесотки

Вверху обички дѣлается 6 выпуклыхъ возвышеній, изображающихъ собою „шесть сосцовъ, которые питаютъ демона, покровительствующаго бубну, и самого шамана" [1]).

Какъ духи и тӧс'и олицетворяютъ собою различныя грозныя и свѣтлыя явленія природы и моральныя качества людей, такъ бубенъ и изображенія на немъ символизируютъ собою міръ, духовъ, шамана и его дѣятельность.

Шаманизмъ — своего рода философія природы; шаманъ знаетъ вліяніе на человѣка различныхъ таинственныхъ силъ природы; онъ умѣетъ предотвратить или побѣдить вредныя вліянія; онъ, поэтому, врачъ; въ этомъ его сила; распространеніе знанія, увеличеніе числа врачебныхъ пунктовъ — вотъ главныя средства борьбы съ шаманиз-

---

[1]) Н. О. Катановъ: Письма изъ Сибири и Вост. Турк., Спб. 1893, стр. 27—30. Также описаніе бубна въ вышецитированномъ докладѣ отца Вас. Суховскаго. Д. Клеменцъ: нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ инородцевъ, Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этногр. т. II, вып. 2, стр. 25; а также сочин. Е. К. Яковлева: Этногр. Обзоръ.

момъ; шаманизмъ болѣе міровоззрѣніе, чѣмъ религія. Правда, можно думать, что шаманизмъ былъ зародышемъ греческаго Олимпа и римскаго Пантеона; но во всякомъ случаѣ, онъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что разумѣется подъ религіею народами, усвоившими вѣру въ Единаго, Истиннаго Бога, Творца міра. Шаманистъ не знаетъ общенія человѣка съ Верховнымъ Существомъ, онъ не выдѣляетъ человѣка отъ другихъ явленій природы; у него нѣтъ и мертвой природы; человѣкъ находится въ общеніи съ природой и ея отдѣльными явленіями въ видѣ духовъ, которые обладаютъ и сами тѣми же качествами, что и люди, подобно богамъ греческаго Олимпа, только въ высшей степени. „Духи на добрыхъ и злыхъ строго не раздѣляюся, говоритъ Н. Поповъ; каждый изъ земныхъ духовъ можетъ быть добрымъ и злымъ, только подземный, Айна, считается злѣйшимъ изъ духовъ".

Само собой разумѣется, для кома недостаточно изучить Пантеонъ: символику—духовъ и патристику—тöс'ей шаманизма; онъ долженъ усвоить и твердо знать обряды и способы камланія, пріемы, посредствомъ которыхъ можно входить въ общеніе съ тѣмъ или инымъ духомъ, той или иной силой или явленіемъ природы, вліять на нихъ, обращать ихъ на службу своимъ цѣлямъ или предотвращать ихъ дѣйствія другими, болѣе могущественными силами.

Дѣйствія камовъ, камланія, обозначаются словомъ „т а и х ъ", по абаканскому выговору, или „т а я н ъ", по юсскому [1]). Н. Ѳ. Катановъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше выписокъ, передалъ это слово на русскій языкъ: „благословеніе": „благословеніе духа огня" — от-таихъ, б л а г о с л о в е н і е д у х а г о р ы—таг-таихъ, б л а г о с л о в е н і е д у х а в о д ы—суг-таихъ; другіе авторы, да въ другихъ мѣстахъ и Н. Катановъ, передаютъ это понятіе—словомъ м о л е н і е. Мнѣ кажется, это не точно; такой переводъ въ состояніи внести путаницу въ понятіе шаманизма.

---

[1]) Абаканъ и Юсъ (верховье Чулыма) рѣки—мѣсто кочевьевъ инородцевъ Абаканской и Аскитской инородныхъ управъ

Какъ древне-римское sacer означало и проклятый, и священный, въ зависимости отъ того, какимъ богамъ дѣлалось посвященіе, низшимъ, подземнымъ или высшимъ, находящимся вверху, такъ и выраженія минусинскихъ инородцевъ т а и х ъ и и з ы х ъ нельзя передать такими словами, какъ м о л е н і е, б л а г о с л о в е н і е, понятіями, свойственными откровеннымъ вѣрованіямъ въ Единого Всемогущаго Бога. Правда, и камъ можетъ п р о с и т ь того или другого духа, т. е. творить одинъ изъ видовъ молитвы, но, если его просьба не исполняется, онъ требуетъ, стращая и пугая; если это не дѣйствуетъ, онъ обращается за помощью къ другимъ силамъ; шаманъ—не угодникъ; цѣнится и почитается его власть и могущество, его сила надъ духами.

Камланія бываютъ частныя и общественныя; если частныя камланія носятъ признаки врачеванія, волхвованія или гаданія, то въ общественныхъ камланіяхъ шаманъ является со всѣми признаками жреческаго достоинства, свойственнаго служителю религіи.

Отецъ Вас. Суховскій приводитъ разсказъ Тинпикова о томъ, какимъ способомъ онъ, при посредствѣ подчиненныхъ ему духовъ, возвращаетъ здоровье больнымъ, т. е. обрядъ частнаго камланія.

„Когда его позовутъ къ больному, онъ прежде всего разспрашиваетъ самого больного или его окружающихъ родныхъ о времени начала болѣзни, о ходѣ ея и проч.; далѣе, несмотря на серьезность болѣзни, всегда соглашается лѣчить. Со стороны родныхъ, которые приглашаютъ его къ больному, дѣлается все, что̀ требуется. Вино насижено, мясо сварено, публика въ сборѣ. Съ наступленіемъ вечера, по захожденіи солнца, а иногда и позже, что всецѣло зависитъ отъ произвола шамана, онъ, предварительно выпивъ нѣсколько чашекъ араги или айрана для воодушевленія, надѣваетъ на себя костюмъ, беретъ въ одну руку бубенъ, а въ другую арбу и начинаетъ ударять ею по бубну—сначала тихо, а чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе, а самъ во время этихъ ударовъ начинаетъ, соразмѣряя голосъ съ ударами по бубну арбою, бормотать заученные стихи, т. е. призывать къ себѣ духовъ. Послѣдніе постепенно, одинъ за другимъ, являются

въ юрту больнаго. Если духи мѣшкаютъ своимъ прибытіемъ въ юрту, то нѣкоторые изъ шамановъ начинаютъ бѣгать въ юртѣ кругомъ очага, гдѣ всегда поддерживается огонь, бѣгаютъ быстро, неистово кричатъ [1]) и слегка рѣжутъ себя ножомъ, берутъ въ ротъ горячіе угли и бѣснуются на всѣ лады до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ безпамятствѣ на землю. Во время исполненія обряда шаманъ пьетъ много вина. Все вмѣстѣ взятое: водка, быстрая бѣготня кругомъ огня, напряженное стучаніе арбою по бубну — приводитъ шамана въ безпамятство, во время котораго онъ отдаетъ свои распоряженія всѣмъ собравшимся духамъ. Когда шаманъ лечитъ неопасно больнаго, то на тотъ свѣтъ посылается половина и меньше духовъ, а въ противномъ случаѣ—всѣ безъ исключенія, и самъ шаманъ, находясь тѣломъ въ юртѣ, душою на лошадяхъ и птицахъ, что на бубнѣ, тоже ѣдетъ на тотъ свѣтъ для выручки здоровья больнаго. Если слѣдъ, по которому Айна тащилъ здоровье больнаго -черный, то здоровье выручать трудно, а если красно-песчаный, то легко. По черному слѣду духи бѣгаютъ взадъ и впередъ и дѣлаютъ разнообразные зигзаги, разнюхивая здоровье больнаго, которое родными и знакомыми, ранѣе переселившимися на тотъ свѣтъ, тщательно скрывается и оберегается отъ прилетѣвшихъ за нимъ духовъ и шамана; сами родные, прежде умершіе, тоже всѣми мѣрами стараются укрыться отъ поисковъ духовъ. При первыхъ трехъ ударахъ арбою въ бубенъ души умершихъ уже знаютъ, что къ нимъ тотчасъ же явятся духи, съ шаманомъ во главѣ, за здоровьемъ ихъ родича, а потому въ первые моменты послѣ трехъ ударовъ въ бубенъ арбою небо сходится съ землею, поднимается страшный ураганъ, гремитъ громъ, сверкаетъ молнія и падаетъ градъ величиною съ человѣческую голову. Наконецъ, здоровье больнаго найдено, шаманъ хочетъ его схватить, но души родныхъ крѣпко вцѣпляются въ него и всѣми силами стараются не выпустить его изъ рукъ. Начинается борьба—не на животъ, а на смерть—умершихъ душъ съ духами; послѣ отчаяннаго сопро-

[1]) На огонь въ это время бросается богородская трава.

тивленія умершихъ душъ побѣда всегда остается на сторонѣ духовъ. Здоровье больнаго взято, шаманъ даетъ его въ когти орлу, завернувъ въ бумагу и крѣпко завязавъ серебряною ниткою. Орелъ прилетаетъ къ юртѣ и въ отверстіе ея, изъ котораго выходитъ дымъ отъ очага, подаетъ здоровье больнаго шаману, который успѣлъ прилетѣть въ юрту больнаго ранѣе орла на крыльяхъ филина. Шаманъ, по возвращеніи съ того свѣта, первымъ долгомъ подаетъ больному изъ чашки глотокъ молока, а здоровье, взявъ изъ когтей орла, привязываетъ къ березѣ, поставленной въ переднемъ углу юрты, у постели больнаго, на шнурокъ, сдѣланный имъ изъ трехъ разноцвѣтныхъ нитокъ. Съ выпитымъ глоткомъ молока, по мнѣнію шамановъ, возвращается къ больному здоровье. Въ концѣ обряда шаманъ брыжжетъ въ отверстіе юрты вино изъ чашки, которую сейчасъ же бросаетъ на землю; если чашка упадетъ дномъ кверху, это служитъ признакомъ смерти больнаго, а если станетъ на дно, то больной скоро выздоровѣетъ".

Еще и понынѣ сохранилось участіе кама въ обрядѣ, показывающемъ со всей очевидностью, что шаманизмъ не въ далекомъ прошломъ охватывалъ всѣ стороны народной жизни минусинскихъ инородцевъ. Я имѣю въ виду участіе шамана въ изыхѣ.

Изыхъ прежде всего является камланіемъ, на которомъ происходитъ освященіе или посвященіе какого-либо животнаго, чаще всего лошади, а въ настоящее время и преимущественно; такое животное также называется изыхъ [1]). Конскіе табуны составляютъ главное богатство степняковъ; отъ благополучія табуновъ и стадъ зависитъ благополучіе и благосостояніе ихъ. Неудивительно, что изыхъ является родовымъ фетишемъ, фетишемъ сеок'а.

Не надо смѣшивать нынѣшнее родовое управленіе кочевыхъ инородцевъ по Положенію 1822 года съ естественными родами мину-

---

[1]) Не мало горъ въ Минусинскомъ уѣздѣ въ предѣлахъ Абаканской инородной управы именуются: Таихъ и Изыхъ, надо полагать отъ обрядовъ камланія, которые на нихъ совершались ранѣе, а на многихъ совершаются и нынѣ. См. Поповъ: О чудскихъ могилахъ минусинскаго края, стр. 85 (Библіотека минусинскаго музея № 5205).

синскихъ инородцевъ, костями ихъ, сеök'ами, этими пережитками ихъ древнѣйшей жизни, когда весь ихъ жизненный строй былъ проникнутъ естественными родовыми началами и когда современное понятіе о законѣ было имъ совершенно чуждо. Законъ главный разрушитель родового быта; онъ не допускаетъ на-ряду съ собой другихъ правообразователей въ сферѣ публичнаго права; а разъ родовой строй пораженъ со стороны его функцій, носящихъ публичный характеръ, дальнѣйшая судьба его уже предопредѣлена; уже на горизонтѣ мелькаетъ индивидуализмъ, полное торжество личности, совершенно обезличенной въ родовомъ строѣ,—индивидуализмъ и апологетъ его Ницше.

Правда, сеök'и нынѣ, по выраженію самихъ инородцевъ, смѣшались и разбились, но кое-гдѣ наперекоръ стихійной силѣ закона живутъ, отправляя функціи публичной власти, какъ, напримѣръ, выборы эсауловъ и сборы податей у качинцевъ въ бѣлоюсскомъ, бирскомъ и нѣкоторыхъ другихъ родахъ. И нынѣ каждый сеök'ъ, кость, естественный родъ признаетъ того или другого тöс'я, по выраженію обрусѣлыхъ инородцевъ,—шайтана,—своимъ покровителемъ. Символизируется родовой тöс'ъ въ изыхѣ. Ежегодно весной, когда только-что появляется зеленая трава въ степи, члены одного сеök'а въ улусѣ или въ ближайшихъ улусахъ съ березовыми вѣтвями въ рукахъ собираются въ назначенное мѣсто въ степи. Туда приводятъ изыха, и шаманъ обкуриваетъ его богородской травой, вплетаетъ ему въ гриву, въ хвостъ дзялама, т. е. ленты бѣлаго, синяго и краснаго цвѣтовъ, обливаетъ изыха,—этого, по понятіямъ кочевниковъ, производителя и покровителя табуновъ и рода, —кобыльимъ молокомъ, смѣшаннымъ съ виномъ, произноситъ заклинанія, однимъ словомъ, совершаетъ камланіе въ присутствіи наличныхъ членовъ даннаго сеök'а.

Въ заключеніе, кобыльимъ молокомъ, смѣшаннымъ съ виномъ, наполняется чашка; на спину изыха шаманъ кладетъ тöс'я, а поверхъ него или рядомъ ставитъ чашку съ молокомъ; съ изыха снимается уздечка; и самъ изыхъ отпускается на волю.

Если чашка съ молокомъ и тöс'ъ сразу свалятся со спины убѣгающаго изыха, то всѣ члены сеöк'а печалятся: плохое предзнаменованіе: если же изыхъ успѣетъ пробѣжать саженей 5—6, прежде чѣмъ чашка и тöс'ъ свалятся, наступаетъ радость, веселіе. Печально предзнаменованіе, если, свалившись сразу, тöс'ъ упадетъ лицомъ внизъ, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда тöс'ъ имѣетъ лицо, напр. усъ-тюн-сарха. Хорошее предзнаменованіе—если чашка упадетъ на землю дномъ вверхъ.

Предзнаменованія относятся къ тому, что составляетъ основу благосостоянія степняка: къ урожаю травы въ степи, приплоду скота и лошадей.

Такъ какъ не легко бываетъ скоро найти изыха подходящей масти для замѣны имъ въ случаѣ смерти стараго, то обыкновенно жеребенка-замѣстителя подготовляютъ заранѣе: его ежегодно подшаманиваютъ на этихъ весеннихъ празднествахъ.

Послѣ камланія, послѣ того, какъ изыха отпустили на волю въ его табунъ, начинается родовой пиръ.

Вообще ни одно торжество у инородцевъ не оканчивается безъ пьянства.

Во многихъ мѣстахъ качинцы и салайцы покинули различныя домашнія камланія, но твердо держатся весеннихъ родовыхъ празднествъ, связанныхъ съ освященіемъ изыха и умилостивленіемъ родового тöс'я.

Нѣкоторые роды сагайцевъ и кайбаловъ совершаютъ весеннія горныя камланія тагъ-таихъ[1]). Эти камланія совершаются на опредѣленныхъ горахъ. Сама такая гора олицетворяетъ собою хозяина горы — горнаго духа. Гора является фетишемъ, составляющимъ предметъ почитанія. Эти камланія совершаются чрезъ три года въ лѣтніе мѣсяцы.

---

[1]) Тагъ-таихъ неоднократно описано наблюдателями, какъ-то Н. Ѳ. Катановымъ, Е. К. Яковлевымъ, И. К. въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» 1887 г., № 67.

*

Въ назначенный день на гору собирается окрестное населеніе съ камомъ; приводятся барашки; у березы разводится огонь. Шаманъ одѣвается въ свой костюмъ, окуривая его богородской травой, бросая ее на огонь. Также окуриваетъ онъ богородской травой и мѣсто жертвоприношенія, махая тлѣющимися пучками травы и произнося слѣдующія слова [1]).

Съ шести горокъ богородская трава,
Съ пятидесяти горокъ богородская трава,
Машу, машу богородской травой!

Затѣмъ вокругъ березы отъ востока къ западу обносятъ три раза жертвенныхъ барановъ; шаманъ идетъ во главѣ шествія, брызгая во всѣ стороны виномъ изъ чашки или берестяной ложки и произнося слѣдующее заклинаніе, обращенное къ духамъ:

Руку поднялъ, брызгаю, чтобъ до всѣхъ дошло,
Руку поднялъ, чтобъ вамъ всѣмъ хватило вина,
Наши цари, начальники и дѣдушки,
Прошу, чтобы мои слова до васъ дошли.
Вотъ здѣсь стоитъ Таптентуразе,
Вотъ тамъ стоитъ Кюдеспеймъ [2]),
Вотъ золотымъ листомъ богатая береза,
Вотъ бѣлый баранъ кладеный.
Горы, покрытыя таволожникомъ,
Маленькія горки вершины ключей,
Съ прутьями хребты, быстрыя рѣчки,
Ключевая вода, чтобъ до всѣхъ дошла.
Мѣсяцъ и солнце, чтобы до васъ моя просьба дошла,
Поставили меня водяные духи,
Впереди меня никого нѣтъ.
Я свой широкій языкъ наломалъ.
Больше сказать нечего. Будетъ.

---

[1]) И. К. Горная жертва. «Сибир. Вѣст.» 1887 г., № 67.

[2]) Названія горъ. И. К. Шаманъ обыкновенно перечисляетъ высокіе хребты горъ, отдѣльныя горы, рѣки, удаляясь отъ того мѣста, гдѣ происходитъ камлавіе, въ глубь Саянъ, Алтая, спускается къ Красноярску и вновь поднимается къ мѣсту камланія. Яковлевъ, стр. 103.

Послѣ этихъ словъ шаманъ бросаетъ на землю чашку со словами:

Чашка, три раза повернись!
На дно чашка встанетъ, просьба дошла;
Не дошла моя просьба, если кверху дномъ.

По произнесеніи послѣднихъ словъ, одѣяніе шамана, застегиваемое на нѣсколько пуговицъ, по мнѣнію инородцевъ, само собой растегивается и падаетъ на землю. Послѣ этого барановъ убиваютъ, дѣлая разрѣзъ грудной полости и рукой вырывая сердце, и мясо варятъ и жарятъ. Пожертвовавшій барана крошитъ въ большую деревянную чашку сыръ-бышлакъ, вареную баранину, наливаетъ въ чашку молока и, обойдя съ этимъ кушаньемъ три раза вокругъ березы, угощаетъ всѣхъ присутствующихъ.

Затѣмъ начинается обычный степной пиръ, не нашедшій еще своего Гомера.

„Было время, говоритъ Дорджи Банзаровъ [1]), когда шаманство владычествовало надъ всѣми народами, обитавшими отъ Волги до Восточнаго океана, отъ сѣверныхъ предѣловъ Тибета и береговъ Сайхуна до полуночныхъ странъ. Но религіи, возникшія въ южныхъ странахъ Азіи, начали его тѣснить уже рано“.

Буддизмъ, исламъ, христіанство въ разное время и разными способами мѣрили свои силы съ шаманизмомъ въ азіатскихъ степяхъ, отнимая у него господство надъ народными массами. Монголія и прилегающія къ ней съ сѣвера Минусинскія степи подвергались вліянію буддизма, хотя въ Западной Монголіи одно время исламъ имѣлъ рѣшительный успѣхъ. Побѣдоносное шествіе Россіи на Востокъ способствуетъ распространенію и торжеству въ подчиненныхъ ей странахъ православнаго христіанства. „Такимъ образомъ, скажемъ словами Банзарова, шаманство, уступая побѣдоносному шествію трехъ вѣръ, уклонялось на сѣверъ, въ пустыни Сибири. Больше всѣхъ сдѣлалъ буддизмъ“.

---

[1]) Черная вѣра или шаманство у монголовъ. Спб. 1891, стр. 43.

И въ Минусинскихъ степяхъ находятъ слѣды буддійскаго культа; въ землѣ и на ея поверхности находили и продолжаютъ находить статуэтки Будды, фигуры ламъ, четки, употребляемые ламами, жертвенныя ламайскія чаши и другія принадлежности ламайскаго богослуженія [1]). Обиліе монгольскихъ словъ въ языкѣ минусинскихъ инородцевъ указываетъ на ихъ древнее общеніе съ монголами. Можно также думать, что минусинскіе качинцы до встрѣчи съ русскими имѣли сношенія съ послѣдователями ислама, воспринявшими эту религію чрезъ посредство обитателей закаспійскихъ степей или подвластныхъ народовъ потомковъ Чингиса въ Золотой и Синей Ордахъ.

Во всякомъ случаѣ, качинцы очень давно, задолго до принятія христіанства, не удовлетворялись вѣрованіемъ въ мрачныхъ духовъ шаманизма; жажда свѣтлой вѣры въ любвеобильное существо находила себѣ удовлетвореніе въ вѣрѣ въ Высшее Существо, Единаго Бога, Всемогущаго и Добраго, котораго они именуютъ Худаемъ или Кудаемъ. Худа или Худай въ персидскомъ языкѣ означаетъ Богъ.

Хотя въ шаманскихъ заклинаніяхъ и упоминается Кудай, добрый духъ, находящійся вверху, противникъ преисподняго Эрлика-Хана, но качинцы строго различаютъ вѣру и культъ Кудаю, Единому Богу, отъ шаманскаго культа. Камъ, шаманъ, не можетъ даже присутствовать при жертвоприношеніяхъ Кудаю.

Когда вы разговоритесь съ качинцемъ о религіи, когда онъ васъ, наконецъ, пойметъ, то онъ вамъ объяснитъ, что старой религіей у стариковъ и была именно вѣра въ К у д а я; шаманизмъ же съ его камланіями качинецъ называетъ вѣрой въ смыслѣ бытовыхъ чертъ, какъ всѣ оригинальныя черты своего степного быта онъ называетъ „наша вѣра“, „наше повѣрье“ въ смыслѣ обряда, быта, уклада, столь не похожихъ на соціальный строй европейскихъ промышленныхъ обществъ.

Трудно, конечно, сказать, откуда позаимствована качинцами вѣра въ личнаго Бога, Кудая: навѣяна ли она одной изъ религій,

[1]) Можно видѣть въ Минусинскомъ музеѣ.

вытѣснившихъ шаманизмъ, или же она явилась дальнѣйшей стадіей эволюціи шаманизма, развившись изъ поклоненія небу и духу неба, Канъ-Кудаю. Послѣднее тоже представляется вѣроятнымъ, потому что общественныя жертвоприношенія Худаю называются Тигръ-таппхами или Тигръ-тахнами, хотя обозначеніе однимъ словомъ камланій и моленій объясняется легко бѣдностью языка.

Князь Н. Костровъ, какъ и другіе изслѣдователи минусинскихъ степняковъ, мнѣ кажется, неправильно относятъ поклоненіе Кудаю къ „камлярскому толку“ [1]).

Самъ князь Н. Костровъ изображаетъ Кудая слѣдующими чертами:

„Кудай обладаетъ небомъ и землею, но жилище его на небѣ (тенгръ). Онъ съ подчиненными ему добрыми духами творитъ только одно добро. Кудай всевѣдущъ; а потому качинецъ, желая подтвердить свои слова, вмѣсто всякой клятвы, говоритъ: „Кудай видитъ!“ Онъ всемогущъ; а потому нѣкогда, по разсказамъ стариковъ, между качинцами существовалъ слѣдующій обрядъ присяги: желая узнать отъ обвиняемаго въ чемъ-нибудь истину, его при восхожденіи солнца приводили на мірскую сходку, ставили лицомъ на Востокъ и заставляли произнести: „если я говорю неправду, то пусть Кудай не дастъ мнѣ увидѣть заката солнца (кюнь-карагы буквально: око дня)“. Кудай справедливъ и наказываетъ за неправду, а потому присяга посредствомъ цѣлованія дула лежащей на сошкахъ заряженной винтовки считается и теперь еще самою страшною. Если молить Кудая, то онъ будетъ защищать человѣка и отъ злыхъ духовъ, и отъ злыхъ дѣлъ. Какъ существо доброе, какъ представитель свѣта, Кудай любитъ только бѣлое, а потому и жертвы, приносимыя ему, могутъ состоять только изъ бѣлыхъ безъ всякихъ отмѣтинъ животныхъ или изъ молока. Хотя Кудай живетъ на небѣ постоянно, но несмотря на то у него и на землѣ есть нѣсколько мѣстъ, особенно любимыхъ. Эти мѣста—вершины горъ, съ которыхъ далеко видна окрестность, или небольшой лѣсокъ,

[1]) Князь Н. Костровъ: Качинскіе татары. Казань, 1852, стр. 56.

красивый по своему мѣстоположенію. Нѣсколько разъ въ году на этихъ мѣстахъ приносятся Кудаю жертвы, но самое празднество отправляется въ честь его лѣтомъ, обыкновенно въ началѣ іюля мѣсяца.

Давно, очень давно это празднество отправлялось на горѣ Изыгъ, но гдѣ оно отправляется теперь – неизвѣстно, потому что качинцы скрываютъ это. Изъ темныхъ и сбивчивыхъ разсказовъ ихъ извѣстно, что въ назначенное время они собираются въ какое-то мѣсто, привозятъ съ собою бѣлыхъ барановъ, молоко и бѣлую лошадь; потомъ одного барана закалываютъ прямо въ сердце и, снявъ съ него шкуру, сжигаютъ вмѣстѣ съ мясомъ, уложивъ жертву такъ, чтобы она была головой на востокъ. Достовѣрно извѣстно, что у качинцевъ нѣтъ никакихъ жрецовъ, а закалываетъ барана и сожигаетъ его какой-нибудь старшина [1]), лицо почетное и богатое. Пока жертва горитъ, всѣ предстоящіе стоятъ кругомъ ея лицомъ на востокъ, поднимаютъ кверху руки, кланяются въ землю и благодарятъ Кудая. Особенныхъ молитвъ при этомъ случаѣ, какъ кажется, нѣтъ, по крайней мѣрѣ, добиться объ этомъ у качинцевъ чего-нибудь положительнаго нѣтъ никакой возможности. Очень вѣроятно, что, благодаря всеблагое существо за его благодѣянія и прося его, всякій произноситъ такія слова, какія подсказываетъ сердце. Когда жертвенное мясо обуглится, двое изъ предстоящихъ, тоже лица почетныя и богатыя, отдѣляются изъ круга и начинаютъ обходить его. Одинъ несетъ въ рукѣ кувшинъ съ молокомъ, а другой, слѣдуя за нимъ, останавливается противъ каждой изъ четырехъ сторонъ свѣта и по три раза плещетъ молокомъ на востокъ. Такое шествіе повторяется три раза и сопровождается громкими воззваніями къ Кудаю. Послѣ этого, двое или трое молодыхъ людей подводятъ къ тлѣющей жертвѣ бѣлую лошадь. Старикъ, рѣзавшій жертвеннаго барана, а иногда другое лицо, снимаетъ съ лошади уздечку; всѣ предстоящіе кричатъ, что есть мочи, и

---

[1]) Курсивъ мой.

лошадь, почуявъ свободу, пораженная ѣдкимъ дымомъ жертвы и испуганная крикомъ, несется, куда глаза глядятъ. Съ этого времени она называется изыгъ. Если она пристаетъ къ какому-нибудь табуну, то это считается особенно хорошимъ знакомъ для хозяина табуна, и онъ ни за что на свѣтѣ не рѣшится надѣть на нее узду. Празднество оканчивается уничтоженіемъ многихъ барановъ, многихъ кувшиновъ айрана, скачкою на лошадяхъ, импровизированными пѣснями подъ звуки чатыгана и кобыса (чатыганъ состоитъ изъ длиннаго ящика съ металлическими струнами, а кобысъ въ родѣ нашей балалайки), сказками, а иногда и дракою".

И въ этомъ изображеніи Кудай является съ атрибутами, совершенно несвойственными духамъ „камлярской вѣры".

Онъ Всеблагой, Всевѣдущій; Онъ Всемогущъ, Вездѣсущій; Онъ Справедливъ.

Принадлежность культа Кудаю къ „камлярскому толку" возбуждаетъ сомнѣніе и потому, что камъ, этотъ могущественный повелитель духовъ, жрецъ и кудесникъ шаманизма, совершенно не участвуетъ въ жертвоприношеніи Кудаю. Камъ, какъ замѣчено выше, не можетъ даже присутствовать на Тигръ-Танхѣ. Въ культѣ Высшему Богу, Свѣту, Небесному Богу, Творцу Кудаю, Сущему на небесахъ (Агарганъ, Агъ чаячи, Когарганъ, Кокъ-чаячи, Кегъ-Тигръ-де) нѣтъ мѣста каму, служителю шайтановъ, темныхъ силъ.

Совершать Тигръ-Танхъ можетъ лишь старикъ праведной жизни, не воръ, не мошенникъ, не лжецъ, какъ увѣряютъ инородцы. Женщины на Тигръ-Танхѣ не могутъ присутствовать.

По словамъ древняго старика, столь извѣстнаго въ степи Чекурая, теперь слѣпого, видѣвшаго шесть поколѣній [1]), минусинскіе инородцы въ старину не знали Христа и кресту не молились; но знали одного Худая; Ему одному и молились. Въ извѣстные дни старики выходили

---

[1]) Григорій Аѣвъ Тинскаго рода, сеӧка Сокхы, живущій въ Вершинѣ Бидзи. Ему теперь болѣе 80 лѣтъ; отецъ его умеръ 106 лѣтъ. Чекурая славится знаніемъ обрядовъ Тигръ-Танхъ.

въ степь, собирались на чистомъ мѣстѣ, подымали руки къ небу и кланялись въ землю. Женщины не принимали участія въ молитвѣ.

И въ настоящее время можно наблюдать въ юртахъ: предъ принятіемъ пищи, послѣ того, какъ мясо вынуто изъ котла, но еще не искрошено, домовладыка подымаетъ корытцо съ мясомъ вверхъ и безмолвно держитъ его въ воздухѣ нѣсколько мгновеній, мысленно произнося: „Бирчамъ Худай-га — Возношу Богу". Это и есть молитва предъ принятіемъ пищи. Послѣ же принятія пищи читаютъ православную молитву, обратившись къ иконамъ и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Такъ культъ Кудаю нынѣ уживается съ одной стороны съ шаманствомъ, а съ другой — съ православіемъ; всѣ три вѣры какъ бы стоятъ рядомъ. Впрочемъ, можно наблюдать слѣдующее явленіе: культъ Кудаю скорѣе поглощается христіанствомъ, въ понятіяхъ сливается съ христіанскими воззрѣніями, а шаманство отодвигается все болѣе и болѣе изъ области вѣры въ смыслѣ религіи въ область народныхъ суевѣрій. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ этихъ культовъ еще не успѣлъ окончательно вытѣснить другіе; но борьба не равная...

Могущественныя орудія распространенія христіанства — грамотность, стройная и дисциплинированная духовная іерархія, государственный ея характеръ, измѣненіе бытовыхъ и хозяйственныхъ условій нынѣшнихъ кочевниковъ подъ вліяніемъ надвигающейся промышленной культуры сулятъ не въ далекомъ будущемъ полную побѣду христіанства и полное забвеніе древнѣйшихъ культовъ.

Я былъ свидѣтелемъ взрыва народнаго религіознаго чувства въ весну и лѣто 1902 года, вызваннаго гибелью скота вслѣдствіе неурожая травъ въ степи въ засуху 1901 года.

Не къ заступничеству камовъ обратился народъ, онъ вспомнилъ забываемый культъ Кудаю, Агъ-Чаячи, Кегъ-Тигръ-де. Переживаемое бѣдствіе онъ объяснилъ тѣмъ обстоятельствомъ, что забыта старая вѣра, утрачены истинные обряды почитанія Кудая.

Задымились жертвенные костры тамъ, гдѣ ихъ не зажигали лѣтъ 15—20; вспомнили тѣ чистыя горы, „гдѣ скотъ не ходитъ, гдѣ

можетъ быть угодно жертвоприношеніе Вышнему Богу“; вспомнили древнихъ стариковъ, которые сохранили въ памяти обрядъ совершенія Тигръ-Танха. Но и время же было для народа трудное: по Абакану, Уйбату, Камыштѣ [1]) двѣ трети скота вывалилось отъ безкормицы. Воры угоняли и вырѣзывали цѣлые табуны. Богатый сталъ бѣднымъ, бѣдный — нищимъ. Тогда-то качинскій народъ обратился къ древней вѣрѣ отцовъ и усердно совершалъ Тигръ-Танхи, то призывалъ священниковъ и служилъ молебны. Весна 1901 года была жгучая, сухая, безъ дождя; не только травы не было въ степяхъ, мыши выѣли всѣ ея корни; а гдѣ не выѣли мыши, тамъ степнымъ пожаромъ сожгло совершенно верхній слой земли, плодоносную верхнюю корочку; солнце грозило обратить степь въ пустыню, потому что до образованія новаго плодоноснагослоя на сгорѣвшемъ мѣстѣ не можетъ появиться никакая растительность.

Оставалась одна надежда на Божію милостъ; и сколько пламенной вѣры проявилъ тогда минусинскій степнякъ! Послѣ каждаго Тигръ-Танха, послѣ каждаго молебна испытующе смотрѣли тогда на небо, не появится ли тамъ гдѣ-нибудь на горизонтѣ надъ изволоками горъ тучка, не брызнетъ ли тучка!.. И чудо! Бывали такіе случаи, что послѣ Тигръ-Танха или молебна появлялось на небѣ вдали облачко, бѣлесоватое; оно росло, приближалось, надвигалось, заслоняя собою жгучее солнце, засушившее травы. Въ степи дохнула прохлада и благодѣтельная надежда охватывала живою радостью души наивныхъ степняковъ, и новый непосредственный взрывъ радости и благодарности вырывался изъ ихъ сердецъ.

Но поднявшійся неизвѣстно гдѣ вѣтеръ вдругъ налеталъ и проносилъ мимо, надъ головами, двигавшуюся тучу, уронившую лишь рѣдкія капли на безжизненную степь...

Въ одномъ изъ улусовъ, раскинувшихся вблизи русскихъ деревень, гдѣ инородцы наполовину обрусѣли, и добрая половина ихъ

---

[1]) Рѣки въ предѣлахъ кочевьевъ минусинскихъ инородцевъ.

живетъ въ избахъ и не перекочевываетъ на лѣто въ юрты, въ маѣ мѣсяцѣ 1902 года можно было наблюдать такую картину:

Въ избѣ богатаго инородца десятилѣтняя дѣвочка читаетъ чуть не по складамъ библейскую исторію про жертвоприношеніе Авраама; на скамьѣ у стѣнъ размѣстились инородцы — все народъ хорошій, самостоятельные мужики; молча, съ угрюмыми лицами, посасывая длинныя трубки, они вслушиваются и вдумываются въ каждое слово, произносимое съ разстановкой на каждомъ слогѣ ребенкомъ. Наконецъ, дѣвочка дошла до того мѣста, гдѣ изложено событіе, какъ Авраамъ положилъ своего единственнаго сына Исаака на костеръ, какъ занесъ онъ свою родительскую руку надъ нимъ и какъ ангелъ Господень по повелѣнію Божію остановилъ и удержалъ занесенную руку патріарха.

Сумрачныя лица инородцевъ оживились вдругъ; живѣе зашевелились ихъ губы; кое-кто изъ нихъ началъ поправлять свою трубку.

— Значитъ, старики правду говорятъ, — замѣтилъ положительнымъ тономъ Андрей Андреичъ, церковный староста, почетный блюститель школы: — повѣрье старинное справедливо; наша жертва идетъ отъ Авраама.

Дѣвочка прочитала сказаніе до конца. Авраамъ принесъ въ жертву Богу барана.

— Значитъ, это ведется отъ Самого Бога! — опять сказалъ Андрей Андреичъ, сплевывая въ сторону. — Вотъ я жертвую барана.

— И я даю барана!

Нѣсколько человѣкъ согласились пожертвовать по барану.

Дѣвочка закинула свѣсившіяся косы, черныя, короткія, обвела спокойными карими глазами стариковъ и пошла тихо, незамѣтно на черную половину избы, гдѣ суетились у печки женщины, казалось, совершенно не обращавшія вниманія на думу мужчинъ.

— А гдѣ же мы будемъ справлять Тигръ-Танхъ? — спросилъ одинъ изъ нихъ, сидѣвшій у порога комнаты на корточкахъ, по степному обычаю.

— На Лугъ-Тагъ, гдѣ старики справляли!—отвѣтило вразъ нѣсколько голосовъ.

— А гдѣ мы старика найдемъ, который всѣ порядки знаетъ?

Это вопросъ посерьезнѣй, потому что здѣсь и въ ближайшихъ улусахъ никого нѣтъ, кто бы сохранилъ въ памяти древній обрядъ общественнаго жертвоприношенія Сущему на небесахъ Худаю.

— А вотъ мнѣ говорилъ старый Мултыхъ, что пасетъ моихъ овецъ; онъ знаетъ и помнитъ хорошо Тигръ-Танхъ, — предложилъ Андрей Андреичъ.

— А что-жъ, посылай за Мултыхомъ; переговоримъ съ нимъ,— сказалъ сидѣвшій на корточкахъ.

— Вершникъ уѣхалъ за Мултыхомъ.

— А справедливый ли старикъ Мултыхъ? Кто его знаетъ? — отозвался чей-то робкій, нерѣшительный голосъ.

— По другому лѣту пасетъ онъ у меня овецъ; ничего не замѣчаю. Можетъ быть, кто-нибудь его знаетъ?

Оказывается — никто не знаетъ прошлаго Мултыха: онъ не здѣшній.

Привезли Мултыха; это еще бодрый, прочный старикъ; на лицѣ его замѣтна живость, несвойственная вообще сумрачнымъ физіономіямъ забитыхъ и обездоленныхъ степняковъ.

Начались осторожные разспросы: гдѣ онъ раньше кочевалъ, какого сеок'а, знаетъ ли онъ Тигръ-Танхъ?

Мултыхъ сразу сослался на своего хозяина, Андрея Андреевича, который-де его давно хорошо знаетъ. Андрей Андреичъ отвѣтилъ что знаетъ его только второй годъ; „а больше не знаю“ —разъяснилъ Андрей Андреичъ. Мултыху пришлось подробнѣе объяснить свое прошлое; онъ съ Абакана, сеок'а Баратынъ-каска, родни не помнитъ; живалъ и среди русскихъ; но Тигръ-Танхъ онъ хорошо помнитъ и знаетъ, и самъ его совершалъ не разъ.

— Вертушка! – промолвилъ сидѣвшій у порога на корточкахъ, когда послѣ разъясненій Мултыхъ удалился изъ избы.

— Несамостоятельный старикъ! —послышался голосъ одного изъ сидѣвшихъ на скамьѣ.

— Несправедливый старикъ! Лучше—своего Качая; Качай честный старикъ. Мы его всѣ знаемъ.

Качай совершенно безродный старикъ; давно утратилъ семью; померла жена, померли всѣ дѣти; давно онъ обѣднѣлъ, какъ бѣднѣютъ степняки: частью продалъ скотъ и лошадей на прокормленіе, частью скотъ и лошади погибли въ тяжелые годы, а затѣмъ воры доканали... Давно Качай ничего не имѣетъ и кормится міромъ, т. е. по очереди кормится и живетъ у каждаго домохозяина, по суткамъ; но грѣха за нимъ нѣтъ; онъ кротокъ, безропотенъ, нищъ, но всѣ его любятъ и уважаютъ.

Пригласили Качая; онъ скромно помѣстился на полу у порога.

Его спросили: знаетъ ли онъ и помнитъ ли Тигръ-Танхъ?

– На Лугъ-Тагъ мы жертву дѣлали; каждый годъ, когда мѣсяцъ весной на прибыль шелъ... а словъ не знаю, забылъ. Просили, чтобъ скотъ водился, чтобъ трава въ степи родилась... И Богъ намъ давалъ, жили хорошо тогда...

– Ты, Качай, намъ отслужишь Тигръ-Танхъ! – сказалъ Андрей Андреичъ!

Что ты, развѣ можно; порядокъ надо знать; слова надо знать. Я ничего не помню; праведному человѣку надо быть, а я и въ церкви давно не былъ.

— Ну, какъ умѣешь!

Некому больше!

— За міръ надо помолиться!

— Общество хочетъ, чтобъ ты былъ на жертвѣ.

Качай отнѣкивался, кряхтѣлъ, волновался, ссылался на свою старость и немощность; но долженъ былъ въ концѣ-концовъ уступить обязательнымъ для него требованіямъ міра.

Я не былъ на совершенномъ имъ Тигръ-Танхѣ, но мнѣ разсказалъ о немъ одинъ изъ его участниковъ.

— Мы всѣ съ дѣдушкой Качаемъ обошли березу; вокругъ нее три раза обошли; потомъ онъ помолился, а за нимъ и мы подняли руки вверхъ и кричали: „Кудай! Пошли намъ дождя!“. Долго мы

просили. Затѣмъ Качай велѣлъ опять идти за нимъ кругомъ березы онъ изъ берестяной ложки обливалъ березу айраномъ и молокомъ, а мы несли барановъ, которыхъ привезли въ жертву. Качай опять помолился; за нимъ и мы, поднявъ руки вверхъ, просили громко Худая дать дождя. Потомъ зарѣзали барановъ, начали мясо варить въ котлахъ, а кости и разныя негодныя части сожгли въ кострѣ. Когда мясо сварилось, опять повелъ насъ Качай кругомъ березы; на подносахъ несли за нимъ свареное мясо.

Качай помолился Худаю, окропилъ березу, насъ и баранину айраномъ [1]) и молокомъ. Послѣ этого мы кричали: „ау! Пошли намъ дождя! Не забывай насъ! Худай!“ Кричали долго, даже охрипли, кричали до тѣхъ поръ, пока на небѣ ни появилась туча. Еще бъ мы кричали, да силъ не хватало, обезсилили, потеряли голоса; мы подымали руки, бросали вверхъ шапки. Показалась тучка,—мы начали ѣсть барановъ. Скоро прошелъ и маленькій дождикъ, Слава Богу!“

Конечно, въ этомъ разсказѣ Тигръ-Танхъ изображенъ далеко не вѣрными чертами; да онъ едва ли и совершается въ разныхъ мѣстахъ одинаково; каждый старикъ совершаетъ его по своему, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая разница бросилась мнѣ при совершеніи его на Абаканѣ и на Юсѣ.

Можетъ быть, во времена князя Кострова качинцы и скрывали отъ постороннихъ ритуалы своей вѣры, но въ настоящее время можно всегда заранѣе узнать, гдѣ и когда будетъ совершаться жертва Худаю.

Я самъ бывалъ на Тигръ-Танхѣ. Е. Яковлевъ, также бывавшій на этомъ моленіи, даетъ слѣдующее его описаніе [2]):

„Тигръ-Танхъ совершается на высокихъ горахъ въ іюньское полнолуніе и представляетъ общественное моленіе, бывшее, навѣрное,

---

[1]) Айранъ—коровье молоко въ процессѣ броженія, напоминаетъ кефиръ. Молочную водку—арага также называютъ айраномъ.

[2]) Е. К. Яковлевъ. Этногр. обзоръ инород. населенія долины Южнаго Енисея. Минус. 1900 г., стр. 101 и слѣд.

родовымъ или даже племеннымъ и ставшее нынѣ территоріальнымъ: всѣ живущіе по близости высокой горы, на которой искони принято совершать моленіе, тяготѣютъ къ ней. Такъ, напримѣръ, у качинцевъ на гору Куня собираются инородцы всей долины по рр. Абакану и Ташебѣ до с. Усть-Абаканскаго и долины р. Биджи съ другой стороны; на гору около улуса Кутень-Булука сбираются живущіе по верхнему теченію р. Уйбата, рч. Узунжула и пр., т. е. изъ улусовъ Чаркова, Сайгачи, Кутень-Булукъ и т. д. Могутъ присутствовать при моленіи только мужчины, даже животныя женскаго пола не должны быть въ этотъ день на священной горѣ. На шапкѣ каждаго пріѣхавшаго прикрѣпленъ ниткой, обязательно изъ жилъ, бѣлый и синій лоскутъ матеріи. Всѣ лоскутья, какъ приношенія, вѣшаются на березу, обязательный спутникъ моленія; предпочитается естественно-растущее дерево, но въ крайнемъ случаѣ оно замѣняется привезеннымъ и воткнутымъ въ землѣ. Приготовленія къ моленію стереотипны. Всѣ, кто пользуется благоволеніемъ „свѣта“, у кого „скотъ плодится, добро не пропадаетъ, дѣти ведутся“, приносятъ бѣлыхъ холощеныхъ барашковъ съ черными щеками, какъ благодарственную жертву; неудачники приносятъ умилостивительную жертву. Колятся бараны жертвеннымъ образомъ, т. е. имъ осторожно разрѣзается небольшое отверстіе на животѣ (чтобы рука пролѣзла), рука запускается въ полость желудка, и во избѣжаніе пролитія крови -перерывается „сонная жила“, аорта, при чемъ животное моментально умираетъ. Тушка свѣжуется на землѣ такъ, чтобы ни одна кровинка не пролилась на землю, вся вытекшая кровь должна остаться на шкуркѣ и вмѣстѣ съ другими внутренностями тотчасъ же бросается въ огонь, а вся тушка безъ головы и концовъ ногъ (послѣдній составъ), разрѣзанная на части, и изъ внутренностей легкое кладутся въ большой котелъ. Когда мясо готово, оно вынимается изъ котла и складывается на жертвенникъ изъ березовыхъ прутьевъ, который дѣлается подъ березкой на четырехъ березовыхъ колышкахъ, перевитыхъ березовыми вѣтвями. Затѣмъ уважаемый всѣми старикъ, знающій обычаи старины, вооружается тутъ же сдѣланной берестяной ложкой (тос самлакъ) и,

черпая ей изъ берестянаго, тоже сдѣланнаго на мѣстѣ плоскаго блюда, въ родѣ противня [1]), по очереди кумысъ съ творогомъ, молоко, айранъ супъ съ жировыми частями, плещетъ сначала небу, затѣмъ березѣ и при этомъ ходитъ со всѣми присутствующми посолонь кругомъ березы съ чтеніемъ особой молитвы. Каждый круговой обходъ около березки сопровождается недолгой остановкой лицомъ на востокъ, крикомъ всѣхъ присутствующихъ „ау, ау!" и воздѣваніемъ рукъ къ небу, при чемъ старикъ плещетъ опять жертву на всѣ стороны. Торжество кончается обильной трапезой изъ мяса заколотыхъ барашковъ и араги [2]). Все несъѣденное и невыпитое бросается въ огонь такъ же, какъ и кости.

„Это моленіе „небу и солнышку" считается находящимся внѣ сферы злыхъ духовъ, а потому шамана для совершенія Тигръ-Таянъ совершенно не требуется; по увѣренію инородцевъ шаманъ, очутившійся въ этотъ день на Таянѣ, а тѣмъ болѣе взявшійся за совершеніе моленія, безумѣетъ и падаетъ въ корчахъ".

И. Е. Яковлевъ не видитъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ минусинскихъ инородцевъ иныхъ культовъ, кромѣ шаманизма и плохо усвоеннаго православія, поэтому и Тигръ-Таихъ онъ поставилъ въ одинъ рядъ съ таихами, совершаемыми камами: тагъ-таихъ, отъ-таихъ, сугъ-таихъ и др. Но какъ только онъ сталъ объяснять Тигръ-Таихъ, такъ тотчасъ же обнаружилось, что это моленіе не имѣетъ ничего общаго съ камланіями: „это моленіе находится внѣ сферы злыхъ духовъ, поэтому шамана для совершенія его не требуется!" Но вѣдь шаманъ повелѣваетъ не одними злыми духами, онъ обращается за помощью и къ добрымъ. Для того, чтобы не вывести тигръ-таиха изъ сферы міропониманія шаманизма, Е. Яковлевъ утверждаетъ, что это —моленіе „небу и солнышку".

---

[1]) Такъ требуетъ обычай, но онъ повидимому строго не соблюдается, такъ какъ на Тигръ-Таихѣ, видѣнномъ мною, ложки дѣлались дѣйствительно на мѣстѣ, но блюдомъ служилъ простой мѣдный тазикъ. Е. Яковлевъ.

[2]) Арага или айранъ арагазы—молочная водка, получаемая изъ айрана путемъ перегонки, около 8° крѣпостью.

Если бы онъ привелъ молитвы, которыя произноситъ благочестивый старикъ, то тогда было бы ясно, что на Тигръ-Таихъ молятся не силамъ природы а Худаю: О худай! Агъ-чаячи, Когарганъ кокъ-чаячи, Кегъ-Тигръ-де, Агарганъ! О Худай! Творецъ Бѣлаго (неба синее облако! Зеленая степь, Бѣлое небо) и синяго, т. е. творецъ неба и земли; сущій на небесахъ.

Этотъ возгласъ повторяется послѣ каждаго прошенія или молитвы, произносимой старикомъ.

Чекурай мнѣ перевелъ въ слѣдующихъ словахъ молитву, которой онъ начинаетъ моленіе:

„Вступая чрезъ порогъ въ великій домъ, прошу Вышняго Бога для малыхъ дѣтей, для всей жизни, для всякаго плода, для хлѣбопашества, для скотоводства, для земныхъ плодовъ! По показанію Господню, какъ Господь показалъ нашимъ родителямъ, по ихъ ступенямъ, по наученію Господа, какъ дѣлали по Его желанію наши родители, такъ и мы, по ихъ слѣдамъ, начали производить жертву, по понятію своему; по своему мышленію производимъ жертву по исполненію стариковъ“.

На всѣхъ общественныхъ камланіяхъ женщины присутствуютъ, а на Тигръ-Таихѣ женщины не могутъ быть; здѣсь можно усмотрѣть отголоски другихъ восточныхъ, вѣрованій усвоившихъ взглядъ на женщину, какъ на существо грѣховное, нечистое. Въ древнія времена минусинскіе инородцы были въ подчиненіи Ханамъ Золотой Орды; они имѣли такимъ образомъ общеніе и съ мусульманами; возможно, что они отсюда и позаимствовали нѣкоторые взгляды при посредствѣ исчезнувшихъ нынѣ Маторовъ, жившихъ по р. Тубѣ [1]), какъ самый обрядъ жертвоприношенія: сожиганіе на кострѣ—отъ древнихъ Персовъ, огнепоклонниковъ.

Нигдѣ въ предѣлахъ нынѣшней Абаканской Инородной управы

[1]) И. Пестовъ. Записки объ Енис. губ., 1833 г., стр. 88, хотя въ данномъ случаѣ возможно сомнѣніе: не смѣшиваютъ ли Монгольскаго Алтынъ-Хана, соперника русскихъ въ дѣлѣ подчиненія минусинскихъ инородцевъ, съ Чингизханомъ Золотой Орды.

мнѣ не удалось отыскать подтвержденіе догадки Е. Яковлева, что Тигръ-Таихъ ранѣе было родовымъ или племеннымъ моленіемъ; напротивъ, въ общественныхъ камланіяхъ легко всегда выдѣлить родовыя особенности. Точно такъ же Тигръ-Таихъ не связано съ опредѣленной горой; горы же выбираютъ для моленіи потому, что на горахъ чище: скотъ тамъ меньше ходитъ, чѣмъ въ степи, или совершенно тамъ не ходитъ. Я записалъ всѣ мѣста, гдѣ нынѣ совершается или совершалось ранѣе Тигръ-Таихъ: совершается оно и на о рахъ миѳическихъ, составляющихъ предметъ поклоненія „Камлярскаго Толка", совершается и на горахъ, ничѣмъ не замѣчательныхъ. Знаю случай, гдѣ чередуются моленія: въ одинъ годъ на одной горѣ, ближайшей къ улусамъ, расположеннымъ на одной сторонѣ Камышты, а въ другой годъ —на другой, ближайшей къ улусамъ другого берега Камышты.

Сами инородцы никогда не смѣшаютъ этого служенія Вышнему Богу, Худаю, съ камланіями; всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ, что это моленіе —не шаманство; эта жертва не имѣетъ ничего общаго съ шаманствомъ, что это есть ихъ старая вѣра, когда они еще не знали Христа.

Конечно, можно думать, что самый обрядъ Тигръ-Таихъ заимствованъ отъ Таго-Таих'а, или наоборотъ: во всякомъ случаѣ, сходство обрядовъ не даетъ еще основаній къ отождествленію культовъ. Таго-Таихъ, какъ и другія общественныя камланія, сохранило родовой характеръ; это камланіе совершается нѣкоторыми родами чрезъ три года на опредѣленныхъ миѳическихъ горахъ; это—камланіе горному духу, хозяину горы. Камъ при этомъ перечисляетъ или заклинаетъ всѣхъ извѣстныхъ ему горныхъ духовъ, отождествляемыхъ съ самими горами [1]); гора является фетишемъ. Тигръ-Таихъ совершается по обѣту; совершать его можетъ каждый и на какой угодно горѣ; въ камланіяхъ только камъ является посредникомъ съ духами; на Тигръ-Таихъ въ моленіи участвуютъ всѣ присут-

---

[1]) Е. Яковлевъ, стр. 103.

ствующіе и участвуютъ не только въ обрядѣ, но сами непосредственно обращаются къ Худаю: воздѣваніемъ рукъ къ небу и возглашеніями.

Не лишне отмѣтить, что среди минусинскихъ инородцевъ сохраняются и библейскія преданія; происхожденіе Тигръ-Таих'а они ведутъ отъ жертвоприношенія Авраама; на востокъ отъ села Таштыпо (Каленое дно) есть гора, именуемая Божьей; на ней по преданію инородцевъ существуютъ остатки плота, на которомъ спаслись люди послѣ потопа [1]).

Такія преданія указываютъ на древнее общеніе минусинскихъ инородцевъ съ тѣми племенами, среди которыхъ эти преданія первоначально возникли, гдѣ идея единаго личнаго Бога уже въ сѣдой старинѣ вытѣснила иныя культы и вѣрованія.

Г. Минусинскъ, 15 мая 1903 г.

Д. Е. Лаппо.

---

[1]) По словамъ Н. М. Мартьянова и въ сойотіи имѣется гора съ остатками плота послѣ потопа; древнее же общеніе минусинскихъ инородцевъ съ сойотами не возбуждаетъ сомнѣнія.

Родинѣ.

Когда-то также въ край родной
Я ѣхалъ одиноко,
И червь сомнѣнія лежалъ
Въ душѣ моей глубоко.
Весна была тогда моя—
Все жизнь мнѣ предвѣщала,
Но я не замѣчалъ,
И въ сердцѣ грусть звучала.
Едва на родину взглянулъ
Своимъ влюбленнымъ окомъ,
Какъ съ посохомъ назадъ пошелъ
Непризнаннымъ пророкомъ...
Прошли года тоски и мукъ,
И вотъ я, убѣленный,
Опять теперь къ тебѣ стремлюсь,
Все также вдохновленный.
Исчезла юность у меня,
Ея ужъ не увидишь,
А ты, красавица моя,
Красой все также дышешь...

Но я тебѣ давно простилъ,
Давно не негодую...
И голову тебѣ несу
Опять мою сѣдую...

Н. Ядринцевъ.

Къ роднымъ цвѣтамъ.

Снѣгъ обогрѣло, ручьи зажурчали...
Ранней весной выхожу я на поле:
Надо взглянуть, какъ природа цвѣтетъ;
Грудью больной подышу я на волѣ.
Поле пустынно, но, символъ весны,
Первый цвѣтокъ уже вышелъ наружу,
Скромная вѣтрянка робко взошла,
Робко взошла и поникла предъ стужей.
Холодъ ручьи леденитъ вкругъ нея,
Мелкая травка едва выползаетъ,
Вѣтеръ цвѣтокъ пригибаетъ къ землѣ,
Въ желтую чашечку снѣгъ нападаетъ.
Съ видомъ отчаянія шепчетъ цвѣтокъ:
„Страшно цвѣтамъ, что всѣхъ ранѣе зрѣютъ:
Много несчастныхъ погибнетъ, пока
Солнце поля обогрѣетъ.
„Счастливы будутъ другіе цвѣты,
Гордо взойдутъ они въ жаркое лѣто,
Пышный, разряженный ихъ хороводъ
Встрѣтитъ природа привѣтомъ.

„Жизнь ихъ начнется въ веселой семьѣ,
Нѣжною дружбой, любовью согрѣта,
Лѣто повѣдаетъ много имъ чаръ,
Тайны и жизни, и свѣта.
„Мы-жъ одиноко стоимъ среди бурь,
Вѣтеръ холодный въ лицо наше вѣетъ,
Смерть наступаетъ въ то время, когда
Все на землѣ молодѣетъ“...
Вѣтеръ холодный вдругъ тутъ пахнулъ,
Снѣгъ понесло и цвѣтокъ увядаетъ,
Будто чахоточный въ пору любви
Ранней весной умираетъ.
Эта весенняя тихая смерть
Странное чувство во мнѣ пробудила:
Въ раннемъ цвѣткѣ я свой жребій проникъ,
Въ позднихъ цвѣтахъ—счастье родины милой.

Н. Ядринцевъ.

На сѣверѣ.

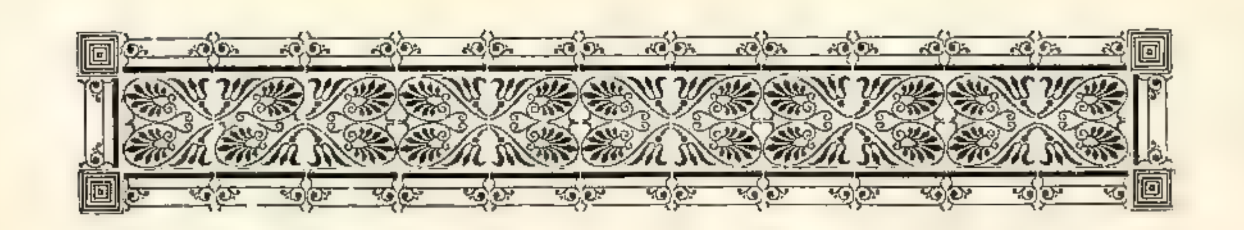
(Послѣ посѣщенія Крыма).

Темная ночь и ни зги не видать,
Вѣтеръ бушуетъ по полю.
Осенью позднею, путникъ, себѣ
Выбралъ ты горькую долю.
Холодно, жутко,—и дождь моросить,
Сердце сжимаетъ тревога;
Гдѣ ты, товарищъ, не видно тебя,—
И затерялась дорога.

Солнце на югѣ такъ ярко горитъ,
Дышутъ цвѣты ароматомъ,
Сладкія пѣсни несутся любви
Въ воздухѣ, нѣгой объятомъ.
Мы-жъ къ непогодѣ привыкли съ тобой,
Духомъ, пріятель, не падай,
Скучно,—такъ бойкую пѣсню запой,
Будетъ она намъ отрадой.—
Въ эту ненастную бурную ночь
Теплою вѣрой проникнись,—
Кажется, гдѣ-то мелькнулъ огонекъ:
Гдѣ ты, товарищъ откликнись!

Н. Ядринцевъ.

Къ характеристикѣ Н. М. Ядринцева.

Я, къ сожалѣнію, слишкомъ мало зналъ покойнаго Н. М. Ядринцева и не имѣю возможности почтить его память сколько-нибудь характерными личными воспоминаніями. Могу только отмѣтить то оригинальное сочетаніе горячности, доходившей почти до энтузіазма, съ дѣловитостью, которыми были обыкновенно проникнуты его разговоры,—а говорить онъ любилъ и умѣлъ. Такимъ я, по крайней мѣрѣ, видѣлъ его всегда, за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, когда онъ былъ въ грустномъ и даже подавленномъ настроеніи. Мнѣ мало извѣстны обстоятельства его жизни, вызывавшія такое настроеніе, но это были, безъ сомнѣнія, обстоятельства исключительныя, и подавленность даже какъ-то физически не шла къ его фигурѣ,—нервной, подвижной, худой, точно воздушной, точно ежеминутно готовой куда-то летѣть. Отъ нея вѣяло рѣшительностью и безповоротною увѣренностью въ правотѣ и необходимости того дѣла, которое онъ сейчасъ дѣлалъ или собирался дѣлать.

Николай Михайловичъ дѣйствительно безповоротно вѣрилъ въ то дѣло, которому отдалъ всю свою жизнь. Это еще не похвала или, по крайней мѣрѣ, очень условная похвала. Вѣдь и Торквемада, сжигая тысячи еретиковъ, вѣрилъ въ правоту и необходимость своего дѣла; но если бы было справедливо избитое изреченіе: de mortuis aut bene, aut nihil,—то исторія молчала бы объ немъ и самаго имени его мы

бы не узнали. Мы чтимъ не всѣхъ увѣренныхъ и рѣшительныхъ, не всѣхъ непреклонныхъ, а лишь тѣхъ, кто оставилъ по себѣ свѣтлый слѣдъ, хотя бы сами они напали на этотъ слѣдъ послѣ долгихъ колебаній, мучительныхъ сомнѣній, уклоненій въ сторону, въ которыхъ потомъ человѣкъ такъ же мучительно раскаивается.

Этихъ жизненныхъ терній Николай Михайловичъ не зналъ. Онъ, можно сказать, съ молокомъ матери всосалъ свою идею, ту идею, которой отдалъ всю свою жизнь, съ первымъ дыханіемъ втянулъ ее въ себя и съ послѣднимъ дыханіемъ разстался съ нею. „Онъ любилъ свою родину“ —вотъ краткая формула его жизни. Но опять-таки это еще не похвала. Въ стихійной связи съ роднымъ пейзажемъ, съ нравами и обычаями родины, съ людьми, говорящими на нашемъ родномъ языкѣ,—какъ и во всемъ стихійномъ, — еще нѣтъ заслуги. Все это слишкомъ легко, само собой дается и именно съ молокомъ матери всасывается, съ воздухомъ родныхъ полей, лѣсовъ, горъ втягивается. Мало того, любовь къ родинѣ, не освѣщенная лучами сознанія, заводитъ людей въ мрачныя дебри національной исключительности, самомнѣнія, косности, грубаго дѣленія всего на свое хорошее и чужое презрительное, злое, вражды и ненависти достойное, неразборчивости средствъ для приданія „своему“ блеска и величія, извращенія самыхъ понятій о блескѣ и величіи. Не будемъ говорить о лицемѣрахъ, подъ прикрытіемъ любви къ родинѣ обдѣлывающихъ свои собственныя и часто грязныя дѣла.

Много Понтійскихъ Пилатовъ
И много лукавыхъ Іудъ
Христа своего распинаютъ,
Отчизну свою продаютъ.

И люди, дѣйствительно любящіе свою родину, но любящіе ее стихійно, совершенно невольно попадаютъ въ указанныя дебри и разносятъ оттуда зло, за которое потомъ дорого расплачивается та же любимая ими родина. Только контроль сознанія, работа критической мысли можетъ оградить насъ отъ этихъ печальныхъ послѣд-

ствій. Такая работа, какъ процессъ - и часто очень трудный—собственныхъ усилій человѣка, есть уже несомнѣнная заслуга. И эта заслуга должна быть поставлена на счетъ Ядринцеву. Онъ не просто любилъ свою родину, не стихійно только, не физіологически или инстинктивно, а сознательно. Для него родина была не по привычкѣ только милымъ сердцу краемъ, въ которомъ все краше другихъ, чужихъ краевъ. Онъ зналъ ея язвы и болѣлъ ими. Зналъ онъ и то, что родина должна многимъ позаимствоваться у исторически старшихъ братьевъ, у народовъ, дальше ушедшихъ по пути цивилизаціи. Но и здѣсь его критическая мысль различала добро и зло, свѣтъ и тѣни. Онъ писалъ о Сибири въ 1873 г.: „Пусть востокъ создастъ свою экономическую жизнь на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ идеалу цивилизаціи и требованіямъ времени, для чего онъ обладаетъ многими важными условіями. Снабженный богатыми естественными произведеніями, обширными степями, съ населеніемъ, не знавшимъ крѣпостного ига, съ русскою общиной въ основѣ хозяйства, въ сосѣдствѣ съ разнообразными расами, болѣе способными къ цивилизаціи, чѣмъ негры и индѣйцы Америки, нашъ востокъ можетъ завоевать себѣ счастливую будущность. Надобно только, чтобъ европейская цивилизація привилась къ намъ лучшими своими сторонами и чтобы развитіе мануфактурнаго и заводскаго хозяйства сопровождалось обезпеченіемъ рабочаго класса“.

Въ связи съ этимъ родина была для Николая Михайловича не тѣмъ лѣсомъ, ради котораго люди такъ часто забываютъ о деревьяхъ. Онъ ясно понималъ, что родина есть идеальное цѣлое, само по себѣ не мыслящее и не чувствующее, что мыслятъ, чувствуютъ, страдаютъ, наслаждаются въ ней люди,—реальные носители жизни. Въ одной изъ своихъ статей 1870 г. онъ горячо возстаетъ противъ „плановъ и системъ, забывающихъ, что за ними стоятъ люди“, страданія которыхъ „не оправдаются никакими планами и системами“. Никакой блескъ цѣлаго, родины не соблазнилъ бы его, если бы этотъ блескъ достигался въ ущербъ живыхъ членовъ общества людей. А людьми были для него всѣ обитатели страны безъ различія происхо-

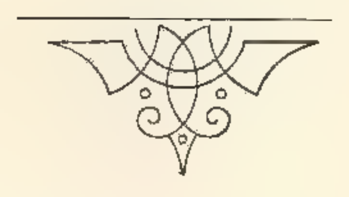
жденія, вѣроисповѣданія и проч. „Мы не можемъ — писалъ онъ — относиться безучастно къ судьбѣ инородцевъ и къ инородческому вопросу въ Россіи и Сибири. Нельзя допустить, чтобы рядомъ съ благосостояніемъ одной расы ухудшалось положеніе такихъ же людей, живущихъ рядомъ; невыгодно имѣть среди развивающейся культуры, въ странѣ, тронутой этой культурой, пустыни дикарей, обреченныхъ на бѣдственное состояніе; несправедливо, давая просвѣщеніе одной части населенія, исключать другую. Наконецъ, невозможно допускать въ краѣ, гдѣ усваивается цивилизація и просвѣщеніе, какое-либо униженіе, рабство и эксплоатацію человѣческой личности“.

Таковы, въ самыхъ бѣглыхъ очертаніяхъ, элементы патріотизма Ядринцева. Этотъ патріотизмъ, поднимаясь до вершинъ гуманизма въ самомъ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова, оставался однако патріотизмомъ, любовью къ родному краю, что придавало ему живую яркость и непоколебимую прочность. Къ этому надо прибавить еще одну черту: покойникъ любилъ родину не только сознательно, а и дѣйственно. Николай Михайловичъ испробовалъ, кажется, всѣ роды писанія, грѣшилъ, между прочимъ, и стихами. Я говорю „грѣшилъ“, потому что онъ далеко не обладалъ мастерствомъ этой форы, и стихи его хороши только искренностью и горячностью чувства все той же любви къ родинѣ. Но и при настоящемъ поэтическомъ дарованіи онъ не могъ бы ограничиться созерцательнымъ воспѣваніемъ красотъ своей родины или оплакиваніемъ ея бѣдствій. По самой натурѣ своей онъ долженъ былъ активно, дѣйственно вмѣшиваться въ сутолоку жизни. Онъ и дѣлалъ это на самыхъ разнообразныхъ путяхъ, не открещиваясь, по русской пословицѣ, ни отъ сумы, ни отъ тюрьмы.

Въ 1885 г. Николай Михайловичъ ѣздилъ за границу и писалъ оттуда въ „Восточное Обозрѣніе“ корреспонденціи подъ заглавіемъ „Письма сибиряка изъ Европы“. Это заглавіе очень характерно и очень точно: въ лицѣ Ядринцева въ Европу ѣздилъ дѣйствительно сибирякъ, и на дальнемъ западѣ не отрывающійся мыслью отъ своей восточной родины. Между прочимъ, въ Бернѣ, осматривая музеи, онъ вспоминаетъ Минусинскъ и затѣмъ пишетъ: „Я же-

лалъ бы, чтобы росли наши маленькіе музеи, и каждый изъ нашихъ земляковъ, гдѣ бы онъ ни находился, не забывалъ послать подарокъ своей родинѣ“. Николай Михайловичъ весь сказался въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ. Ни „святыя чудеса“ европейской цивилизаціи, ни красоты чужой природы не заслоняли для него далекую родину. Напротивъ, они настойчиво наводили на мысль объ ней, онъ мечталъ о подаркахъ родинѣ. Много онъ ихъ далъ ей. Я разумѣю невещественные подарки, тѣ сѣмена добра и правды, которыя онъ неустанно сѣялъ на родной нивѣ. Если они взростутъ и дадутъ плодъ, то лучшаго памятника Николай Михайловичъ не пожелалъ бы себѣ. Да и что можетъ быть лучше такого памятника?

Ник. Михайловскій.

Памяти Н. М. Ядринцева.

Время создаетъ людей и отпечатлѣваетъ свой характеръ на самыхъ сильныхъ и выдающихся дѣтяхъ своихъ... Но и люди создаютъ свое время, и сильно выдающіяся личности отпечатлѣваютъ свое содержаніе на характерѣ, смыслѣ и значеніи своей эпохи. Николай Михайловичъ Ядринцевъ былъ сильною и выдающеюся, яркою и замѣтною личностью своего времени и на этомъ-то взаимодѣйствіи яркой эпохи и сильной личности, какъ оно отлилось въ жизни и литературной дѣятельности Ядринцева, я и намѣренъ остановить ваше вниманіе, въ этомъ бѣгломъ и краткомъ очеркѣ, посвященномъ симпатичной памяти знаменитаго сибирскаго дѣятеля и русскаго писателя.

Время, въ которое складывалась литературная физіономія и развивалась общественная дѣятельность Ядринцева, было временемъ, до исключительности яркимъ, своеобразнымъ, разносторовнимъ и до дерзости смѣлымъ. Такое время властно формируетъ своихъ сыновей по своему шаблону, и необходима большая личная сила, чтобы по своему измѣнить этотъ шаблонъ, тѣмъ самымъ давая болѣе слабымъ современникамъ новый шаблонъ, вырабатывая новый тонъ, давая толчокъ новому развитію. И малый вкладъ этого рода въ такое властное и захватывающее время знаменуетъ присутствіе въ личности душевныхъ силъ, далеко недюжинныхъ. Что же за время была эпоха

выступленія Ядринцева? Въ чемъ тайна его власти надъ людьми и событіями? Чего требовало оно отъ сыновей своихъ? Какія обѣщанія имъ несло оно?

Полстолѣтія передъ этимъ пребывала Россія въ „полномъ гордаго довѣрія покоѣ“, по выраженію Лермонтова. Гордый покой не зналъ тревогъ и волненій, не зналъ общественныхъ вопросовъ, осмѣивалъ всякое сомнѣніе, клеймилъ и подавлялъ всякое отрицаніе своего совершенства:

Великій вѣкъ, когда блисталъ
Среди безгласныхъ поколѣній
Администраторъ-генералъ
И откупщикъ, кабацкій геній...
Великій вѣкъ великихъ мѣръ:
Не разсуждать повиноваться.
Завѣтъ былъ общій, самъ Гомеръ
Не смѣлъ Омаромъ называться.

Все безмолвствовало въ эпоху этого гордаго покоя, но не потому безмолвствовало, что благоденствовало. Внутренняя болѣзнь рабства, неправосудія, невѣжества, взяточничества разъѣдала этотъ съ виду мощный и благополучный государственный организмъ. Одни безмолвствовали потому прежде всего, что условія быта были имъ выгодны. Другіе потому молчали, что были подавлены и невѣжественны. Нація раздѣлялась на двѣ неровныя составныя части: меньшинство, баре, офицеры, чиновники, знали и наслаждались жизнью и властью; большинство имъ служило и покорялось, смѣя существовать и дышать лишь постольку, поскольку это допускалось господствующимъ классомъ. Глухая и стихійная, часто долгая борьба разъѣдала народное тѣло въ формѣ преступленія, порока, изувѣрства, сектантскаго фанатизма, массовыхъ побѣговъ, а съ другой стороны господа положенія направляли свои аппетиты не только на народный трудъ и народное достояніе, но и на казну, на государственные интересы.

Что ни чиновникъ —стяжатель
Съ цѣлью добычи въ походъ

Вышелъ... А кто непріятель?
Войско, казна и народъ.

Но покуда все обстояло благополучно. Часъ испытанія долженъ былъ наступить:

Солнце не вѣчно сіяетъ,
Счастье не вѣчно везетъ:
Каждой странѣ наступаетъ
Рано иль поздно чередъ,
Гдѣ непокорность тупая,
Дружная сила нужна;
Грянетъ бѣда роковая,
Скажется мигомъ страна.
Единодушье и разумъ
Всюду дадутъ торжество,
Да не придутъ они разомъ,
Вдругъ не создашь ничего:
Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разбудишь рабовъ,
Не озаришь пониманья
Грубыхъ и темныхъ умовъ.

Наступилъ, по слову поэта, и Россіи свой чередъ. Явилось серьезное испытаніе въ борьбѣ съ европейской коалиціей. Благополучіе оказалось показнымъ. Урокъ былъ тяжелый и неожиданный. Общественное самосознаніе было пробуждено этимъ урокомъ. Государство стало во главѣ этого движенія. Недавно запретныя сомнѣнія, вчера подавляемыя отрицанія и обличенія прорвали всѣ запреты и хлынули горячею струей въ общественную жизнь. Наступало новое время, время общаго обновленія и возрожденія, коренного преобразованія и перерожденія, эпоха 60-хъ годовъ, эпоха, которая въ числѣ другихъ выпустила и Н. М. Ядринцева.

Время обновленія общества и преобразованія государства—такія эпохи рѣдки въ исторіи, да и тѣ, которыя встрѣчаются, мало похожи другъ на друга. Каждая имѣетъ свои проблемы и этими проблемами окрашивается въ свой особый, ей одной свойственный цвѣтъ.

Ярко окрашена въ свой собственный цвѣтъ и недавняя эпоха нашего обновленія и преобразованія. Сословное господство, чиновническое растлѣніе, общее невѣжество, жестокіе нравы и, какъ центръ всего, народное рабство предстояли проснувшемуся общественному сознанію, какъ первые и настоятельные вопросы. Коренное значеніе этихъ вопросовъ, касавшихся самыхъ фундаментовъ тогдашняго общественнаго и государственнаго строя, требовало такого же коренного переизсмотра всего міросозерцанія, на которое еще недавно опиралось оправданіе нынѣ отрицаемаго и отвергаемаго порядка. Новое міросозерцаніе требовало иныхъ идей, новыхъ знаній, новыхъ методовъ. Общество съ жадностью бросилось учиться, стало серьезно думать, обратилось къ страстной критикѣ. Все подвергалось сомнѣнію и переизслѣдованію, идеалы нравственные и философскіе, политическіе и культурные, вопросы семьи, положеніе женщины, проблемы труда. Никогда люди не вѣровали такъ глубоко въ могущество разума, въ силу знанія, въ торжество правды, вооруженной разумомъ и знаніемъ. Никогда люди такъ много не учились, не предавались съ такою страстью этому ученію, не надѣялись съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ найти въ наукѣ удовлетвореніе всѣхъ своихъ нравственныхъ требованій. А требованія эти были не болѣе и не менѣе, какъ полное торжество справедливости и общее всенародное благо. Только вѣра въ творческія силы народа могла въ то время соперничать съ вѣрою въ силу знанія и торжество разума. Но эти два основные догмата міросозерцанія 60-хъ годовъ, вѣра въ народъ и вѣра въ знаніе, тогда не были въ противорѣчіи и сливались въ одномъ широкомъ просвѣщенномъ гуманизмѣ. Случайныя обстоятельства, преходящая обстановка отливали это умственное и общественное броженіе въ разнообразныя формы, часто по внѣшности не похожія, большею частью драпировавшіяся въ отрицаніе. Эта драпировка была такъ естественна, если вспомнить, что именно страстная критика дореформеннаго быта и была исходною точкою всего развитія. На днѣ одного этого умственнаго движенія лежало широкое положительное міросозерцаніе, основныя черты котораго выше намѣчены: вѣра

въ творческія силы народа и въ силу знанія, которыя вмѣстѣ послужатъ рычагомъ для обновленія общества на началахъ справедливости, просвѣщеннаго разума и общаго труда. Едва ли это не будетъ самымъ общимъ резюме основныхъ общечеловѣческихъ идей, господствовавшихъ въ началѣ 60-хъ годовъ, въ эпоху выступленія Ядринцева. Самъ онъ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ вліяніе умственнаго движенія на свое еще почти дѣтское міроразумѣніе:

„Матерьялъ былъ громадный для мысли. Онъ долженъ былъ потрясти и создать цѣлое міросозерцаніе. Мы узнаемъ цѣлый рядъ мыслителей и учителей человѣчества. Мы узнаемъ, что для Россіи также доступно счастье; что въ ней предвидится великая работа, и мы также имѣемъ участіе въ ней, какъ будущіе студенты и будущіе граждане. Какъ не забыться было юношескому сердцу. Самыя лучшія чувства, самые свѣжіе гражданскіе восторги были пережиты въ это время, и сомнѣнія, и думы, проклятія старому и благословенія новому; слезы, накипавшія въ дѣтской груди, смѣнялись дѣтскою улыбкою надежды; вѣра въ грядущее, любовь безконечная, пламенная любовь къ человѣчеству, ко всему несчастному и обойденному; вѣра въ народное счастье созрѣвала въ сердцѣ, какъ основа будущей религіи, какъ залогъ жизни!“ Нѣсколько далѣе Ядринцевъ такъ характеризуетъ свое дальнѣйшее умственное развитіе: „На пути нашихъ идеальныхъ стремленій насъ встрѣтила свѣжая литература, охватя новую область жизни общественной... Неопредѣленныя стремленія къ идеалу нашли исходъ. Подготовленный гуманизмъ располагалъ къ живому и горячему воспріятію общественныхъ вопросовъ. Мы увидѣли самую тѣсную связь литературы съ жизнью... Чувствуя свои пробѣлы, мы охотно принимались за азбуку, изучали естествознаніе, исторію... Уваженіе къ наукѣ и литературѣ проникало нашу душу вообще“ и т. д., и т. д. Словомъ, Ядринцевъ былъ истиннымъ и типичнымъ сыномъ своего времени, наложившаго на него печать своего духа. Вся литературная дѣятельность Ядринцева тому яркое свидѣтельство.

Возьмемъ, напримѣръ, его книгу „Русское общество въ тюрьмѣ и

ссылкѣ“ — первый крупный литературный трудъ, сдѣлавшій ему имя и причислившій его къ авторитетамъ по русскому тюрьмовѣдѣнію. Здѣсь не мѣсто и не время давать отчеты объ этомъ трудѣ, и доселѣ сохранившемъ свое значеніе. Я хочу только отмѣтить его духъ съ занимающей насъ точки зрѣнія. Вѣра въ творческія силы народы сказалась въ оригинальной идеѣ, положенной въ основу труда, именно, что въ общинномъ духѣ и бытѣ надо искать и для тюрьмы принциповъ организаціи и основъ для исправленія преступниковъ. Рядомъ съ этою характерною чертою своего времени, подробное изученіе всей иностранной литературы вопроса и богатое пользованіе выводами западной науки обнаруживаютъ въ авторѣ другую характерную черту времени, постоянное обращеніе къ наукѣ, какъ могучей и несомнительной руководительницѣ во всякомъ дѣлѣ. Не ту ли же самую вѣру въ знаніе, соединенную съ вѣрою въ народныя силы, обнаружилъ Ядринцевъ и въ главномъ ученомъ литературномъ трудѣ своей жизни, въ книгѣ „Сибирь, какъ колонія“? То же самое красною нитью проходитъ черезъ всю его литературную дѣятельность, черезъ беллетристику, публицистику, редакторство... Смѣлость критики, широта замысла, многосторонность мысли, эти крупныя и отличительныя черты литературы 60-хъ годовъ, составляютъ и у Ядринцева характеристическую особенность литературной физіономіи. Какъ человѣкъ и писатель, Ядринцевъ былъ вѣрный сынъ своего времени, вѣрно и многосторонне отразившій самыя выдающіяся и характерныя черты эпохи. Онъ однако внесъ и свою лепту для характеристики своего времени, для его выработки.

Прежде всего, центральное умственное движеніе должно имѣть спеціально приспособленныхъ посредниковъ для распространенія въ разныя стороны. Такимъ замѣчательно приспособленнымъ каналомъ— для Сибири былъ Ядринцевъ, и то, что богатая силами и талантами литература дѣлала для центра, Ядринцевъ неустанно и систематически передавалъ Сибири. Поскольку вообще литература служила въ то время орудіемъ обновленія и возрожденія, постольку и Ядринцевъ долженъ почитаться орудіемъ общественнаго обновленія Сибири.

*

Трудъ его въ этомъ отношеніи былъ громадный, разносторонній, непрерывный. Но онъ не только передавалъ просвѣтительныя и гуманныя идеи въ дебри и глуши своей родины. Онъ ихъ такъ сказать преломлялъ, пропуская сквозь призму своего сибирскаго понимаія. Идеи космополитичны, но ихъ приложеніе зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Знаніе этихъ мѣстныхъ условій, постоянная любовная дума о нихъ вооружила его для того, чтобы идеи достигали сибирской глуши въ доступной и приспособленной формѣ. Еще Добролюбовъ указывалъ на особенное положеніе русскаго писателя. Западно-европейскій писатель можетъ посвятить свои силы движенію идей, новой оригинальной работѣ. Между тѣмъ, на обязанности русскаго писателя лежитъ прежде всего передать русскому обществу запасъ идей опередившихъ народовъ. Для собственнаго творчества ему остается мало времени. Еще болѣе нужно это относительно положенія писателя областного. Черная работа—его задача и эта черная работа вмѣстѣ съ тѣмъ его великая заслуга. Она и является главнѣйшею литературною заслугою Ядринцева, главнѣйшею, но не единственною.

Служа проводникомъ умственнаго движенія въ родную Сибирь, Ядринцевъ служилъ съ другой стороны проводникомъ достовѣрныхъ свѣдѣній о Сибири въ русское общество. Не касаясь этой стороны учено-литературной дѣятельности Ядринцева, я отмѣчаю здѣсь только эту вторую крупную заслугу Ядринцева.

Какъ любящій сынъ отсталой родины, Ядринцевъ долженъ былъ свои литературныя дарованія и силы посвятить черной работѣ. Для творчества новыхъ идей у него не было досуга, но талантливый человѣкъ творитъ оригинальное и среди черной работы. Областная идея развитіе національныхъ идей были такимъ творческимъ вкладомъ покойнаго писателя. Вѣрный сынъ своего времени, Ядринцевъ воспроизвелъ въ своей дѣятельности всѣ типическія черты свѣтлой эпохи, увидѣвшей его выступленіе, и оставилъ свой значительный и плодотворный слѣдъ въ лѣтописяхъ этой эпохи.

С. Н. Южановъ.

Оскудѣніе Западной Сибири.

Поворотнымъ моментомъ, новой эрой во всѣхъ отношеніяхъ для Европейской Россіи считается великая крестьянская реформа съ незабвеннымъ днемъ 19 февраля 1861 г. Для Сибири, незнакомой съ крѣпостнымъ правомъ, эта реформа имѣла лишь посредствующее и весьма отдаленное значеніе; а такъ какъ въ ней не были введены и большая часть остальныхъ реформъ (земская, судебно-мировая, судъ присяжныхъ), естественно слѣдовавшихъ въ Европейской Россіи за уничтоженіемъ крѣпостного права, то для Сибири новую эру нужно искать не въ этихъ реформахъ; нельзя считать такой эрой для всей Сибири и законъ 1900 г. объ отмѣнѣ уголовной ссылки сюда, отмѣны къ тому же и неполной.

По нашему мнѣнію, болѣе рѣзкимъ поворотнымъ моментомъ для Сибири будетъ Великая Сибирская желѣзная дорога, начатая постройкой 7 іюля 1892 г. и оконченная въ 1900 г. Конечно, это не будетъ, да и не можетъ быть такой всеобъемлющей эрой, какъ для Европейской Россіи отмѣна крѣпостного права и послѣдовавшая за ней эпоха великихъ реформъ, но она, несомнѣнно, содержитъ въ себѣ несравненно большія возможности коренныхъ измѣненій, чѣмъ всѣ до сихъ поръ бывшія здѣсь экономическія и культурныя преобразованія.

Желѣзная дорога, связавшая собою менѣе, чѣмъ въ десятилѣтній

срокъ самые отдаленные пункты Сибири съ центрами метрополіи, должна оказать на весь строй страны громадное значеніе. И это значеніе сказывается во многихъ отношеніяхъ уже теперь; оно сказывается и въ измѣненіи коренныхъ промысловъ края —въ гибели однихъ и въ возникновеніи другихъ, сказывается и на быстромъ развитіи городовъ, лежащихъ на линіи, и на все усиливающейся колонизаціи обширнаго края, сказывается и въ быстромъ вывозѣ изъ Сибири сырыхъ продуктовъ и въ замѣтномъ оскудѣніи нѣкоторыхъ богатыхъ районовъ, и, наконецъ, только она, несомнѣнно, дала возможность тому агрессивному движенію нашему на востокъ въ завоеваніи рынковъ, которое закончилось нынѣ столь тяжелой для насъ войной съ Японіей. Ни одна изъ русскихъ желѣзнодорожныхъ артерій, не исключая даже и Николаевской, не оказывала столь сильнаго и въ такое короткое время вліянія на культурный и экономическій строй не только мѣстнаго края, но и всего государства, какъ Великая Сибирская дорога.

Однако, признавая столь громадное значеніе за Сибирскою желѣзною дорогою, мы не можемъ раздѣлить оптимистическаго взгляда большинства сибиряковъ относительно положительной оцѣнки этого значенія. И въ самой Россіи благодѣтельность желѣзныхъ дорогъ начинаетъ возбуждать сомнѣнія. Указывая на несомнѣнный ростъ національнаго богатства, желѣзныя дороги далеко еще не говорятъ о такомъ же ростѣ народнаго богатства. А національное и народное богатство, какъ всякому извѣстно, двѣ вещи разныя. Національное богатство можетъ рости даже и при упадкѣ благосостоянія народныхъ массъ. Въ послѣдній десятилѣтній періодъ лихорадочнаго желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи, какъ разъ и замѣчается совпаденіе указанныхъ выше явленій. Съ одной стороны во всеподданнѣйшихъ докладахъ министра финансовъ мы ежегодно читаемъ о поразительномъ ростѣ нашей промышленности, въ особенности горной и желѣзнодорожной, а также о значительныхъ запасахъ въ государственномъ казначействѣ и банкѣ золота, съ другой стороны то же вѣдомство открыто признало упадокъ крестьянскаго хозяйства въ централь-

ныхъ губерніяхъ, ранѣе другихъ облагодѣтельствованныхъ желѣзными дорогами. Очевидно, что, если желѣзныя дороги въ Европейской Россіи и не были непосредственными причинами этого упадка и массоваго оскудѣнія, то во всякомъ случаѣ при наличности условій нашей гражданской и экономической жизни онѣ не могли предотвратить этого оскудѣнія.

Будучи могучимъ средствомъ въ передвиженіи товаровъ, желѣзная дорога при односторонней экономической политикѣ можетъ явиться не положительнымъ, а отрицательнымъ факторомъ въ народномъ хозяйствѣ. И дѣйствительно, при настоящихъ условіяхъ особаго покровительства капитализму и при игнорированіи интересовъ мелкаго хозяйства вообще и крестьянскаго въ частности, желѣзная дорога пока является могучимъ средствомъ обогащенія только для обладателей крупнаго капитала въ ущербъ мелкой промышленности. Желѣзная дорога въ Россіи представляетъ изъ себя помпу, выкачивающую народное богатство изъ провинціи въ центры, поэтому въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ больше заинтересованы и оказываютъ большее вліяніе при выборѣ ихъ направленія представители промышленныхъ центровъ, чѣмъ мѣстные промышленники, а всего менѣе мѣстныя общественныя учрежденія, какъ представители мѣстнаго населенія. Поэтому, почти никогда желѣзная дорога не оправдываетъ тѣхъ надеждъ и упованій, которыя обыкновенно съ нею связываются въ представленіи мѣстныхъ жителей. При постройкѣ желѣзной дороги обыкновенно на нее смотрятъ, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ и напастей. Отъ нея ждутъ прежде всего развитія основныхъ мѣстныхъ промысловъ, въ большинствѣ случаевъ—земледѣлія и скотоводства, повышенія цѣнъ на продукты ихъ, ожидаютъ притока капиталовъ извнѣ для развитія мѣстной торговли и промышленности и не только крупной, но и мелкой, кустарныхъ и домашнихъ промысловъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги не должно быть болѣе неурожаевъ и голодовокъ отъ непомѣрнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ. А за экономическимъ преуспѣяніемъ должно слѣдовать и культурное развитіе страны — просвѣщеніе и образованіе, улучшеніе домашняго быта, по

вышеніе народной нравственности и правосознанія. Словомъ, отъ желѣзныхъ дорогъ ждутъ всего, онѣ должны измѣнить къ лучшему не только природу страны, но и нравы самихъ обитателей ея.

Отъ этихъ ожиданій въ Европейской Россіи, однако, уже давно отказались; желѣзныя дороги не представляются болѣе панацеей отъ всякихъ золъ, многіе сомнѣваются даже въ ихъ лечебномъ свойствѣ отъ золъ экономическихъ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ русскую провинцію дѣйствительно явились центральные капиталы, но не для насажденія здѣсь новыхъ отраслей промышленности и торговли, а главнымъ образомъ для наводненія провинціи фабрикатами центральныхъ заводовъ, для захвата мѣстной торговли, для поглощенія и окончательнаго убійства существовавшей на мѣстѣ мелкой промышленности, кустарныхъ и домашнихъ промысловъ. Только во время постройки желѣзныхъ дорогъ торговля оживляется, мѣстное населеніе получаетъ выгодные заработки, но затѣмъ мало-по-малу искусственное оживленіе проходитъ, возникаетъ въ районѣ изъ нѣсколькихъ губерній промышленно-торговый центръ, около котораго расцвѣтаетъ и культурная жизнь, насколько она возможна по внутреннимъ условіямъ страны, со школами, библіотеками, театрами, водопроводами, электричествомъ, телефономъ и пр... Но одновременно съ этимъ въ деревенской провинціи начинается постепенное оскудѣніе и упадокъ крестьянскаго хозяйства вслѣдствіе извлеченія изъ его оборота сырья, необходимаго для развитія мѣстныхъ промысловъ Съ появленіемъ желѣзной дороги въ торговый оборотъ страны дѣйствительно поступаетъ все большая и большая масса товаровъ, но это—не вновь созданные съ желѣзными дорогами товары, а прежніе остававшіеся до того на мѣстахъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, для питанія мѣстной промышленности. Вслѣдствіе концентраціи крупныхъ капиталовъ около главной теперь экономической оси края, вслѣдствіе поглощенія этими капиталами мелкихъ, не бывшихъ прежде на учетѣ у національнаго богатства, наконецъ, вслѣдствіе усилившагося товарообмѣна, ростъ національнаго богатства становится очевиднымъ для всѣхъ: между тѣмъ народное хозяйство съ его начав-

шимся оскудѣніемъ продолжаетъ оставаться въ тѣни, незамѣтнымъ, и только учащающіяся общенародныя бѣдствія вродѣ неурожаевъ, повальныхъ скотскихъ падежей и значительныхъ пожаровъ даютъ знать, что народное богатство уменьшается, провинція бѣднѣетъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть иначе, если желѣзная дорога, сама по себѣ не создавая новыхъ цѣнностей, создаетъ съ увеличеніемъ товарообмѣна новые центры, пріумножаетъ крупные капиталы? На счетъ кого же можетъ происходить этотъ ростъ капиталовъ? Конечно, только на счетъ провинціи, деревни, крестьянскаго хозяйства и мелкой промышленности.

И этотъ апріорный взглядъ на значеніе въ русскомъ народномъ хозяйствѣ желѣзныхъ дорогъ находитъ себѣ въ настоящее время уже много подтвержденій. Прежде всего занимающій въ настоящее время и общество, и правительство вопросъ объ оскудѣніи центра есть вопросъ далеко не праздный, а онъ, несомнѣнно, имѣетъ тѣсную связь съ обсуждаемымъ нами вопросомъ о желѣзныхъ дорогахъ. Вотъ если бы оскудѣли окраины и на счетъ ихъ процвѣли центральныя губерніи, пользующіяся преимущественно предъ другими благами покровительствуемаго капитализма! Какъ легко было-бы это объяснить! центральныя губеніи составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и историческіе центры нашей культуры и просвѣщенія, центры нашего государственнаго объединенія, это — центры и нашей промышленности и, наконецъ, если не здѣсь явилась первая русская желѣзная дорога (Царскосельская), то здѣсь появилась первая желѣзподорожная сѣть, связавшая Москву - это сердце Россіи съ главнѣйшими нашими окраинами. Какъ же послѣ этого не быть нашему центру и богаче, и просвѣщеннѣе своихъ окраинъ, даже и западныхъ, не уступавшихъ, а скорѣе превосходившихъ древностію своей культуры и просвѣщенія наши центры, но уступавшихъ имъ въ полнотѣ пользованія политическими и гражданскими правами? И однако, по степени благосостоянія своего населенія этотъ центръ оказался не только позади своихъ даже отдаленныхъ окраинъ, но онъ уже давно обнаруживаетъ тенденцію къ обѣднѣнію. Это конста-

тировано и нѣкоторыми изслѣдователями [1]), и статистическими трудами департамента окладныхъ сборовъ [2]), и, наконецъ, правительственною комиссіею подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища, а нынѣ министра финансовъ Коковцева.

Разсматривая причины этой отсталости центра отъ окраинъ и находя, что желѣзная дорога является однимъ изъ важнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ нашего центра отъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинъ въ ихъ экономической жизни, я пришелъ къ выводу, что при существующихъ въ Россіи условіяхъ необезпеченности крестьянъ въ правовомъ отношеніи, при ихъ малоземельи и отсутствіи кредита, когда другія сословія пользуются имъ въ изобиліи, при чрезмѣрномъ податномъ обложеніи ихъ, желѣзныя дороги, будучи сами по себѣ могучимъ средствомъ передвиженія, имѣютъ для крестьянскаго хозяйства скорѣе значеніе отрицательное, чѣмъ положительное. Этотъ выводъ я подкрѣпилъ историко-статистическимъ изслѣдованіемъ нѣсколькихъ центральныхъ губерній, давно пользующихся желѣзными дорогами, и нѣсколькихъ нежелѣзнодорожныхъ. Мною разсмотрѣно развитіе въ тѣхъ и другихъ скотоводства, крупной промышленности, торговли и податной задолженности. Въ результатѣ получилось, что всѣ эти факторы показывали въ губерніяхъ желѣзнодорожныхъ упадокъ крестьянскаго хозяйства, а съ нимъ и общее оскудѣніе, тогда какъ въ губерніяхъ нежелѣзнодорожныхъ эти факторы говорили о развитіи и увеличеніи народнаго благосостоянія; а если и въ этихъ гдѣ замѣчался временный упадокъ его, то не столь быстрый и безостановочный, какъ въ губерніяхъ желѣзнодорожныхъ.

---

[1]) Между прочимъ, мною въ статьѣ «Что несетъ желѣзная дорога?» «Вят. Край» 1895 г. и въ докладѣ Пермскому Научному музею «Экономич значеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи», читанномъ 24 октября 1903 г.

[2]) «Матеріалы Высочайше утвержденной 10 ноября 1901 г. комиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 г. по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія среднеземледѣльческихъ губерній, сравнительно съ другими мѣстностями европейской Россіи». Спб. 1903 г.

Сибирская желѣзная дорога еще не могла проявить вполнѣ своего вліянія на весь районъ, который съ теченіемъ времени она будетъ обслуживать; но несомнѣнно, что и здѣсь для оптимистическаго взгляда нѣтъ основаній. Дорога эта застаетъ сибирскаго крестьянина почти въ тѣхъ же условіяхъ въ какихъ былъ и русскій крестьянинъ предъ первой лихорадочной постройкой желѣзныхъ дорогъ въ 70-е годы. Экономическое положеніе сибиряка нѣсколько лучше положенія русскаго крестьянина развѣ только со стороны обезпеченія землею, но зато со стороны кредита, подсобныхъ промысловъ (теперь послѣ желѣзной дороги) и въ особенности со стороны правового обезпеченія его положеніе врядъ ли еще не хуже русскаго крестьянина. Вообще же для экономическаго и культурнаго процвѣтанія Сибирь представляетъ значительно менѣе благопріятныя условія, чѣмъ Европейская Россія: большая удаленность отъ цивилизованныхъ странъ, близость къ странамъ малокультурнымъ, суровость природы, ничтожное количество культурныхъ пространствъ, разбросанность и малочисленность населенія, значительная часть котораго (13%) составляютъ малокультурные инородцы [1]), въ значительномъ количествѣ до сихъ поръ пребывающіе еще въ кочевомъ состояніи. И по занятіямъ жителей, у которыхъ даже земледѣліе не составляетъ еще всюду преобладающаго промысла, Сибирь также стоитъ позади Россіи. А при такихъ одинаковыхъ или еще худшихъ общекультурныхъ и экономическихъ условіяхъ Сибири, конечно, и желѣзная дорога здѣсь не можетъ принести результатовъ лучшихъ, чѣмъ въ Россіи.

---

[1]) Въ 4 сибирскихъ губерніяхъ и двухъ областяхъ Забайкальской и Якутской населеніе по переписи 1897 г. исчислено 5.359,797 ч., изъ нихъ около 700 тыс. ч., или 13%, инородцевъ; всего больше инородцевъ въ Якутской обл., гдѣ они составляютъ преобладающее населеніе: изъ 262 т. ч. инородцевъ 222 т. ч. или 85%, въ Забайкальской обл. они составляютъ 30%, въ Иркутской губ.—22%, въ Енисейской—8%, въ Томской—4% и въ Тобольской 4,5%. См. 58 полут. Словаря Ефрона и Брокгауза.

Къ этому заключенію приводитъ насъ и то обстоятельство, что въ своемъ историческомъ развитіи Сибирь повторяетъ собою свою метрополію. Мы уже видѣли, что въ исторіи экономическаго развитія крестьянства Европейской Россіи замѣчается тотъ странный фактъ, что съ теченіемъ времени центральныя губерніи съ кореннымъ русскимъ населеніемъ не только не обогащаются на счетъ своихъ окраинъ, но становятся экономически все слабѣе и слабѣе этихъ послѣднихъ. Разсматривая нѣкоторые изъ экономическихъ факторовъ Сибири, приходится констатировать почти то же явленіе и здѣсь, съ тою только разницею, что вмѣсто центра здѣсь будетъ Западная Сибирь, по отношенію къ которой окраиною будетъ Восточная Сибирь, имѣющая громадный процентъ инородческаго населенія и недавно начавшая заселяться русскими. Въ нашемъ распоряженіи имѣются историко-статистическія данныя за длинный рядъ лѣтъ (отъ 20 до 35 л.) о поступленіи по сибирскимъ губерніямъ разныхъ сборовъ въ казну, напримѣръ, за право торговли и промысловъ, почтовыхъ, телеграфныхъ, питейныхъ и, наконецъ, податныхъ [1]).

Разсмотрѣніе этихъ данныхъ приводитъ къ тому, что ростъ народнаго благосостоянія, поскольку онъ отражается въ указанныхъ выше сборахъ, совершается значительно медленнѣе въ Западной Сибири и въ особенности въ Тобольской губерніи, чѣмъ въ Восточной. т. е. онъ происходитъ въ направленіи обратномъ ея историческому и культурному развитію: мѣстности старѣйшія съ кореннымъ русскимъ населеніемъ оказываются экономически слабѣе, чѣмъ страны болѣе молодыя. Приведемъ наши историко-статистическія данныя по каждому изъ поименованныхъ выше сборовъ, причемъ, чтобы не отягощать статьи сплошными таблицами за цѣлые десятки лѣтъ, по 6 губерніямъ и областямъ, мы помѣщаемъ сокращенныя таблицы чрезъ пятилѣтніе промежутки.

[1]) Всѣ данныя о поступленіи сборовъ, о недоимкахъ и проч. нами взяты изъ печатныхъ отчетовъ государственнаго контроля.

Сначала разсмотримъ поступленіе казенныхъ сборовъ съ торговли и промысловъ; данныя имѣются за 35-лѣтіе съ 1867 г. по 1902 г.

	Тобольская.	Томская.	Енисейская.	Иркутская.	Забайкальск.	Якутская.
1867 г.	101.175	101.909	58.128	67.002	39.869	4.860
1872 „	144.212	112.546	61.867	70.147	55.596	—
1877 „	147.047	130.724	63.375	102.913	72.000	3.600
1882 „	253.915	222.821	95.259	170.095	139.729	22.824
1887 „	262.146	236.469	98.284	154.293	154.641	17.606
1892 „	238.262	238.262	127.610	164.538	150.117	21.784
1897 „	273.477	360.987	183.527	267.801	250.835	25.104
1902 „	353.133	550.133	270.019	664.000	269.731	18 634

Для пользованія этою таблицею необходимы предварительныя замѣчанія. Такъ какъ система обложенія торговли и промышленности по закону 8 іюня 1898 г. совершенно измѣнилась, то наши данныя за 1902 г. уже не будутъ однородны съ предыдущими годами, когда съ незначительными измѣненіями господствовало обложеніе по торговому уставу 1863 г. Конечно, за 30-лѣтній промежутокъ времени (1867—97 г.) и при господствѣ устава 1863 г. происходило съ теченіемъ времени увеличеніе обложенія; главныя прибавки въ торговыхъ сборахъ происходили въ 1865 г., 1874 г., 1880, въ 1884 г. (стоимость всѣхъ торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ была поднята противъ 1865 г. едва не вдвое), 1885 г., 1887 г. и 1889 г. Благодаря этому увеличенію обложенія, а также и расширенію торговыхъ оборотовъ, вслѣдствіе увеличенія населенія за 30-лѣтній періодъ, произошло и увеличеніе торговыхъ сборовъ: въ Тобольской губерніи съ 1867 г. по 1897 г. они увеличились въ $2^3/_4$ раза, въ Томской—въ $3^1/_2$, въ Енисейской—въ 3,2, въ Иркутской—въ 4 раза, а въ Забайкальской обл. даже въ 6 разъ. Якутскую область, какъ теперь, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ сравнивать съ прочими губерніями и областями, какъ страну, находящуюся въ совершенно особыхъ условіяхъ съ преобладающимъ малокультурнымъ инородческимъ населеніемъ (85%). Уже изъ сравненія абсолютныхъ цифръ торговыхъ сборовъ

по разнымъ губерніямъ видно, что за 30-лѣтіе увеличеніе этихъ сборовъ въ Западной Сибири было менѣе, чѣмъ въ Восточной. Но это различіе въ той и другой половинѣ Сибири будетъ еще рѣзче, если мы разсмотримъ поступленіе торговыхъ сборовъ не въ абсолютныхъ цифрахъ, а въ относительныхъ къ населенію каждой губерніи, т. е. сравнимъ поступленіе сбора на 1 душу въ каждой изъ нихъ. Къ сожалѣнію, болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о сибирскомъ населеніи у насъ имѣются только за два года 1885 (по семейнымъ спискамъ воинскихъ присутствій) и за 1897 г. (по переписи). Поступленіе торговыхъ сборовъ на душу за эти годы въ копѣйкахъ было.

	Тобольская.	Томская.	Енисейская.	Иркутская.	Забайкальск.	Якутская.
1885 г.	20,0	19,7	22,2	32,4	23,2	6,1
1897 „	19,0	18,4	32,7	5,28	37,9	9,6

Если поступленіе торговыхъ сборовъ находится въ прямой зависимости отъ высоты экономическаго благосостоянія населенія (а въ такой зависимости, казалось бы, сомнѣній возникать не можетъ), то эта таблица особенно наглядно подтверждаетъ наше апріорное заключеніе о большей обезпеченности населенія въ Восточной Сибири предъ Западной; притомъ хотя и на небольшомъ промежуткѣ времени, всего на 12 годахъ, та же таблица говоритъ о несомнѣнномъ упадкѣ торговли за этотъ періодъ времени въ Западной Сибири и о чрезвычайномъ ростѣ ея въ Восточной. Въ Тобольской и Томской губерніяхъ торговые сборы на душу не только не возрасли съ 1885 по 1897 г., когда самое обложеніе было не разъ увеличено, но даже понизились. Здѣсь не могло быть какой-либо случайности; 1897 й для Западной Сибири не былъ годомъ исключительно неблагопріятнымъ; скорѣе напротивъ: по урожаю этотъ годъ для Тобольской и Томской губерній былъ выдающимся изъ всего послѣдующаго пятилѣтія 1898—1902 г., кромѣ 1899 г.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются свѣдѣнія еще о двухъ сборахъ, характеризующихъ прежде всего также ту или иную степень

развитія торговли и промышленности края. Это почтовый и телеграфный сборы. Свѣдѣнія о нихъ имѣются лишь за 20-лѣтній періодъ. Оказывается, что и эти сборы только подтверждаютъ наше апріорное заключеніе о начавшейся экономической отсталости Западной Сибири предъ Восточною. Въ абсолютныхъ числахъ поступленіе (въ руб.) почтоваго и телеграфнаго сборовъ по каждой отдѣльной губерніи чрезъ 5-лѣтніе промежутки было слѣдующее:

Почтовый сборъ:

	Тобольская.	Томская.	Енисейская.	Иркутская.	Забайкальск.	Якутская.
1882 г.	100.263	116.972	52.072	111.902	99.585	20.694
1887 „	105.482	123.674	55.190	118.967	100.721	22.587
1892 „	93.954	136.006	70.038	171.047	118.200	16.712
1897 „	82.840	143.085	91 183	236.545	168.409	15.924
1902 „	116.081	230.301	96.728	271.158	209.717	20.604

Телеграфный сборъ.

1882 г.	106 570	121.547	42.756	152.696	118.018	—
1887 „	98.327	112.040	45.482	117.211	116.636	—
1892 „	92.321	132.006	54.313	132.247	111.975	2.213
1897 „	90.944	199.137	101.253	245 478	207.272	27.560
1902 „	107.482	266.908	87.698	363 394	237.546	18.972

Если попрежнему мы будемъ разсматривать ростъ и этихъ государственныхъ доходовъ только до 1897 г. (что для однородности было бы правильнѣе, ибо въ 1902 г. на этомъ сборѣ отразилось уже вліяніе ж. д., такъ какъ происходила полная эксплоатація всей дороги, начавшей правильныя движенія въ Западной Сибири до ст. Обь 1 октября 1896 г., а въ Восточной до Иркутска—1 января 1899 г.), то увидимъ, что даже абсолютныя цифры подтверждаютъ наше заключеніе. По Тобольской губ. эти цифры говорятъ даже объ абсолютномъ паденіи почтово-телеграфныхъ сношеній въ 1897 г. противъ 1882 г. Почтовый и телеграфный сборъ за 1882 г. былъ здѣсь болѣе 100.000 руб. каждый, а въ 1897 г. первый изъ нихъ палъ уже до 82.840 руб., а второй до 90.944 руб. Въ Томской губерніи паденіе абсолютныхъ цифръ происходило только по теле-

графному сбору, каковой поступалъ послѣ 1882 г. ежегодно менѣе, чѣмъ въ этомъ году, повидимому, до самаго начала изысканій и постройки дороги, за исключеніемъ 1889 г., когда онъ достигалъ цифры 1882 г. (122.098 р.).

Впрочемъ, если отъ сравненія абсолютныхъ цифръ мы опять перейдемъ къ относительнымъ цифрамъ 1885 и 1897 гг. (къ населенію), то паденіе почтово-телеграфныхъ сборовъ въ Западной Сибири и громадный ростъ ихъ въ Восточной не будетъ подлежать никакому сомнѣнію. Всего нагляднѣе это можетъ быть представлено на табличкѣ, гдѣ оба сбора мы соединяемъ въ одну цифру. Въ копѣйкахъ на 1 душу почтово-телеграфныхъ сборовъ приходилось:

	Тобольская.	Томская.	Енисейск.	Иркутская.	Забайкал.	Якутская
1885 г.	15,6	18,3	20,8	65,7	38,3	8,1
1897 „	12,0	17,7	34,4	95,1	56,8	151

Здѣсь особенно рельефно представляется переходъ отъ запада къ востоку. Паденіе доходовъ произошло въ обѣихъ губерніяхъ Западной Сибири, но въ Тобольской это паденіе больше, чѣмъ въ Томской; въ послѣдней поступленіе почтово-телеграфныхъ сборовъ еще поддерживалось почти на прежней высотѣ (паденіе всего на 0,6 коп.) городомъ Томскомъ, который при постройкѣ желѣзной дороги получилъ значительное развитіе своей торгово-промышленной жизни, и кромѣ того, здѣсь уже давно былъ университетъ и происходила постройка технологическаго института; все это не могло не отразиться на повышеніи сборовъ по городу, которые, однако, по губерніи падали, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ и въ Тобольской губ. Въ Восточной Сибири прежде всего эти сборы были болѣе, чѣмъ въ Западной, какъ въ 1885 г., такъ и въ 1897 г.; но кромѣ того, за 12-ти-лѣтіе здѣсь по каждой губерніи произошло увеличеніе въ сборахъ. Въ Енисейской губ. это увеличеніе достигало 13,6 коп., въ Иркутской около 30 и въ Забайкальской области 18,5 коп. Въ Иркутской губ. мы встрѣчаемся опять съ сильнымъ вліяніемъ губернскаго города,

въ которомъ въ это время сосредоточивалось управленіе постройкою Восточно-Сибирской желѣзной дороги.

Итакъ, на двухъ или даже на трехъ сборахъ мы видимъ наглядное подтвержденіе высказаннаго нами взгляда о начавшемся паденіи народнаго благосостоянія на западѣ и о продолженіи роста его на востокѣ Сибири.

Разсмотримъ еще поступленіе питейнаго сбора; величина его находится также въ прямой зависимости отъ степени народнаго благосостоянія въ каждой отдѣльной мѣстности. Всего лучше бы эту степень благосостоянія опредѣляли данныя о потребленіи вина, но къ сожалѣнію въ отчетахъ акцизнаго вѣдомства по сибирскимъ губерніямъ этихъ данныхъ до послѣдняго времени не помѣщалось. Даже и о питейныхъ сборахъ погубернскія свѣдѣнія могли быть добыты лишь съ 1882 г., и то только въ отчетахъ государственнаго контроля; въ отчетахъ же акцизнаго вѣдомства эти свѣдѣнія даются лишь по отдѣльнымъ половинамъ Сибири.

Поступленіе питейныхъ сборовъ въ рубляхъ было:

	Тобольская.	Томская.	Енисейская.	Иркутская.	Забайкальск.	Якутск
1882 г.	3.333.827	3.076.636	1.813.440	1.662.420	1.130.333	255.565
1887 „	2.606.210	2.531.832	1.894.216	1.966.899	1.177.253	180.390
1893 „	2.329.412	3.019.899	1.566.442	2.142.006	1.207.514	228.948
1897 „	2.922.098	3.899.664	2.422.755	3.204.413	1.994.197	283.786
1901 „ [1]	3.507.694	4.271.751	2.097.671	3.556.610	2.149.199	296.243

Хотя и по этимъ даннымъ уже видно, что въ Тобольской губ. къ 1897 г. потребленіе вина сократилось даже абсолютно, что и въ Томской губерніи до 1893 г. оно сильно колебалось и было также менѣе того, что было въ началѣ десятилѣтія, а въ то же время въ Восточной Сибири, кромѣ Енисейской губ. (притомъ за одно пятилѣтіе съ 1887 по 1893 г.), оно всюду и постепенно возрастало, но все-таки эти данныя не представляютъ той наглядности, которая

[1]) Съ 1902 г. въ нѣкоторыхъ губерніяхъ введена монополія, и свѣдѣнія съ этого времени будутъ уже не однородны съ предыдущими, а потому вмѣсто 1902 г. беремъ 1901 г.

свойственна относительнымъ числамъ. Мы опять для сравненія возьмемъ относительныя числа къ населенію. Поступленіе питейныхъ сборовъ на 1 душу было въ 1885 и 1897 гг. слѣдующее въ копѣйкахъ:

	Тобольск.	Томская.	Енисейск.	Иркутск.	Забайкал.	Якутская.
1885 г.	209	206	378	458	213	96
1897 „	203	202	433	633	300	108

Отсталость Западной Сибири и передовое положеніе въ потребленіи вина Восточной Сибири представляется отсюда вполнѣ нагляднымъ. Даже Забайкальская область съ ея 30 процентами инородческаго населенія какъ въ 1885 г., такъ и въ 1897 г. стоитъ по потребленію вина впереди старинныхъ западно-сибирскихъ губерній съ ихъ едва не исключительно русскимъ населеніемъ (95 %). Эта же таблица подтверждаетъ и вторую часть нашего заключенія, что въ Западной Сибири уже начался экономическій упадокъ крестьянскаго населенія; это выразилось здѣсь въ паденіи чрезъ 12-ти лѣтіе съ 1885 г. душеваго поступленія питейныхъ доходовъ, тогда какъ въ Восточной Сибири продолжается и еще довольно сильный ростъ этихъ доходовъ. Паденіе питейныхъ сборовъ въ Зап. Сибири тѣмъ болѣе характерно, что въ разсматриваемое 12-ти-лѣтіе происходило три раза увеличеніе акциза на спиртъ (съ 20 мая 1885 г., съ 1 янв. 1888 г. и съ 1 декаб. 1892 г.) и три раза увеличеніе патентнаго сбора (съ 1886 г., съ 1887 г. и съ 1894 г.).

Такимъ образомъ, три фактора, свѣдѣнія о которыхъ за достаточно продолжительное время имѣются въ нашемъ распоряженіи, а именно: торгово-промысловая дѣятельность, почтово-телеграфныя сношенія и потребленіе вина, съ замѣчательною опредѣленностью говорятъ одно и то же, что экономическое благосостояніе населенія было ниже въ Западной Сибири, чѣмъ въ Восточной — за періодъ съ 1885 по 1897 гг., когда еще не началось вліяніе здѣсь того новаго фактора, которому предстоитъ совершить коренное перераспредѣленіе и производительныхъ силъ, и экономическаго благосо-

стоянія сибирскаго населенія; что затѣмъ въ этотъ 12-ти-лѣтній періодъ самое измѣненіе благосостоянія происходило неодинаково въ обѣихъ половинахъ Сибири: въ Западной—оно падало, а въ Восточной—повышалось.

Въ своихъ сравненіяхъ мы вездѣ исключили послѣднее пятилѣтіе, съ поступленіемъ сборовъ за 1902 г., и сдѣлали это по разнымъ причинамъ; между прочимъ, потому, что поступленіе торговыхъ сборовъ за 1902 г. не можетъ быть сравниваемо съ предыдущими поступленіями по своей неоднородности и различію принятой системы торговаго обложенія; въ поступленіи другихъ сборовъ за 1902 г. произошли также рѣзкія и малосоизмѣримыя съ предыдущими годами измѣненія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе ломки, внесеной въ жизнь желѣзною дорогою. Однако, чтобы хотя нѣсколько оцѣнить значеніе и этого новаго періода для разныхъ губерній, мы сдѣлаемъ сравненіе разсмотрѣнныхъ нами сборовъ за одинъ 1902 г., причемъ наши относительныя цифры душевого поступленія сборовъ будутъ уже только приблизительными, такъ какъ точныхъ цифръ наличнаго населенія за 1902 г. отдѣльно по сибирскимъ губерніямъ у насъ не имѣется, и мы сами вычислили ихъ, принявъ для всѣхъ губерній ежегодный приростъ населенія въ 1%.

Поступленіе въ 1902 г. сборовъ на 1 душу населенія въ копѣйкахъ:

	Тобольск.	Томск.	Енисейск.	Иркутск.	Забайкальск.	Якутск.
Торговый . . .	23,4	27,1	45,9	124,9	38,7	7,0
Почт.-телегр. .	14,8	24,5	31,3	119,3	64,1	14,4
Питейный . . .	232	218	357	668	308	108

Оказывается, что по поступленію разныхъ сборовъ и за 1902 г., когда на всемъ пространствѣ Сибири въ корнѣ измѣнились условія экономическаго развитія, отсталость западной половины отъ восточной не подлежитъ сомнѣнію; это одинаково доказываютъ опять всѣ безъ исключенія сборы: западныя губерніи стоятъ ниже восточныхъ по душевому поступленію сбора и съ торговли, и съ почты и телеграфовъ, и питейнаго.

Такое постоянство результатовъ при сравненіи различныхъ факторовъ и за различные періоды времени, очевидно, не случайное. Въ экономической жизни и въ степени благосостоянія Западной и Восточной Сибири существуютъ несомнѣнно уже такія рѣзкія различія, начавшіяся, повидимому, давно, что они начинаютъ сказываться во всемъ. Это „во всемъ“ мнѣ захотѣлось провѣрить еще на чемъ-нибудь такомъ, что не имѣло бы видимой связи съ экономикой страны. Подъ руками у меня находятся статистическія свѣдѣнія по начальному народному образованію въ Россійской имперіи за 1898 г., изданныя министерствомъ народнаго просвѣщенія для всемірной Парижской выставки 1900 г. Въ концѣ этихъ матеріаловъ приложены свѣдѣнія о грамотности новобранцевъ за три года, обнимающія собою цѣлое 20-лѣтіе 1878, 1888 и 1898 гг. Какъ извѣстно, статистика новобранцевъ у насъ является пока единственною точною массовою регистраціею грамотности населенія. Мы приведемъ здѣсь свѣдѣнія о числѣ безграмотныхъ и дипломированныхъ (т. е. имѣющихъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ школахъ—высшей, средней и начальной) новобранцевъ, абсолютныя и въ %%.

	1878 г.				1888 г.				1898 г. [1].			
	Неграмотн.		Дипломир.		Неграмотн.		Дипломир.		Неграмотн.		Дипломир.	
	Всего.	%	Всего.	%	Всего.	%	Всего.	%	Всего.	%	Всего.	%
Тобольская . . .	2.234	88,6	16	0,6	2.214	82,9	35	1,3	2.470	74,0	170	5,0
Томская	1.798	91,0	11	0,6	2.196	85,3	75	2,9	2.885	76,1	188	5,0
Итого Зап. Сиб.	**4.032**	**89,7**	**27**	**0,6**	**4.420**	**84,3**	**110**	**2,0**	**5.355**	**75,1**	**358**	**5,0**
Енисейская . . .	639	88,1	7	1,0	569	82,2	18	2,6	688	72,3	39	4,1
Иркутская. . . .	594	82,9	14	2,0	504	76,5	23	3,5	430	50,1	112	13,3
Забайкальская . .	418	81,8	9	1,8	412	77,5	23	4,3	489	69,0	49	7,0
Якутская	15	70,0	3	13,6	18	62,0	2	6,9	26	78,7	1	3,8
Итого В. Сиб.	**1.666**	**84,8**	**33**	**1,7**	**1.503**	**78,7**	**66**	**3,5**	**1.633**	**64,0**	**201**	**7,9**

[1]) Въ утѣшеніе сибирскимъ патріотамъ упомянемъ, что даже въ 1898 г. и даже среди земскихъ губерній евр. Россіи была одна (Уфимск.) губернія, гдѣ % безграмотныхъ новобранцевъ былъ еще выше (84,3), чѣмъ въ Западн. Сибири, и была одна (Бессар.), гдѣ этотъ % былъ равенъ западносибирскому (75,1); Восточная же Сибирь превосходила своимъ меньшимъ

Вѣроятно, для многихъ эти цифры покажутся удивительными и будутъ во всякомъ случаѣ неожиданными. Старинныя губерніи съ кореннымъ русскимъ населеніемъ оказываются малограмотнѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ болѣе молодыя по заселенію и культурѣ окраины! Западная Сибирь безграмотнѣе Восточной и это замѣчается уже давно, еще въ концѣ 70-хъ годовъ. Да иначе и быть не можетъ: наименѣе экономически обезпеченныя страны должны быть и наименѣе грамотны, образованы, и обратно. Съ другой стороны, разсматривая и просвѣщеніе, какъ самостоятельный факторъ, необходимо признать, что, чѣмъ грамотнѣе и образованнѣе населеніе, тѣмъ оно богаче, ибо тѣмъ оно сильнѣе и успѣшнѣе въ борьбѣ съ экономическими и физическими невзгодами. Это сдѣлавшееся почти трюизмомъ положеніе подтверждается и на сибирскихъ губерніяхъ. Сопоставляя поступленія торговыхъ, почтово-телеграфныхъ и питейныхъ сборовъ, мы пришли къ заключенію, что Западная Сибирь значительно отстала въ экономическомъ своемъ развитіи отъ Восточной Сибири, а теперь мы видимъ, что первая и безграмотнѣе, и невѣжественнѣе второй. При этомъ подтверждается и второй нашъ выводъ, что съ теченіемъ времени пропасть между положеніемъ той и другой дѣлается все шире и шире. На экономическихъ факторахъ это обнаруживалось тѣмъ, что за 12-лѣтіе съ 1885 по 1897 г. въ Западной Сибири поступленіе нѣкоторыхъ сборовъ въ казну уменьшилось, а въ Восточной обратно — увеличилось. На характеристикѣ же грамотности мы видимъ, что въ 1878 г. по числу безграмотныхъ обѣ половины Сибири отличались другъ отъ друга немного: въ Западной было ихъ 89,7%, а въ Восточной 84,8%, т. е. разница въ пользу Восточной Сибири на 4,9%; чрезъ десятилѣтіе,

---

%о въ этомъ отношеніи еще двѣ земскія губ.: Казанскую (66,9) и Самарскую (67,4), и всѣ 13 неземскихъ губ. (69,0), а Иркутская—даже итогъ по земскимъ губерніямъ (50,3%). Молодыя области и губерніи Вост. Сибири по грамотности своего русскаго населенія стоятъ выше губерній, которыя должны считаться колыбелью нашего духовнаго просвѣщенія,—Волынской (71,5% безграмотн.), Подольской (68,7%) и даже Кіевской (62,1%).

въ 1888 г., въ первой безграмотныхъ было 84,3%, и во второй—78,6%, или разница уже 5,7%, т. е. увеличилась едва не на 1%. Еще чрезъ 10 лѣтъ, въ 1898 г., эта разница достигаетъ уже 10,1%, т. е. съ теченіемъ времени Западная и Восточная Сибирь все болѣе и болѣе между собою расходятся по количеству грамотнаго населенія. То же происходитъ и относительно, такъ сказать, образованности новобранцевъ (дипломированныхъ); процентъ ихъ за всѣ три года, или въ теченіе 20 лѣтъ, стоитъ въ Западной Сибири ниже, чѣмъ въ Восточной, причемъ разница постоянно возрастаетъ. Такъ, въ 1878 г. эта разница въ процентахъ дипломированныхъ новобранцевъ Западной и Восточной Сибири была 1,1% (1,7—0,6), чрезъ 10 лѣтъ—1,5% (3,5—2,0), а въ 1898 г.—уже 2,9% (7,9—5,0).

Въ Европейской Россіи мы нашли такое же различіе по числу дипломированныхъ новобранцевъ (только начальными школами) между центральными губерніями (преимущественно старожелѣзнодорожными) и окраинными (безъ желѣзныхъ дорогъ или съ недавно выстроенными ж. д.). Историческій центръ нашей государственности и просвѣщенія съ кореннымъ русскимъ населеніемъ послѣ появленія здѣсь желѣзныхъ дорогъ уступилъ свое первенствующее значеніе даже въ просвѣщеніи своимъ еще недавно малокультурнымъ окраинамъ, вродѣ губерній Олонецкой, Вологодской, Вятской!

Какова же, однако, причина экономическаго оскудѣнія и культурной отсталости Западной Сибири предъ Восточной? Причины оскудѣнія русскаго центра теперь, послѣ работъ комиссіи Коковцова и ея подкомиссіи изъ земскихъ представителей могутъ считаться достаточно выясненными. Въ нѣсколькихъ словахъ они могутъ быть формулированы такъ: недостаточность земельныхъ надѣловъ, непосильное обложеніе податями, пренебреженіе интересами крестьянскаго хозяйства въ пользу крупной промышленности, недостаточная отзывчивость государства къ правовымъ и общекультурнымъ потребностямъ страны, искусственное задержаніе развивающейся самодѣятельности народа и общества. Несомнѣнно, что всѣ эти причины, какъ общерусское явленіе, за исключеніемъ развѣ недостатка въ землѣ, дѣйствуютъ и въ Си-

бири съ тою лишь разницею, что однѣ причины, быть можетъ, вліяютъ сильнѣе, другія —слабѣе: но, съ другой стороны, должно быть несомнѣннымъ и то, что онѣ должны дѣйствовать различнымъ образомъ и въ самой Сибири: въ однѣхъ губерніяхъ усиливаются одни факторы, въ другихъ —другіе, иначе не было бы и занимающей наше вниманіе разницы между Западной и Восточной Сибирью.

Не имѣя возможности останавливаться на каждой изъ причинъ, мы желали бы, однако, обратить вниманіе на одну изъ нихъ, — это податное обложеніе. Въ Сибири до послѣдняго времени существовала архаическая система подушныхъ сборовъ, уже давно сданная въ архивъ и въ европейской Россіи (съ 1887 г.). Она обременительна не столько величиной душевыхъ окладовъ, сколько неравномѣрностію обложенія платежныхъ источниковъ; вмѣстѣ съ этимъ не менѣе обременительна и разорительна была и самая система взысканія податей чрезъ полицію и по круговой порукѣ, взысканія, которое въ сущности и для казны не обезпечивало своевременнаго поступленія податей. И недоимки по Сибири были всегда обычнымъ явленіемъ. На прилагаемой таблицѣ это видно наглядно.

Недоимки казенныхъ податей въ рубляхъ.

	Тобольская.	Томская.	Енисейская.	Иркутская.	Забайкальская.	Якутская.
1870	1.616.929	398.056	313.321	261.061	164.569	16.180
1872	2.296.321	519.827	429.179	359.356	187.734	16.283
1877	1.840.252	467.353	388.061	315.960	221.731	27.408
1882	1.597.056	420.017	438.883	250.116	171.542	33.159
1887	1.875.666	493.640	400.526	249.285	145.384	41.125
1893 [1]	4.698.427	456.194	516.704	303.346	181.035	53.961
1897 [1]	4.642.984	226.530	116.507	60.680	115.738	67.462
1902	4.607.530	2.156.962	287.509	144.642	145.857	57.520

[1]) За 1893 и 97 г. въ отчетахъ государств. контроля по Томской губ свѣдѣнія даны только о казенныхъ сборахъ, между тѣмъ какъ за предыдущіе годы и за послѣдующіе, начиная съ 1899 г., давались свѣдѣнія въ одной цифрѣ съ казенными и о поступленіи оброчной подати въ Кабинетъ Его Величества. Поэтому недоимка за 1893 г. и въ особенности за 1897 г. не можетъ считаться однородною съ прежними цифрами.

Недоимки—явленіе не только обычное, но онѣ и постоянно растутъ, что происходитъ въ значительной степени отъ обложенія ссыльныхъ. Настоящая таблица еще не даетъ полнаго роста ихъ; о немъ можно составить правильное понятіе только тогда, когда припомнимъ, что за разсматриваемое время послѣдовало нѣсколько разъ сложеніе ихъ по манифестамъ и различнымъ случаямъ. Такъ, напримѣръ, сложено было казенныхъ недоимокъ по Тобольской губ. по манифестамъ 1880 г. около 700 тыс. руб., въ 1883 г.—1.370 т. руб., послѣ манифеста 1896 г. въ разные годы около $3^1/_2$ милл. руб. Въ Томской губ. сложено болѣе 100 т. р. въ 1880 г., около 300 т. р. въ 1883 г., и около 300 т. р. въ 1897 г. То же и въ другихъ губерніяхъ: по Енисейской въ 1880 г. — около 80 т. р., въ 1883 г. 200 т. р., послѣ манифеста 1896 г. болѣе 400 т. руб., въ Иркутской послѣ 1896 г. болѣе 250 т. р., въ Забайкальской — болѣе 100 т. р., въ Якутской болѣе 24 т. р.

И, несмотря на это, по отношенію къ окладу недоимки, по крайней мѣрѣ въ западной Сибири, не уменьшались, а росли. Такъ, въ %% къ окладу тѣ же недоимки были:

	Тобольская.	Томская.	Енисейская.	Иркутская.	Забайкальск.	Якутская.
1870 г.	78,3	39,2	79,0	78,0	87,0	72,0
1887 „	86,0	60,0	87,0	60,0	53,0	110,0
1897 „	226,0	?	26,0	15,0	45,0	167
1902 „	221,7	103,2	58,8	31,3	60,8	165

Наконецъ съ 1899 г. взиманіе подушныхъ сборовъ (подушной и оброчной подати, ясака и сбора на межеваніе) по Сибири было отмѣнено (за исключеніемъ инородческихъ округовъ: Березовскаго, Сургутскаго, Нарыма, Туруханска, Киренска, Якутской области и всего Пріамурскаго ген.-губ., куда входитъ и Забайкальская область). Вмѣсто подушныхъ сборовъ была установлена единая государственная оброчная подать, взимаемая уже не подушно, а соотвѣтственно количеству и доходности земли, находящейся въ каждомъ обществѣ. Оклады этой подати на каждую губернію утверждены законодательнымъ порядкомъ и они, за исключе-

ніемъ Алтайскаго округа, очень близки къ прежнимъ окладамъ.

Хотя это и шагъ впередъ противъ прежняго, но несомнѣнно, что и нынѣшнее податное обложеніе далеко отъ равномѣрности и совсѣмъ не согласовано съ сравнительнымъ экономическимъ состояніемъ каждой губерніи въ ряду другихъ. Какъ въ прежнихъ окладахъ, такъ и въ новыхъ замѣтно ясное стремленіе увеличить податную тяжесть въ Западной Сибири и уменьшить ее въ Восточной. Для характеристики обложенія за прежнее время, не имѣя данныхъ о крестьянскомъ землепользованіи, мы взяли общій годовой окладъ всѣхъ казенныхъ податей и сборовъ (въ томъ числѣ и съ городовъ) за 1885 г., приведя его къ наличному населенію каждой губ., и получили, что всѣхъ платежей падало на душу населенія въ Тобольской губ. 1 р. 76 к., въ Томской 1 р. 24 к., Енисейской 1 р. 4 к., Иркутской 1 р. 7 к., Забайкальской 52 к. и въ Якутской 20 к. По новому закону (18 янв. 1898 г. и 19 янв. 1899 г.) оклады государственной оброчной подати назначены по каждой губ. слѣдующіе по сравненію съ прежнимъ окладомъ подушныхъ сборовъ, бывшихъ наканунѣ преобразованія, въ 1898 г.

	Старый окладъ 1898 г.	Утверждено вновь
Тобольская	1.817.488	1.850.000
Томская [1]	340.000 1.312.000	360.000 1.535.000
Енисейская	379.378	350.000
Иркутская	367.915	320.000
Забайкальская	229.240	прежнее
Якутская	31.658	обложеніе

Изъ этого видно, что новые оклады ниже прежнихъ или прежніе въ Восточной Сибири и выше—въ Западной. По отношенію къ

[1]) Въ Томской губ. верхняя цифра для уѣздовъ Маріинскаго, Каинскаго и части Томскаго; нижняя для Алтайскаго горнаго округа владѣній Кабинета Его Величества, въ уѣздахъ Барнаульскомъ, Бійскомъ, Кузнецкомъ и 5 вол. Томскаго.

землепользованію значительная высота обложенія въ Западной Сибири бросается еще рѣзче. Если распредѣлить новые оклады по отношенію къ землѣ [1]), находящейся въ пользованіи крестьянъ и инородцевъ, платящихъ оброчную подать, то обложеніе десятины будетъ въ Тобольской губ. 13,5 к., въ Томской—12,4 к. на Алтаѣ (изъ нихъ около 10 к. въ доходъ Кабинета) и 5,2 к. въ прочихъ уѣздахъ, въ Енисейской 6,5 к., Иркутской 6,8 к., а въ Забайкальской 2,6 к. Словомъ, обложеніе является какъ разъ обратнымъ тому экономическому положенію, въ которомъ находятся эти губерніи другъ къ другу.

Съ 1904 г. обложеніе крестьянскихъ земель на Алтаѣ увеличивается еще почти вдвое, десятина земли теперь облагается уже въ 22 к., исключительно въ пользу Кабинета. Несомнѣнно, что эта новая податная реформа не сулитъ западно-сибирскому крестьянству экономическаго улучшенія; напротивъ, въ Томской губ. она уже и теперь отразилась громадною недоимочностью, прежде еще ни разу не достигавшею до 100% оклада; въ Тобольской губ. она уже болѣе 10 лѣтъ не выходитъ изъ предѣловъ двойного оклада, несмотря на значительныя сложенія. Величина обложенія и сама система, при которой приходится прибѣгать постоянно къ сложенію недоимокъ, достаточно уже рекомендуетъ себя съ отрицательной стороны; и намъ кажется, что, если въ Европейской Россіи уже давно поднятъ вопросъ о необходимости податнаго облегченія путемъ сложенія нѣкоторой части или даже полной отмѣны выкупныхъ платежей, то о подобномъ же облегченіи слѣдуетъ подумать и въ Сибири, по крайней мѣрѣ, въ Западной, гдѣ, какъ мы видѣли, уже ясно обозначился экономическій упадокъ населенія, и гдѣ податная недоимочность даже въ первые годы послѣ податной

---

[1]) Размѣры крестьянскаго и инородческаго землепользованія см. 58 полут. Словаря Брокгауза и Ефрона (Тобольск.—13.694 т. дес., Томск.—12.347 т. дес. въ Алтаѣ и 6.897 т. дес. въ прочихъ уѣздахъ, въ Енисейской—5.417 т. дес., Иркутской—4.918 т. дес., въ Забайкальской обл. 8.602 т. дес.).

реформы послѣдняго времени превышаетъ въ Томской губ. цѣлый окладъ, а въ Тобольской даже двойной его размѣръ.

Несомнѣнно, что въ ряду настоятельныхъ экономическихъ мѣропріятій для Сибири податной вопросъ снова долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ, ибо законы 1898 и 1899 гг. не могутъ считаться удачными, въ особенности для бывшаго приписнаго къ Алтайскому округу населенія, для котораго до сихъ поръ не сдѣлано даже того, что сдѣлано для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ Европейской Россіи: прошло уже 43 года послѣ освобожденія ихъ отъ обязательныхъ работъ, а они до сихъ поръ не получили обѣщаннаго имъ земельнаго надѣла, хотя все время платили высокую оброчную подать (6 руб. съ рев. души). Съ 1911 г. многіе изъ бывшихъ крѣпостныхъ въ Европейской Россіи, а съ 1914 г. и всѣ удѣльные крестьяне уже совсѣмъ кончатъ свои платежи по выкупу земли, на которой ихъ застала реформа, а приписные Алтая съ 1904 г. снова въ теченіе 49 лѣтъ будутъ платить оброчную подать по 22 коп. съ десятины, что почти одинаково съ прежнимъ 6-рублевымъ душевымъ платежомъ.

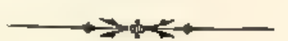
Конечно, кромѣ податнаго облегченія Сибирь не меньше Россіи нуждается и въ таможенныхъ облегченіяхъ на предметы всеобщаго потребленія; она нуждается въ мелкомъ государственномъ кредитѣ для развитія мѣстныхъ промысловъ, въ уничтоженіи стѣсненій при открытіи промышленныхъ заведеній, а больше всего нуждается въ школахъ, въ уничтоженіи стѣсненій къ просвѣщенію.

Но несомнѣнно, что одни экономическія и культурныя мѣропріятія далеко не достаточны для поднятія края, хотя бы только до той высоты, на которую подняли великія реформы 60-хъ годовъ Европейскую Россію. Сибирь нуждается въ упорядоченіи своего общественнаго и народнаго хозяйства, а это возможно лишь съ открытіемъ здѣсь земства.

Пожеланіемъ всего этого Сибири мы и закончимъ нашу замѣтку.

П. Голубевъ.

Пермь. 5 мая 1904 г.

Старецъ Аврамій Венгерскій.

(Очеркъ изъ жизни старообрядцевъ начала XVIII вѣка) [1].

I.

Наканунѣ рождественскаго сочельника 1701 года тюменскій воевода стольникъ Осипъ Яковлевичъ Тухачевской явился въ приказную избу спозаранку „въ ночи въ 14-мъ часу“, какъ тогда считали, т. е. около 5 часовъ утра. Онъ торопился раздѣлаться съ текущими дѣлами по воеводскому управленію, чтобы праздниками отдохнуть. Особенно важныхъ дѣлъ не было и воевода расчитывалъ все покончить къ вечеру.

Тюмень въ это время уже начинала терять значеніе крупнаго административнаго центра, какимъ была раньше, до конца XVII вѣка. Теперь Тюмень превращалась въ скромный провинціальный городъ захолустнаго типа, съ очень ограниченною сферою воеводской дѣятельности. Энергичному и полному силъ воеводѣ было бы скучно сидѣть на Тюменскомъ воеводствѣ, если бы въ послѣднее время не появилось въ жизни города и уѣзда новое теченіе, доставлявшее много заботъ и тревогъ.

---

[1]) Очеркъ основанъ на архивномъ дѣлѣ: См. въ московскомъ архивѣ м-ва юстиціи Сибирскаго приказа книгу № 1350, лл. 272—286.

Съ 1660-хъ годовъ на Тюмени появились и стали множиться „раскольники"—враги оффиціальной церкви, которую воеводская власть обязана была поддерживать всячески. „Старая вѣра" ходко распространялась среди мѣстнаго населенія, не только жилецкаго, но и служилаго, что особенно тревожило воеводъ и пугало Москву... Въ укромныхъ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстахъ уѣзда появилась масса бѣжавшихъ изъ московской Руси старообрядцевъ, которые завели тамъ нѣсколько „пустыней" (скитовъ), привлекавшихъ послѣдователей и изъ сосѣднихъ сибирскихъ уѣздовъ.

Во главѣ тюменскихъ старовѣровъ появлялись даже представители мѣстнаго духовенства, какъ, напр., попъ Дометіанъ (въ иночествѣ Данило), настоятель Знаменской церкви въ Тюмени, извѣстный особенно, какъ инициаторъ и руководитель одного изъ самыхъ крупныхъ самосожженій старообрядцевъ, когда на рѣчкѣ Березовкѣ сожглось 1700 человѣкъ [1]), спасавшихся отъ „увѣщаній" администраціи и православнаго духовенства... Это ужасное самозакланіе произошло въ 1679 г., а въ 1687 г. снова повторилось въ Тюменскомъ уѣздѣ массовое самосожженіе, когда на рѣчкѣ Течень сожглось болѣе 300 человѣкъ вмѣстѣ съ ихъ наставниками, „чернецами" Пименомъ и Ефремомъ [2]). Были въ уѣздѣ и другіе, болѣе мелкіе случаи самосожженій, во время которыхъ обыкновенно гибли не одни фанатики, но и люди невинные, подневольные, особенно женщины и дѣти...

Ожесточеніе мѣстныхъ старовѣровъ противъ православныхъ доходило до открытой мести, на почвѣ которой разыгрывались кровавыя драмы... Напр., въ томъ же 1687 г., въ пасхальную заутреню (27 марта) старообрядцы подожгли биткомъ набитую народомъ православную церковь въ селѣ Каменкѣ: 250 человѣкъ живьемъ сгорѣло, а больше 100 человѣкъ изувѣчено [3]).

---

[1]) Д. И. Сапожникова «Самосожженіе въ русскомъ расколѣ» (М., 1891), 9—11, 13.

[2]) Ibid., 30—31.

[3]) Ibid., 30.

Такое ожесточенное настроеніе тюменскихъ „раскольшиковъ“ побудило центральное правительство требовать отъ мѣстной администраціи особенной осторожности и тактичности въ дѣлѣ преслѣдованія и уловленія старовѣровъ, чтобы не доводить ихъ до этихъ ужасныхъ самосожженій. Однако, Москва не могла додуматься до необходимости отмѣнить, или хотя смягчить политику строгихъ каръ, какимъ продолжали подвергаться старовѣры. Воеводамъ была дана мудреная задача: попрежнему строго и неуклонно преслѣдовать всѣхъ „роскольниковъ“ и въ то же время соблюдать „великую осторожность“, чтобы не доводить ихъ до озлобленія... Но какъ совмѣстить то и другое? какъ лавировать между приказами правительства и требованіями жизни?..

Тяготили эти заботы и тюменскаго воеводу О. Я. Тухачевскаго. Хотя онъ могъ похвалиться, что въ послѣдніе годы случаи самосожженій совсѣмъ прекратились въ его уѣздѣ, но зато „старая вѣра“ росла съ каждымъ годомъ и число ея послѣдователей прогрессивно увеличивалось, распространяясь во всѣхъ общественныхъ слояхъ до служилыхъ людей включительно. Послѣднее обстоятельство особенно безпокоило воеводу, такъ какъ оно не укрылось отъ тобольскихъ воеводъ, а, значитъ, скоро станетъ извѣстнымъ и Москвѣ...

Правда, это началось не при немъ, Тухачевскомъ, а много раньше. Но за нынѣшнихъ онъ отвѣчаетъ...

Такъ, въ прошломъ 1700 году писали ему тобольскіе воеводы, ближній бояринъ кн. Михаилъ Яковлевичъ и стольникъ кн. Петръ Михайловичъ Черкасскіе, чтобы онъ „смотрѣлъ“ за коннымъ казакомъ Ѳокою Костогоровымъ и ямщикомъ Петромъ Дворниковымъ, которые „прежъ сего въ раскольныхъ причинахъ (sic) бывали“... Тухачевскому предписывалось допросить ихъ и „иныхъ раскольшиковъ“ и, буде они таковыми окажутся, выслать всѣхъ въ Тобольскъ.

Воевода выслалъ туда этихъ двухъ „раскольшиковъ“, но ихъ еще много осталось среди тюменскихъ ратныхъ и другихъ служилыхъ людей. Если всѣхъ ихъ отправить на расправу въ Тобольскъ,

Тюмень совсѣмъ оскудѣетъ служилыми людьми, не съ кѣмъ будетъ править „государевы дѣла“...

Особенно безпокоило воеводу, что старовѣровъ было много между „конными казаками“ Тюмени, т. е. въ главномъ и лучшемъ ядрѣ Тюменскаго гарнизона. Ревностнымъ „раскольшикомъ“ здѣсь называли коннаго казака Елисея Кокшарова. Но онъ ведетъ себя очень осторожно и уличить его въ явномъ „расколѣ“ до сихъ поръ не удавалось...

А между тѣмъ воевода зналъ, что именно въ окрестностяхъ деревни Кокшарова („на Кармакахъ“) укрывается глава тюменскихъ „роскольпиковъ“ —старецъ Аврамій... Въ этомъ старцѣ лежитъ весь корень зла: пользуясь громаднымъ вліяніемъ среди тюменскихъ старообрядцевъ, онъ руководитъ всѣми дѣлами ихъ и привлекаетъ къ старой вѣрѣ многихъ православныхъ. Вліяніе его распространялось далеко за предѣлы Тюменскаго уѣзда. Къ нему, въ его „пустынь“, стекались поклонники изъ многихъ мѣстъ Сибири.

Воеводѣ казалось, что старая вѣра ослабѣетъ на Тюмени, если онъ схватитъ „старца Аврамку“ и вышлетъ его въ Тобольскъ. Но схватить его никакъ не удавалось, хотя воевода зналъ, что старецъ часто оставляетъ свою „пустынь“ и не только разъѣзжаетъ по деревнямъ, но даже изрѣдка бываетъ въ городѣ. Но старообрядцы его берегутъ и добровольно не выдадутъ... Даже о самой пустынѣ Аврамія Тухачевской зналъ только приблизительно, что она находится гдѣ-то около деревни коннаго казака Елисея Кокшарова, но точное мѣстонахожденіе ея не было извѣстно ни воеводѣ, ни окружающимъ его. Кокшаровъ и другіе старовѣры тщательно скрывали эту тайну.

Много разъ Тухачевской покушался чрезъ посланныхъ служилыхъ людей (православныхъ) тайно добраться до пустыни и похитить старца. Но это не удавалось и воеводскіе посланные не видѣли ни разу ни пустыни, ни старца. У послѣдняго было много ушей и глазъ на Тюмени, ревниво слѣдившихъ за всѣми дѣйствіями воеводы относительно старовѣровъ... Идти же открытою силою на Авраміеву пустынь было немыслимо: тамъ всегда можно было натолкнуться на

толпы его послѣдователей, которыхъ легко было довести и до ужасовъ самосожженія... А этого воевода боялся пуще всего: не усидѣть ему тогда на воеводствѣ...

Тухачевской спалъ и видѣлъ, какъ бы уловить старца Аврамія... Не мало интриговало воеводу особенно то обстоятельство, что старецъ былъ его собратомъ по происхожденію... Хотя отецъ воеводы Яковъ Остафьевичъ закончилъ службу Мангазейскимъ воеводою, а раньше былъ тарскимъ воеводскимъ товарищемъ, но происходилъ онъ изъ томскихъ боярскихъ дѣтей [1]). Въ послѣднемъ званіи начинали службу дѣти Якова, въ томъ числѣ и Осипъ, теперешній тюменскій воевода.

Онъ былъ страшно пораженъ, когда дознался, что старецъ Аврамій, глава тюменскихъ старовѣровъ —не кто иной, какъ тобольскій боярскій сынъ Алексѣй Венгерскій!.. Венгерскіе - одинъ изъ старинныхъ родовъ сибирскихъ боярскихъ дѣтей. Предокъ ихъ былъ, очевидно, выходецъ изъ Венгріи, или добровольно перешедшій на московскую службу, или служившій въ польскихъ войскахъ, а затѣмъ въ одну изъ войнъ очутившійся въ московскомъ полону и сосланный на службу въ Сибирь [2]). Венгерецъ въ роли старообрядческаго вѣроучителя странная судьба!..

Тухачевской зналъ отца его — тобольскаго боярскаго сына Ивана Венгерскаго, который въ 1634 году былъ назначенъ „прикащикомъ пашенныхъ крестьянъ“ Ницынской слободы, Тюменскаго уѣзда [3]), но самого Алексѣя (старца Аврамія) не встрѣчалъ. Послѣдній родился именно въ Ницынской слободѣ и здѣсь провелъ дѣтство. Этимъ объясняется его тяготѣніе къ Тюменскому уѣзду, гдѣ онъ и поселился подъ старость. На государевой службѣ онъ почти

---

[1]) См. мое «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибир. приказа», III, 38, 41, 174, 323.

[2]) Не былъ ли предкомъ Венгерскихъ сотрудникъ Ермака—Матьяшъ Угренинъ? (Ibid., I, 285).

[3]) Ibid., III, 102.

не былъ и еще юношею вступилъ въ монахи, откуда и перешелъ въ старую вѣру.

Воеводу очень интересовало—какими путями этотъ боярскій сынъ, представитель сибирской служилой аристократіи, затѣмъ православный монахъ, дошелъ до своего теперешняго положенія, превратившись въ старообрядческаго старца и, по слухамъ, даже попа?!. Встрѣча съ Аврамiемъ могла многое объяснить воеводѣ, но старецъ, какъ кладъ, не давался въ руки...

II.

Всѣ эти мысли волновали О. Я. Тухачевскаго, когда 23 декабря 1701 года онъ засѣдалъ въ своей приказной избѣ и слушалъ доклады старшаго подьячаго по текущимъ дѣламъ воеводства. Какъ городскую новость, подьячій сообщилъ между прочимъ, что въ городѣ снова появилась извѣстная „роскольщица“, стрѣлецкая женка Ненилка Кузнецова, которая шныряетъ по домамъ и, очевидно, ведетъ пропаганду среди женскаго населенія Тюмени. Неразъ она совращала православныхъ женщинъ и дѣвушекъ, и увозила ихъ въ пустыню старца Аврамія... Она давній и вѣрный агентъ старца. Хорошо бы захватить ее, а чрезъ нее добраться и до старца... Какъ ни вѣрна она ему а если припугнуть ее застѣнкомъ, Ненилка не выдержитъ—все откроетъ...

Не успѣлъ еще воевода съ подьячими сговориться на счетъ мѣръ по поимкѣ Ненилки, какъ двери изъ сѣней въ воеводскую горницу растворились и показался тюменскій боярскій сынъ Василій Некрасовъ, тащившій за собою какую-то женщину среднихъ лѣтъ, видимо избитую и перепуганную, въ растерзанномъ платьѣ, съ всклокоченными волосами... Въ сѣняхъ осталась толпа людей, сопровождавшихъ Некрасова.

Воевода и подьячіе сразу догадались, что боярскій сынъ прита-

щилъ именно Ненилку, о которой они только что разсуждали. Самой Ненилки они раньше не видѣли, но знали, что въ семьѣ Некрасова творилось что-то неладное. Отецъ и мать твердо стоятъ въ православной вѣрѣ, а молодая ихъ дочь, красавица Дуня, какими-то путями, вѣроятно, чрезъ подругъ-горожанокъ, отворачивается отъ родительской вѣры и склоняется къ старой...

Взволнованный не менѣе Ненилки, Василій Некрасовъ тотчасъ подтвердилъ догадку воеводы и подьячихъ, что предъ ними, дѣйствительно, стоитъ Ненилка Кузнецова—та самая, которая „пріѣзжаетъ на Тюмень во многіе домы“, какъ и въ уѣздѣ, и „подговоря женскъ полъ, многихъ увозитъ съ Тюмени въ пустыни“ старообрядцевъ... Теперь она добиралась до его дочери Овдотьи, но ей помѣшали въ томъ.

Наканунѣ Некрасовъ, по воеводскому порученію, ѣздилъ въ уѣздъ „для денежныхъ оброчныхъ сборовъ“. Воспользовавшись его отсутствіемъ изъ дому, Ненилка прокралась къ его дочери, съ которою давно знается, встрѣчаясь у ея подругъ-староверокъ. Давно она вліяетъ на его дочь и склоняетъ къ своей старой вѣрѣ... Въ этотъ разъ Ненилка окончательно подѣйствовала: „обманомъ подговорила дочь его дѣвицу Овдотью—хотѣла свести ее въ русскіе городы, или куда въ пустыни“... Но жена Некрасова не дремала. Услышавъ подозрительныя шушуканья въ свѣтлицѣ дочери, мать стала слѣдить и „усмотря“, что Авдотья куда-то собирается уходить, „дочь поймала“, а Ненилку задержала при помощи работныхъ людей. Поздно ночью вернулся изъ уѣзда Некрасовъ и, захвативъ Ненилку, привелъ ее къ воеводѣ

Пока Некрасовъ это разсказывалъ, Ненилка, избитая возмущеннымъ отцомъ, успѣла успокоиться и собраться съ мыслями. Она хорошо поняла, что сейчасъ ей не вырваться отсюда и выгоднѣе быть правдивою въ своихъ показаніяхъ, насколько это возможно безъ особеннаго вреда старовѣрамъ.

На разспросы воеводы Ненилка показала, что она родомъ изъ города Мензелинска, Казанской „четверти“. Мужъ ея—казанскій

стрѣлецъ Филиппъ Степановъ Кузнецовъ, бѣжавшій со службы въ 1692 г. Вмѣстѣ съ женою они направились въ Сибирь и жили сначала въ Далматовѣ монастырѣ въ числѣ работныхъ людей. Въ 1696 г. Ненилка бѣжала отъ мужа въ Тюменскій уѣздъ и поселилась въ деревнѣ Кокшаровой „на Кармакахъ“. Здѣсь она построила себѣ „келью, для того чтобъ ей ходить на исповѣдь къ раскольщику старцу Аврамкѣ“, когда онъ приходилъ въ деревню, останавливаясь „въ домѣ дѣвки“ Матрены Ѳоминой Дырпиковой. Ходила она на исповѣдь къ старцу и въ его пустынь „по многія времена“.

Относительно же Овдотьи Некрасовой Ненилка прямо сказала, что, „подговоря“ ее, „хотѣла свести въ пустыню“ къ старцу Аврамію.

На этомъ кончился первый допросъ Ненилки и воевода приказалъ отвести ее въ тюрьму, подъ крѣпкимъ карауломъ, чтобы старовѣры не отбили ее.

Тухачевской очень благодарилъ Некрасова за поимку Ненилки. Онъ справедливо расчитывалъ, что черезъ Ненилку доберется теперь и до старца Аврамія... Хотя она довольно откровенничала на первомъ допросѣ, но рѣшительно отказалась отвѣчать на вопросъ о мѣстонахожденіи Авраміевой пустыни. Очевидно, она боялась, что воевода сейчасъ пошлетъ туда отрядъ и старца захватятъ, какъ и многихъ старообрядцевъ, собирающихся къ нему на праздники. Она была увѣрена, что слухъ объ ея арестѣ распространится, старовѣры примутъ свои мѣры и припрячутъ старца, чтобы онъ не попалъ въ руки Никоніанъ...

Воевода зналъ, что Ненилка будетъ и дальше тянуть съ признаніемъ, чтобы выгадать время. Придется прибѣгнуть къ пыткѣ, чтобы вырвать отвѣтъ... Но наступали праздники и воеводѣ казалось зазорнымъ пытать человѣка въ эти дни... Приходилось отложить дѣло, пока пройдутъ праздники. Оно и выгоднѣе — тогда вѣрнѣе уловить старца, чѣмъ теперь, когда онъ узнаетъ объ арестѣ Ненилки и скроется. А если праздники пройдутъ для него спокойно, онъ подумаетъ, что воевода не замышляетъ его арестовать

и вернется въ свою пустыню... Съ другой стороны, если старецъ на будетъ скрываться, опасно предпринимать что либо противъ него на праздники, когда въ пустынь прибудетъ масса старовѣровъ: долго-ли тутъ и до самосожженія довести фанатичную толпу!..

Поимку старца воевода поручалъ тому же боярскому сыну Василью Некрасову, который доставилъ Ненилку. Воевода зналъ, что никто изъ его подчиненныхъ не исполнитъ этого щекотливаго порученія лучше Некрасова, лично озлобленнаго на Аврамія и всѣхъ старовѣровъ. Вѣдь его красавица дочь могла очутиться въ ихъ рукахъ... Крайне подозрительны эти разъѣзды Ненилки и сманиванье ею молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ Аврамieву пустынь... Тутъ пахнетъ сводничествомъ этой прожженой бабы. Навѣрное, что не для самого старца Аврамія она такъ усердно старается, добывая „женскій полъ“ для пустыни... Аврамій больной старикъ за 70 лѣтъ, строгій подвижникъ и постникъ.

Но онъ не одинъ живетъ въ пустыни—есть тамъ и другіе „старцы“, въ родѣ правой руки Аврамія старца В а р л а а м а, о которомъ идутъ недобрые слухи, какъ о пьяницѣ и бабникѣ... Прошлое лѣто Варлаамъ попался было въ воеводскія руки, но Тухачевской имѣлъ неосторожность повѣрить его раскаянію и отдалъ его „во исправленіе“ въ Тюменскій Преображенскій монастырь, откуда тотъ сумѣлъ бѣжать. Теперь Варламъ попрежнему живетъ въ Аврамiевой пустыни. Некрасовъ зналъ его, какъ сына тюменскаго коннаго казака и помнилъ его ражую фигуру, съ испитымъ лицомъ и наглыми глазами Онъ въ ужасъ приходилъ, что его красавица дочь могла очутиться въ грязныхъ объятіяхъ этого старца и ему подобныхъ... Варламъ, часто шатавшійся въ Тюмени, несомнѣнно зналъ Авдотью Некрасову, могъ заинтересоваться ею и поручить Ненилкѣ выкрасть ее и доставить въ пустынь.

III.

Прошли рождественскіе праздники наступилъ новый 1702 годъ. Тухачевской узналъ, что на праздники, дѣйствительно, собиралась въ Аврамiевой пустыни масса старовѣровъ, рѣшившихся защищать своего старца до послѣдней возможности, если воевода попытается его взять, а въ крайнемъ случаѣ готовыхъ и на самосожженіе... Воевода былъ доволенъ, что поступилъ такъ благоразумно и дождался спокойно времени, когда старовѣры разъѣхались изъ пустыни, полагая, что Аврамія теперь не тронутъ и дѣло ограничится однимъ арестомъ Ненилки, попавшейся въ явномъ преступленіи.

Ненилку пытали и она не только указала мѣстонахожденіе Аврамiевой пустыни, но дала слово проводить туда поимщиковъ. Теперь оставалось только выбрать удобный моментъ для набѣга на пустынь.

Въ одну темную январскую ночь, когда на дворѣ бушевала съ утра разыгравшаяся мятель, заставившая тюменцевъ прятаться по домамъ, изъ города выѣхали разными дорогами небольшія группы конныхъ людей, направившихся къ одному пункту за городомъ Когда весь отрядъ, около 20 человѣкъ, здѣсь сосредоточился, къ нему подъѣхалъ начальникъ его, боярскій сынъ Василій Некрасовъ. Его сопровождали подьячій Иванъ Васильевъ и три всадника съ нѣсколькими заводными лошадьми.

Между этими всадниками была и Ненилка Кузнецова, переодѣтая въ мужское платье и ѣхавшая предавать своего наставника и духовнаго отца въ руки ненавистныхъ ей никоніанъ... Волею неволею приходилось ей теперь держаться послѣднихъ: ея пѣсенка у старовѣровъ была спѣта... Она знала, что ея переодѣванье скроетъ ее развѣ только теперь ночью и въ эту мятель, заставившую всѣхъ прятать свои лица. Но завтра, днемъ, ея инкогнито легко можетъ открыться... Да пусть оно и не откроется, такъ развѣ станутъ скрывать ея участіе воевода, Некрасовъ, подьячій и другіе, кто это знаетъ? И теперь они приказали ей переодѣться въ мужское платье

только для того, чтобы кто-нибудь въ городѣ не увидалъ ее случайно и не догадался о цѣли экспедиціи...

О послѣдней знали въ отрядѣ только боярскій сынъ да подьячій, а отъ остальныхъ участниковъ она была скрыта, хотя отрядъ былъ собранъ изъ отборныхъ людей, извѣстныхъ преданностью церкви. Но воевода боялся, что малѣйшая неосторожность кого-либо изъ участниковъ экспедиціи можетъ погубить все дѣло.

Когда отрядъ собрался за городомъ, Некрасовъ повелъ его къ деревнѣ Кокшаровой. Мятель не позволяла быстро двигаться, да и была опасность сбиться съ дороги. Съ большимъ трудомъ и уже передъ самымъ разсвѣтомъ измученный отрядъ обогнулъ деревню Кокшарову и двинулся „на островы“ (р. Туры?), гдѣ укромно ютилась Авраміева пустынь.

Теперь вела отрядъ Ненилка. Она ѣхала впереди съ Некрасовымъ и шопотомъ указывала ему направленіе. Долго боролась она съ мыслію отвести отрядъ въ сторону отъ скита, завести въ чащу лѣса, сказать, что заблудилась... А тѣмъ временемъ скитники проснутся, замѣтятъ отрядъ и спасутся бѣгствомъ... Для этого она старалась провести отрядъ черезъ деревню, чтобы оттуда дали знать въ скитъ... Но Некрасовъ заставилъ обойти деревню. Приблизительно онъ самъ теперь зналъ, какъ добраться до пустыни, такъ какъ слышалъ отъ воеводы показанія Ненилки на второмъ допросѣ съ пыткою.

Безполезно Ненилкѣ хитрить съ нимъ!.. Если онъ взялъ ее, то только для того, чтобы скорѣе добраться до цѣли. Чуть онъ замѣтитъ, что Ненилка уклоняется отъ надлежащей дороги, онъ изобьетъ ее на мѣстѣ. А она уже побывала въ его рукахъ, какъ была поймана въ его домѣ... Мало того! передъ отъѣздомъ, Некрасовъ погрозилъ ей, что, если по ея милости Аврамій и Варламка не будутъ пойманы, онъ повѣситъ ее на первомъ деревѣ... И онъ способенъ сдѣлать это, больно ужъ золъ на нее за совращеніе дочери ..

А все натворилъ этотъ Варламка! довелъ до гибели и ее, и старца Аврамія, и себя. Нельзя было не услужить давнишнему

другу, а теперь пропадай за него... Пусть и не повѣситъ ее Некрасовъ, —подьячій, пожалуй, не позволитъ; но ужъ изобьетъ-то навѣрное; а тамъ на Тюмени воевода примется снова за пытки, отъ которыхъ она только что выходилась...

Мечется Ненилка па сѣдлѣ, то въ жаръ бросаетъ ее, то дрожь пробираетъ, слезы выступаютъ на глазахъ... Скоро свѣтъ забрезжитъ, а подъѣдутъ къ скиту и совсѣмъ станетъ свѣтло. И вдругъ самъ великій старецъ Аврамій увидитъ ее, идущую на него во главѣ никоніанъ, и взглянетъ на нее своимъ проникновеннымъ взоромъ... Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ этотъ позоръ, эта мука...

Но умирать такъ не хочется... Нѣтъ ли другого исхода?.. Да, она спрячется въ хвостѣ отряда, какъ только покажется скитъ, и еще больше закутаетъ лицо... Она зашептала просьбу о томъ Некрасову. Тотъ согласился, но снова погрозилъ ей „смертнымъ боемъ“, если она пустится на хитрости и до скита не доведетъ...

Онъ замѣтилъ ея возбужденное состояніе, сталъ слѣдить за нею въ оба, даже схватилъ ея коня подъ уздцы. По его соображеніямъ, Ненилка вела отрядъ правильно. Но она знала мѣстность лучше его и въ послѣдній моментъ перехитрила въ пользу скитниковъ. Она подвела отрядъ съ такой стороны, откуда не могли не замѣтить его въ скиту.

На дворѣ совсѣмъ разсвѣтало. Скитъ просыпался. Отрядъ сейчасъ же былъ замѣченъ скитниками и скитницами... Они мигомъ стали удирать въ противоположную сторону, скрываясь въ окружающихъ скитъ лѣсныхъ трущобахъ и не думая о сопротивленіи въ виду своей малочисленности. Часть скитниковъ бросилась въ деревню Кокшарову, поднимая тревогу и сбивая народъ, чтобы идти на выручку скита: старецъ Аврамій остался тамъ, рѣшительно отказавшись бѣжать и бросать свою пустынь... Онъ остался въ моленной избѣ, стоя на молитвѣ и смѣло поджидая враговъ, отъ которыхъ страстно жаждалъ принять муку за вѣру... Пробовали схватить его силою и тащить съ собою, но онъ такъ энергично вырвался изъ рукъ и такъ грозно набросился съ упреками на своихъ учениковъ, что тѣ

должны были отступить и бросились сами спасаться и спасать скитское и свое имущество. Не могли также добудиться пьянствовавшаго всю ночь и только передъ разсвѣтомъ уснувшаго Варлама, а тащить этого грузнаго старца не было силъ...

Такіе столпы старой вѣры очутились въ рукахъ никоніанъ!.. Скитники метались по деревнѣ, сбивая народъ. Но мужчинъ оказалось очень мало, больше женщины. Немыслимо было бороться съ хорошо вооруженнымъ отрядомъ въ 25 человѣкъ... Пришлось ограничиться тѣмъ, что послали въ городъ верхового—дать знать о несчастьѣ конному казаку Елисею Кокшарову и другимъ старовѣрамъ. Авось они соберутся и отобьютъ на дорогѣ плѣненныхъ старцевъ...

IV.

Между тѣмъ, пока предыдущее происходило въ скитѣ и деревнѣ Кокшаровой, измученный отрядъ Некрасова медленно подвигался по снѣжнымъ сугробамъ, наметеннымъ вчерашнею метелью. Теперь она утихла, небо совсѣмъ прояснилось. При розовомъ отблескѣ загоравшейся утренней зари скромныя скитскія постройки были ясно видны отряду, подвигавшемуся по просѣкѣ къ полянѣ, на которой былъ расположенъ скитъ. Построекъ было немного: молепная изба побольше другихъ, съ крестомъ на конькѣ крыши, да нѣсколько небольшихъ избушекъ-келій.

Зналъ Некрасовъ изъ показаній Непилки, что есть еще у старца Аврамія „отхожія его кельи на другомъ острову“, куда онъ временами уединяется, когда ему станетъ тяжело отъ многолюдства въ пустыни. Какъ „пустынныя“, такъ и „отхожія кельи“ воевода приказалъ Некрасову „сжечь безъ остатку“. Непилка обѣщала провести и къ „отхожимъ кельямъ“.

Некрасовъ торжествовалъ, что достигъ цѣли... Онъ жадно всматривался въ скитскія постройки, разспрашивая Непилку, въ какой

кельѣ живетъ Аврамій. Затѣмъ онъ отпустилъ ее въ задніе ряды отряда, подъ присмотръ двухъ казаковъ.

Но не успѣла она еще повернуть коня, какъ ее остановилъ испуганный крикъ Некрасова.. Она взглянула на скитъ—и радостно улыбнулась... Отрядъ замѣченъ въ скиту!.. Она добилась своего авось теперь всѣ спасутся и старецъ Аврамій прежде всѣхъ...

Между скитскими постройками замелькали мужскія и женскія фигуры, быстро направлявшіяся въ противоположную сторону и скрывавшіяся въ лѣсу, Видно было, какъ они тащили платье, узлы, иконы и книги подъ мышками...

Некрасовъ пришелъ въ отчаяніе... И было отчего: дошелъ до цѣли и—все пропало!.. На его глазахъ уѣдетъ Аврамій и поминай его какъ звали...

До скита оставалось около полверсты, но эта полверста, занесенная сугробами снѣга въ ростъ человѣческій, стоила десяти добрыхъ верстъ для измученныхъ въ конецъ коней, еле-еле подвигавшихся впередъ... Некрасовъ спѣшилъ половину отряда и бросился съ нею къ скиту, барахтаясь въ глубокомъ снѣгу.

Пока они добрались до скита, выбившись изъ силъ, тамъ уже было тихо и ни души не было видно нигдѣ... Только вдали, въ лѣсу, раздавался временами трескъ ломавшихся вѣтвей отъ убѣгавшихъ скитниковъ. Они не могли уйти далеко, но они были свѣжѣе людей Некрасова и догнать ихъ въ хорошо знакомомъ имъ лѣсу было немыслимо... Некрасовъ по себѣ судилъ, что люди его не въ состояніи теперь сдѣлать шагу въ лѣсу, а конные все еще еле тянулись по просѣкѣ...

Онъ махнулъ на все рукою, въ изнеможеніи опустившись на снѣгъ. Его примѣру послѣдовали остальные казаки.

Вдругъ всѣ они встрепенулись... Изъ моленной, дверь которой была открыта, явственно раздался глухой старческій голосъ, произносившій молитвы, прерываемыя рыданіями...

Всѣ бросились туда и увидѣли глубокаго старика, распростертаго на полу и бившагося въ судорогахъ отъ охватившаго его волненія.

Услышавъ шаги входившихъ, онъ вдругъ смолкъ, поднялъ голову и оглянулся. Съ трудомъ вставши на ноги и въ послѣдній разъ взглянувши на стѣны моленной, иконы съ которыхъ были сняты и унесены убѣжавшими скитниками, и только нѣсколько лампадъ теплилось по прежнему, онъ молча направился къ выходу. Казаки разступились, догадываясь, что это старецъ Аврамій... Некрасовъ былъ въ этомъ увѣренъ, основываясь на описаніяхъ знающихъ людей. Это былъ высокій, худой и весь сѣдой старикъ, съ лицомъ аскета, съ суровымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей.

Выйдя изъ моленной, онъ сѣлъ на лавочку у дверей, молча оглядывая давнымъ-давно невиданныхъ имъ, когда-то и ему близкихъ служилыхъ людей... Его губы снова зашептали молитвы, дрожащія руки перебирали четки.

Некрасовъ очень почтительно спросилъ старца —кто онъ? Но тотъ только молча взглянулъ на боярскаго сына и отвернулся, продолжая что-то шептать... Некрасовъ не сталъ приставать къ старику, вызывавшему невольное уваженіе. Некрасовъ понялъ, что Аврамій не причемъ въ покушеніи Ненилки на увозъ его дочери.

Когда подъѣхалъ остальной отрядъ, Ненилка едва удержалась отъ крика, увидѣвши старца... Ни у кого не осталось болѣе сомнѣній, что Аврамій пойманъ. Ненилка закрыла лицо руками и старалась держаться подальше, чтобы не попадаться старцу на глаза. Ее било какъ въ лихорадкѣ и она съ трудомъ сдерживалась, чтобы не разразиться рыданіями...

Принялись обыскивать кельи. Изъ одной вытащили разоспавшагося хмѣльнаго старца Варлама. Съ пьяныхъ глазъ онъ вздумалъ защищаться, вырываясь отъ казаковъ и ругая ихъ всякою „неподобною лаею"... По приказу Некрасова, казаки изрядно вздули Варлама и связали его веревками. Некрасовъ съ трудомъ сдерживался, чтобы не принять личнаго участія въ расправѣ съ пьянымъ старцемъ... Вотъ въ чьи руки могла попасть его дочь!..

Онъ торжествовалъ, что поймалъ главныхъ столповъ тюменскихъ старовѣровъ. Главная задача исполнена, но оставалось еще нелегкое

дѣло—доставить старцевъ въ городъ. Староверы могли сдѣлать попытку отбить ихъ... Такіе примѣры бывали.

Некрасовъ рѣшилъ остаться здѣсь до вечера и тронуться обратно только въ сумерки. Ночью легче пройти незамѣтно и сохранить старцевъ въ случаѣ нападенія старовѣровъ на отрядъ. Притомъ и людямъ, и конямъ необходимо дать продолжительный отдыхъ. Кстати, въ пустыни нашли запасы печенаго хлѣба, а въ кельѣ Варлама изрядное количество вина. Кормъ для лошадей былъ взятъ съ собою.

Кромѣ вина, нашли въ моленной и въ кельяхъ 22 печатныя и рукописныя книги, пудъ восковыхъ свѣчей и нѣсколько пудовъ ржаной муки и солоду. Очевидно, у Варлама шло правильное винокуреніе, для собственнаго утѣшенія и для утѣхи братіи...

Всѣ эти запасы взяли съ собою, воспользовавшись заводными лошадьми, кромѣ двухъ, назначенныхъ для плѣненныхъ старцевъ. Избитый Варлаамъ скоро опять заснулъ и къ вечеру настолько освѣжился, что могъ сидѣть въ сѣдлѣ. Книги роздали по рукамъ казакамъ.

V.

Около полудня, когда люди достаточно отдохнули и даже успѣли соснуть, Некрасовъ отправилъ подъячаго Ивана Васильева съ нѣсколькими казаками на другой островъ, гдѣ находились „отхожія кельи“ Аврамія. Съ подьячимъ поѣхала Ненилка показывать дорогу. Она охотно тронулась, чтобы только быть подальше отъ старца Аврамія и не быть имъ узнанною... Самъ Некрасовъ не рискнулъ оставить старцевъ безъ себя, въ виду возможныхъ случайностей, а тащиться всему отряду на второй островъ — только лишняя трата силъ. Да и здѣсь предстояла работа...

Отведя отрядъ на ту просѣку, по которой подошли къ скиту,

Некрасовъ послалъ нѣсколькихъ людей обратно въ скитъ, исполнить воеводскій приказъ. Они зажгли всѣ скитскія постройки.

Когда увидѣлъ Аврамій, какъ горитъ его пустынь, въ которой онъ прожилъ 15 лѣтъ и гдѣ былъ ему дорогъ каждый уголокъ, онъ не выдержалъ и горько разрыдался... Долго и жадно онъ всматривался, какъ огонь перебѣгалъ съ одной постройки на другую. Когда всѣ скитскія строенія запылали, онъ бросился лицомъ на землю и громко застоналъ...

Даже протрезвившійся Варламъ захныкалъ и снова сталъ ругать никоніанъ... Казаки надъ нимъ подсмѣивались, но глубокая и искренняя скорбь Аврамія всѣхъ трогала... Некрасовъ пожалѣлъ, что не догадался отвести старца подальше отъ скита, чтобы избавить его отъ лишнаго горя. Но теперь было поздно поправить эту ошибку и неловко безпокоить старца, ставшаго между тѣмъ на молитву...

Когда скитскія постройки догорали, вернулся съ другого острова подьячій Васильевъ съ своими казаками и Ненилкою. Никого и ничего онъ не нашелъ въ „отхожихъ кельяхъ“ Аврамія и сжегъ ихъ „безъ остатку“.

Некрасовъ далъ отдохнуть вернувшимся. Въ сумерки весь отрядъ тронулся обратно тою же дорогою. Старцевъ посадили на коней, Варлама даже приторочили къ сѣдлу, и каждаго отдали подъ надзоръ особенно надежныхъ казаковъ.

Некрасовъ шелъ съ нѣкоторыми военными предосторожностями: выслалъ впередъ нѣсколько разъѣздовъ, освѣщавшихъ путь. Подьячій очень уговаривалъ Некрасова зайти въ деревню Кокшарову, чтобы поискать тамъ убѣжавшихъ скитниковъ и скитницъ, унесенныя ими иконы и проч. Но боярскій сынъ рѣшительно отказался терять время на эти поиски и изъ-за нихъ, можетъ быть, лишиться своей главной добычи—пойманныхъ старцевъ. Дай Богъ хотя бы ихъ довести благополучно до города, а гдѣ ужъ тутъ возиться съ цѣлою кучею старовѣровъ... Некрасовъ былъ твердо убѣжденъ, что послѣдніе сдѣлаютъ попытку отбить старцевъ.

Его предчувствіе оправдалось. Когда отрядъ сдѣлалъ уже большую

и труднѣйшую часть пути и ему оставалось выйдти съ проселочной на большую проѣзжую дорогу, по которой можно было свободно и быстро двигаться къ городу, Некрасовъ сдѣлалъ привалъ. Но прошло полчаса, какъ отъ одного изъ передовыхъ разъѣздовъ прилетѣлъ казакъ и доложилъ, что по большой дорогѣ движется отъ города конная толпа человѣкъ въ 50—60, что тамъ можно разглядѣть и казаковъ, и посадскихъ людей, всѣхъ вооруженныхъ...

Сомнѣній не было, что это идутъ на выручку старцевъ старовѣры, съ конными казаками во главѣ и подъ предводительствомъ Елисея Кокшарова... Они могутъ ждать Некрасова на поворотѣ съ проселочной дороги на большакъ, или же пойдутъ дальше навстрѣчу и постараются отбить старцевъ.

Идти на нихъ прямо немыслимо: ихъ вдвое больше... Разумѣется казаки Некрасова пробьются, да старовѣры и не будутъ ихъ задерживать, но старцевъ отобьютъ... Положеніе было трудное.

Къ счастью, Некрасовъ хорошо зналъ мѣстность и вспомнилъ, что на большакъ можно выйти и по другой проселочной дорогѣ, пользуясь которою и прикрываясь лѣсомъ, можно обойти отрядъ Кокшарова и стать на большую дорогу между нимъ и городомъ. Затѣмъ останется только уходить на рысяхъ отъ Кокшарова.

Такъ Некрасовъ и поступилъ. Обходное движеніе удалось какъ нельзя лучше и не было замѣчено Кокшаровымъ, шедшимъ безъ разъѣздовъ. Когда Некрасовъ вышелъ на большую дорогу, Кокшаровъ очутился сзади него и шелъ въ противоположную сторону, направляясь къ мѣсту бывшаго привала Некрасова. Только здѣсь Кокшаровъ догадался, что Некрасовъ улизнулъ отъ него. Но пока Кокшаровъ, идя обратно по слѣдамъ Некрасовскаго отряда, вышелъ снова на большую дорогу, послѣдній былъ далеко впереди и быстро приближался къ городу.

Началась погоня. У Кокшарова и люди, и кони были свѣжѣе и легко могли бы догнать ослабѣвшій отрядъ Некрасова, если бы разстояніе до города было больше. Но, когда передовые всадники старовѣровъ стали сближаться съ хвостомъ Некрасовскаго отряда, голова

послѣдняго уже входила въ городъ, гдѣ Кокшаровъ не рѣшился затѣвать безполезную борьбу. Тутъ на помощь Некрасову могли подойти и разные люди, посланные воеводою, и посадскіе люди изъ православныхъ. Пользуясь темнотою, Некрасовъ могъ скрыть старцевъ въ любомъ православномъ домѣ. А безъ старцевъ отрядъ Некрасова не представлялъ для старовѣровъ никакой цѣны.

Въ страшной досадѣ, что цѣнная добыча уходитъ, старовѣры принялись стрѣлять „изъ пищалей и изъ луковъ" по казакамъ Некрасова. Тѣ заторопились уходить изъ-подъ выстрѣловъ и, чтобы облегчить себя, стали бросать тяжелыя церковныя книги, захваченныя въ пустыни и розданныя казакамъ на руки. Отъ выстрѣловъ никто не пострадалъ.

Эти 22 „пустынныя книги" были единственною добычею старовѣровъ; они подобрали ихъ и захватили съ собою. Но и старцевъ, и взятые въ пустыни припасы (восковыя свѣчи, мука, солодъ) —все Некрасовъ сдалъ воеводѣ. Тухачевской не зналъ, какъ благодарить Некрасова за блистательно выполненое порученіе.

VI.

На допросѣ у воеводы старецъ Аврамій разсказалъ очень откровенно о своемъ прошломъ, не только не скрывая своего старовѣрія, но даже особенно энергично выставляя его на показъ.

Онъ говорилъ, что „въ мірѣ" былъ тобольскимъ боярскимъ сыномъ Алексѣемъ Венгерскимъ. Еще при тобольскомъ архіепископѣ Корниліѣ онъ былъ „сосланъ въ ссылку" въ Туруханскій Троицкій монастырь именно „за споръ о вѣрѣ". Затѣмъ „по отпуску" переведенъ въ Кодинскій монастырь, гдѣ и постриженъ въ монашество чернымъ попомъ Василіемъ. Это происходило 43 года назадъ. Въ Кодинскомъ монастырѣ онъ прожилъ 10 лѣтъ, затѣмъ бродилъ „по разнымъ монастырямъ", а послѣднія 15 лѣтъ жилъ „за Кармаками въ пустынныхъ мѣстахъ, на островахъ".

Привожу далѣе буквальную выписку изъ отписки воеводы Тухачевскаго о томъ, какъ Аврамій на допросѣ самъ и очень сильно опредѣлилъ свое исповѣданіе вѣры:

„И что-де онъ, Аврамко, о вѣрѣ сказалъ выше сего[1]), и нынѣ-де онъ вѣру споритъ, и умереть-де за вѣру хочетъ, по преданію св. отецъ до Никона патріарха. А младенцевъ-де онъ крестилъ, и мірянъ, приходившихъ на исповѣдь, къ себѣ принималъ, и по исповѣди-де ихъ причащалъ. А священства-де ему отъ архіереевъ ни отъ кого не дано, для того что не искалъ, и взять-де не отъ кого: святителей-де и архіереевъ нѣтъ, а которые-де нынѣ архіереи — и тѣ не въ православной вѣрѣ. Въ церкви-де онъ, Аврамко, не бывалъ 30 лѣтъ и ходить не хочетъ, для того что-де въ церквахъ нынѣ служатъ неисправно“.

Очень характерное признаніе, рисующее Аврамія, одного изъ первыхъ по времени безпоповцевъ, убѣжденнымъ старовѣромъ и глубокимъ противникомъ никоніанъ...

Любопытно, но уже съ другой стороны, показаніе старца Варлаама, оказавшагося однимъ изъ немногихъ спасшихся участниковъ извѣстнаго грандіознаго самосожженія въ 1679 году[2]). 1.700 тюменскихъ старовѣровъ, съ попомъ Дометіаномъ во главѣ.

По словамъ отписки Тухачевскаго, старецъ Варлаамъ въ первый разъ былъ пойманъ 17 іюня 1701 г. и „приведенъ въ приказную избу, съ 2 пеленами, а въ пеленахъ дароносица со всею потребою, потиръ и лжица, да самая малая чашица, да тетрадка, обшита крашениною“.

Тогда же, на воеводскомъ допросѣ, Варлаамъ показалъ, что онъ сынъ тюменскаго коннаго казака Афанасья Черепашкова и „въ мірѣ“ носилъ имя Василія, а въ монашество постригъ его бывшій тюменскій „священникъ Дементіанъ (Дометіанъ), на Березовкѣ (притокъ р. Тобола), въ пустынѣ своей, въ часовнѣ“. Въ этой-то пу-

---

[1]) Разумѣется «споръ о вѣрѣ» при Корнилiѣ.

[2]) Сапожникова «Самосожженіе», 9—11, 13.

стынѣ „Дементіянъ со многими людьми сгорѣлъ“ (въ 1679 г.), но нѣкоторые изъ его послѣдователей сбѣжали отъ самосожженія, въ томъ числѣ и Варлаамъ съ старцемъ Галактіономъ. Послѣдніе двое поселились въ другомъ мѣстѣ „въ пустынной кельѣ“, гдѣ „невѣдомо какіе люди его, Галактіона, сожгли“.

Очевидно, это также было самосожженіе (неизвѣстное автору „Самосожженія въ русскомъ расколѣ“), отъ котораго Варлаамъ снова бѣжалъ и, чтобы выгородить себя отъ соучастія, ложно сослался на „невѣдомо какихъ людей“.

Найденную у него дароносицу и проч. далъ ему старецъ Галактіонъ. Какъ онъ, такъ и Варлаамъ, и „мірскіе люди“ тою „тайною причащались своими руками“. Послѣ смерти Галактіона Варлаамъ будто бы „того таинства не пріобщался, носилъ и держалъ для смертного часа, и никого не причащалъ“. И нынѣ-де онъ во св. обитель къ церкви Божіей ходить хочетъ и св. таинъ пріобщаться желаетъ“. Варлаамъ „грамотѣ не умѣетъ“.

Воевода повѣрилъ тогда лицемѣрному раскаянію этого пройдохи и отправилъ его „во исправленіе“ къ Герасиму, архимандриту Спасова Преображенскаго монастыря, откуда Варламка не замедлилъ бѣжать „изъ-за караула“.

Нынѣ онъ снова пойманъ, вмѣстѣ съ старцемъ Авраміемъ, въ пустынѣ котораго скрывался послѣ побѣга изъ Тюменскаго монастыря.

На новомъ допросѣ Варламка показалъ, что все это время послѣ побѣга прожилъ въ Авраміевой пустыни „на островахъ“, а „въ міръ и въ иные монастыри никуда не ходилъ“. При немъ Аврамій младенцевъ не крестилъ, а прежде-де къ нему „многіе люди пріѣзжали и во многіе-де домы онъ, Аврамій, ѣзживалъ“.

Были допрошены воеводою и „отбойщики“, конный казакъ Елисей Кокшаровъ съ товарищи, которые „про отбой (т. е. о попыткѣ отбоя) старцевъ Аврамки и Варламки, и пустынныхъ книгъ, распрашиваны накрѣпко, съ пристрастіемъ“. Они „винились“, что „отбивали“ старцевъ и стрѣляли изъ пищалей и луковъ по Некрасовскому отряду.

Отбитыя ими 22 „пустынныя книги“ у нихъ отобраны и доставлены въ приказную избу. Изъ нихъ 6 книгъ воевода отдалъ соборному протопопу, такъ какъ въ Тюменскомъ соборѣ „послѣ пожарнаго разоренія книгъ малое число“. Въ соборъ перешли слѣдующія печатныя книги Авраміевой пустыни:

1) „Октай“ 1616 г., 2) „Шестодневъ“ 1637 г., 3) „Книга Ефрема Сирина“ 1653 г., 4) „Требникъ“ 1655 г., 5) „Книга Апостолъ, въ десть“, 1658 г. и 6) неизвѣстнаго года, „Псалтырь, дестевая, ветхая, безъ лѣтописи“.

Остальныя книги—6 печатныхъ (1643—1651 гг.) и 10 рукописныхъ (неизвѣстныхъ годовъ), богослужебнаго и богословскаго содержанія,—запечатаны и хранятся въ приказной избѣ.

Взятая въ Авраміевой пустыни ржаная мука отдана цѣловальникамъ „на кормъ колодникамъ, которые посылаются на великого государя здѣлья (работы), а солодъ отданъ на винокуренную поварню, на винное куренье“. Свѣчи запечатаны вмѣстѣ съ книгами.

Старцевъ Аврамія и Варлама воевода Тухачевской отправилъ къ тобольскимъ воеводамъ, а Елисея Кокшарова съ товарищи посадилъ въ тюрьму до государева указа объ ихъ участи.

На отпискѣ О. Я. Тухачевскаго, посланной 3-го марта 1702 г. и извѣщавшей Сибирскій приказъ о всѣхъ этихъ событіяхъ, читаемъ слѣдующій приговоръ приказа (нѣсколько словъ его не разобрано):

„1702 году, апрѣля въ 9 день: тѣхъ старцевъ отослать къ архіерею [1]), и съ книгами, велѣть имъ учинить по правиламъ наказаніе, какъ подобаетъ, и беречь ихъ накрѣпко, чтобъ не ушли. И розыскать—какъ и чьимъ навожденіемъ сожженные погорѣли [2]),

[1]) Т. е. къ сибирскому и тобольскому митрополиту Филофею.

[2]) Очевидно, въ Сибирскомъ приказѣ забыли, что самосожженіе попа Дементіяна (Дометіана) происходило въ 1679 г. и тогда же производился розыскъ о немъ, показавшій, что произошло оно „навожденіемъ“ духовныхъ и свѣтскихъ властей, преслѣдовавшихъ старовѣровъ... (См. Сапожникова „Самосожженіе“, 9—11, 13). Самосожженіе же старца Галактіона дѣйствительно, было новостью и для тюменской, и для московской администраціи.

и какая та баба... у нихъ жила[1]). А ту бабу, которую отбивали[2]), ее отослать въ Тобольскъ,—велѣть имъ[3]) учинить указъ, чему будутъ за то винны... И бабу испытать по дѣламъ ее: прежъ сего чьихъ женъ и дѣтей она исподговаривала ль... и къ какому намѣренію у того сына боярского она дочь подговаривала. А къ архіерею послать государеву грамоту — велѣть ему осторожность чинить великую, чтобъ роскольщиковъ не множилось".

Поспѣшность составленія этого приговора видна, кромѣ указанныхъ въ примѣчаніи неточностей, еще изъ того, что въ немъ ни слова не сказано объ „отбойщикахъ"—Елисеѣ Кокшаровѣ съ товарищи. А вѣдь это былъ фактъ не маленькій—дѣло шло о бунтовскомъ замыслѣ и вооруженномъ сопротивленіи властямъ со стороны служилыхъ людей... Къ подобнымъ дѣламъ Москва относилась до болѣзненности чутко, а тутъ промолчала... Очевидно, дьякъ Сибирскаго приказа плохо разобрался въ отпискѣ Тухачевскаго и одно пропустилъ, другое напуталъ.

Содержаніе приговора передано въ грамотахъ митрополиту Филофею, тобольскимъ и тюменскому воеводамъ (въ томъ же апрѣлѣ 1702 года).

Старцы Аврамій и Варламъ и Ненилка Кузнецова отосланы въ Тобольскъ, на судъ Филофея. Дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. Но, вѣроятно, они были разосланы по монастырямъ „во исправленіе". Возможно, что лукавый Варламъ и легкомысленная Ненилка быстро „исправились" въ желательномъ властямъ направленіи, а тамъ снова бѣжали къ староверамъ... Но несомнѣнно, что старецъ Аврамій не способенъ былъ на такіе пріемы и остался до

[1]) Т. е. Ненилка Кузнецова.

[2]) Никакой другой бабы, кромѣ Ненилки, въ дѣлѣ не фигурируетъ, но и Ненилки старовѣры вовсе не „отбивали"... Очевидно, приговоръ писался наспѣхъ (оттого и не вполнѣ разобранъ) и дьякъ, мелькомъ прочитавшій воеводскую отписку, напуталъ о двухъ бабахъ.

[3]) Опять рѣчь о двухъ бабахъ, когда слѣдовало говорить объ одной—Ненилкѣ.

конца дней своихъ въ монастырской тюрьмѣ, осуществляя тѣмъ свое задушевное желаніе „пострадать за вѣру"... Онъ рѣшительно былъ неспособенъ идти хотя бы на временные компромиссы съ своими убѣжденіями ради благъ жизни. Это была цѣльная натура, не свора чивавшая съ разъ намѣченной дороги.

Не знаю, извѣстна-ли старообрядческой литературѣ личность старца Аврамія Венгерскаго. Но старообрядцы (именно безпоповцы) имѣютъ право считать Аврамія однимъ изъ первыхъ по времени и выдающихся по значенію своихъ дѣятелей.

Съ исчезновеніемъ Аврамія число старовѣровъ врядъ ли уменьшилось въ Тюменскомъ уѣздѣ, какъ ожидалъ воевода О. Я. Тухачевской. По крайней мѣрѣ извѣстно, что даже спустя болѣе 20 лѣтъ, въ 1723 году тобольскій митрополитъ Антоній писалъ синоду, что тайные (въ виду гоненій) старообрядцы, только наружно придерживающіеся православной церкви, находятся „паче во градѣ Тюмени" [1]). Нельзя въ этомъ не видѣть результатовъ проповѣди именно старца Аврамія...

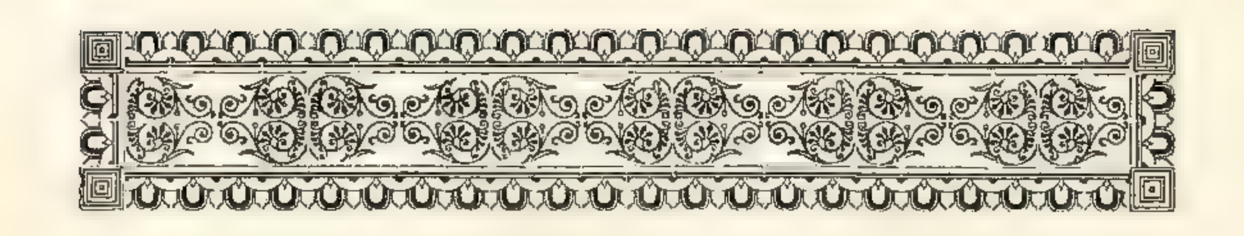
Въ томъ же убѣждаютъ особенно факты двухъ крупныхъ самосожженій, происшедшихъ въ 1723 и 1724 годахъ въ Тюменскомъ уѣздѣ, когда въ „пустыняхъ" за р. Вышмою сожглось 200 и 145 старовѣровъ [1]). Въ обоихъ этихъ случаяхъ, какъ и всегда, несчастье произошло отъ того, что духовныя и свѣтскія власти не соблюли той „великой осторожности", какую рекомендовалъ относительно обращенія съ старовѣрами Сибирскій приказъ. Съ дрекольемъ въ рукахъ нельзя же „увѣщевать" душу и совѣсть людскую... Желаніе приказа, „чтобъ роскольщиковъ не множилось", оставалось чисто платоническимъ и шло въ разрѣзъ съ фактической дѣятельностью какъ самого центральнаго правительства, такъ и мѣстной духовной и свѣтской администраціи.

Н. Оглоблинъ.

---

[1]) Сапожникова „Самосожженіе", 46.

[2]) Ibid., 49.

ОШИБКА.

Разсказъ.

Въ вагонѣ второго класса было почти темно, потому что стеариновыя свѣчи, какъ извѣстно, служатъ любимѣйшимъ объектомъ для соблюденія желѣзнодорожныхъ „экономій“. Сквозь узоръ замерзшихъ оконъ пробивались красноватыми, расплывчатыми пятнами огни станціонной платформы, а съ другой стороны вагона такіе же самые узоры серебрила полная луна, только что освободившаяся отъ густого морознаго тумана.

Лунный свѣтъ блестѣлъ на длинной, терявшейся въ безконечности линіи рельсъ, на покрытой изморозью досчатой платформѣ, на высокомъ зданіи депо, изъ котораго и ночью вырывались копоть и дымъ; лился этотъ свѣтъ широкимъ ласкающимъ потокомъ на густой хвойный лѣсъ, подступившій къ самымъ станціоннымъ постройкамъ; только не могъ онъ проникнуть въ душный вагонъ, дальше замороженныхъ оконныхъ стеколъ, и прибавить хотя немного своего сіянія къ блѣдному миганію экономическихъ свѣчъ.

Публики въ вагонѣ было много и, такъ какъ двое пассажировъ сошли на этой станціи, то въ одномъ отдѣленіи шла нѣкоторая возня: оставшіеся устраивались поудобнѣе на освободив-

шихся мѣстахъ, распутывали ремни, которыми были затянуты подушки, и, вообще, готовились къ ночи.

Народъ преобладалъ все больше служивый: недавно женившійся молоденькій чиновникъ особыхъ порученій съ супругой, анемичной и некрасивой вице-губернаторской дочкой; желѣзнодорожный „движенецъ“, тоже недавно связавшій себя узами Гименея, уже весьма пожилой и обремененный кучей ребятъ отъ перваго брака; двое офицеровъ, одинъ съ женой, другой—холостой; неопредѣленнаго возраста коллежскій совѣтникъ, не спускавшій съ плечъ потертую енотовую шинель; сухощавая барышня, переписчица изъ губернскаго управленія, и, наконецъ, два юридическихъ кандидата въ пенснэ и либерально повязанныхъ галстухахъ.

Затѣмъ ѣхала еще дамочка, такъ называемаго „легкаго поведенія“, возвращавшаяся въ Петербургъ съ гастролей на дальнемъ востокѣ, и купеческая чета, передвигавшаяся обратно въ Московскую губернію съ обманувшей ожиданія „Манжурки“.

Кандидаты только что принесли изъ буфета цѣлую тарелку пухлыхъ горячихъ пирожковъ и довольно быстро ихъ истребляли. при благосклонномъ участіи восточной дамочки. Купцы пили чай изъ жестяного чайника, закусывали малосольной кэтой и „сахалинскими“ рыжиками, и вспоминали о своихъ торговыхъ неудачахъ. Коллежскій совѣтникъ бесѣдовалъ съ женатымъ офицеромъ на милую всѣмъ путешествующимъ тему о желѣзнодорожныхъ порядкахъ. Офицеръ разсѣянно слушалъ и усердно курилъ, недовольный тѣмъ, что его холостой сослуживецъ слишкомъ ухаживаетъ за его женой.

Поѣздъ простоялъ уже на станціи лишнихъ полчаса и все не выказывалъ никакого намѣренія отправиться дальше.

— Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ, какъ я полагаю, издать, прежде всего, циркулярное предписаніе!—жужжалъ чиновникъ, уставившись глазами въ красную петлицу офицерской тужурки. — У нихъ, представьте себѣ, канцелярская часть стоитъ не на должной высотѣ, и этимъ я объясняю девяносто девять процентовъ всѣхъ промаховъ и упущеній.

— Отъ усиленной переписки гнилыя шпалы не окрѣпнутъ. Да у нихъ, говорятъ, переписки-то этой сколько хочешь. Недавно еще въ газетахъ о „чернильномъ морѣ“ писали!—хмуро возразилъ офицеръ и, повернувъ голову, посмотрѣлъ въ сосѣднее отдѣленіе, гдѣ сидѣла его жена съ товарищемъ.

Коллежскій совѣтникъ сдѣлалъ энергичное движеніе бакенбардами, перенесъ свой взглядъ на другую петлицу и началъ горячо возражать.

Гдѣ-то далеко простучали два дребезжащіе удара.

— Это историческая мѣстность!—поучалъ кандидатъ восточную дамочку.—Вы понимаете, что такое историческая мѣстность?

Дамочка смѣялась и ѣла пирожокъ за пирожкомъ, вытирая батистовымъ платочкомъ масляныя губы.

— Нѣтъ, да какъ же вы не знаете, что такое историческая мѣстность? Вы о декабристахъ-то слыхали?—настаивалъ кандидатъ.

Купецъ, въ промежуткѣ между двумя стаканами, отрѣзалъ себѣ еще кусочекъ жирнаго кэтоваго пупка и протяжно вздохнулъ.

— Слава те Господи... второй былъ! Ну, Сибирь немшоная... Однако добрый часъ лишкомъ простояли на этакомъ каторжномъ мѣстѣ.

Хлопнула входная дверь. По тѣсному проходу бокомъ протискивалась какая-то женщина въ ковровомъ платкѣ и заиндевѣвшемъ дипломатѣ, съ продолговатымъ сверткомъ въ рукахъ. Ударилъ третій звонокъ. Женщина заторопилась и положила свертокъ на первое попавшееся мѣсто.

— Тутъ, тетенька, занято!—обезпокоился купецъ.—Куда же я ноги протяну, когда спать лягу? Намъ, голубушка, четырнадцать сутокъ ѣхать, ежели не больше.

— Да я недалече, батюшка, не помѣшаю. Одну станцію только... Покарауль свертокъ-то, ради Господа, а я еще подушку приму.

Женщина казалась встревоженной и озабоченной, а глаза у нея быстро бѣгали по сторонамъ.

Купецъ проводилъ недоброжелательнымъ взглядомъ скрывшійся за дверью дипломатъ и чуть-чуть отодвинулся отъ свертка.

— Ну и народъ... Такъ и норовитъ тебѣ на загорбки забраться... Еще во второй классъ лѣзетъ, паскуда...

— Съ кондукторами, надо думать, въ кумовствѣ!—предположила купчиха, аккуратно укладывая въ корзину оставшіяся закуски.

— Не иначе, какъ зайцемъ. Потому и лѣзетъ послѣ третьяго звонка.

Поѣздъ медленно тронулся. Колеса пронзительно заскрипѣли по мерзлымъ рельсамъ и станціонные фонари начали уходить назадъ.

— Еще и опоздаетъ, пожалуй, дура-баба!—не безъ удовольствія сказалъ купецъ.

Купчиха кивнула головой и поставила свою корзину на дырявую и растянутую сѣтку.

— И свертокъ уѣдетъ. Впередъ наука: не садись передъ самымъ уходомъ. Не могла раньше-то сговориться.

Колеса перестали скрипѣть и, громыхнувъ на послѣдней стрѣлкѣ, покатились ровнѣе.

— Какъ пить дать—осталась! Пойти посмотрѣть, можетъ на площадкѣ стоитъ.

Купецъ отправился въ экскурсію и вернулся окончательно удовлетворенный.

— Осталась! Ахъ она, этакая... А еще мнѣ на ноги садиться собиралась!.. Какъ кондукторъ пойдетъ, надо будетъ ему сказать про свертокъ. Что у ней тамъ накладено?

Купецъ легонько подавилъ свертокъ рукой.

— Мягкое... Вѣрно, одежа... Положу подъ лавку, чтобы не мѣшался.

Чета начала укладываться спать.

Коллежскій совѣтникъ, обрадованный долго жданнымъ отправленіемъ, махнулъ рукой на канцелярскіе непорядки желѣзнодорожнаго управленія и тоже почувствовалъ наклонность ко сну.

Ревнивый офицеръ сталъ у окна и, кусая усы, смотрѣлъ на морозные узоры.

Товарищъ все еще сидѣлъ рядомъ съ его женой и о чемъ-то говорилъ такъ тихо, что только изрѣдка можно было разобрать отдѣльныя слова.

Со стороны кандидатовъ доносился смѣхъ, шепотъ и, временами, сдавленныя женскія взвизгиванья.

Желѣзнодорожное семейство, оградившись отъ внѣшняго міра развѣшанными для просушки дѣтскими одѣяльцами, давно почивало праведнымъ сномъ, а чиновникъ особыхъ порученій уныло смотрѣлъ на некрасивую физіономію жены и соображалъ, уравновѣсятъ ли служебныя выгоды предстоящія невзгоды семейной жизни.

Колеса стучали на стыкахъ; вагонъ вздрагивалъ и заставлялъ дрожать все въ немъ заключавшееся: и жирную утробу купчихи, и длинные бакенбарды коллежскаго совѣтника, и всю тощую, нескладную фигуру желѣзнодорожнаго отца, скромно пріютившуюся во второмъ ярусѣ.

Купецъ, разогрѣтый чаемъ и убаюканный качкой и скрипомъ, быстро началъ погружаться въ дремоту. Привидѣлся уже ему деревянный особнячокъ въ подмосковномъ городкѣ и наторгованная лавка на базарной площади, съ голубовато-сѣрой, облинявшей вывѣской, и совсѣмъ уже показалось купцу, что онъ дома, какъ вдругъ его вывелъ изъ забытья тревожный голосъ подруги:

— Отецъ, а отецъ! Да это кто же пищитъ?

Купецъ протеръ глаза и освободилъ бороду изъ-подъ одѣяла.

— Гдѣ пищитъ?

— Да Господь знаетъ... Гдѣ-то близко...

И дѣйствительно: среди скрипа и громыханья расхлябаннаго вагона вдругъ вырѣзался чей-то слабый, тоненькій и приглушенный пискъ, неизвѣстно откуда доносившійся.

— Полка скрипитъ!—рѣшилъ купецъ, больше потому, что ему не хотѣлось вылѣзать изъ-подъ теплаго одѣяла и заниматься разслѣдованіемъ.

— Ужъ какая полка, отецъ! Видимое дѣло голосъ. Только вотъ не разберу, собачій или человѣчій..

Въ сосѣднемъ отдѣленіи коллежскаго совѣтника томило продолжительное молчаніе и, поэтому, онъ съ интересомъ прислушался къ разговору. Даже свое соображеніе вставилъ:

— Можетъ быть, щенокъ попалъ въ вагонъ на станціи, да и забился куда нибудь. Вы, сударь, кликните истопника: онъ отыщетъ.

— Да самого-то истопника теперь съ собаками не отыщешь! - недовольно сказалъ купецъ и медленно спустилъ ноги съ дивана, вздрагивая и пожимаясь отъ холода.

Пискъ, между тѣмъ, повторился еще разъ и неожиданно заключился чѣмъ-то похожимъ на судорожную, отрывистую икоту.

— О, Мать Пресвятая Богородица!—шумно ахнула купчиха и перекрестилась.—Да поищи ты, отецъ, Христа ради! У меня ажно душу щемитъ.

Купецъ нагнулся, насколько позволяла ему это сдѣлать солидная комплекція, и, щурясь, началъ заглядывать подъ диваны.

— Да нѣту ничего... это, вотъ, только...

И онъ выволокъ изъ-подъ дивана все тотъ же продолговатый свертокъ, обмотанный потертымъ полушалкомъ и перевязанный тесемочкой.

— Гм... гм... А что же это такое? — поинтересовался коллежскій совѣтникъ, высунувъ голову изъ за перегородки.

— Баба какая-то оставила! — объяснилъ купецъ. — Хотѣла сѣсть, да пошла за подушкой и отъ поѣзда осталась. Я и положилъ подъ лавку, чтобы не мѣшалось... Такъ что...

Свертокъ выскользнулъ изъ рукъ купца и мягко шлепнулся на диванъ, а самъ купецъ широко открытыми отъ изумленія глазами уставился на поблѣднѣвшее лицо коллежскаго совѣтника и, заикаясь, проговорилъ:

— Пишшитъ!

Коллежскій совѣтникъ посмотрѣлъ на купца и ничего не сказалъ, а только выдвинулся еще больше изъ за перегородки и съ любопытствомъ смотрѣлъ, что будетъ дальше.

Купчиха, колыхаясь своими жирными формами и торопливо дѣй-

ствуя пальцами, плохо двигавшимися отъ волненія, принялась развязывать свертокъ. Подъ полушалкомъ оказалось розовое пикейное одѣяльце, тоже старое и потертое, а въ одѣяльцѣ -маленькій, не старше дней десяти, ребенокъ, красный отъ удушья и со сморщенной сердитой рожицей.

Ребенокъ перебиралъ худенькими рученками и усердно ловилъ пустое пространство свернутыми въ трубочку губами.

— Маленькій какой! Да голодный! — всплеснула руками купчиха. — Ахъ, она змѣя этакая! Дитя подкинула...

— Вотъ тебѣ и щенокъ! — заплетающимся языкомъ проговорилъ купецъ и развелъ руками.

А подкинутый ребенокъ все ловилъ воздухъ и, не находя подлѣ себя материнской груди, жалобно и громко запищалъ, такъ что всѣ, сидѣвшіе и лежавшіе въ вагонѣ, встрепенулись и подняли головы. Посыпались разспросы. Растерянный и вспотѣвшій отъ волненія купецъ стоялъ въ одной жилеткѣ, вытиралъ платкомъ лицо и десять разъ подрядъ объяснялъ, путаясь и неумѣло нанизывая слова, какъ пришла „паскудная баба“ въ вагонъ, что̀ говорила и куда положила свертокъ, и какъ она потомъ сбѣжала, и въ сверткѣ оказался ребенокъ.

Даже молоденькая и некрасивая жена чиновника особыхъ порученій приподнялась со своего мѣста, медленно прошла по проходу, мелькомъ взглянула на ребенка и сейчасъ же вернулась обратно.

— Какой онъ гадкій! Неужели всѣ дѣти такія грязныя?

Супругъ, вернувшійся на свое мѣсто слѣдомъ за нею, посмотрѣлъ на нее съ тупо равнодушнымъ видомъ и легъ.

Когда прошли первыя минуты аханій и восклицаній, разговоръ принялъ болѣе осмысленный характеръ. Нѣкоторые рекомендовали немедленно послать за оберомъ и сдать ребенка до слѣдующей станціи на его попеченіе, другіе находили обера недостаточно компетентнымъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ и требовали жандарма. Пока что̀, офицерская жена сходила къ желѣзнодорожному семейству и выпросила тамъ чистую пеленку, въ которую и завернули найденыша

вмѣсто его собственной, грязной, а купчиха взяла его на руки и начала укачивать. Но ребенокъ спать не хотѣлъ, а все разѣвалъ ротъ и жалобно пищалъ.

Восточная дамочка смотрѣла на все происходившее съ удивленіемъ и нѣкоторымъ испугомъ, но первая высказала разумную мысль.

— Надо ему соску дать! Онъ совсѣмъ голодненькій!

Офицерская жена опять отправилась къ желѣзнодорожному семейству, но получила самый рѣшительный отказъ.

— Съ какой стати я буду давать ему свою соску? Можетъ быть, онъ больной!—негодовала мамаша.

— Душенька, да вѣдь у тебя есть запасная!—вкрадчиво убѣждалъ мужъ со своего высокаго ложа.

- Нѣтъ у меня никакихъ запасныхъ. Отдала пеленку и довольно. Не мѣшайся, пожалуйста, куда тебя не спрашиваютъ.

Кандидаты вызвались сходить въ сосѣдній вагонъ третьяго класса.

— Тамъ цѣлую кучу ребятъ везутъ. Дадутъ и соску, и молока.

— Сходите, миленькіе!—упрашивала дамочка.—Я васъ поцѣлую за это!

Кандидаты загоготали, подмигнули своей веселой спутницѣ и скрылись.

Купецъ все еще не могъ придти въ себя и въ одиннадцатый разъ начиналъ:

— Ужъ мнѣ ея рожа сразу подозрительной показалась... Куда же, говорю, это ты мнѣ на ноги-то садиться хочешь... А она, оказывается, вонъ съ какими задними мыслями.

Худощавая барышня переписчица, все время державшаяся особнякомъ и жевавшая мятныя лепешки, чувствовала себя крайне неловко и, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, притворилась спящей.

Показался кондукторъ съ фонаремъ въ рукѣ, сопровождавшій свое шествіе пистолетными выстрѣлами хлопающихъ дверей. Его сразу обступило человѣкъ пять.

- Есть въ поѣздѣ жандармъ?—спрашивалъ коллежскій совѣтникъ.

— Кондукторъ, у насъ безбилетный пассажиръ появился! сообщалъ холостой офицеръ.

Не знаете ли вы, гдѣ можно соску достать?—приставала офицерская жена.

— Ужъ мнѣ сразу ея рожа подозрительной показалась -въ двѣнадцатый разъ началъ свое повѣствованіе купецъ.

Кондукторъ посвѣтилъ фонаремъ на ребенка, поправилъ на головѣ шапку, обвелъ заспаннымъ взглядомъ всю компанію и, чтобы снять съ себя отвѣтственность за дальнѣйшее, рѣшилъ:

— Пойду, доложу господину оберу. Какъ они прикажутъ.

И ушелъ, на прощанье особенно усердно выстрѣливъ дверью.

— Порядки!—возмущался коллежскій совѣтникъ.

Ребенокъ, завернутый въ чистую пеленку, лежалъ на рукахъ у купчихи и тянулъ губы. Ему не было никакого дѣла до всей этой суматохи, до подбросившей его женщины, до обера и жандармовъ. Ему только хотѣлось ѣсть, а ѣсть-то ему и не давали.

—

Въ вагонѣ третьяго класса было еще темнѣе, чѣмъ во второмъ. Пахло кислой овчиной, іодоформомъ, солеными огурцами, махоркой и мокрымъ дѣтскимъ бѣльемъ. Народу было такъ много, что спали на всѣхъ полкахъ, въ три этажа, да еще четыремъ или пяти неудачникамъ не хватило спальныхъ мѣстъ, и они сидѣли, кое какъ примостившись на краю лавокъ и стукаясь затылками о жесткія, залоснившіяся отъ грязи стѣнки.

Публика была пестрая и безъ тѣхъ видимыхъ знаковъ своего соціальнаго положенія, которые отличали „второклассныхъ“ пассажировъ. Были купчики средней руки, ѣхавшіе на побывку артиллерійскіе фейерверкеры, простые чернорабочіе, низшіе агенты желѣзнодорожной службы и просто люди, не имѣющіе опредѣленныхъ занятій и постояннаго мѣстожительства. Было нѣсколько женщинъ, по большей части съ дѣтьми. У занятой двумя фейерверкерами скамьи

горѣлъ сверхштатный огарокъ, снизу вверхъ освѣщая ихъ бритыя лица и желтые позументы на мундирахъ. Военные люди пили водку съ третьимъ, неопредѣленнаго званія человѣкомъ и слушали, какъ онъ имъ что-то разсказывалъ, сильно жестикулируя, брызгаясь слюной и при каждомъ словѣ показывая рядъ желтыхъ, гнилыхъ зубовъ.

Въ томъ же отдѣленіи, на противоположномъ диванѣ, лежала женщина, повидимому, больная. Лицо она закрыла,—должно быть, отъ свѣта и табачнаго дыма,—большимъ клѣтчатымъ платкомъ и временами судорожно вздрагивала, какъ человѣкъ, котораго мучитъ жестокая лихорадка.

— И вотъ, скажите на милость, прихожу я къ Ивану Яковлевичу на квартиру!—плевался неопредѣленный человѣкъ.—Конечно, обстановка тамъ бархатная, картины на стѣнахъ, трюма и все такое. Я, скажите на милость, немного обробѣлъ, но однако обхожденія не забываю и такъ, скажите на милость, прямо къ нему въ кабинетъ.

— Прямо?—удивился одинъ фейерверкеръ, рябой и съ простоватымъ, „безвиднымъ“ лицомъ.

— Такъ-таки прямо, скажите на милость. Иванъ Яковлевичъ сидитъ у стола,—большой такой столъ, что твой бильярдъ, и, скажите на милость, пишетъ бумагу.

— А вы, все-таки, поддерживайте компанію! – посовѣтовалъ другой военный человѣкъ, протягивая разсказчику рюмку.

— Поддержу, поддержу!

Неопредѣленный человѣкъ быстро опрокинулъ рюмку, сплеснулъ на полъ остатокъ и, сморщивъ лицо, принялся жевать кусокъ колбасы.

Женщина пробормотала что-то во снѣ и повернулась на другой бокъ.

— Хворая баба!—соболѣзнующе покачалъ головой рябой.

— Да она когда сѣла? Я что-то не примѣтилъ ее раньше? —освѣдомился неопредѣленный человѣкъ.

— Тутъ сѣла, на заводѣ. Еле еле-до лавки доперла и сразу повалилась.

— Вотъ удивительное дѣло... Зачѣмъ же ова ѣдетъ такая хворая?

Что подѣлаешь? Нужда, можетъ быть...

— Ндаа... — Неопредѣленный человѣкъ сдѣлалъ постное лицо.—Нужда, это... Познакомился я тоже съ ней, скажите на милость. Сами, вотъ, извольте посудить, какія еще мои дальнѣйшія злоключенія были. Такъ вотъ, вхожу, слѣдовательно, я къ Ивану Яковлевичу въ кабинетъ, а онъ сидитъ за столомъ и пишетъ бумагу, а столъ, скажите на милость, величиной, какъ бильярдъ. Вошелъ я и сталъ этакъ въ смѣломъ видѣ, и грудь впередъ выпятилъ. Хоть, молъ, ты самые небесные громы на меня напусти, - и то выстою, а отъ своей правды не отступлюсь. —„Чего, говоритъ, тебѣ нужно? Почему безъ доклада?“ Съ перваго налету, слѣдовательно, уже суровость въ голосѣ взялъ, скажите на милость. И чувствую уже я, что дѣло мое прогоритъ, а все не отступаюсь... Колбасы разрѣшите еще кусочекъ?

— Пожалуйста. Мы знаете, по простому, по солдатски, безъ угощенія: подходи и бери кому надо.

— Покорнѣйше благодарю... Я вотъ, скажите на милость, дорожныхъ запасовъ по торопливости дѣла заготовить не успѣлъ, а въ буфетахъ за все три шкуры дерутъ. При моемъ настоящемъ разореніи совсѣмъ даже невозможно ничего покупать. Голоденъ-съ...

Неопредѣленный человѣкъ вплотную занялся колбасой, не давая даже себѣ труда очищать ее отъ „шкурки“ и разсыпая повсюду хлѣбныя крошки.

Въ это время загрохотала дверь и въ вагонъ ввалили, одинъ за другимъ, оба кандидата. Они постояли нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ, понюхали воздухъ, поморщились, а потомъ смѣло направились къ огоньку, привѣтливо игравшему на фейерверкерскихъ галунахъ.

Неопредѣленный человѣкъ перестатъ жевать и не то съ удивленіемъ, не то съ испугомъ воззрился на неожиданныхъ гостей.

Фейерверкеры подтянулись и застегнули воротники у мундировъ.

— У насъ, господа, случилось любопытное происшествіе!—началъ одинъ кандидатъ, разглядывая сквозь пенснэ подвыпившую компанію.

— Подкинули ребенка! — пояснилъ другой.

Съ лица гладкаго фейерверкера сбѣжало выраженіе непроходимой скуки, а рябой недоумѣвающе разинулъ ротъ.

— Скажите на милость! — торопливо проглотивъ кусокъ колбасы, воскликнулъ неопредѣленный человѣкъ.

— Ребенокъ совсѣмъ голодный, -началъ первый кандидатъ.

— И его необходимо нужно покормить...—дополнилъ другой.

Скажите на милость! Стало быть, кормилицу ищете?—заржалъ отъ удовольствія неопредѣленный человѣкъ.

Первый кандидатъ выпятилъ нижнюю губу, показывая этимъ неумѣстность фамильярной шутки.

— Нѣтъ, совсѣмъ не кормилицу...

— Нужно соску и молока.

— Молока могу предложить!—серьезно сказалъ гладкій фейерверкеръ, доставая изъ-подъ скамьи бутылку. —А вотъ ужъ соски нѣтъ. Надобности въ ней не имѣю. Этого добра сейчасъ поискать можно будетъ.

И военный человѣкъ пошелъ, постукивая каблуками, по вагону. Кандидаты слѣдовали за нимъ.

— Тетки!—кликнулъ кличъ фейерверкеръ. — Дайте-ка соску. Во второй классъ ребенка подкинули.

Пробужденные звуками зычнаго голоса, свободно покрывшаго грохотъ стараго вагона, тетки и дядьки зашевелились, зазѣвали, закряхтѣли. Въ двухъ мѣстахъ заплакали ребята.

— Чего голосишь-то среди ночи, прости Господи?—заговорила какая-то женщина со сморщеннымъ, старушечьимъ лицомъ, убаюкивая проснувшагося ребенка. —Налакаются да и лѣзутъ на стѣну. Измору-то на васъ нѣту!

Фейерверкеръ не смутился общественнымъ недовольствомъ и смѣло продолжалъ стремиться къ намѣченной цѣли. Двѣ тетки только

обругали его и обѣщались по начальству пожаловаться, но третья пробормотала только что-то о грѣхахъ человѣческихъ и безпрекословно отдала резиновую соску, старую, растянутую и побурѣвшую, съ остатками прокисшаго молока на днѣ флакона. Кандидаты, тѣмъ временемъ, давали краткія поясненія и, когда они возвратились, наконецъ, въ свой вагонъ, торжественно унося трофеи своей ночной экскурсіи, за ними потянулся цѣлый хвостъ любопытныхъ. Зѣвали, почесывались, лѣниво оправляли разстроенные во снѣ костюмы, но все-таки шли.

Въ отдѣленіи у купцовъ въ это время присутствовалъ самъ господинъ оберъ и неторопливо производилъ разбирательство. Оберъ былъ толстый и румяный старикъ съ мазеповскими усами и большимъ животомъ, перетянутымъ какъ разъ посрединѣ кожанымъ поясомъ съ казенной бляхой. Онъ, видимо, находился въ нѣкоторомъ недоумѣніи, потому что никакъ не могъ припомнить параграфа желѣзнодорожнаго устава, подходящаго къ этому исключительному случаю.

Купецъ опять разсказывалъ,—теперь уже болѣе гладко и даже съ явнымъ стремленіемъ придать оборотамъ своей рѣчи, такъ сказать, „литературную“ форму.

Оберъ внимательно выслушалъ, наклонивъ голову на одну сторону и держась за соотвѣтствующій усъ; потомъ переклонился на другую сторону и спросилъ:

— Такъ во время стоянки на заводѣ это случилось?

— Такъ, такъ!—хоромъ подтвердили присутствующіе, хотя, кромѣ купцовъ, да, пожалуй, коллежскаго совѣтника, никто собственными глазами приходившей женщины не видѣлъ.

— Гмм... Придется теперь до Озерной везти, господа. Иначе никакъ невозможно.

— Какъ до Озерной? Да, вѣдь, это цѣлая ночь, сударь вы мой! —возмутился коллежскій совѣтникъ.

— Ночь,—невозмутимо согласился оберъ. —Два съ половиной часа опозданія имѣемъ. Но извольте принять во вниманіе, что раньше негдѣ сдать будетъ,—здѣсь станціи все совершенно пустынныя.

— Да, вѣдь, жандармы-то есть?—не унимался коллежскій совѣтникъ.

— Ночью, пожалуй, и ихъ не вездѣ найдешь. И молока здѣсь трудно найти. Лучше ужъ въ Озерной. Тамъ и стоянка большая: протоколъ составимъ.

— Такъ ужъ вы потрудитесь взять его къ себѣ въ служебное отдѣленіе!—огорчился коллежскій совѣтникъ.—Помилуйте, можетъ быть, тутъ зараза какая нибудь... Неужели у васъ нѣтъ на этотъ случай циркулярнаго предписанія?

Купчиха запротестовала.

— И, Господь истинный съ вами, сударь... Ребенокъ малый, голодный, гдѣ же тутъ мужикамъ справиться? И опять маленькій,—какая же можетъ быть зараза?

Оберъ сочувственно посмотрѣлъ на купчиху и счелъ инцидентъ исчерпаннымъ.

— А мы молока и соску принесли!—сообщили кандидаты, протискиваясь изъ-за широкой спины обера.

— Миленькіе вы мои!—обрадовалась восточная дамочка.—Онъ ужъ совсѣмъ зачахъ тутъ, бѣдняжечка! Давайте сюда, мы кормить его будемъ.

Господинъ оберъ повернулся къ выходу и наткнулся на густую толпу зрителей, тянувшихся другъ черезъ друга, чтобы лучше разглядѣть подкидыша.

— Господа, такъ нельзя-съ!—сказалъ оберъ.—Самовольный переходъ изъ низшаго класса въ высшій строжайше воспрещается. И совсѣмъ ничего нѣтъ интереснаго. Ребенокъ, какъ ребенокъ.

Толпа немножко подалась назадъ, но не уходила, перекидываясь шутками и отрывистыми заключеніями. „Второклассный" воздухъ началъ напитываться махоркой и квашеной овчиной.

— Господа, я представлю къ дополнительному сбору...

Оберъ налегъ животомъ на передніе ряды и началъ медленно подвигаться впередъ. Входныя двери распахнулись и зрители мало-по-малу исчезли въ клубахъ морознаго пара.

– Простудятъ еще дите-то! Вишь театры нашли какіе! — разсердилась купчиха, усердно укачивая плачущаго подкидыша.

Офицерская жена, совмѣстно съ восточной дамочкой, готовили соску. Кандидаты, чрезвычайно довольные своей распорядительностью, вертѣлись тутъ же.

Поѣздъ замедлилъ ходъ, мелькнулъ огонь семафора, потомъ мерзлыя окна начали вспыхивать отблесками станціонныхъ фонарей. Коллежскій совѣтникъ торопливо надѣлъ форменную фуражку и, кутаясь въ енотовую шинель, вышелъ на платформу. Тамъ онъ долго ходилъ въ полутьмѣ по скрипучей изморози, тщетно разыскивая начальственное лицо, которому можно было бы пожаловаться на непорядки.

Какой-то господинъ устрашающаго вида, въ огромной папахѣ, послалъ его къ чорту. Затѣмъ носильщикъ наступилъ на любимую мозоль. Наконецъ, коллежскому совѣтнику попалась на глаза фуражка дежурнаго по станціи, и онъ уцѣпился за него, какъ за якорь спасенія.

Дежурный по станціи, не совсѣмъ терпѣливо выслушавъ его тягучую и плавную рѣчь, только руками развелъ.

— Что же прикажете. Здѣсь не сиропитательный пріютъ. У насъ на станціи и коровы-то нѣтъ... Нельзя же съ голоду уморить ребенка. Вы ужъ, пожалуйста, не вмѣшивайтесь въ распоряженія администраціи. Ребенокъ вамъ не можетъ помѣшать. Мало ли ихъ возятъ...

Коллежскій совѣтникъ вернулся глубоко обиженный и началъ было жаловаться женатому офицеру, но тотъ, въ это время, предлагалъ желѣзнодорожной дамѣ какое-то лекарство отъ зубной боли и оказался поэтому очень невнимательнымъ слушателемъ. Коллежскій совѣтникъ вздохнулъ, пожевалъ губами и легъ спать.

— Все молоко вышло? Хорошо... Такъ я бутылку назадъ отнесу.

И кандидатъ № 1 опять отправился въ вагонъ третьяго класса. Тамъ военные люди все еще пили водку, а человѣкъ неопредѣ-

леннаго званія, управившись съ колбасой, сообщалъ что-то шепотомъ гладкому фейерверкеру. Всѣ трое косились, при этомъ, на больную женщину, которая одна не принимала участія въ общей суматохѣ по поводу появленія подкидыша и лежала все въ той же неудобной, изломанной позѣ, вздрагивая и бормоча въ болѣзненной дремотѣ.

— Спасибо за молоко!—сказалъ кандидатъ.

— Помилуйте, за что же? Тутъ его не больше чашки было.

— Все-таки... Дѣло не въ количествѣ, а въ самомъ фактѣ.

Кандидатъ повернулся уходить, но неопредѣленный человѣкъ началъ выдѣлывать по его адресу какіе-то загадочные знаки.

— Въ чемъ дѣло?

— Тсс...

Физіономія неопредѣленнаго человѣка украсилась двумя рядами оскаленныхъ гнилыхъ зубовъ, потомъ приблизилась къ самому уху кандидата и начала шептать:

— Представьте себѣ, мать-то этого ребенка, скажите на милость, въ этомъ же поѣздѣ ѣдетъ!

Кандидатъ сдѣлалъ круглые глаза.

— А вы почему знаете?

— Скажите на милость! Сѣла на заводѣ... и больна... скажите на милость, даже встать не можетъ. Конечно, материнское сердце. Захотѣла узнать, кто ребенка приметъ, и поѣхала, а подкинуть другой бабѣ поручила, скажите на милость... Какъ пить дать, ясно!

— Ну, знаете...

— Какая же неволя совсѣмъ больной женщинѣ въ путешествіе пускаться, скажите на милость? Нѣтъ, ужъ это, какъ въ стеклышкѣ.

Гладкій фейерверкеръ, видимо, сомнѣвался, а рябой вникалъ въ предположеніе неопредѣленнаго человѣка съ полнымъ довѣріемъ. Кандидатъ совсѣмъ не юридически почесалъ въ затылкѣ и отправился во свояси.

Тамъ онъ сѣлъ рядомъ съ купцомъ, только что оправившимся отъ волненія, и задумался. Потомъ мысли слишкомъ расползлись въ

его мозгу и начали искать выхода. Онъ подозвалъ своего товарища и сообщилъ ему по секрету предположенія неопредѣленнаго человѣка, придавъ имъ болѣе законченную логически форму.

Кандидатъ № 2 снялъ пенснэ, потеръ надавленную переносицу, затѣмъ водворилъ свой зрительный апаратъ на прежнее мѣсто, поправилъ немного сбившійся галстухъ и, наконецъ, сказалъ:

— Что же, это весьма возможно... Конечно, улики недостаточны, но тѣмъ не менѣе подозрѣніе падаетъ довольно опредѣленное. Я бы взялся повести слѣдствіе. Сѣла на той же станціи—разъ; находится въ такомъ состояніи, въ какомъ обыкновенно поѣздокъ не предпринимаютъ—два... Побудительныя причины весьма понятны... Неиспорченная натура... Несчастный ребенокъ—плодъ любви преступной, котораго необходимо скрыть. Хочется оставить себѣ послѣднее утѣшеніе,—знать, по крайней мѣрѣ, гдѣ онъ, въ чьи руки попалъ... чортъ возьми, какую великолѣпную защиту можно было бы вышить по этой канвѣ!

Купецъ насторожился.

— Что такое? Неужто мать нашли? Даже не спряталась, паскуда..

Кандидаты смутились.

— Нѣтъ... то есть да... существуетъ, видите ли, предположеніе... весьма шаткое, конечно... Собственно не мы его и высказали...

— Да какъ же это такъ? Ежели подозрѣніе есть—такъ и за шиворотъ ее, шельму! Начальство разберетъ.

— Охъ, Матерь Пресвятая! -вздохнула купчиха. -Какъ же это такъ, съ налету? Не долго и грѣхъ на душу взять.

— Конечно невозможно!—поспѣшили согласиться кандидаты.—Необходимы достаточныя юридическія основанія для того, чтобы привлечь человѣка къ отвѣтственности.

Наступило неловкое молчаніе. Подкидышъ накушался молока и мирно спалъ. Издалека доносились теноровыя всхрапыванія желѣзнодорожнаго мужа. Стучали колеса. Поскрипывая и качаясь, бѣжалъ впередъ поѣздъ, пронося черезъ глухую тайгу, черезъ лѣса, рѣки и болота случайно подобравшуюся горсточку людей.

И среди этихъ людей, въ полутьмѣ и дремотѣ, поползла, какъ медлительная змѣя, отъ человѣка къ человѣку, изъ отдѣленія въ отдѣленіе, ядовитая мысль, пущенная въ оборотъ человѣкомъ неопредѣленнаго званія.

Добралась она и до дѣвственной переписчицы и такъ ее огорошила, что переписчица даже уши зажала, чтобы не слышать доносившагося изъ потемокъ сдержаннаго шепота.

— Слышали?.. Мать...

— Какъ-же! Говорятъ, видѣли ее на заводѣ вмѣстѣ съ той женщиной, что ребенка подкинула...

— Вотъ видите! Еще новое доказательство... Господа, слышали?

— Насчетъ матери?

— Да, да... Оказывается, она на заводѣ была вмѣстѣ съ той...

Время проходило быстро и довольно весело. Начавшіе уже дремать послѣ инцидента съ ребенкомъ снова почувствовали желаніе бодрствовать и зашевелились. Коллежскій совѣтникъ снялъ даже отъ волненія шинель и, держа за пуговицу сѣрой тужурки женатаго офицера, ораторствовалъ:

— Нѣтъ, вы понимаете, что это такое? Вѣдь это значитъ, что при подобной обстановкѣ дѣла мы покровительствуемъ разврату своими желѣзными дорогами. Зайти въ вагонъ, сунуть, а на другой день ребенокъ будетъ уже за тысячи верстъ отъ мѣста преступленія... Ну, какъ же можно? Какъ же можно, напримѣръ, паспортовъ отъ пріѣзжающихъ не требовать? Вотъ вамъ и либерализмъ... Ахъ, вы... к...конституціоналисты!

Женатый офицеръ разсѣянно слушалъ и съ удовольствіемъ вспоминалъ полныя плечи желѣзнодорожной дамы, которыя ему удалось увидѣть, благодаря нѣсколько откровенному ночному костюму. И онъ уже почти готовъ былъ простить холостому товарищу его ухаживанья за собственной супругой.

Къ обитателямъ третьяго класса мысль возвратилась въ значительно обработанномъ и дополненномъ изданіи. Тамъ тоже зашеве-

лились, зашептали. Нѣкоторые подходили и смотрѣли въ упоръ на продолжавшую лежать въ забытьи виновницу смуты, другіе, наоборотъ, старательно отводили отъ нея глаза въ сторону.

Затѣмъ мысль, благодаря неусыпнымъ заботамъ коллежскаго совѣтника, достигла до административныхъ ушей господина оберъ-кондуктора. Но оберъ ждалъ контролера и, поэтому, былъ сердитъ.

— Помилуйте, господинъ! Вамъ то какая выгода отъ всего этого? Ну-вотъ, доѣдемъ до Озерной и тамъ сообщимъ. Пусть ссадятъ и произведутъ медицинское освидѣтельствованіе.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Совершенно вѣрно! Больше я пока ничего не могу и требовать.

Скоро въ третьемъ классѣ уже гудѣло новое извѣстіе:

— Свидѣтельствовать будутъ!

Больная разметалась во снѣ и открыла свое молодое, миловидное лицо съ пятнистымъ румянцемъ на щекахъ.

— Ахъ ты, болѣзная! Въ этакихъ годахъ да такую срамоту принимать...—пожалѣла баба, одолжившая соску подкидышу.

— Подѣломъ-съ! Подѣломъ-съ!—шипѣлъ и брызгался неопредѣленный человѣкъ.—Это ихнимъ сестрамъ хорошая наука будетъ... Скажите на милость, хуже собаки!

Больная дремлетъ. Во рту сухо и невкусно, внутри что-то жжетъ и мѣшаетъ. Временами вырѣжется оплывшая свѣчка, край промаслившейся бумаги съ обрѣзкомъ колбасы, солдатскіе галуны. Зачѣмъ здѣсь все это? Потомъ набѣгаетъ туманъ и откуда-то показывается большая лодка. Лодку качаетъ изъ стороны въ сторону, гудитъ вѣтеръ. Потомъ вдругъ раскрываются волны и влекутъ ее вмѣстѣ съ лодкой въ черную, черную глубину. Холодная вода охватываетъ ее, шумитъ въ ушахъ, леденитъ тѣло. Душно, страшно... Опять свѣчка и надъ ней —потное лицо фейерверкера съ треугольными тѣнями на подглазицахъ и подбородкѣ.

Кто-то говоритъ писклявымъ, противнымъ голосомъ. Этотъ голосъ

все растетъ, становится пронзительнѣе, громче, и весь воздухъ, земля начинаютъ дрожать. Горячее, зловонное дыханіе пышетъ на лицо. Чудовище навалилось на грудь и не даетъ перевести духъ.

Свѣчка и галуны... Только свѣчка, почему-то, громадная и дымная, какъ смоляной факелъ.

Рядомъ лежатъ, зачѣмъ-то, сестра и тетка. У обѣихъ злые, горящіе глаза, какъ у волковъ. Нѣтъ, это вовсе не тетка,—это инженерша, у которой она служила въ боннахъ. У инженерши длинныя, цѣпкія руки и пальцы безъ суставовъ шевелятся, точно безобразные, бѣлые черви. Совсѣмъ близко у лица, щекотятъ щеку.

Червеобразные пальцы ползутъ, дальше дальше. Вотъ они уже на шеѣ. Растутъ и тянутся къ плечамъ, опутываютъ грудь, добираются до пояса. И тамъ, гдѣ они прикоснутся, невидимыя иглы колютъ тѣло и пробираются глубоко, до самаго сердца.

Шумитъ озеро-море. Опять она на волнахъ и волны носятъ ее, какъ легкую щепку. И инженерша тутъ же. Инженершу тянетъ въ глубину и она, точно камень, виситъ на шеѣ. Вода совсѣмъ прозрачная и видно, что дѣлается тамъ, на днѣ. Какія-то страшныя чудовища, мягкотѣлыя, грузныя, зеленовато-сѣраго цвѣта, ползаютъ и переплетаются длинными щупальцами. И инженерша, оказывается, такое же чудовище и вмѣсто лица у ней длинный, плоскій клювъ, похожій на птичій. И вотъ онѣ погружаются и волны шумятъ уже высоко надъ головой, и онѣ стремительно падаютъ внизъ, къ страшнымъ зеленоватымъ чудовищамъ...

Горитъ свѣча. Позади свѣчи—желтая, крашенная подъ дубъ стѣна, исцарапанная и запачканная. На стѣнѣ образовался размытый, свѣтлый кругъ и часть этого круга загораживаетъ чья-то военная шинель. Высоко, высоко на верху кто-то говоритъ:

— Вставайте, вставайте, сударыня! Извольте собрать ваши вещи!..

Кому это говорятъ? Она—не сударыня, она бонна.

Ее поднимаютъ со скамьи и ставятъ на ноги. Въ лицо упирается колючее сукно, пропитанное запахомъ табаку.

Ведутъ. Свѣча проваливается внизъ. Кругомъ говорятъ, шумятъ, толкаются. На мгновеніе рѣзко обрисовывается фигура какого-то чиновника съ длинными бакенбардами и въ енотовой шинели.

Темнота. На лицо и непокрытую голову падаетъ снѣгъ. Чей то стонъ, пронзительный и громкій, рѣжетъ ухо. Громадное чудовище съ огненными глазами съ грохотомъ пробѣгаетъ мимо. Должно быть, все это во снѣ...

Ее спускаютъ съ какой-то крутой, неудобной лѣсенки.

— Поддержи ее тамъ! Вишь ты... Совсѣмъ размякла!

Опять много людей. Говорятъ, сталкиваются другъ съ другомъ, скрипятъ ногами по снѣгу. Ее ведутъ далеко, далеко, среди снѣга и темноты. Мелькаютъ огни странные, расплывающіеся и дрожащіе. Лѣстница... Земля уходитъ изъ подъ ногъ и женщина падаетъ на деревянныя ступени.

— Держи крѣпче! Дурракъ! Что раззѣвался?

— Подымай, что ли!..

Опять царапаетъ щеку пропитанное табакомъ жесткое сукно. Ее подхватили подъ руки и тащатъ впередъ, такъ что она почти не касается ногами земли.

Какъ она попала въ эту комнату? Душная, большая комната, полная дыму. Электрическая люстра, въ три лампочки, свѣшивается сверху. Подъ этой люстрой длинный столъ, заваленный бумагами. На бумагахъ—кожаный поясъ съ мѣдной бляхой и сабля.

Сѣрая шинель, чиновникъ съ бакенбардами, толстый сѣдой кондукторъ съ серебряными нашивками. Еще кто-то... Народу набираэтся все больше и больше.

— Это вашъ ребенокъ?

Показываютъ что-то завернутое въ шаль, маленькое и безмолвное.

Нѣтъ, у нея нѣтъ ребенка. Она дѣвушка. Зачѣмъ они спрашиваютъ? Этого не нужно спрашивать.

— Ваше имя? Кто вы такая? Откуда ѣдете?

Какъ сердито смотритъ и сердито спрашиваетъ. Развѣ она что нибудь сдѣлала?

Она не можетъ отвѣчать. Высохшій языкъ не шевелится во рту. Да и какое имъ дѣло? Она—бонна. Захворала, ее отправили домой. Сама инженерша привезла ее на вокзалъ. Пусть ее отведутъ обратно въ вагонъ, или, все равно, положатъ куда нибудь. Она не можетъ стоять.

— Кто вы такая?

Это, должно быть, сонъ. На самомъ дѣлѣ люди не бываютъ такіе злые и глупые.

Да... Конечно, такой же сонъ, какъ эти страшныя чудовища на днѣ моря.

Ее подводятъ къ дивану. Опять земля уходитъ изъ подъ ногъ. Холодно. Темно...

Должно быть она опять въ вагонѣ. Трахъ-тахъ-тахъ... Трахъ тахъ-тахъ... стучитъ въ головѣ.

Инженерша, человѣкъ въ сѣрой шинели...

Куда они хотятъ ее бросить? Подняли вмѣстѣ съ диваномъ и размахиваютъ въ воздухѣ.

Вмѣсто нагорѣвшей свѣчи временами появляется люстра.

— Это вашъ ребенокъ? спрашиваетъ инженерша.

У нея въ рукахъ не ребенокъ, а большой мохнатый паукъ.

– Ты паукъ, и у тебя ребенокъ паукъ. Ты вовсе не дѣвушка, ты—паукъ.

Затѣмъ ничего, совсѣмъ ничего. Только боль, ужасная боль въ головѣ, въ груди, во всемъ тѣлѣ. И весь міръ только одна эта боль.

Люстры нѣтъ. Блѣдный, сѣроватый свѣтъ проходитъ черезъ большое окно съ полуспущенной маркизой.

— Эта?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

— Гмм... Да у нея, вѣроятно, родильная горячка. Сильнѣйшій жаръ...

Какъ рѣзко она слышитъ эти фразы. Но не можетъ открыть глазъ. Сейчасъ, сейчасъ...

Кто это такой этотъ лысый господинъ въ сюртукѣ? Щупаетъ ей пульсъ. Какимъ-то лекарствомъ пахнетъ отъ него.

Что это? Чужіе люди... Зачѣмъ они раздѣваютъ ее? Она рвется, прикрываетъ раскрытую грудь.

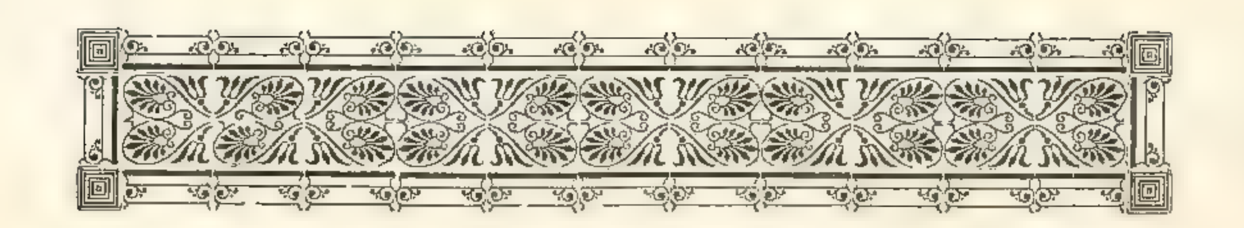
Сильныя руки схватываютъ ее сзади, за плечи, и пригибаютъ къ дивану. Холодные, влажные пальцы прикасаются къ обнаженному тѣлу.

— Оставьте же... Зачѣмъ? Помогите!

По занесенному снѣгомъ полотну бѣжитъ поѣздъ. Коллежскій совѣтникъ отдыхаетъ послѣ безсонной ночи и длинные бакенбарды вздрагиваютъ въ воздухѣ. Кандидатъ сидитъ въ углу и хмуро разсматриваетъ кончики лакированныхъ щиблетъ. Трахъ-тахъ-тахъ... трахъ-тахъ-тахъ... грязные вагоны увозятъ маленькую частичку человѣческой толпы.

Николай Степнякъ.

Итоги землеустройства сибирскихъ переселенцевъ за десятилѣтіе 1893—1902 гг. [1]).

Въ настоящее время, какъ извѣстно читателю, въ правительственныхъ сферахъ установился совершенно опредѣленный и, въ общемъ, вполнѣ благопріятный взглядъ на значеніе переселеній какъ для самихъ переселяющихся, такъ и съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ. На различныя мѣропріятія, связанныя съ организаціею переселенія въ Сибирь, ежегодно отпускается по нѣскольку милліоновъ рублей, а составъ дѣятелей, привлеченныхъ государствомъ по переселенческому дѣлу, исчисляется уже сотнями лицъ, среди которыхъ выдѣлилось не мало добросовѣстныхъ и искренно преданныхъ своему дѣлу работниковъ. Можно критически относиться къ тѣмъ или другимъ сторонамъ современной организаціи сибирскаго переселенія,

---

[1]) Статья эта была написана въ 1900 г. для предполагавшагося сборника въ память Н. М. Ядринцева. Изданіе этого сборника затянулось, и потому авторъ охотно пошелъ навстрѣчу желанію редакціи «Сборника въ пользу Томскихъ воскресныхъ школъ» и предоставилъ свою статью для напечатанія въ этомъ сборникѣ, пополнивъ ее болѣе свѣжими (по начало 1903 года) статистическими данными. Авторъ оставилъ однако безъ измѣненія посвященныя памяти Н. М. Ядринцева вступительныя страницы, думая, что онѣ не будутъ неумѣстны въ изданіи, имѣющемъ цѣлью содѣйствіе распространенію просвѣщенія въ свято чтущей память Николая Михайловича Сибири.

отмѣчать въ ней тѣ или другіе отдѣльные недочеты—но въ общемъ нельзя не признать, что эта организація какъ небо отъ земли отличается отъ прежняго хаоса.

Еще не такъ давно отъ насъ то время, когда переселенческое дѣло находилось въ совершенно иномъ положеніи. Переселенія еще въ началѣ 90-хъ годовъ признавались нежелательными и опасными съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ; они то терпѣлись, то запрещались, и если кое-что и дѣлалось какъ для помощи переселенцамъ во время пути, какъ и для устройства ихъ на мѣстахъ новаго водворенія, то отпускавшіяся для этой цѣли средства были до смѣшного ничтожны въ сравненіи съ потребностью; всѣмъ памятны тѣ бѣдствія, которыя въ эту эпоху претерпѣвали переселенцы въ пути, и тѣ замѣшательства, съ которыми было связано водвореніе и устройство ихъ на новыхъ мѣстахъ.

Общеизвѣстный фактъ, что поворотъ въ отношеніи правительства къ переселенческому дѣлу былъ вызванъ приступомъ къ сооруженію Сибирской желѣзной дороги, интересы которой настоятельно требовали заселенія и оживленія тѣхъ обширныхъ, почти пустынныхъ пространствъ, которыя нынѣ прорѣзаны желѣзною дорогою Но почва для этого поворота, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, была уже подготовлена, и въ этой подготовкѣ почвы немаловажная роль, думается мнѣ, принадлежала представителямъ литературы и публицистики, среди которыхъ покойному Ядринцеву принадлежала, несомнѣнно, первая роль.

Я не буду останавливаться здѣсь на разнообразныхъ проявленіяхъ дѣятельнаго сочувствія Ядринцева переселенческому дѣлу, которому онъ служилъ со всею страстностью, характеризовавшею покойнаго сибирскаго писателя: проявленія эти памятны еще слишкомъ многимъ, лично знавшимъ Николая Михайловича или слѣдившимъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, за положеніемъ и ходомъ переселенческаго дѣла. Но я считаю долгомъ отмѣтить, что въ книгахъ и статьяхъ Ядринцева можно найти полную программу переселенческой политики, программу, которая почти цѣликомъ осуществилась въ настоящее

время. Въ началѣ 90-хъ годовъ приходилось еще доказывать, что „переселеніе началось не зря, но вызвано было крайне затруднительными обстоятельствами и экономическимъ положеніемъ"; приходилось доказывать, что, „колонизація имѣетъ такое же врачующее и исцѣляющее значеніе, какое имѣетъ воздухъ съ перемѣною климата для больного [1]), съ той разницей, что здѣсь истощенныя экономическія силы народа возстановляются многоземельемъ, просторомъ и плодородіемъ почвы"; приходилось доказывать и желательность переселеній съ точки зрѣнія оживленія и культурнаго развитія Сибири, и безвредность ихъ съ точки зрѣнія экономическихъ и сельскохозяйственныхъ интересовъ районовъ выселенія. Но самое главное— приходилось доказывать необходимость заботиться о переселенцахъ независимо отъ принципіальнаго сочувствія или несочувствія переселенію. „Разъ переселенецъ въ пути, писалъ Ядринцевъ, съ этимъ слѣдуетъ примириться, какъ съ фактомъ: всякое обвиненіе переселяющагося въ легкомысліи и непредусмотрительности, разъ фактъ совершился, неумѣстно и запоздало; обреченіе переселенца на бѣдствія, какъ возмездіе за его рѣшимость, будетъ холодною жестокостью". Приходилось такимъ образомъ допускать возможность принципіально несочувственнаго отношенія къ переселенію и доказывать, что „помощь идущимъ на переселеніе вызывается, помимо всякихъ теорій сочувствія и несочувствія переселеніямъ, практическою жизненною необходимостью", и наоборотъ „возвращеніе переселенцевъ съ дороги или, еще худшее, съ мѣстъ водворенія, было бы слишкомъ несправедливо, неразсчетливо для государства и привело бы къ огромнымъ затрудненіямъ и потерямъ". Первымъ и самымъ главнымъ условіемъ успѣшнаго устройства переселенца на новомъ мѣстѣ является правильное надѣленіе его землею, и въ этомъ вопросѣ Ядринцевымъ, опять-таки, намѣчены тѣ самые принципы, которые въ настоящее время лежатъ въ основѣ землеотводныхъ мѣропріятій пра-

[1]) Собственно это мнѣніе авторъ этой статьи раздѣляетъ, какъ, можетъ быть, извѣстно читателю, лишь съ большими оговорками.

вительства, и прежде всего—свобода выбора мѣстъ для водворенія изъ числа заранѣе подготовленныхъ земель: „при оказаніи содѣйствія переселенцу на мѣстахъ водворенія, писалъ онъ, весьма важно не стѣснять его свободу выбора земель, но подготовить все, чтобы онъ скорѣе воспользовался удобными землями". „Какъ межевщику, землемѣру — писалъ Николай Михайловичъ, такъ и агроному, трудно ручаться, что извѣстный участокъ будетъ удовлетворять хозяйственнымъ условіямъ крестьянина; надо предоставить это чутью земледѣльца, его навыку, его соображенію. Есть много ускользающихъ отъ посторонняго взгляда обстоятельствъ, которыя усмотритъ только хозяинъ, есть такія крестьянскія потребности, которыя упускаются нами изъ виду; тамъ, гдѣ старались усадить переселенца, помимо его желанія, на отводимые участки, оказывались прискорбныя ошибки", а потому „переселенцу слѣдуетъ предоставить на выборъ удобные участки, но не обязывать селиться на нихъ во что бы то ни стало". Съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, какъ это иногда дѣлалось, того обстоятельства, что интересы прибывшихъ въ край переселенцевъ могутъ оказаться въ противорѣчіи съ не менѣе законными интересами и правами болѣе раннихъ обитателей заселяемыхъ районовъ; во избѣжаніе подобнаго противорѣчія „самое причисленіе переселенцевъ въ районы колонизаціи, при обширномъ наплывѣ переселенцевъ и ихъ смутныхъ представленіяхъ и требованіяхъ, должно совершаться съ крайней осмотрительностью и разсчетомъ, не нарушая хозяйственнаго строя старожиловъ и обычныхъ поземельныхъ отношеній въ общинахъ". Затѣмъ, „рядомъ съ вопросомъ хозяйственнаго обзаведенія и переселенческаго устройства является и вопросъ о кредитѣ, который долженъ явиться, въ противоположность „путевой помощи", ссудою на нѣсколько лѣтъ. Такая ссуда и организація народнаго кредита есть такая же потребность колонизаціи, такъ какъ далеко не всѣ переселенцы на новыхъ мѣстахъ могутъ сразу подняться и устроиться. Такія ссуды и такой кредитъ прекратятъ блужданіе переселенцевъ и предупредятъ нищенство,

бродяжество и батрачество у мѣстнаго населенія". Для ближайшаго завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ на мѣстахъ Ядринцевъ находилъ необходимымъ устроить достаточное количество переселенческихъ конторъ, въ которыхъ сосредоточивались бы свѣдѣнія о свободныхъ земляхъ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывали бы благоустройствомъ возникающихъ переселенческихъ поселковъ, —идея, которая въ настоящее время до извѣстной степени воплотилась, если не по формѣ, то по существу, въ получившемъ такое развитіе, во многихъ отношеніяхъ симпатичномъ институтѣ переселенческихъ чиновниковъ. Что̀ касается, наконецъ, до общаго завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ, то Ядринцевъ указывалъ на необходимость „единой и согласной организаціи всѣхъ переселенческихъ учрежденій", во избѣжаніе наблюдавшейся въ то время полной розни и отсутствія единства въ дѣятельности различныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и учрежденій; для этой цѣли онъ считалъ полезнымъ „сосредоточить всѣ переселенческія дѣла въ одномъ центральномъ учрежденіи"—идея, получившая осуществленіе въ той объединяющей въ области переселенческаго дѣла роли, которая принадлежитъ въ настоящее время [1]), комитету Сибирской желѣзной дороги.

Таковы руководящіе взгляды покойнаго Николая Михайловича по переселенческому вопросу. Для своего, еще очень недавняго времени, эти взгляды были свѣжи и оригинальны, и систематическое проведеніе ихъ составляетъ не послѣднюю заслугу покойнаго сибирскаго публициста. Въ настоящее время какъ и я сказалъ, многія изъ его пожеланій и указаній осуществились въ дѣйствительности, — осуществились, притомъ, въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ въ то время едва ли возможно было и мечтать. Въ настоящемъ очеркѣ я приведу нѣкоторыя данныя относительно того, что сдѣлано за послѣднее время для проведенія въ жизнь одной изъ сторонъ той широкой программы колонизаціонныхъ мѣропріятій, которую Ядринцевъ проповѣдывалъ всѣми бывшими въ его распоряженіи способами, — именно относительно размѣровъ и результатовъ работъ по поземельному устрой-

[1]) Писано въ 1903 году.

ству сибирскихъ переселенцевъ. Я позволяю себѣ думать, что появленіе этого очерка въ печати будетъ не лишено нѣкотораго интереса въ виду малой доступности для публики тѣхъ, по большей части казенныхъ изданій, гдѣ сдѣлана сводка относящагося къ данному вопросу матеріала.

1902-мъ годомъ закончилось десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Сибири ведутся въ широкихъ размѣрахъ систематическія работы по заготовленію земель для переселенцевъ. Собственно говоря, начало подобнаго рода землеотводныхъ работъ въ Сибири можетъ быть отнесено еще къ первой трети XIX столѣтія, — но до сравнительно недавняго времени работы эти велись здѣсь попутно съ общимъ межеваніемъ края, причемъ и организація работъ, и результаты ихъ были въ высшей степени неудовлетворительны. Только въ 1885 г. возникаетъ спеціальное учрежденіе для отвода земель переселенцамъ — Западно-Сибирскій переселенческій отрядъ, на содержаніе котораго отпускалось и до настоящаго времени отпускается по 40.000 р. въ годъ. Составъ работавшихъ на счетъ этого кредита межевыхъ техниковъ и такъ называемыхъ производителей работъ — лицъ, на которыхъ лежалъ самый выборъ земель подъ заселеніе, не превышалъ 15—20 человѣкъ, причемъ отряду приходилось работать на протяженіи двухъ огромныхъ губерній Западной Сибири — Тобольской и Томской, а въ нѣкоторые годы — еще въ Акмолинской и даже въ Семипалатинской областяхъ; на этомъ отрядѣ, кромѣ выбора и обмежеванія участковъ, лежало еще и самое водвореніе переселенцевъ, а также такія побочныя работы, какъ образованіе оброчныхъ статей и даже сдача ихъ въ аренду. Естественно, что результаты работъ отряда не могли удовлетворить существовавшей потребности: за все время съ его учрежденія по 1892 г. включительно, т. е. за 8 лѣтъ, площадь образованныхъ участковъ не превысила 722.000 дес., что́ составляетъ въ среднемъ на годъ по 90.000 дес. или по 6.000 душевыхъ долей, между тѣмъ какъ количество прибывавшихъ въ Сибирь переселенцевъ, еще въ 1887 г. не превышавшее 25.000, въ 1891

и 1892 гг. достигло уже 90.000 человѣкъ или, примѣрно, 45.000 душъ мужского пола. Такая недостаточность количества заготовлявшихся переселенческихъ участковъ была источникомъ серьезныхъ замѣшательствъ въ ходѣ переселенческаго дѣла, и въ концѣ концовъ привела къ тому, что выдача разрѣшеній на переселеніе въ Сибирь циркуляромъ 6 марта 1892 г. была совершенно пріостановлена.

Учрежденный въ концѣ 1892 года Комитетъ Сибирской желѣзной дороги, признавъ необходимымъ связать сооруженіе дороги съ мѣрами по оживленію края и въ частности — по его заселенію, въ одномъ изъ первыхъ же своихъ засѣданій поставилъ на очередь вопросъ объ урегулированіи и расширеніи, соотвѣтственно существовавшей потребности, дѣла заготовленія въ Сибири переселенческихъ участковъ. Въ дополненіе къ продолжающему существовать и донынѣ отряду, было сформировано сначала четыре особыхъ временныхъ партіи, а къ 1902 году число такихъ партій уже достигло десяти. Въ руководство партіямъ были преподаны утвержденныя 13 іюня 1893 г. „временныя правила“, впослѣдствіи дополненныя и распространенныя рядомъ другихъ узаконеній. Постепенно возрастая, погодныя ассигнованія на землеотводное дѣло [1]) выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

1893 г.	229.550 р.
1894 »	200.815 »
1895 »	270 077 »
1896 »	581.695 »
1897 »	829.253 »
1898 »	896.998 »
1899 »	878.489 »
1900 »	941.703 »
1901 »	801.630 »
1902 »	976.617 »

Въ общемъ итогѣ за десятилѣтіе сумма ассигнованій изъ фонда достигла такимъ образомъ 6.606.826 р., а съ присоединеніемъ къ этой суммѣ 400.000 р., израсходованныхъ за тоже время на содержа-

[1]) Включая расходы на направленныя къ той-же цѣли гидротехническія работы и на изслѣдованіе степныхъ областей.

ніе Западно-Сибирскаго переселенческаго отряда — 7.006.826 р.; въ послѣдніе годы сумма годичнаго ассигнованія изъ фонда вчетверо превышаетъ суммы, отпускавшіяся на тотъ же предметъ въ первые годы существованія Комитета Сибирской желѣзной дороги.

Такой быстрый ростъ ассигнованій на землеотводное дѣло является результатомъ, прежде всего, увеличенія числа самыхъ землеотводныхъ партій и общей численности въ нихъ межевыхъ и поземельно-устроительныхъ чиновъ. Въ 1893 г. было учреждено, какъ уже сказано, четыре партіи въ составѣ 100 человѣкъ, а съ присоединеніемъ Западно-Сибирскаго отряда общее число лицъ, занятыхъ образованіемъ переселенческихъ участковъ, достигало 120 человѣкъ. Число это оставалось безъ измѣненія и въ слѣдующіе два года, —но, начиная съ 1896 г., оно быстро возрастаетъ: въ 1896 г. численность партій и отряда достигла 160 лицъ, въ 1897 г. — 195, въ 1898 году -218, въ 1899 г.—223, въ 1900 г.—265 лицъ, и на этомъ уровнѣ, съ небольшими лишь колебаніями, составъ партій и отряда оставался до 1902 г. включительно. При этомъ постепенно расширялся районъ работъ по образованію участковъ: до 1895 года включительно работы велись въ губерніяхъ Тобольской, Томской и Енисейской и въ Акмолинской области. Постепенно дѣятельность партій распространилась еще на слѣдующія губерніи и области: съ 1896 г. —на Иркутскую, съ 1898 г.—на Тургайскую, съ 1899 г. — на Приморскую и Семипалатинскую, съ 1900 г.—на Пермскую и Вологодскую, съ 1901 г. — на Амурскую область.

Быстрый ростъ расходовъ имѣлъ, однако, еще и другой источникъ — значительное осложненіе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, землеотводнаго дѣла, вызванное появленіемъ такихъ потребностей, которыя вначалѣ совершенно отсутствовали или, по крайней мѣрѣ, не ощущались. Выше упоминалось уже, что съ перваго же года образованія партій землеотводныя работы ведутся, между прочимъ, въ Акмолинской облксти. Въ этой области, чтобы образовать участки, приходилось освобождать необходимыя для того площади отъ киргизскаго пользованія. Вскорѣ выяснилось, однако, что дѣлать это, не

рискуя причинить непоправимаго ущерба киргизамъ, можно не иначе, какъ на основанiи точныхъ данныхъ о размѣрахъ ихъ землепользованiя и хозяйства и по соображенiю съ вычисленными, по этимъ даннымъ, ихъ нормальными потребностями въ землѣ. Обстоятельство это побудило, начиная съ 1896 г., учредить, подъ общимъ руководствомъ Ф. А. Щербины, особую „экспедицiю для естественно-историческаго и хозяйственно-статистическаго изслѣдованiя Степныхъ областей“, которая въ теченiе 1896—1901 гг. описала Акмолинскую и Семипалатинскую области въ полномъ составѣ и два сѣверныхъ уѣзда Тургайской области. На содержанiе этой экспедицiи, изъ вышеприведенной общей суммы, было отпущено 257.260 р. Гораздо болѣе значительные расходы (всего за десятилѣтiе 1.970.882 р.) были вызваны, затѣмъ, другимъ обстоятельствомъ — именно образованiемъ особой гидротехнической экспедицiи. Въ числѣ мѣстностей, на которыя съ самыхъ первыхъ лѣтъ распространились землеотводныя работы, оказались, между прочимъ, и такiя, гдѣ существеннѣйшимъ препятствiемъ къ образованiю участковъ являлся недостатокъ или ненадежность естественнаго водоснабженiя — таковы тѣ же Степныя области, а также такiе уѣзды Западной Сибири, какъ Тюкалинскiй, Ишимскiй, частью Каинскiй. Въ этихъ мѣстностяхъ, начиная съ 1893 г., было заготовлено значительное количество участковъ, большая часть которыхъ весьма быстро засолилась; но на многихъ изъ этихъ участковъ переселенцы скоро стали испытывать серьезныя неудобства отъ недостатка воды для питья и другихъ потребностей. Гидротехнической экспедицiи пришлось поэтому, съ одной стороны, обслѣдовать ранѣе образованные участки, оказавшiеся ненадежными въ водномъ отношенiи, и устроить на нихъ искусственное водоснабженiе; съ другой стороны, въ настоящее время техники этой экспедицiи участвуютъ и въ самомъ образованiи новыхъ участковъ, производя при этомъ предварительныя изслѣдованiя съ цѣлью выясненiя вопроса о водоснабженiи. Въ сѣверной части уже названнаго Каинскаго уѣзда, въ Барабинской степи, та же экспедицiя ведетъ осушительныя работы которыя привели уже сотни тысячъ десятинъ болотъ въ годный для колонизацiи видъ.

*

Общіе количественные результаты землеотводныхъ работъ за десятилѣтіе выражаются въ отводѣ подъ заселеніе 10.244.000 десятинъ (включая неудобныя земли), годныхъ для водворенія, по количеству въ нихъ удобной земли, 559.752 душъ мужского пола или приблизительно 1.126.000 душъ обоего пола. По годамъ эти результаты распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Тысячъ десятинъ.	Душевыхъ долей.
Въ 1893 г.	806	43.060
» 1894 »	1.595	85.772
» 1895 »	772	38.178
» 1896 »	751	43.512
» 1897 »	977	56.086
» 1898 »	728	36.653
» 1899 »	1.049	63.361
» 1900 »	1.709	85.878
» 1901 »	912	50.590
» 1902 »	945	56.659

По губерніямъ же и областямъ образованные участки распредѣляются такъ:

	Тысячъ десятинъ.	Душевыхъ долей.
Тобольская	2.115	102.337
Томская	2.074	117.856
Енисейская	1.997	117.460
Иркутская	317	18.921
Акмолинская	2.007	109.245
Тургайская	702	43.106
Амурская	106	4.786
Приморская (Уссур. край)	880	32.654
Пермская	136	14.273

Такимъ образомъ, за десятилѣтіе губерніи Тобольская, Томская и Енисейская, а также Акмолинская область дали, приблизительно, по одинаковому количеству земель для водворенія переселенцевъ — именно, каждая приблизительно по два милліона десятинъ или съ небольшимъ по сту тысячъ душевыхъ долей. За ними слѣдуютъ Приморская и Тургайская области, которыя дали: первая—до 880

тысячъ десятинъ или 32,600 долей, и вторая—свыше 700 тыс. десятинъ или почти 45000 душевыхъ долей.

Значительный интересъ представляютъ затѣмъ нижеслѣдующія цифры, показывающія погодные результаты землеотводныхъ работъ по каждой губерніи и области особо:

Въ губерніяхъ и областяхъ:	Заготовлено тысячъ душевыхъ долей въ года:									
	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902
Тобольской . . .	15,3	28,5	9,1	1,4	7,3	14,2	2,2	9,4	3,8	3,6
Томской	18,0	33,2	3,7	—	16,7	8,5	12,3	13,0	12,9	2,1
Енисейской . . .	1,6	10,5	17,9	18,3	2,3	4,7	6,4	13,6	4,3	9,
Иркутской . . .	—	—	—	10,3	7,6	—	0,8	—	—	—
Акмолинской . .	16,6	7,7	7,7	10,7	11,7	8,2	14,8	14,6	10,1	2,2
Тургайской . .	—	—	—	—	—	—	8,6	25,5	7,5	10,1
Амурской . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,8
Приморской . .	—	—	—	—	—	—	2,4	9,7	11,9	7,93
Пермской . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14,9

Крайне рѣзкія колебанія этихъ цифръ станутъ совершенно понятными, если ихъ разсматривать въ связи съ нижеслѣдующими историческими данными относительно постепеннаго хода землеотводныхъ работъ.

Первоначально, какъ было уже упомянуто, всѣ силы землеотводныхъ партій и отряда были сосредоточены въ трехъ губерніяхъ Западной и Средней Сибири и въ Акмолинской области. При этомъ въ губерніяхъ Тобольской и Томской и въ Акмолинской области работали партіи приблизительно одинаковаго состава, въ Енисейской губерніи — партія значительно меньшей численности. Въ Тобольской и Томской губерніяхъ землеотводныя работы встрѣтили вначалѣ особенно благопріятныя условія: всѣ силы были сосредоточены въ южныхъ степныхъ уѣздахъ, гдѣ можно было пользоваться для землеотводныхъ работъ готовымъ плановымъ матеріаломъ, а среди оброчныхъ статей и неиспользованныхъ земель въ районахъ землепользованія старожилаго населенія легко было выискать обширныя пространства земель, несомнѣнно пригодныхъ для сельскохозяйственнаго пользованія и частью уже приведенныхъ въ культурный видъ, частью не представлявшихъ въ этомъ отношеніи, въ виду своего степного характера,

какихъ-либо трудностей. Естественно, что землеотводныя работы дали въ этихъ двухъ губерніяхъ, въ первые же два года, весьма значительные результаты—почти 100 тысячъ душевыхъ долей или около одной шестой части всего количества участковъ, заготовленныхъ за все десятилѣтіе во всемъ районѣ землеотводныхъ работъ. Этимъ, однако, былъ исчерпанъ почти весь запасъ свободныхъ земель, еще имѣвшихся въ районахъ размѣщенія старожилаго населенія этихъ губерній, земель, которыя, по своему болѣе или менѣе степному характеру, представлялись особенно привлекательными для переселенцевъ, а благодаря наличности плановаго матеріала, могли быть съ особою легкостью обращены въ участки. За предѣлами заселенной полосы, начинались урманы и тайга, т. е. по существовавшему въ то время представленію, первобытные лѣса, по суровости климата и трудности расчистки совершенно непригодные для колонизаціи. Въ слѣдующіе два года, поэтому, продуктивность землеотводныхъ работъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ рѣзко падаетъ: вмѣсто прежнихъ 40—60 тыс. душевыхъ долей, эти двѣ губерніи въ 1895 г. даютъ уже всего только 12.800, а въ 1896 г.—даже только 1.400 душевыхъ долей,—причемъ участки заготовляются уже не въ степной полосѣ, а частью—въ районахъ землепользованія ближайшихъ къ тайгѣ крестьянскихъ волостей, частью—по окраинамъ самой тайги.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Енисейской губерніи. Прежде всего, здѣсь не оказалось готоваго планового матеріала, такъ что, прежде чѣмъ приступить къ нарѣзкѣ участковъ, приходилось производить съемку предназначавшихся для заселенія площадей; съ другой стороны, Красноярскій уѣздъ, съ котораго начались въ 1893 г. работы, по своей лѣсистости оказался мало благопріятнымъ какъ въ смыслѣ изобилія площадей, удобныхъ для заселенія, такъ и въ отношеніи успѣшности съемокъ. Только со слѣдующаго, 1894 года работы были передвинуты въ степные или полустепные районы Ачинскаго, а затѣмъ—Канскаго и Минусинскаго уѣздовъ, гдѣ удобныхъ земель оказалось значительно больше, а съемки шли, въ виду мень-

шей лѣсистости, значительно успѣшнѣе. Вотъ почему землеотводныя работы въ Енисейской губерніи, давшія въ 1893 г. всего полторы тысячи долей, въ 1894 г. даютъ уже 10.500, а въ слѣдующіе два года—18 и 19 тысячъ душевыхъ долей. Скоро однако—именно начиная съ 1897 г.—и въ Енисейской губерніи обнаруживается такое же паденіе результатности работъ, какъ и въ западно-сибирскихъ губерніяхъ; и въ Енисейской губерніи землеотводныя работы весьма скоро исчерпали болѣе или менѣе весь запасъ свободныхъ земель, какія можно было найти въ районахъ разселенія старожиловъ, и очутились лицомъ къ лицу съ тайгою, которая здѣсь казалась еще болѣе суровою и еще менѣе привлекательною для переселенца, нежели въ Западной Сибири. Вотъ почему и въ Енисейской губерніи продуктивность землеотводныхъ работъ, достигнувъ въ 1896 г. почти 19 тысячъ душевыхъ долей, затѣмъ рѣзко упала и въ слѣдующіе два года не превышала: въ 1897 г.—съ небольшимъ двухъ, въ 1898 г.—4,7 тысячъ душевыхъ долей.

Такимъ образомъ, по существовавшимъ въ то время представленіямъ, запасъ земель, которыя могли быть использованы для колонизаціи, въ названныхъ трехъ губерніяхъ, былъ весьма скоро болѣе или менѣе исчерпанъ. Работы по образованію участковъ были поэтому передвинуты въ четвертую изъ губерній коренной Сибири — Иркутскую; здѣсь, однако, въ теченіе двухъ лѣтъ было заготовлено всего 18 тыс. душевыхъ долей, послѣ чего работы были прекращены, а учрежденная для этой губерніи партія расформирована, такъ какъ этими 18 тыс. долями исчерпывался весь тотъ запасъ земель, который оказалось возможнымъ найти по окраинамъ старожильскаго пользованія и въ промежуткахъ между старожильскими селеніями.

Поневолѣ приходилось обратить вниманіе на необъятные сибирскіе урманы и тайгу. Вопросъ о возможности колонизаціи таежныхъ и урманныхъ пространствъ былъ подробно изученъ командированнымъ въ 1895 г. въ Сибирь, нынѣ покойнымъ, директоромъ Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ И. И. Тихѣевымъ, совмѣстно съ авторомъ настоящаго очерка. Всѣ собранныя

на мѣстѣ и найденныя въ литературѣ данныя рѣшительно исключали, казалось, мысль о возможности образованія въ тайгѣ переселенческихъ участковъ для водворенія на нихъ переселенцевъ обычнаго типа. Единственнымъ способомъ колонизаціи тайги и урмановъ былъ признанъ созданный самою жизнью способъ свободнаго заселенія піонерами изъ сибирскихъ старожиловъ или выходцевъ изъ сѣверныхъ, до нѣкоторой степени аналогичныхъ по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ губерній Европейской Россіи. Казалось достаточнымъ нѣсколько урегулировать это свободное заселеніе, главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы предотвратить истребленіе такихъ лѣсныхъ пространствъ, которыя, въ силу рода и свойства насажденій или ихъ защитнаго характера, слѣдовало оставить подъ лѣснымъ назначеніемъ. Этотъ именно принципъ былъ положенъ въ основу закона о свободномъ заселеніи таежныхъ и урманныхъ пространствъ, изданнаго 27 апрѣля 1896 г. По этому закону, такія пространства должны были подвергаться инструментально-рекогносцировочному изслѣдованію; по данымъ этого изслѣдованія, должны были выдѣляться лѣсныя дачи, а всѣ остальныя пространства подлежать открытію для свободнаго заселенія какъ переселенцами, такъ и сибирскими старожилами, съ предоставленіемъ колонизаторамъ тайги нѣкоторыхъ особыхъ льготъ по сравненію съ другими переселенцами.

Однако, законъ этотъ, собственно въ смыслѣ свободнаго заселенія, почти не получилъ практическаго примѣненія. Выработанный по указаніямъ опыта того медленнаго и дѣйствительно свободнаго, т. е. предоставленнаго самому себѣ и ничѣмъ неурегулированнаго, процесса свободнаго заселенія, путемъ котораго, когда-то, колонизовались болѣе или менѣе всѣ вообще лѣсные районы Сибири,—этотъ законъ оказался не вполнѣ соотвѣтствующимъ конкретнымъ условіямъ современнаго, массоваго, переселенія, происходящаго подъ наблюденіемъ правительства и—до извѣстной степени—при его содѣйствіи. Въ единственномъ дѣйствительно открытомъ для вольнаго заселенія урманномъ районѣ Тобольской губерніи съ самаго начала обнаружились довольно серьезныя земельныя замѣшательства, кото-

рыя побудили перейти по отношенію къ этому району къ заселенію на общихъ основаніяхъ, съ отводомъ переселенцамъ особыхъ участковъ, въ другихъ же губерніяхъ свободное заселеніе и вовсе не было испробовано на практикѣ. Тѣмъ не менѣе, законъ 27 апрѣля 1896 г. имѣлъ чрезвычайно важныя практическія послѣдствія. Предпринятыя инструментально-рекогносцировочныя изслѣдованія, охвативъ огромныя пространства урмановъ и тайги, выяснили, что пространства эти, въ сущности, имѣютъ очень мало общаго съ тѣми представленіями, которыя въ умахъ даже мѣстныхъ старожиловъ соединялись со словами „урманъ“ или „тайга“. Изслѣдователи не нашли почти нигдѣ тѣхъ необъятныхъ дремучихъ первобытныхъ лѣсовъ, какіе ожидали найти. Въ перемежку съ болѣе или менѣе обширными пространствами сосновыхъ боровъ или первобытной „черной“ тайги, рѣшительно вездѣ оказывались обширныя пространства земель, которыя, подъ вліяніемъ послѣдовательныхъ лѣсныхъ пожаровъ, совершенно измѣнили свой характеръ и сдѣлались болѣе или менѣе легко доступными для заселенія и культуры; на мѣстѣ существовавшей когда-то первобытной тайги явились то сплошные „бѣльники“, т. е. пространства, сплошь заросшія болѣе или менѣе молодымъ березовымъ и осиновымъ лѣсомъ, то „дубровы“, т. е. такія площади, на которыхъ къ старому лиственному лѣсу начала опять подмѣшиваться коренная хвойная порода, мѣстами, наконецъ, „елапныя“ пространства, гдѣ болѣе или менѣе частыя и болѣе или менѣе обширныя куртины лиственнаго лѣса чередуются съ совершенно безлѣсными полянами. Благодаря вліянію огня, уничтожившаго прежніе дремучіе лѣса и первобытный травяной покровъ и открывшаго доступъ солнцу, изъ почвы исчезла прежняя излишняя сырость, сама почва въ значительной мѣрѣ созрѣла для культуры, на мѣстѣ таежныхъ бурьяновъ или мохового покрова явился болѣе доброкачественный травяной покровъ—словомъ, огонь и солнце измѣнили всѣ условія подвергшихся его дѣйствію пространствъ въ благопріятномъ для заселенія и культуры смыслѣ. Съ другой стороны, опытъ выяснилъ неосновательность су-

ществовавшаго ранѣе безусловно отрицательнаго отношенія къ возможности образованія участковъ изъ сплошь поросшихъ лѣсомъ земель; оказалось именно, что среди переселенцевъ есть и такіе элементы, которые не боятся расчищать угодья изъ-подъ не слишкомъ крупнаго, преимущественно лиственнаго лѣса, и что поэтому участки, хотя бы и сплошь лѣсные, при соотвѣтствующемъ подборѣ переселенцевъ имѣютъ достаточные шансы на заселеніе. Въ то время, поэтому, какъ раньше, особымъ циркуляромъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, было положительно запрещено образовать переселенческіе участки, сплошь покрытые лѣсомъ, теперь, новымъ циркуляромъ, образованіе участковъ, хотя и сплошь поросшихъ лѣсомъ типа „бѣльника“ или „дубровы“, было допущено, съ оговоркою лишь въ соотвѣтствующихъ спискахъ о трудности подобнаго рода участковъ для расчистки.

Эти обстоятельства—съ одной стороны открытія, сдѣланныя при изслѣдованіяхъ таёжныхъ пространствъ, а съ другой—нѣсколько измѣнившійся взглядъ на степень пригодности лѣсныхъ земель для образованія участковъ, привели къ значительному оживленію землеотводныхъ работъ въ губерніяхъ коренной Сибири. Колеблясь по отдѣльнымъ годамъ и губерніямъ въ зависимости отъ различныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, обстоятельствъ, работы эти въ итогѣ по тремъ губерніямъ (Тобольской, Томской и Енисейской) даютъ въ годъ отъ 15 до 35 тысячъ душевыхъ долей исключительно лѣсныхъ участковъ, а съ 1903 г. возобновлены работы и въ Иркутской губерніи.

Крупный районъ землеотводныхъ работъ представляютъ собою киргизскія степныя области. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ рассматриваемаго десятилѣтія работы велись исключительно въ одной Акмолинской области. Здѣсь онѣ продолжаютъ вестись и по настоящее время, причемъ (за исключеніемъ только особо мало-успѣшнаго 1902 года) результатность работъ не обнаруживаетъ пока замѣтнаго стремленія ни къ повышенію, ни къ сокращенію. Однако, значеніе этого—на первый взглядъ весьма утѣшительнаго—вывода

совершенно измѣнится, если принять въ соображеніе, что землеотводныя работы, которыя въ 1893—1895 гг. происходили исключительно въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ Акмолинской области, непосредственно прилегающихъ къ линіи желѣзной дороги, начиная съ 1896 г. распространились на Кокчетавскій уѣздъ, а съ 1897 г.— также и на два южныхъ уѣзда Акмолинской области, Акмолинскій и Атбасарскій, такъ что въ настоящее время то-же, приблизительно, количество участковъ оказывается возможнымъ получить, лишь охвативъ работами несравненно бо́льшую территорію и притомъ—цѣною трудовъ приблизительно вдвое бо́льшаго числа людей; съ другой же стороны, для оцѣнки результатовъ нынѣшнихъ землеотводныхъ работъ въ Акмолинской области необходимо имѣть въ виду, что ёмкость наиболѣе привлекавшей переселенцевъ части Кокчетавскаго уѣзда, а также лучшихъ мѣстностей Омскаго и Петропавловскаго, нынѣ совершенно исчерпана, и участки въ настоящее время заготовляются частью въ южныхъ уѣздахъ области, стоящихъ въ гораздо худшихъ условіяхъ климата, и почвы, частью же—въ такихъ мѣстностяхъ сѣверныхъ уѣздовъ, гдѣ раньше, въ виду худшаго качества почвы и т. п., а главное—въ виду неудовлетворительности естественнаго водоснабженія, считалось вовсе невозможнымъ открывать землеотводныя работы.

Необходимость увеличенія запаса степныхъ участковъ побудила, поэтому, распространить землеотводныя работы прежде всего на сѣверные уѣзды Тургайской области, Кустанайскій и Актюбинскій, а затѣмъ и на Семипалатинскую область. Поводомъ къ открытію работъ въ Тургайской области послужила необходимость позаботиться объ устройствѣ многихъ тысячъ самовольныхъ переселенцевъ, проживавшихъ въ сѣверной части Кустанайскаго и частью—въ Актюбинскомъ уѣздѣ, въ качествѣ арендаторовъ киргизскихъ земель. Собранныя, ради разрѣшенія вопроса объ ихъ устройствѣ, предварительныя свѣдѣнія выяснили сравнительно высокое колонизаціонное достоинство степей двухъ сѣверныхъ уѣздовъ Тургайской области и возможность найти здѣсь въ пользованіи киргизъ значительные земель-

ные излишки. Поэтому на названные уѣзды были распространены изслѣдованія экспедиціи Ф. А. Щербины, а вмѣстѣ съ тѣмъ была сформирована и особая землеотводная партія, которая устроила въ Кустанайскомъ уѣздѣ всѣ десять существовавшихъ здѣсь, въ качествѣ оффиціально признанныхъ селеній, арендаторскихъ поселковъ и сверхъ того заготовила въ томъ же уѣздѣ, по преимуществу въ сѣверной и средней его частяхъ, до 30 тыс. долей новыхъ участковъ; этимъ колонизаціонная ёмкость Кустанайскаго уѣзда приблизительно исчерпана, такъ какъ въ лучшихъ частяхъ уѣзда изъято болѣе или менѣе все, что можно было изъять безъ ущерба для киргизъ; южная, весьма обширная часть уѣзда, гдѣ излишнихъ земель осталось еще очень много, по почвѣ, климату и водоснабженію гораздо менѣе привлекательна для переселенцевъ. Въ Актюбинскомъ уѣздѣ работы начались только въ 1903 г., и предвидѣть количественные ихъ результаты въ настоящее время еще нѣтъ возможности; очень велики, однако, эти результаты не могутъ быть, въ виду незначительности общей площади уѣзда и густой его населенности. Что касается, наконецъ, до Семипалатинской области, то начало работъ здѣсь относится еще къ 1900 году; но до самаго конца разсматриваемаго десятилѣтія межевымъ силамъ Министерства Земледѣлія приходилось заниматься исключительно производствомъ, на огромныхъ пространствахъ, сплошныхъ съемочныхъ работъ, необходимыхъ для выводовъ статистической экспедиціи относительно земельныхъ нормъ и излишковъ. Собственно къ образованію участковъ въ области приступлено только въ 1903 году, и заранѣе можно сказать, что количественные результаты работъ здѣсь не будутъ сколько-нибудь значительны: предварительные рекогносцировочные осмотры, охвативъ въ четырехъ уѣздахъ обширную площадь почти въ семь милліоновъ десятинъ, обнаружили здѣсь, въ общей сложности, не болѣе полумилліона десятинъ земель, по составу угодій и другимъ условіямъ пригодныхъ для устройства осѣдлыхъ поселеній, причемъ остается еще открытымъ вопросъ, въ какой мѣрѣ эти площади могутъ быть признаны излишними для киргизъ.

Третій, новѣйшій по времени, районъ систематическихъ землеотводныхъ работъ представляютъ собою двѣ области Приамурскаго края—Амурская и Приморская. Въ первой изъ нихъ, куда въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ направлялось лишь ничтожное число переселенцевъ, отводъ имъ земельныхъ надѣловъ производился мѣстными землемѣрами; въ Приморскую область, куда, начиная съ 1883 года, шло организованное морское переселеніе, съ 1893 года были назначены особые землемѣры переселенческаго управленія. Съ 1899 года для Уссурійскаго края была сформирована особая партія такого же типа, какой установился въ другихъ колонизаціонныхъ районахъ. Въ короткое время эта партія исчерпала весь имѣвшійся въ виду запасъ удобныхъ и доступныхъ для заселенія земель,—и на очередь ставился уже вопросъ о прекращеніи землеотводныхъ работъ въ Уссурійскомъ краѣ. Однако, новѣйшія рекогносцировки, произведенныя во внутреннихъ районахъ края, показали, что здѣсь имѣются еще довольно значительный запасъ земель, которыя, при условіи проложенія къ нимъ дорогъ, съ успѣхомъ могутъ заселяться съ другой же стороны, виды на крестьянскую колонизацію Уссурійскаго края значительно улучшились, благодаря послѣдовавшему въ 1903 году разрѣшенію вопроса о возможности образованія переселенческихъ участковъ въ предѣлахъ тѣхъ обширныхъ пространствъ, которыя въ 1895 г., по распоряженію покойнаго генералъ-губернатора Духовского, были зачислены въ территорію Уссурійскаго казачьяго войска. Для Амурской области особая межевая партія была образована въ 1901 году. Собственно работы по образованію переселенческихъ участковъ эта партія въ 1901 и 1902 гг. вела исключительно по окраинамъ Зейско-Буреинской степной равнины, которая до сихъ поръ являлась, вообще, единственнымъ въ Амурской области райономъ крестьянской колонизаціи; но рекогносцировочныя изслѣдованія, распространившіяся на Амурско-Зейскій водораздѣлъ, еще недавно считавшійся вовсе не имѣющимъ цѣнности въ колонизаціонномъ отношеніи, обнаружили и здѣсь значительныя площади земель, вполнѣ пригодныхъ для обращенія въ переселенческіе участки.

Такимъ образомъ въ Приамурскомъ краѣ землеотводныя работы имѣютъ передъ собой, повидимому, еще довольно широкое поле. Однако и въ Приамурьѣ, какъ и въ остальной Сибири, земли, какія предвидится возможнымъ использовать для цѣлей колонизаціи, имѣютъ по преимуществу лѣсной характеръ, неиспользованныхъ же земель болѣе или менѣе чисто-выраженнаго степного типа въ настоящее время осталось уже и здѣсь очень незначительное количество. Тѣмъ не менѣе, гораздо болѣе мягкій климатъ Амурскаго края позволяетъ предполагать, что этотъ край и въ будущемъ будетъ привлекательнѣе для выходцевъ изъ южныхъ и среднихъ районовъ Европейской Россіи, нежели въ предбайкальской Сибири, тѣ таёжные и урманные районы, гдѣ въ настоящее время еще имѣются земли, могущія быть использованными для цѣлей колонизаціи.

Наконецъ, послѣдній районъ землеотводныхъ работъ представляютъ собою сѣверо - восточныя губерніи Европейской Россіи. Вопросъ о заселеніи обширныхъ лѣсныхъ пространствъ этого района поставленъ былъ на очередь благодаря сооруженію Пермь-Котласской желѣзной дороги, которая привела сѣверо-восточныя губерніи въ связь съ райономъ Сибирской желѣзной дороги и побудила примѣнить къ нимъ тѣ самыя оживительныя мѣропріятія, которыя уже были испытаны. Въ 1900 году была сформирована для сѣверо-восточнаго района особая землеотводная партія, и были утверждены особыя правила для землеотводныхъ работъ, которыя на первое время были открыты только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пермской и Вологодской губерній. Однако, только въ одномъ Верхотурскомъ уѣздѣ въ теченіе разсматриваемаго десятилѣтія—именно въ 1902 году, было окончательно образовано и утверждено нѣкоторое число переселенческихъ участковъ. Въ остальныхъ уѣздахъ работы не пошли дальше подготовительной стадіи, главнымъ образомъ потому, что землеотводной партіи на первыхъ же порахъ пришлось встрѣтиться съ цѣлымъ рядомъ осложненій, вытекавшихъ, главнымъ образомъ, изъ весьма распространеннаго—какъ оказалось - пользованія мѣстныхъ старожиловъ земельными угодьями въ предѣлахъ тѣхъ лѣсныхъ дачъ, которыя

являлись земельнымъ фондомъ для образованія переселенческихъ участковъ. Осложненія эти оказались настолько серьезными, что потребовали пересмотра и значительнаго дополненія изданныхъ для разсматриваемаго района правилъ, имѣвшаго цѣлью связать землеотводныя работы съ системою мѣропріятій по улучшенію условій землевладѣнія и землепользованія коренного и мѣстнаго населенія, а также съ расселеніемъ этого послѣдняго. Пересмотръ этотъ послѣдовалъ весною 1903 г.

Какъ уже упоминалось, и число лицъ, занятыхъ землеотводнымъ дѣломъ, и сопряженные съ нимъ расходы, въ концѣ разсматриваемаго десятилѣтія были значительно больше, нежели въ его началѣ, другими словами, заготовленіе того же, въ среднемъ, количества участковъ требуетъ въ настоящее время гораздо большихъ затратъ труда и денегъ. Насколько возросла трудность заготовленія переселенческихъ участковъ—ясно видно изъ нижеслѣдующей таблички, въ которой изображены погодные результаты землеотводныхъ работъ въ абсолютныхъ величинахъ и въ ихъ соотношеніи къ размѣрамъ расходовъ и къ количеству затрачиваемаго на образованіе участковъ труда:

Годы:	Тысячъ душъ долей въ участкахъ.	Среднее число долей на одного чина партій.	Средняя стоимость отвода одной доли въ копѣйкахъ.
1893	43	359	626
1894	86	715	280
1895	38	315	814
1896	44	272	1,429
1897	56	288	1,549
1898	37	168	2,556
1899	93	200	2,051
1900	86	321	1,144
1901	51	191	1,668
1902	57	214	1,724

Такимъ образомъ стоимость заготовленія одной душевой доли, которая въ первые три года [1]) колебалась, приблизительно, между

[1]) Необходимо имѣть въ виду, что въ 1893 году, въ виду сформированія партій лишь позднею весной, работы велись лишь въ теченіе части

тремя и восемью рублями,—изъ послѣдующихъ семи лѣтъ только въ одномъ 1900 году, особо выдающемся по успѣшности работъ, падаетъ до 11 р., во всѣ же остальные годы этого семилѣтія колеблется между 14 и 25 рублями. А продуктивность одного чина партій, которая въ первое трехлѣтіе колебалась между 315 и 715 душевыми долями, за слѣдующее семилѣтіе только разъ, въ томъ же 1900 году, поднимается до 321 доли, въ остальные же годы колеблется между 288 и 168 душевыми долями. Если же взять среднія цифры, то окажется, что одна душевая доля обходилась въ первомъ трехлѣтіи въ 4 р. 19 к., въ слѣдующія 7 лѣтъ въ 16 р. 06 к., а въ среднемъ на одного чина заготовлялось въ первые три года—463, въ слѣдующіе семь—всего 236 душевыхъ долей. Въ среднемъ, такимъ образомъ, въ теченіе позднѣйшаго періода одинъ чинъ заготовлялъ, приблизительно, вдвое меньше душевыхъ долей, и одна душевая доля обходилась, приблизительно, вчетверо дороже, нежели въ теченіе перваго трехлѣтія. А между тѣмъ, даже и такіе результаты, въ послѣднее время, могли быть достигаемы лишь благодаря нѣкоторому неизбѣжному пониженію требованій, предъявляемыхъ къ отводимымъ подъ заселеніе землямъ: въ настоящее время, за истощеніемъ запасовъ лучшихъ и легко доступныхъ для обращенія подъ культуру земель, подъ заселеніе отводятся, а затѣмъ и заселяются такія земли, худшія по почвѣ, болѣе трудныя для разработки и т. п., которыхъ еще немного лѣтъ тому назадъ вовсе не рѣшались предназначать подъ заселеніе, и которыя, если ихъ случайно замежевывали въ участки, въ то время совершенно не находили желающихъ селиться.

Дальнѣйшимъ показателемъ все возрастающей трудности прісканія земель, пригодныхъ для заселенія, является тотъ выяснен-

---

нормальнаго полевого періода, что, конечно обусловливаетъ значительное повышеніе стоимости заготовленія участковъ и пониженіе числа долей, образованныхъ, въ среднемъ, каждымъ чиномъ партій.

ный въ предыдущемъ фактѣ, что землеотводныя работы, первоначально сосредоточивавшіяся въ сравнительно небольшомъ районѣ, именно, въ ближайшихъ къ желѣзной дорогѣ уѣздахъ Тобольской и Томской губерній и Акмолинской области, въ настоящее время разбросались по чрезвычайно обширной территоріи, захвативъ какъ обѣ средне-сибирскія губерніи и Приамурскій край, такъ и болѣе удаленныя отъ желѣзной дороги мѣстности Западной Сибири и киргизской степи, и распространившись также на Тургайскую область и на сѣверо-восточныя губерніи Европейской Россіи. Лишь разбросавъ работы по такому громадному пространству, обнимающему 11 губерній и областей, оказывается въ настоящее время возможнымъ удовлетворить тому же, приблизительно, спросу на переселенческіе участки, какой еще недавно съ избыткомъ удовлетворялся земельными запасами немногихъ уѣздовъ ближайшихъ къ Европейской Россіи частей Сибири.

Громадное значеніе имѣетъ, затѣмъ, другая сторона дѣла— именно то, что центръ тяжести землеотводныхъ работъ въ Сибири все болѣе и болѣе переносится изъ степныхъ въ лѣсные и, въ частности таежные районы. Въ 1899 г. были собраны подробныя свѣдѣнія для качественной характеристики заготовленныхъ въ шестилѣтіе 1893—1898 гг. переселенческихъ участковъ, сведенныя по двухлѣтіямъ и по тремъ главнѣйшимъ типамъ участковъ. Эти данныя представляютъ такую картину постепеннаго измѣненія характера отводимыхъ подъ заселеніе земель:

Типы участковъ:	На каждыя сто душевыхъ долей приходится въ участкахъ, образованныхъ въ двухлѣтія:		
	1893—94	1895—96	1897—98
степныхъ	46,9	33,1	26,3
лѣсо-степныхъ . .	46,7	41,2	34,9
лѣсныхъ	6,7	25,5	38,6

Безъ Акмолинской области, отдѣльно по четыремъ сибирскимъ губерніямъ:

степныхъ	33,2	17,2	0,9
лѣсо-степныхъ . .	58,3	51,1	47,0
лѣсныхъ	8,4	41,0	52,0

Позднѣйшихъ цифровыхъ данныхъ относительно распредѣленія участковъ по типамъ не собиралось, но въ виду изложеннаго выше не можетъ подлежать сомнѣнію, что измѣненіе въ характерѣ образуемыхъ участковъ шло и дальше въ томъ же направленіи. Участки степного типа въ первые два года, когда работы сосредоточивались главнымъ образомъ въ районѣ западно-сибирской степи, дали треть общаго количества душевыхъ долей; почти три пятыхъ дали участки лѣсо-степные, частью въ болѣе богатыхъ лѣсными кòлками мѣстностяхъ той же западно-сибирской степи, частью въ умѣренно-лѣсистыхъ районахъ Томской и Енисейской губерній; исключительно въ этихъ послѣднихъ заготовлялись въ то время чисто-лѣсные участки, которые дали всего около одной восьмой части общаго числа душевыхъ долей. Во второе двухлѣтіе, за истощеніемъ въ Тобольской губерніи запаса степныхъ земель, участки степного типа образовывались главнымъ образомъ въ Каинскомъ уѣздѣ и частью въ двухъ юго-западныхъ уѣздахъ Енисейской губерніи; процентъ такого рода участковъ падаетъ почти вдвое—до шестой части общаго числа душевыхъ долей; болѣе половины послѣднихъ даютъ еще лѣсо-степные участки—уже по преимуществу площади съ изрѣженнымъ лѣсомъ въ подтаежныхъ и пріурманныхъ районахъ, а чисто-лѣсные участки даютъ уже около трети душевыхъ долей. Наконецъ въ третьемъ двухлѣтіи, а тѣмъ болѣе въ послѣдующіе годы, работы въ сибирскихъ губерніяхъ сосредоточиваются почти исключительно въ таежныхъ и урманныхъ районахъ; процентъ степныхъ участковъ падаетъ почти до нуля, ниже половины падаетъ и процентъ лѣсо-степныхъ участковъ—уже исключительно изрѣженныхъ лѣсныхъ площадей въ подтаежныхъ районахъ; и, наконецъ, свыше половины даютъ наиболѣе трудные для заселенія участки чисто-лѣсного типа. Ясно такимъ образомъ, что образованіе участковъ чисто лѣсного типа въ началѣ изучаемаго періода, сообразно господствовавшему тогда отри-

цательному взгляду на колонизаціонную годность такого рода площадей, допускалось лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Напротивъ, въ послѣднее время, когда, съ одной стороны, истощились запасы земель, болѣе доступныхъ для культуры, а съ другой—опытъ заставилъ внести нѣкоторыя поправки въ господствовавшіе ранѣе по разсматриваемому вопросу взгляды, обращеніе въ участки лѣсныхъ площадей вошло въ нормальный порядокъ вещей. Разсмотрѣніе собранныхъ за то-же шестилѣтіе (точнѣе—за $6^1/_2$ лѣтъ—съ 1893 по 1 іюня 1899 г.) подробныхъ данныхъ относительно заселенія участковъ разныхъ типовъ покажетъ, какое значеніе имѣетъ это обстоятельство для будущности колонизаціи Сибири и вообще для переселенческаго дѣла.

Общее число душевыхъ долей въ заготовленныхъ за это время переселенческихъ участкахъ достигаетъ 247.813. Изъ нихъ занято уже водворенными переселенцами (не считая долей, только зачисленныхъ за ходоками), къ тому-же сроку, было 160.264 доли—64,8% или почти двѣ трети общаго количества заготовленныхъ долей. Первыя мѣста какъ по абсолютному числу водворенныхъ переселенцевъ (51 т. и 44 т. муж. душъ), такъ и по проценту занятыхъ долей (74,9 и 80,9%) занимаютъ Тобольская губернія и Акмолинская область, послѣднее мѣсто—Иркутская губернія (всего 2.638 душъ и 18,3%), середину же занимаютъ губерніи Томская и Енисейская, принявшія и абсолютно (по 32 т. м. д.), и относительно (58,4 и 55,5%) почти одинаковое количество переселенцевъ. Изъ отдѣльныхъ уѣздовъ первыя мѣста по абсолютному числу водворенныхъ переселенцевъ занимаютъ Тюкалинскій и Каинскій, принявшіе 24 т. и 22 т. муж. душъ. За ними слѣдуютъ уѣзды Петропавловскій, Канскій, Ишимскій, Кокчетавскій, Тарскій, Ачинскій и Акмолинскій, принявшіе каждый отъ 10 до 16 тысячъ; затѣмъ Томскій, Минусинскій и Омскій, принявшіе отъ $4^1/_2$ до $6^1/_2$ т., и, наконецъ, послѣднія мѣста занимаютъ уѣзды Маріинскій, Красноярскій и оба уѣзда Иркутской губерніи, принявшіе каждый отъ 400 до трехъ тысячъ мужскихъ

душъ. По степени же заселенности заготовленныхъ участковъ, другими словами, по проценту занятыхъ душевыхъ долей уѣзды располагаются совершенно иначе: первыя мѣста займутъ два степные уѣзда Тобольской губерніи и Омскій уѣздъ, Акмолинской области, съ заселенностью болѣе 90%; за ними слѣдуютъ остальные три уѣзда Акмолинской области и Ачинскій уѣздъ Енисейской губерніи, гдѣ заселенность участковъ колеблется между 73,6 и 86,1 %; далѣе идутъ уѣзды Каинскій съ 65, %, Красноярскій и Минусинскій съ 55,8 и 59,7%, Канскій, Томскій, Тарскій и Маріинскій съ 46—48,6% заселенности, въ уѣздахъ же Иркутской губерніи процентъ заселенности участковъ падаетъ до 30,1 и даже 17,1%.

Если прослѣдить распредѣленіе губерній и уѣздовъ на картѣ, а также сопоставить его съ вышеприведенными данными относительно послѣдовательнаго хода землеотводныхъ работъ и характера мѣстностей, гдѣ образовывались участки, то нельзя не прійти къ заключенію, что заселенность участковъ зависитъ отъ совокупнаго дѣйствія цѣлаго ряда условій: отъ близости отдѣльныхъ мѣстностей къ Европейской Россіи и въ особенности—удобства сообщеній; отъ степени доступности участковъ для обращенія подъ культуру, и отъ того промежутка времени, который успѣлъ протечь со времени образованія участковъ. Два юго-восточныхъ уѣзда Тобольской губерніи—ближайшіе къ Европейской Россіи изъ колонизуемыхъ нынѣ уѣздовъ, притомъ расположены непосредственно у желѣзной дороги; участки въ нихъ исключительно наиболѣе легкихъ для разработки типовъ—степного и лѣсостепного, и притомъ заготовлены еще въ 1893 и 1894 гг.,—естественно, что процентъ заселенности поднимается здѣсь выше, нежели гдѣ либо. Въ Тарскомъ уѣздѣ—участки по преимуществу лѣсные, заготовлялись главнымъ образомъ въ самые послѣдніе годы, притомъ расположены въ сторонѣ отъ главнаго переселенческаго пути,—а потому Тарскій уѣздъ по заселенности участковъ занимаетъ пока одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Въ Томской губерніи лучше всего засе-

лены участки Канскаго уѣзда результатъ преобладанія здѣсь степныхъ и полустепныхъ участковъ, сравнительной близости къ Европейской Россіи, а также того, что значительный запасъ участковъ заготовленъ въ уѣздѣ начиная съ 1894 года; значительно слабѣйшая заселенность участковъ Томскаго и Маріинскаго уѣздовъ—естественный результатъ ихъ большей трудности для разработки, а также сравнительно недавняго ихъ заготовленія. Въ Енисейской губерніи лучше всего заселены участки ближайшаго къ Европейской Россіи Ачинскаго уѣзда съ его, по преимуществу, степными и полустепными участками; значительно слабѣе заселены сравнительно удаленные, болѣе лѣсистые и притомъ, по большей части, позже образованные участки уѣздовъ Канскаго и Минусинскаго; сравнительно удовлетворительное заселеніе несомнѣнно худшихъ по качеству и трудныхъ для разработки лѣсныхъ участковъ Красноярскаго уѣзда—вѣроятно результатъ близости къ Красноярску и связанныхъ съ этимъ заработковъ. Наконецъ, хуже всего заселены участки Иркутской губерніи, во всѣхъ указанныхъ выше отношеніяхъ поставленные въ наименѣе благопріятныя условія. Въ Акмолинской области участки хорошо заселяются во всѣхъ уѣздахъ, лучше всего—въ Омскомъ уѣздѣ, какъ ближайшемъ къ желѣзной дорогѣ и крупному Омскому переселенческому пункту; но второе мѣсто принадлежитъ не другому прилегающему къ линіи уѣзду, Петропавловскому, а Кокчетавскому, благопріятныя естественныя условія котораго издавна привлекали переселенцевъ. Весьма замѣчателенъ, наконецъ, высокій процентъ заселенности въ Акмолинскомъ уѣздѣ: послѣдній расположенъ далеко отъ желѣзной дороги, участки начали заготовляться только съ 1897 года, а потому достигающее почти трехъ четвертей количество занятыхъ долей неоспоримо доказываетъ, что участки Акмолинскаго уѣзда въ высокой степени соотвѣтствуютъ требованіямъ извѣстной части переселенцевъ.

Притягательною силою участковъ Акмолинскаго уѣзда является, несомнѣнно, ихъ степной характеръ—участки степного типа, не-

смотря на такіе присущіе степнымъ мѣстностямъ недостатки, какъ безлѣсье и, нерѣдко, болѣе или менѣе неудовлетворительное водоснабженіе, значительно болѣе привлекаютъ, въ общемъ, переселенцевъ, нежели участки другихъ типовъ, и особенно—лѣсного. Что это дѣйствительно такъ,—въ этомъ убѣждаетъ нижеслѣдующая табличка, показывающая зависимость заселенности участковъ отъ принадлежности ихъ къ тому или иному типу:

	Процентъ занятыхъ долей въ участкахъ.					
	Степныхъ.		Лѣсистостепныхъ.	Лѣсныхъ.		
	Черноземныхъ.	Солонцеват. и смѣшан.		Съ лиственнымъ лѣсомъ.	Съ хвойнымъ лѣсомъ.	Съ мѣшанымъ лѣсомъ.
Въ Тобольской губ. . .	98,1	91,8	89,3	47,3	—	22,5
» Томской » . .	76,8	80,3	54,3	53,6	97,0	35,4
» Енисейской » . .	58,0	69,9	54,7	59,3	72,8	50,6
» Иркутской » . .	—	—	14,7	8,4	4,3	24,3
» Акмолинской обл. . .	82,1	60,9	—	—	—	—
По всему району . .	80,9	83,3	61,6	49,9	31,1	32,3

Ясно, что участки степного характера заселяются, дѣйствительно, гораздо успѣшнѣе, нежели участки всѣхъ остальныхъ типовъ; довольно любопытно при этомъ, что участки солонцеватаго и смѣшаннаго типовъ заселяются не только не менѣе—какъ можно было бы ожидать, но даже болѣе успѣшно, нежели участки типа черноземной степи,—вѣроятно въ силу какихъ-либо присущихъ первымъ преимуществъ, вполнѣ уравновѣшивающихъ нѣсколько менѣе благопріятныя почвенныя условія. На второмъ мѣстѣ по успѣшности заселенія стоятъ участки лѣсисто-степные, на послѣднемъ—лѣсные, причемъ, въ частности, участки подъ лиственнымъ лѣсомъ заселяются, какъ и слѣдовало ожидать, гораздо успѣшнѣе, нежели болѣе трудные для разработки участки подъ мѣшанымъ и особенно—подъ хвойнымъ лѣсомъ.

Однако, изложенная зависимость успѣха заселенія отъ характера участковъ съ полною ясностью проявляется лишь въ общемъ итогѣ по всему району землеотводныхъ работъ; по отдѣльнымъ

губерніямъ эта зависимость въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ маскируется такими обстоятельствами, какъ мѣстоположеніе участковъ, время ихъ образованія и т. п. Особенно важное значеніе имѣетъ, въ частности, время образованія участковъ; другими словами —продолжительность времени, которое протекло со времени образованія участковъ и въ теченіе котораго эти послѣдніе имѣли возможность заселяться. Сказанное наводитъ, однако, на одинъ существенно важный вопросъ: мы знаемъ, что преобладаніе въ общей массѣ заготовляющихся участковъ, которое вначалѣ принадлежало участкамъ степного и лѣсо-степного типовъ, въ самое последнее время переходитъ къ лѣснымъ участкамъ; не слѣдуетъ ли, спрашивается, именно въ этомъ видѣть причину сравнительно слабаго заселенія лѣсныхъ участковъ—не слѣдуетъ ли именно объяснять это явленіе просто тѣмъ, что лѣсные участки, какъ сравнительно недавно образованные, еще не имѣли времени заселиться? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ слѣдующая табличка:

Для участковъ, образованныхъ:	Процентъ заселенности участковъ:		
	Степныхъ.	Лѣсисто-степныхъ.	Лѣсныхъ.
въ 1893 и 1894 гг.	86,3	84,1	65,4
„ 1895 „ 1896 „	85,4	70,1	47,7
„ 1897 „ 1898 „	67,0	61,1	41,8

Отвѣтъ, очевидно, отрицательный: если даже разсматривать отдѣльно участки, образованные въ первые два года, то все же заселенность лѣсныхъ участковъ гораздо слабѣе, нежели степныхъ и лѣсо-степныхъ; равнымъ образомъ, и среди участковъ, образованныхъ въ послѣднее двухлѣтіе, степные заселялись замѣтно успѣшнѣе, нежели лѣсные. Замѣтно измѣняется только успѣшность заселенія лѣсо-степныхъ участковъ: участки этого типа, образованные въ первое двухлѣтіе, заселялись почти такъ же хорошо, какъ степные; лѣсо-степные участки, образованные позже, по степени успѣшности заселенія замѣтно уступаютъ степнымъ. Объясняется эта разница, можно думать, тѣмъ, что лѣсо-степные участки пер-

ваго двухлѣтія—это по преимуществу усѣянные колками участки въ степной полосѣ Западной Сибири, представляющіе мало отличій отъ степныхъ; лѣсо-степные участки послѣднихъ лѣтъ — это участки въ лѣсныхъ районахъ, только съ изрѣженнымъ лѣсомъ, значительно отличающіеся по почвеннымъ и т. п. условіямъ отъ степныхъ и приближающіеся къ лѣснымъ участкамъ.

Какъ было выше сказано, общее число водворенныхъ на участкахъ по 1 іюля 1899 г. переселенцевъ достигаетъ 160.264 мужскихъ душъ. Болѣе трети этого общаго числа—55 т. душъ, или 34,5%—дала группа сѣверно-черноземныхъ губерній (по классификаціи Н. Х. Бунге); второе мѣсто занимаетъ группа средне-черноземныхъ, исключительно малороссійскихъ губерній, давшая почти 36 т., или 22,4%, третье—группа западныхъ губерній, т. е. литовскихъ и бѣлорусскихъ, представленная почти 25 т. душъ, или 15,5% общаго числа водворенныхъ переселенцевъ. Далѣе идутъ губерніи: восточныя и юго-восточныя, давшія 7,2%, и южныя степныя, давшія 6,2%,—затѣмъ группы губерній юго-западныхъ (3,2%), сѣверо-восточныхъ заволжскихъ (2,2%), сибирскихъ и степного края (2,0%); наконецъ, послѣднія мѣста занимаютъ группы губерній промышленныхъ, сѣверныхъ съ сѣверо-западными, прибалтійскихъ и „прочихъ“, каждая изъ которыхъ дала по 1,6 1,7% общаго числа водворенныхъ переселенцевъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію, останавливаться на весьма интересныхъ данныхъ, показывающихъ распредѣленіе выходцевъ изъ тѣхъ или другихъ районовъ Европейской Россіи по сибирскимъ губерніямъ и уѣздамъ. Общій выводъ, который возможно сдѣлать на основаніи погубернскихъ и поуѣздныхъ данныхъ, представляется весьма важнымъ и въ то же время утѣшительнымъ. Извѣстно именно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ переселенцы сплошь и рядомъ, по неумѣнію оріентироваться въ чуждыхъ имъ условіяхъ Сибири, по недостатку средствъ для болѣе продолжительныхъ поисковъ, изъ нетерпѣнія поскорѣе устроиться и т. п., водворяются на участкахъ, по естественнымъ

условіямъ не соотвѣтствующихъ ихъ привычкамъ, и что это обстоятельство нерѣдко является причиною хозяйственнаго неуспѣха переселенія. Сопоставленіе данныхъ о распредѣленіи по губерніямъ и уѣздамъ выходцевъ изъ разныхъ районовъ позволяетъ однако, думать, что подобные случаи не должны быть обобщаемы, что въ общемъ распредѣленіе переселенцевъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ Сибири совершается въ достаточной степени соотвѣтственно естественнымъ условіямъ этихъ мѣстностей.

Но сибирская губернія и даже сибирскій уѣздъ не представляютъ собою чего-либо однороднаго по естественнымъ или хозяйственнымъ условіямъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости или, наоборотъ, несостоятельности изложеннаго вывода, необходимо поэтому сгруппировать выходцевъ изъ разныхъ мѣстностей Европейской Россіи не по какимъ-либо административнымъ дѣленіямъ, а прямо по типамъ участковъ, на которыхъ водворялись переселенцы.

Въ нижеслѣдующей небольшой табличкѣ приведены въ процентахъ результаты подобной группировки, причемъ за сто принято общее число мужскихъ душъ переселенцевъ, водворенныхъ на участкахъ каждаго даннаго типа:

На участкахъ.	На каждыя 100 душъ приходится выходцевъ изъ районовъ.								
	Сѣвернаго черноземн.	Средняго черноземн.	Южн., юго-запад. и юго-вост. съ вост.	Промышленнаго.	Западнаго.	Сѣв.-вост. заволжск.	Сѣв., сѣв.-зап. и прибалтійск.	Сибирскаго.	Прочихъ.
Степныхъ	32,3	29,5	25,9	1,5	4,9	1,0	1,7	1,1	1,7
Лѣсо-степныхъ . .	43,1	19,8	9,3	2,0	19,2	1,7	2,8	1,0	0,9
Лѣсныхъ	18,2	6,5	6,5	1,5	41,3	7,9	9,2	5,6	3,1

Необходимымъ дополненіемъ къ этой табличкѣ, показывающей распредѣленіе по мѣстамъ выхода переселенцевъ, водворенныхъ на участкахъ каждаго типа, служитъ нижеслѣдующая другая табличка, въ которой показано размѣщеніе по участкамъ разныхъ типовъ выходцевъ изъ различныхъ районовъ Европейской Россіи:

Выходцы изъ губерній:	Из каждаго ста душъ водворено на участкахъ: Степныхъ.	Лѣсо-степн.	Лѣсныхъ.
Сѣверныхъ черноземныхъ	43,6	49,9	7.2
Среднихъ черноземныхъ	61,2	34,8	3,2
Юго-западныхъ	63.4	33,8	2,8
Южныхъ степныхъ	69,4	25,8	2,8
Восточныхъ и юго-восточныхъ	79,2	13,6	7,2
Промышленныхъ	42,2	45,5	12,3
Западныхъ	14,9	48,6	36.5
Сѣверо-вост. заволжскихъ	20,9	30,7	48,7
Сѣверныхъ и сѣв.-западныхъ	16,3	40,0	43,6
Прибалтійскихъ	35,1	29,0	35,9
Сибирскихъ и Степного края	29,5	24,2	46,2
Прочихъ	50,4	22,6	26,6

Данныя эти, очевидно, въ полной мѣрѣ подтверждаютъ выводъ, сдѣланный выше на основаніи погубернскихъ и поуѣздныхъ данныхъ. Они показываютъ именно, что степные участки почти на девять десятыхъ заселяются наиболѣе приспособленными къ жизни въ степи выходцами изъ южной полосы Европейской Россіи, которые однако не менѣе охотно идутъ и на участки лѣсо-степного типа,—по преимуществу, надо думать, на участки въ усѣянныхъ колками мѣстностяхъ западно-сибирской степи; при этомъ не лишено интереса то обстоятельство, что уже малороссы, выходцы изъ средне-черноземнаго района, а тѣмъ болѣе переселенцы изъ районовъ крайняго юга, проявляютъ несомнѣнное предпочтеніе къ чисто-степнымъ участкамъ, тогда какъ выходцы изъ сѣверно-черноземнаго, другими словами средне-русскаго района, оказываютъ даже нѣкоторое предпочтеніе участкамъ лѣсо-степного типа. Если затѣмъ обратиться къ чисто-лѣснымъ участкамъ, то окажется, что до двухъ третей водворенныхъ на лѣсныхъ участкахъ переселенцевъ представляютъ элементы, несомнѣнно вполнѣ приспособленные къ жизни въ мѣстностяхъ такого рода (выходцы съ сѣвера и сѣв.-запада), около четверти — элементы, которые можно считать умѣренно приспособленными для этой цѣли

(выходцы изъ двухъ черноземныхъ районовъ), и около одной шестнадцатой — элементы, въ общемъ совершенно не подходящіе для водворенія въ лѣсахъ (южане). При этомъ однако процентъ какъ южанъ, такъ и малороссовъ, попавшихъ въ лѣсные участки, весьма незначителенъ — отъ 96,8 до 97,2 переселенцевъ, принадлежащихъ къ этимъ группамъ, водворились либо на степныхъ, либо на полустепныхъ участкахъ — т. е. на участкахъ типовъ, соотвѣтствующихъ ихъ вкусамъ и хозяйственнымъ привычкамъ.

Такимъ образомъ и эти цифры подтверждаютъ, въ главнѣйшихъ чертахъ и даже въ большинствѣ деталей, достаточное соотвѣтствіе между условіями мѣстъ выхода переселенцевъ и характеромъ тѣхъ участковъ, на которыхъ они водворяются въ Сибири. Но изъ тѣхъ-же цифръ можно сдѣлать еще и другой выводъ, практически несравненно болѣе важный, относящійся именно не къ результатамъ заселенія уже образованныхъ участковъ, а къ вѣроятности заселенія участковъ, образуемыхъ нынѣ и могущихъ быть образованными въ будущемъ — а отсюда, въ значительной мѣрѣ, и ко всей будущей судьбѣ переселенія въ Сибирь. Изъ приведенныхъ данныхъ видно именно, что выходцы изъ извѣстныхъ районовъ Европейской Россіи, особенно охотно водворяясь на чисто-степныхъ участкахъ, нѣсколько менѣе охотно — на лѣсисто-степныхъ, почти вовсе не селятся на участкахъ лѣсного типа; выходцы изъ другихъ районовъ, охотно занимая участки лѣсо-степные и даже чисто-лѣсные, тѣмъ не менѣе не избѣгаютъ и участковъ чисто-степного типа. Въ самомъ дѣлѣ: процентъ душъ, водворенныхъ на лѣсныхъ участкахъ, для нѣкоторыхъ категорій переселенцевъ падаетъ до 3,2 и даже 2,8; такимъ образомъ переселенцы изъ извѣстныхъ районовъ Европейской Россіи водворяются на лѣсныхъ участкахъ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, и случаи подобнаго водворенія едва ли могутъ быть объяснены иначе, нежели какими либо неблагопріятными случайностями, сопровождавшими выборъ мѣста для поселенія. Напротивъ, процентъ водворенныхъ на степныхъ участкахъ ни для одной группы переселенцевъ не падаетъ ниже пятнадцати и только для двухъ сравнительно малочисленныхъ группъ опускается ниже одной пятой общаго числа водворенныхъ

душъ, и такимъ образомъ даже выходцы изъ наиболѣе непохожихъ по естественнымъ условіямъ районовъ не обнаруживаютъ особой несклонности селиться на степныхъ участкахъ. Если, такимъ образомъ, сравнивать между собою два преобладающихъ, при работахъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ, типа участковъ, именно чисто-степные и лѣсные, то окажется, что первые, съ особенною силою привлекая степняковъ, охотно заселяются и выходцами изъ мѣстностей промежуточнаго характера и даже изъ лѣсныхъ районовъ; напротивъ, лѣсные участки сколько нибудь охотно заселяются исключительно выходцами изъ лѣсныхъ районовъ и вовсе не могутъ разсматриваться, какъ колонизаціонный фондъ, пригодный для водворенія переселенцевъ изъ южной и даже—въ значительной мѣрѣ —изъ средней Россіи. Между тѣмъ изъ предыдущаго читатель знаетъ, что запасы степныхъ земель въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ въ настоящее время могутъ считаться окончательно исчерпанными, и работы по образованію участковъ все въ большей мѣрѣ углубляются здѣсь въ мѣстности чисто-лѣсного характера. Участки степного типа заготовляются и будутъ заготовляться исключительно въ Степномъ генералъ-губернаторствѣ и Тургайской области, отчасти—въ Амурской области и Уссурійскомъ краѣ, но отнюдь не въ сибирскихъ губерніяхъ. А отсюда слѣдуетъ, что сибирскія губерніи уже въ настоящее время должны считаться фактически вычеркнутыми изъ числа мѣстностей, пригодныхъ для водворенія переселенцевъ изъ южной, а отчасти и средней Россіи, т. е. именно изъ районовъ, являющихся главными очагами переселенческаго движенія; для нихъ остаются открытыми — и то едва ли надолго—только киргизскія степи, до нѣкоторой степени Приамурскій край, тогда какъ на колонизаціонные запасы сибирскихъ губерній можно разсчитывать исключительно для водворенія переселенцевъ изъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ районовъ Европейской Россіи.

А. Кауфманъ.

---

[1]) Если не считать, тѣхъ сравнительно ничтожныхъ площадей, которыя освободятся при поземельномъ устройствѣ старожиловъ въ степныхъ районахъ.

Киргизская народность

въ мѣстахъ крестьянскихъ переселеній [1]).

1. Введеніе.

Киргизы представляютъ рѣдкій примѣръ выживанія малочисленной, но стойкой народности, сохранившей свои рѣзко выраженныя племенныя особенности въ сосѣдствѣ съ такими обширными государствами, какъ Китай и Россія. По крайней мѣрѣ, тысячу лѣтъ тому назадъ киргизы уже были номадами; скотоводами-кочевниками они вступаютъ и въ 20-е столѣтіе. По одному уже этому киргизская народность является въ высшей степени интересною для науки и заманчивой для этнографа-изслѣдователя. Но собственно для насъ, русскихъ, этотъ интересъ усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что за послѣднее столѣтіе почти всѣ киргизы очутились во владѣніи Россіи, и, стало быть, ближайшее знакомство съ ними входитъ прежде всего въ общія задачи нашего родиновѣдѣнія. Въ киргизскихъ степяхъ осѣдаютъ наши крестьяне — переселенцы, зарождается русская культура.

Благодаря сосѣдству русскихъ съ киргизами, обѣ народности

---

[1]) Публичная лекція, читанная въ пользу Воронежскаго общества вспомоществованія учащимся.

издавна находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ между собою. Въ особенности это относится къ южной Россіи, къ ея когда-то обширнымъ степямъ и къ вольному казачеству. Весьма вѣроятно, что тѣ легко вооруженные передовые отряды татарскихъ полчищъ, которые извѣстны въ исторіи подъ именемъ казаковъ, состояли изъ киргизъ. Сами киргизы и теперь еще называютъ себя „казакъ“, кличку же „киргизъ“ они считаютъ чуждою, данною имъ по ошибкѣ иноплеменниками. Еще при Екатеринѣ II-й русскіе называли киргизовъ „киргизъ-кайсаки“, т. е. киргизы-казаки. Русскихъ казаковъ киргизы называютъ въ отличіе отъ себя „казакъ-урусъ“. Въ хозяйствѣ и обстановкѣ киргизъ наблюдается также много сходственнаго съ тѣмъ, что встрѣчается въ жизни казаковъ и южанъ-малороссовъ. Такъ, небольшая войлочная кибитка или юрта, переносимая съ мѣста на мѣсто зимою, по мѣрѣ передвиженія табуна лошадей, называется у киргизъ „кошъ“. У южно-русскихъ пастуховъ „кошемъ“ называется кибитка на колесахъ. Кубанскіе казаки-малороссы, гоняя скотъ, понукаютъ его восклицаніемъ „гай-тъ“. Тѣмъ же самымъ „гайтъ“, соотвѣтствующимъ татарскому „айда“, понукаютъ свой скотъ и киргизы. У киргизъ сохранились еще особые низкіе круглые столики, выходящіе уже изъ употребленія у малороссовъ и извѣстные подъ именемъ „сырна“ и т. п. Все это, конечно, только мелочи, слабые слѣды былыхъ отношеній, которыя выражались однако и въ иныхъ, болѣе крупныхъ явленіяхъ и рѣзкихъ формахъ. Киргизы, какъ и всѣ вообще наши азіатскіе сосѣди-кочевники, были враждебною русскимъ народностью. Сначала въ рядахъ татарскихъ полчищъ, а затѣмъ самостоятельно, они вели безконечныя войны, дѣлали набѣги, уводили въ плѣнъ населеніе, угоняли скотъ и вообще тревожили границы русскаго государства по мѣрѣ того, какъ границы эти раздвигались все шире и шире въ глубь азіатскихъ степей. Такимъ образомъ, историческія отношенія русскаго народа къ киргизскому всегда были тѣсно связаны съ вопросами русской колонизаціи. На этомъ пунктѣ скрещивались коренные интересы обѣ-

ихъ народностей, и въ этомъ же пунктѣ надо искать ключа къ позднѣйшей исторіи киргизъ.

Киргизы, какъ и другіе малоизвѣстные народы Азіи, не имѣютъ своей достовѣрной документальной исторіи. Начало киргизской исторіи теряется въ томъ общемъ водоворотѣ, который выразился въ нашествіи татарско-монгольскихъ полчищъ на юго-восточную Европу и такъ дорого обошелся нашей родинѣ. На этотъ счетъ у киргизъ обращаются разнаго рода преданія, по которымъ киргизы происходятъ то отъ Чингизъ-хана, то отъ Тамерлана или Тимура, то вообще отъ какихъ-то знаменитыхъ средне-азіатскихъ монарховъ. Разумѣется, въ этомъ народномъ откликѣ сѣдой старины надо искать лишь указаній, съ одной стороны, на близкія соприкосновенія киргизовъ съ татарами, монголами, хивинцами и кокандцами, а съ другой, на смѣшеніе разныхъ племенъ, составившихъ впослѣдствіи киргизскую народность. Такъ, одно изъ преданій гласитъ, что послѣ того какъ распалось царство Чингизъ-хана, ханъ Алача соединилъ разныя поколѣнія киргизъ въ одно цѣлое подъ своею властью и затѣмъ раздѣлилъ весь киргизскій народъ между тремя своими сыновьями на три сотни или орды — большую, среднюю и малую. Каждая орда заняла опредѣленныя мѣста: большая орда осѣла въ сосѣдствѣ съ монголами или дзюнгарами, приблизительно въ предѣлахъ нынѣшней Семирѣченской области и отчасти въ областяхъ Семипалатинской и Сыръ-Дарьинской; средняя орда въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и малая орда въ Тургайской, Уральской и отчасти Сыръ-Дарьинской областяхъ. Орды имѣли сначала своихъ владѣтельныхъ хановъ, а впослѣдствіи ханская власть раздѣлялась султанами-правителями. Несмотря на общность языка и одноплеменность, орды чаще ссорились и враждовали между собою, чѣмъ хранили единство интересовъ и дружбу. Поводомъ къ враждѣ служило, главнымъ образомъ, излюбленное киргизами „барантачество“, т. е. угонъ скота у противника, а разъ вспыхнувшая вражда обострялась потомъ соперничествомъ хановъ и султановъ изъ-за власти. Такія отношенія были тѣмъ менѣе выгодны

для киргиза, что ими ловко пользовались ихъ сосѣди и политическіе соперники—съ сѣвера русскіе и башкиры, съ запада калмыки, съ юга коканцы и хивинцы и съ востока дзюнгары или китайскіе калмыки. Особенно сильно терпѣли одно время киргизы отъ послѣднихъ, попадая подъ власть ихъ или даже китайцевъ, данниками которыхъ были дзюнгары. Все это, естественно, привело киргизъ къ необходимости искать защиты у русскаго правительства, какъ наиболѣе сильнаго союзника. Еще при Петрѣ Великомъ ханы Тявка, Каипъ и Абуль-Хаиръ обращались къ русскимъ съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство. Ходатайства эти неоднократно повторялись и впослѣдствіи. Ханы средней и малой ордъ то принимали русское подданство и искали защиты у Россіи, то, храня наружно покорность, въ дѣйствительности переходили на сторону Китая и дзюнгаръ. Такъ шли дѣла, требовавшія отъ русскаго правительства содержанія казачества и сторожевыхъ отрядовъ по границамъ съ киргизскими кочевьями, на случай возмущеній, барантачества и разбоевъ, до тѣхъ поръ пока мѣста киргизскихъ кочеваній не были окончательно подраздѣлены на русскія области, уѣзды и волости и не было введено чисто русское управленіе.

Такимъ образомъ, киргизы представляютъ смѣсь нѣсколькихъ видовъ азіатскихъ кочевниковъ. По своимъ антропологическимъ особенностямъ, киргизы входятъ въ группу такъ называемыхъ тюркскихъ народностей, каковы турки или османы, татары, ногайцы, узбеки, туркмены и пр. Нарѣчія всѣхъ этихъ народностей сходственны между собою, такъ что киргизы, напр., легко понимаютъ турокъ и татаръ.

2. Характеристика мѣстностей, обитаемыхъ киргизами, и геологическая гипотеза о происхожденіи степей.

Обширность занимаемыхъ киргизами пространствъ. Топографическія особенности мѣстности. Расположеніе и смѣна степей и горъ. Степныя рѣки и озера. Гипотеза объ Арало-Каспійскомъ водномъ бассейнѣ.

Въ настоящее время киргизы живутъ въ шести русскихъ областяхъ и въ небольшомъ количествѣ въ Китаѣ. Русскія области Тургайская,

Акмолинская, Семипалатинская, Семирѣченская, Сыръ-Дарьинская и Уральская занимаютъ громаднѣйшую площадь въ 2.119.188 кв. верстъ или 220.748.750 дес.; на этомъ пространствѣ насчитывается около $2^{1}/_{2}$ мил. киргизскаго населенія. Наибольшее количество киргизъ находится въ предѣлахъ трехъ первыхъ областей, въ которыхъ и ведутся собственно переселенія крестьянъ. Эти три области—Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская занимаютъ также до 1.322.252 кв. верстъ или 128.734.584 десятинъ, и, за относительно небольшимъ количествомъ земель, принадлежащихъ сибирскимъ казакамъ, городамъ, казнѣ и крестьянскимъ поселкамъ, находятся подъ кочевьями киргизъ. Чтобы представить себѣ, какъ велика одна эта площадь, достаточно сказать, что для переѣзда ея отъ крайнихъ пунктовъ съ запада на востокъ или съ сѣвера на югъ требуется не менѣе двухъ мѣсяцевъ при ѣздѣ на лошадяхъ по 70 верстъ въ сутки. На одной этой площади улягутся по крайней мѣрѣ 23 губерніи южной и средней Россіи, а площадь девяти западно-европейскихъ государствъ: Франціи, Италіи, Испаніи, Даніи, Голландіи, Бельгіи, Португаліи, Швейцаріи и Греціи оказывается на 5.000 кв. верстъ меньше. Сами киргизы не научились даже измѣрять, какъ слѣдуетъ, эти обширныя пространства. У нихъ не существуетъ ни картъ, ни земельныхъ плановъ, ни даже линейныхъ мѣръ. Спросите киргиза въ степи: сколько верстъ отъ такого-то урочища до такого? и киргизъ глубокомысленно подумаетъ, сообразитъ и скажетъ: столько-то. Но это „столько-то“ всегда окажется въ полтора и два раза больше, десять верстъ превратятся при ѣздѣ въ 20, а 20 въ 40. Киргизъ, однако, будетъ по своему правъ, потому что киргизская верста измѣряется не саженями или шагами, а человѣческимъ голосомъ. „Если, скажетъ киргизъ, ты станешь въ одномъ мѣстѣ, а я въ другомъ, и мы будемъ кричать другъ другу и услышимъ одинъ другого, то это и будетъ „шакрымъ“, т. е. верста Вотъ какъ измѣряются эти необъятныя пространства степи!

При такихъ разстояніяхъ вполнѣ естественно, что киргизскія

земли отличаются крайнимъ разнообразіемъ. Господствующій характеръ мѣстности представляютъ степи. Трудно вообразить себѣ что либо однообразнѣе киргизской степи. Равнины обширныя, какъ море, и гладкія, какъ водная поверхность въ тихую погоду, безъ пригорковъ, овраговъ и сколько нибудь замѣтныхъ уклоновъ, тянутся на цѣлыя сотни верстъ. Куда бы вы ни взглянули среди такихъ равнинъ, глазъ всюду упирается въ горизонтъ, ограничивающій собою плоскій кругъ степи. Только мѣстами попадаются степныя озера, въ видѣ едва замѣтныхъ впадинъ, мелкія и спокойныя, напоминающія собою нѣчто въ родѣ колоссальныхъ мелкихъ тарелокъ, слабо наполненныхъ водою. Мѣстами затѣмъ степи перемежаются съ горными хребтами, каковы Улутау, Кокчетавскія горы, Еременскія, Баянъ-аульскія, Каркаралинскія, Кентскія и др. На востокѣ киргизскія кочевья упираются въ сѣверный Алтай, охватываютъ Алтай южный и переходятъ на цѣлый рядъ горныхъ кряжей по границѣ съ Китаемъ, каковы Сауръ, Тарбагатай и пр. Въ южныхъ частяхъ самыхъ обширныхъ уѣздовъ—Атбасарскаго, Акмолинскаго и Каркалинскаго раскинулась Голодная степь, занимающая около 100.000 кв. верстъ. Къ сѣверо-западу и сѣверу отъ Голодной степи расположены движущіеся пески. Изъ большихъ рѣкъ, прорѣзающихъ киргизскія степи, можно назвать Иртышъ, Ишимъ, Тоболъ, Сары-су, Нуру и Чу. Въ массѣ разбросанныхъ по степямъ и въ горахъ озеръ величайшія прѣсноводныя—Балхашъ и Зайсанъ, а соленыя —два Денгиза и Кара-соръ. Въ общемъ киргизскія земли, въ особенности въ степной области, очень бѣдны однако водою, что составляетъ наиболѣе характерную особенность киргизскихъ степей.

Существуетъ геологическая гипотеза относительно образованія киргизскихъ степей, уясняющая нѣсколько ихъ нынѣшній характеръ. Предполагаютъ, что киргизскія степи когда-то составляли дно громаднѣйшаго Арало-Каспійскаго бассейна, которое, вслѣдствіе постепеннаго поднятія земной коры, обнажилось отъ водъ, оставивши какъ бы живыхъ свидѣтелей этого геологическаго пере-

ворота—Каспійское и Аральское моря. Ближайшее изученіе киргизскихъ степей показываетъ, что, повидимому, и ихъ многочисленныя соленыя озера частью того же геологическаго происхожденія, а частью результатъ выщелачиванія солей почвы и смыванія ихъ въ растворѣ на низкія мѣста. На самомъ дѣлѣ грунтовая вода и почва, а нерѣдко даже артезіанскія воды, обильно насыщены солями. Только мѣстами, гдѣ геологическіе факторы проявили свою дѣятельность много раньше, чѣмъ началось поднятіе морского дна, выдвинувъ при помощи вулканическихъ силъ горные кряжи, теряется это правильное распространеніе солей въ почвѣ и водныхъ источникахъ. Такія горы состоятъ изъ такъ называемыхъ первозданныхъ породъ—гранитовъ, порфировъ, гнейсовъ и пр., образовавшихся въ самую раннюю пору существованія земной коры, когда не было еще самаго Арало-Каспійскаго бассейна. Вотъ почему кряжи эти, будучи выдвинуты высоко вверхъ, куда не могла достичь морская вода, раньше, чѣмъ окружающія ихъ степи, дали почву, лѣса и образовали прѣсноводные источники. Извѣстная правильность въ чередованіи почвъ и растительности замѣчается, поэтому, вездѣ, гдѣ мѣняется рельефъ мѣстности. Годныя для земледѣлія почвы и наиболѣе сложныя формы растительности разбросаны всюду, гдѣ образовались горы, увалы и хоть малѣйшіе уклоны и возвышенія. На самыхъ высокихъ мѣстахъ первозданныя породы, несмотря на свою крѣпость, пролежали такъ долго, что, благодаря долговременному воздѣйствію на нихъ солнца, вѣтровъ, морозовъ, снѣга, дождя и др. атмосферическихъ агентовъ, успѣли образовать болѣе мягкую кору, изъ которой сложились почвы, давшія въ свою очередь разные виды растительности. На менѣе возвышенныхъ мѣстахъ, бывшихъ раньше морскимъ дномъ, залегавшія въ глинисто-илистыхъ образованіяхъ дна соли успѣли также раствориться въ атмосферныхъ осадкахъ и были смыты въ такомъ видѣ въ низины, причемъ по мѣрѣ того, какъ выщелачивались эти повышенныя мѣста, тѣ же атмосферные дѣятели образовали почвы и дали пищу для растительности. Наконецъ, сов-

сѣмъ низкія и плоскія мѣстности, гдѣ не было никакого стока для падающей изъ атмосферы воды и гдѣ подпочва была мало проницаема, и теперь еще остаются покрытыми или соленосными почвами въ видѣ разнаго рода солончаковъ, или же просто соляными озерами.

Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни совершались всѣ эти процессы, а природа оставила въ наслѣдство киргизамъ очень пестрыя и разнообразныя условія для созданія хозяйства. Въ одномъ мѣстѣ горы и скалы, въ другомъ изобилующія богатою растительностью степи, въ третьемъ березовые лѣса, въ четвертомъ обширные солончаки, въ пятомъ сплошныя пространства движущихся песковъ, въ шестомъ, наконецъ, голодная, лишенная всякой растительности пустыня—и ко всѣмъ этимъ условіямъ долженъ былъ приспособить и принаровить свое несложное хозяйство киргизъ-номадъ.

3. Нынѣшнее положеніе киргизъ и вліяніе родового начала на разныя стороны киргизскаго быта.

Происхожденіе и значеніе родоваго начала. Отраженіе родового строя въ современной жизни киргиза. Ничтожное значеніе родовой мести у киргизъ и регулирующее вліяніе имущественныхъ интересовъ на родовыя отношенія. Соблюденіе замаскированныхъ родовыхъ обычаевъ. Слабое вліяніе родового начала на мелкія имущественныя правонарушенія и начало личной имущественной отвѣтственности.

Киргизы — типичнѣйшіе скотоводы, какіе только встрѣчаются на земномъ шарѣ. Цѣлые вѣка остались позади этого народа-пастуха, и все время онъ упорно держался за свои вѣковыя формы скотоводческаго хозяйства и быта. Родовое начало, какъ цементирующая связь этого быта, и кочевое скотоводство, какъ основная и единственная форма, обезпечивавшая тотъ же бытъ— вотъ тѣ наиболѣе яркія черты, которыя одинаково оказываются характерными для киргиза и нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, и въ настоящее время. Въ чемъ же состояли отличительныя особенности

родового начала киргизъ прежде и какъ онѣ выражаются теперь?

Родовое начало у киргизъ, какъ и у другихъ народовъ, возникло и развилось на почвѣ защиты личности. Въ отдаленныя историческія времена, при полномъ отсутствіи учрежденій для охраны личности и ея имущества, отдѣльныя лица, въ силу своей родственной связи, организуются обыкновенно въ естественные кровные союзы, во главѣ которыхъ стоятъ старшіе въ родѣ и вліятельнѣйшіе представители. Такъ было у киргизъ. Киргизскіе историческіе герои и дѣятели непремѣнно числятся въ спискахъ того или другого рода. Родъ, поэтому, всегда былъ хранителемъ кровныхъ традицій и лучшихъ воспоминаній о его дѣятеляхъ и дѣятельности. Въ прежнее время родъ былъ и военною боевою организаціею, и гражданскимъ институтомъ, вѣдавшимъ всѣ внутреннія дѣла. Если кого преслѣдовали,—родъ защищалъ его; если кто либо изъ рода совершалъ проступки, —родъ отвѣчалъ за него. За убитую личность родъ получалъ „кунъ", вознагражденіе; онъ же выплачивалъ „кунъ" другому роду, если убійцею оказывался кто либо изъ его сородичей. При неуплатѣ куна часто убивали не убійцу, а кого либо изъ рода послѣдняго. Имущественную отвѣтственность также несли не отдѣльныя лица, а весь родъ. Невѣста считалась достояніемъ не лица, а рода, и послѣ смерти мужа, вдова оставалась въ его родѣ и становилась женою ближайшаго родственника умершаго. Такимъ образомъ, въ прежнее время родъ у киргизовъ былъ такою общественною формою, которою собственно регулировалась вся жизнь кочевника.

До сихъ поръ еще киргизъ высоко цѣнитъ свои прежніе родовые обычаи, хотя они и утратили уже значеніе. Каждый киргизъ хорошо знаетъ, къ какому роду онъ принадлежитъ, а многіе ведутъ родовыя записи и слѣдятъ за развѣтвленіемъ родового дерева такъ же тщательно, какъ самые именитые дворяне. Ни о чемъ киргизъ не говоритъ съ такою охотою и интересомъ, какъ о своемъ и киргизскихъ вообще родахъ. Достаточно коснуться

этого вопроса въ любой группѣ киргизъ, чтобы одни изъ нихъ оживились, другіе прониклись самымъ поразительнымъ вниманіемъ къ предмету разговора и всѣ вообще поддерживали разговоръ на эту интересную тему безъ конца, просиживая гдѣ нибудь въ юртѣ цѣлые дни и ночи. Вліяніе родового начала, поэтому, замѣчается и теперь еще на нѣкоторыхъ сторонахъ киргизской жизни. Родовой мести у киргизъ собственно не существуетъ да и въ прежнее время она была слаба, потому что киргизъ издавна всѣ уголовныя преступленія—убійство, калѣченіе, насиліе и пр., переводилъ на плату—„кунъ“. Въ глухихъ мѣстахъ степи это практикуется еще и теперь, несмотря на запрещенія русскаго закона. Часто администраціи приходится имѣть дѣло съ „мертвымъ тѣломъ“, за которое одинъ родъ по секрету уже заплатилъ кунъ другому, но смерть котораго считается происшедшей отъ неизвѣстной причины. Иногда случаи этого рода совершаются болѣе открыто. За убитаго одинъ родъ заплатилъ „кунъ“ другому, что, конечно, держится въ секретѣ, но самое убійство оказывается результатомъ драки, нечаяннымъ случаемъ. Родъ выдаетъ даже убійцу, но не дѣйствительнаго, въ особенности, если онъ богатъ и вліятеленъ, а подставного, какого нибудь „байгуша“, т. е. бѣдняка, который соглашается за лошадь или нѣсколько барановъ отсидѣть нѣкоторое время въ тюрьмѣ; на судѣ же родъ выставляетъ цѣлый рядъ свидѣтелей, которые своими показаніями по возможности обѣляютъ мнимаго убійцу. Разумѣется, такіе случаи рѣдки, какъ рѣдки вообще у киргизъ крупныя уголовныя преступленія. Чаще киргизы могли бы открыто, подъ прикрытіемъ закона, руководиться своими родовыми обычаями при болѣе мелкихъ случаяхъ уголовныхъ и гражданскихъ правонарушеній, напр., при кражахъ, потравахъ, дракахъ, неуплатѣ долговъ, спорахъ изъ за калыма и т. п.; но тутъ именно вліяніе родового начала чувствуется слабѣе, чѣмъ гдѣ либо, и часто оно совсѣмъ не имѣетъ никакого значенія. На смѣну ему, подъ стихійнымъ воздѣйствіемъ новѣйшихъ жизненныхъ осложненій, идетъ другое те-

ченіе—начало личной имущественной отвѣтственности. И лишь въ торжественныхъ случаяхъ при „байгѣ“, т. е. скачкахъ, или на „тоѣ“—при похоронахъ, киргизы придерживаются еще своихъ родовыхъ традицій. Въ извѣстной мѣрѣ вліяніе родового начала отражается также на семейномъ бытѣ и общественныхъ формахъ сожительства.

4. Киргизская семья и положеніе въ ней мужчины, женщины и дѣтей.

Престижъ власти мужчины и подчиненное положеніе женщины. Характеристика времяпрепровожденія главы семьи. Взгляды киргизъ на положеніе женщины, какъ прислужницы. Вліяніе въ этомъ отношеніи старинныхъ обычаевъ и магометанской религіи. «Калымъ» (плата за невѣсту). Многоженство. Нестѣсняемость обыденныхъ отношеній между полами. Выгодное положеніе въ семьѣ дѣтей и любовь киргизъ къ нимъ.

Киргизская семья стойко еще хранитъ нѣкоторыя родовыя традиціи. Въ прежнее время киргизы брали женъ непремѣнно изъ другого рода; теперь, съ разрастаніемъ родовъ, позволяется брать невѣсту изъ своего рода, но изъ наиболѣе отдаленнаго по крови отдѣленія. Сильные и вліятельные роды попрежнему стараются родниться съ такими же сильными и вліятельными родами.

Какъ и въ прежнія времена, устои киргизской семьи покоятся на безграничной власти мужчины. Онъ воленъ или жить съ женою или прогнать ее отъ себя. Онъ распоряжается всѣмъ и является единственнымъ представителемъ семьи внѣ семейнаго очага. Дома онъ не только глава семьи, но и господинъ чисто въ экономическомъ смыслѣ, такъ какъ онъ очень мало работаетъ, но пользуется лучшею пищею, лучшею одеждою, лучшею обстановкою. Не таково положеніе женщины. Женщина если не раба, то батрачка. На ней лежатъ всѣ хозяйственныя заботы; она возится съ дѣтьми, стряпаетъ, моетъ, ходитъ за скотомъ, ставитъ и снимаетъ юрту и выполняетъ цѣлую массу другихъ обыденныхъ, ме-

лочныхъ и черныхъ работъ. У хорошаго „бая“, т. е. у джентльмена-номада, день слагается такимъ образомъ: часовъ до 10 или 11 дня бай спитъ въ юртѣ, никѣмъ не тревожимый. Ко времени пробужденія бая, жена, вставшая съ 5 часовъ утра и покончившая со всѣми утренними хозяйственными работами, ставитъ самоваръ. Когда бай откроетъ глаза, жена поможетъ ему изъ рукомойника умыться, затѣмъ нальетъ чашку чаю и поставитъ ее передъ баемъ. Бай медленно и съ достоинствомъ восточнаго человѣка станетъ пить чай и, пока онъ такъ священнодѣйствуетъ, жена усердно взбалтываетъ кумысъ въ особомъ кожаномъ сосудѣ—„сабѣ“. Черезъ нѣсколько времени послѣ чая жена поитъ своего господина кумысомъ. Начинается новое величественное и полное горделиваго достоинства истребленіе этой лакомой для киргиза пищи. Въ то время, какъ бай медленно допиваетъ послѣдній кумысъ, жена его сѣдлаетъ лошадь, а когда бай покончитъ съ кумысомъ и одѣнется, она приведетъ лошадь къ юртѣ и буквально таки усадитъ своего повелителя на лошадь, т. е. поможетъ ему взобраться на сѣдло, если онъ очень тученъ, и во всякомъ случаѣ поддержитъ стремя, чтобы удобнѣе было вложить въ него ногу. И вотъ сытый и довольный бай ѣдетъ къ другому баю въ гости, гдѣ снова пьетъ, ѣстъ и ведетъ безконечные разговоры на разныя темы. И тутъ женщина служитъ мужчинамъ, приготовляетъ и угощаетъ. По киргизскому этикету женщинѣ неприлично сидѣть за общимъ столомъ вмѣстѣ съ мужчинами; она можетъ быть удостоена этой чести только по волѣ мужа, но и при такомъ вниманіи ея дѣло все-таки только прислуживать мужчинѣ. На ея долю не полагается угощенія, а въ обычной обстановкѣ она мало пьетъ даже кумыса, служащаго для нея лакомствомъ, и довольствуется лишь кислымъ арьяномъ изъ коровьяго и козьяго молока. Точно также обычаемъ установлены въ животномъ самыя худшія части мяса для женщины, которыя такъ и называются женскими.

Разумѣется, не всюду и не всегда семейная жизнь киргиза

совершается по такому шаблону. Бѣдняки и тѣ изъ киргизъ, которые ведутъ уже осѣдлую жизнь, занимаются земледѣліемъ и пр., оказываются хорошими работниками и дѣятельными помощниками женщины по хозяйству. Но это не настоящіи баи. Идеалы киргиза всецѣло покоятся на особомъ привиллегированномъ положеніи мужчины въ семьѣ, который могъ бы допускать себѣ всѣ удовольствія и ничего не дѣлать. Когда я указывалъ нетому баю на семью крестьянина-переселенца, какъ болѣе справедливую форму семейныхъ отношеній, то каждый разъ получалъ въ отвѣтъ одно и то же соображеніе: „что хорошаго въ жизни крестьянина? работаетъ онъ, какъ волъ, а никогда у него не бываетъ столько пищи, сколько у киргиза мяса и кумыса“. И никогда при этомъ бай не обмолвится ни словомъ на счетъ того, что главною виновницею обилія мяса и кумыса оказывается женщина, которой, при обиліи труда, не полагается, однако, достаточной доли въ пищѣ.

Такое положеніе женщины сложилось вѣками и освящено догматами магометанской религіи. Женщина у киргизъ издавна считалась товаромъ, цѣнившимся на количество скота, и до сихъ поръ продолжаетъ быть все тою же покупною принадлежностью киргизской семьи. За жену платятъ „калымъ“, и тотъ, у кого нѣтъ средствъ на калымъ, не можетъ расчитывать на собственный семейный очагъ. По шаріату [1]), киргизъ не можетъ имѣть одновременно болѣе четырехъ женъ, мусульманскимъ же адатомъ [2]) не ограничивается число ихъ. Но многоженство у киргизовъ явление очень рѣдкое, хотя, быть можетъ, иногда потому, что соединено съ большими расходами на калымъ. Только у немногихъ богачей или у султановъ бываетъ по двѣ жены,—старшая „байбиче“ и младшая „токалъ“. Справедливость требуетъ сказать, что какъ въ отношеніи многоженства, такъ и въ отношеніи бытового положенія

---

[1]) Писаный законъ по Корану.

[2]) Обычное право.

женщины, киргизы стоятъ далеко выше своихъ средпеазіатскихъ и др. единовѣрцевъ. Киргизская женщина не знаетъ гарема; она не скрываетъ своего лица и не носитъ покрывала; она можетъ, не стѣсняясь, зайти въ ту юрту, гдѣ сидятъ мужчины; точно также и мужчинѣ не возбраняется заходить въ юрту къ женщинамъ. Повседневныя сношенія половъ также просты и естественны, какъ и у болѣе цивилизованныхъ европейскихъ народовъ. Весьма вѣроятно, что это было прямымъ слѣдствіемъ особаго положенія женщины, какъ главнаго работника въ семьѣ. По крайней мѣрѣ, когда бываютъ затронуты матеріальные интересы семьи сосѣдями, защитницею ихъ прежде всего выступаетъ женщина. Она отнимаетъ свое добро силою, вступаетъ въ драку, убѣждаетъ, жестикулируетъ, бранится и такъ же неистово, долго и неугомонно кричитъ, какъ самая голосистая деревенская хозяйка у русскаго крестьянина.

Болѣе удовлетворительно положеніе въ семьѣ дѣтей. Обиліе дѣтей въ семьѣ, съ киргизской точки зрѣнія, благословеніе Божіе. Но это благословеніе въ переводѣ на болѣе прозаическій языкъ издавна означало простой расчетъ на увеличеніе рода, который былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ изъ большаго количества сородичей состоялъ. Въ настоящую пору дѣти обоего пола также имѣютъ свою цѣну. Дѣвочки — это выгодный товаръ, который можно сбыть за хорошую цѣну, а мальчики во всякомъ случаѣ — будущіе баи. Въ противоположность замужней женщинѣ, дѣвушка пользуется громадными преимуществами. Она ничего почти не дѣлаетъ или дѣлаетъ то, что захочетъ, свободно распоряжается своимъ временемъ, рядится, заботится о своей внѣшности и пр., и обычай все это узаконяетъ потому ли, что дѣвицѣ впослѣдствіи придется до дна испить горькую чашу женщины и жены, или же подъ вліяніемъ очень простого соображенія о томъ, что дѣвушка — невѣста и, слѣдовательно, должна быть красива, упитана и вообще обставлена такимъ образомъ, чтобы за нее, какъ лучшій товаръ, дали побольше калыма. Киргизы вообще очень любятъ дѣтей и хорошо

относятся къ тѣмъ, кто ласкаетъ ихъ. Киргизская семья съ дѣтьми—точное мѣрило лучшихъ чувствъ полудикаго номада, его добродушія, привѣтливости, гостепріимства и миролюбія.

Общественный бытъ киргизъ: поселочныя формы, слѣды сословности и представители власти.

Аулы и «кстау» (зимовки). Аксакалы, какъ главари и старѣйшины въ аулѣ-кстау. Ихъ власть и значеніе. Слабое развитіе киргизской сословности. Ханы и султаны правители. Волостные управители. Старшины. Біи или народные судьи, ихъ почетное положеніе и высокій престижъ

Общественный бытъ киргизскаго населенія не сложенъ, но очень своеобразенъ. Киргизы не вышли еще изъ стадіи первобытныхъ общественныхъ отношеній, свойственныхъ кочевымъ народомъ. У нихъ нѣтъ ни городовъ, ни сколько-нибудь крупныхъ центровъ, ни даже совершенно осѣдлыхъ поселеній. Основную поселочную форму представляетъ собою аулъ. Это мелкая родовая группа, союзъ родственныхъ между собою семей. Только изрѣдка, подъ вліяніемъ новѣйшихъ хозяйственныхъ осложненій, къ этимъ родственнымъ группамъ примыкаютъ одна-двѣ семьи стороннихъ лицъ, но ячейку всегда составляютъ близкіе родовичи. Такимъ образомъ аулъ является прежде всего родовою формою общественнаго быта.

Въ своей чистой первичной формѣ аулъ былъ безпрестанно движущейся, кочующею общественною единицею. И весною, и лѣтомъ, и осенью, и даже зимою составляющіе аулъ родовичи переходили съ мѣста на мѣсто со своимъ скотомъ, по мѣрѣ того какъ истощались корма. Постоянныхъ жилищъ для людей и какихъ-либо защитныхъ строеній для скота въ эту пору у киргизъ не было. Жилищемъ служила юрта усовершенствованный шатеръ, состоящій изъ деревяннаго остова или ширмъ, обтянутыхъ войлоками, съ конусообразнымъ верхомъ. Такое жилище лѣтомъ превосходно защищало кочевника отъ жары, а въ непогоду отъ дождя и вѣтра; зимою юрту заваливали снизу снѣ-

гомъ, а для удержанія теплоты употребляли двойной войлочный покровъ. Чтобы удержать скотъ на мѣстѣ или сколько-нибудь защитить его отъ непогоды, киргизы располагали отдѣльныя юрты кругомъ и въ середину этого круга загоняли скотъ. Такъ жили раньше кочевники, такъ живутъ и теперь еще нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно южане, баганалинцы на р. Чу, сыръ-дарьинскіе киргизы и т. п.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ увеличивалось киргизское населеніе и внѣдрялись русскіе въ степи, стѣсненіе въ угодьяхъ заставило киргизъ нѣсколько видоизмѣнить поселочныя формы. Подъ вліяніемъ частью указанныхъ причинъ, частью борьбы сильныхъ родовъ съ слабыми, отдѣльные киргизскіе роды были лишены возможности вести длинныя перекочевки и вынуждены были осѣдать на зиму въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ кочующіе аулы начали постепенно превращаться въ полуосѣдлые, лѣтомъ, весною и осенью переходившіе съ мѣста на мѣсто, а зимою осѣдавшіе на однихъ и тѣхъ же заранѣе забереженныхъ пастбищахъ. Началось это съ сѣверныхъ частей степи, гдѣ требовали того суровыя зимы и глубокія снѣга. Лѣтъ 50 или 60 тому назадъ киргизы впервые начали здѣсь учиться у русскихъ устраивать зимнія жилища. До сихъ поръ еще эти жилища отличаются крайней незатѣйливостью и убожествомъ, представляя собою небольшія глубоко врытыя землянки, со стѣнами изъ дерна, съ низкими дверями, немногими маленькими окнами и плохимъ очагомъ. Сырыя съ удушливо промозглымъ воздухомъ зимой, онѣ бросаются на произволъ судьбы лѣтомъ: киргизы обыкновенно вынимаютъ на это время рамы и двери, прячутъ ихъ и отправляются въ кочевку. Рядомъ съ землянками устраиваются навѣсы для скота изъ того же матеріала, что и землянки. Отдѣльные дворы, наконецъ, располагаются или смежно, или съ значительными промежутками, смотря по хозяйственнымъ условіямъ—расположенію пастбищъ, сѣнокосовъ и пр. Но, какъ и аулы, зимовки всегда незначительны по составу и напоминаютъ собою скорѣе южнорусскіе

хутора, чѣмъ селенія. Киргизы называютъ ихъ „кстау“, подъ чѣмъ разумѣется, слѣдовательно, тотъ же аулъ на своихъ зимовыхъ стойбищахъ. Такой то двойственный характеръ носитъ основная поселочная форма у киргизъ: это передвигающійся, кочующій аулъ въ одну пору года и полуосѣдлый зимовникъ —кстау въ другую.

Во главѣ аула-кстау стоитъ обыкновенно „аксакалъ“. Какъ показываетъ названіе аксакалъ, т. е. бѣлобородый, это старшій родовичъ, старѣйшина, патріархъ. По крайней мѣрѣ, въ прежнее время аксакальство являлось типичною формою пастушескаго патріархата. Въ настоящее время аксакалами бываютъ наиболѣе богатые, смышленые и уважаемые киргизы, что не всегда совпадаетъ съ извѣстнымъ старшинствомъ въ родѣ. Въ аксакалы, поэтому, попадаютъ не только бѣлобородые, старики, но и люди среднихъ лѣтъ, даже иногда молодежь. Тѣмъ не менѣе общественная роль и значеніе аксакала не мѣняется. Аксакалъ является представителемъ аула, защитникомъ его интересовъ, хозяиномъ-распорядителемъ, а нерѣдко и властнымъ судьей. Когда возникнутъ земельные споры, когда подерутся сосѣди или повздорятъ женщины, когда устанавливаются порядки выпаса скота или происходитъ дѣлежъ сѣнокосовъ, когда явится нужда въ распредѣленіи натуральныхъ повинностей или потребность въ судебныхъ дѣлахъ, когда пріѣдетъ начальство или необходимо угостить своихъ должностныхъ лицъ и пр., и пр.,—тогда отвѣтственнымъ и самымъ дѣятельнымъ лицомъ становится, въ силу своего положенія, аксакалъ. Аксакалу, какъ старшему, предоставляется, поэтому, первенство во всемъ. Въ гостяхъ онъ занимаетъ самое почетное мѣсто, его первого угощаютъ и на его долю приходится лучшій кусокъ; при разговорахъ и тѣмъ болѣе при обсужденіи какихъ либо дѣлъ за аксакаломъ считается первое слово и ему же принадлежитъ слово послѣднее, рѣшающее; при болѣе сложныхъ общественныхъ отношеніяхъ, когда требуются представители отъ отдѣльныхъ ауловъ, этими представителями опять-таки являются аксакалы. Такому по-

ложенію аксакала должно соотвѣтствовать и надлежащее поведеніе съ его стороны. Одинъ уже внѣшній видъ аксакала рѣзко выдѣляетъ его изъ толпы. Онъ чище одѣтъ, степеннѣе держитъ себя, внимателенъ къ собесѣднику, серьезенъ въ сужденіяхъ и выдержанъ вообще въ обращеніи. Къ своимъ ближнимъ аксакалъ строгъ но справедливъ. При нуждѣ онъ является лучшимъ защитникомъ своего одноаульца, но въ случаѣ вины послѣдняго, бросающей недобрую славу на весь аулъ, аксакалъ сумѣетъ расправиться по-своему съ тѣмъ же одноаульцемъ. Разъ въ степи киргизы побили сопровождавшаго меня полицейскаго стражника, тоже изъ киргизъ, а главное отняли у него мѣдную бляху, внѣшній знакъ власти, имѣющій въ степи большее значеніе, чѣмъ губернаторскія, генералъ-губернаторскія и министерскія предписанія. Потеря бляхи могла служить серьезнымъ препятствіемъ при дальнѣйшемъ передвиженіи. Потребовалось снарядить цѣлый отрядъ киргизъ и казака съ ними, чтобы найти буяновъ и полицейскую бляху. Двое виновныхъ, однако, ускакали куда-то въ степь, а третій былъ доставленъ къ мѣсту стоянки аксакаломъ. Это былъ плотный и дюжій мужчина, съ широкимъ монгольскимъ лицомъ и необычайно развитою мускулатурою. Когда я подошелъ къ этому молодцу, изъ глазъ его потекли слезы и онъ быстро заговорилъ по-киргизски. Я не понялъ, въ чемъ дѣло. Тогда онъ сорвалъ съ себя рубашку и глазамъ моимъ представилось нѣчто ужасное. Спина, бока и грудь были израпены и изборождены рубцами, струпьями и кровоподтеками. Мнѣ пришло въ голову, что это были слѣды расправы лицъ, поймавшихъ буяна, но раны были старыя, полузажившія. Я обратился за разъясненіемъ къ киргизамъ. Изъ среды нхъ вышелъ аксакалъ и ровнымъ, авторитетнымъ топомъ повѣдалъ мнѣ слѣдующее: „не безпокойся, тюре (господинъ), сказалъ онъ, этотъ буянъ — здоровый мужчина и то, что ты видишь на его спинѣ и бокахъ, сдѣлано для его же пользы. Твой почтарь былъ второй; перваго онъ побилъ недѣлей раньше. Мнѣ, аксакалу, стыдно было, что, благодаря этому негодному одноаульцу, на весь нашъ аулъ падаетъ

худая слава. Вотъ я и рѣшилъ поучить его хорошенько, какъ это водится у насъ. Я выбралъ трехъ самыхъ лучшихъ „джигитовъ“ (молодцовъ) въ аулѣ. Виновный не дождался, пока начнутъ свое дѣло джигиты, сѣлъ на лошадь и пытался скрыться въ степи. Джигиты тоже сѣли на лошадей, взяли нагайки, догнали его въ степи и сдѣлали съ нимъ то, что я приказалъ... Увѣряю тебя, тюре, что это было сдѣлано ему же на пользу. Онъ здоровъ, не умретъ, не заболѣетъ, а вину свою хорошо будетъ чувствовать на собственномъ тѣлѣ“... Но, видно, наука не пошла въ прокъ. Недѣлю спустя провинившійся киргизъ принялъ снова участіе въ избіеніи другого стражника. Такова власть аксакала и проявленіе ея въ важныхъ случаяхъ. Никто противъ этой власти не станетъ ни спорить, ни противодѣйствовать. За грубою расправою крѣпко стоятъ еще обычаи кочевого патріархата, имѣющаго и свои положительныя стороны. Аксакалъ во всякомъ случаѣ является почетнымъ и авторитетнымъ лицомъ для рядового киргиза, котораго послѣдній уважаетъ и чтитъ, какъ старшаго и лучшаго изъ представителей аула.

На самомъ дѣлѣ, аксакальство представляетъ собою наиболѣе крѣпкій и устойчивый институтъ въ области существующихъ обычно-правовыхъ отношеній киргиза. Дѣленіе на роды, сословность, слѣды былого чисто-киргизскаго управленія—все это замѣтно отживаетъ, мѣняется и видоизмѣняется; аксакальство же остается мало поколебленнымъ. Само собою разумѣется, что иначе не могло и быть. Вліяніе на общественный строй киргиза со стороны русскихъ началось съ верхнихъ, такъ сказать, слоевъ и шло въ глубь жизни кочевника, по мѣрѣ того, какъ эта жизнь все шире и шире охватывалась требованіями чисто-русскаго общегосударственнаго строя. Въ былое время у киргизъ были свои владѣтели-ханы; впослѣдствіи, благодаря очень естественному со стороны хановъ, какъ владѣтельныхъ особъ, стремленію къ обособленію, русское правительство ослабило власть хановъ возвышеніемъ султановъ-правителей. Когда степи были раздѣлены на провинціи, ханская власть совершенно

пала и во главѣ отдѣльныхъ мѣстностей поставлены были старшіе султаны. Еще позже старшіе султаны были замѣнены просто волостными управителями. Въ настоящее время волостнымъ управителемъ можетъ быть любой киргизъ. Такимъ образомъ, сословный строй киргизъ рушился и распался. Хотя потомки бывшихъ хановъ и султановъ и считаются у киргизъ бѣлою костью въ отличіе отъ черной кости, т. е. обыкновенныхъ киргизъ, но оффиціально ничѣмъ не отдѣляются изъ рядовой массы и не имѣютъ даже правъ дворянства. Фактически потомки эти пользуются въ массѣ почетомъ только при томъ условіи, если они богаты и состоятельны, обѣднѣвшіе же потомки султанскихъ родовъ имѣютъ далеко меньше значенія, чѣмъ разбогатѣвшій киргизъ черной кости.

Важное значеніе имѣютъ также выборныя киргизскія лица. Къ такимъ выборнымъ лицамъ принадлежатъ волостные управители, аульные старшины и біи, или народные судьи.

Наиболѣе высокое служебное положеніе занимаютъ волостные управители. Это тѣ же, что у крестьянъ, волостные старшины, но имѣющіе, подобно станичнымъ атаманамъ у казаковъ, право на производство въ чинъ такъ называемаго зауряда-хорунжаго. Важное значеніе волостныхъ управителей опредѣляется, однако, не этими чисто-внѣшними условіями чиновнаго положенія, а широкою властью, присущею волостному управителю, какъ самому крупному представителю родовыхъ группъ. Быть волостнымъ управителемъ —завѣтная мечта всякаго честолюбиваго, богатаго и вліятельнаго киргиза. Выборы, поэтому, въ управители всегда носятъ характеръ самой живой и дѣятельной борьбы. Каждая родовая группа или партія выставляетъ обыкновенно своего кандидата въ волостные управители. Избирательная агитація начинается задолго до выборовъ. Чтобы провести своего кандидата, партія пускаетъ въ ходъ всевозможныя средства - увеличиваетъ фиктивно количество семей, чтобы имѣть на своей сторонѣ больше избирательныхъ голосовъ, интригуетъ, уговариваетъ, угощаетъ, подкупаетъ, дерется и пр. Сами кандидаты въ волостные управители всегда практикуютъ

одни и тѣ же пріемы — подарки, подкупъ; количество голосовъ исчисляется на деньги и, чѣмъ больше кандидатъ можетъ дать избирателямъ денегъ и подарковъ, тѣмъ обезпеченнѣе его выборъ. Даютъ подарки деньгами и скотомъ, но суммы расхода всегда бываютъ значительны. Полторы или двѣ тысячи — обычныя затраты претендента, желающаго попасть въ волостные управители. Бываютъ случаи, когда расходы по выборамъ достигаютъ четырехъ, пяти и даже шести тысячъ. Дѣлается все это очень просто и открыто. Каждый кандидатъ раздаетъ или обѣщаетъ своимъ избирателямъ извѣстную сумму. Если онъ окажется неизбраннымъ, то розданные подарки возвращаются ему обратно, а обѣщанія сами собою падаютъ. Чѣмъ же обусловливается эта безпорядочная избирательная агитація? Прежде всего соперничествомъ родовъ или партій. У киргизовъ еще живы традиціи былыхъ отношеній между родами, поддерживавшихся правомъ сильнаго. Чѣмъ сильнѣе былъ родъ, тѣмъ большими преимуществами онъ пользовался въ хозяйственномъ отношеніи. На пастбища сильнаго рода не смѣли посягнуть роды слабые, а наоборотъ все, что было лучшаго у этихъ послѣднихъ, легко становилось достояніемъ сильнаго рода, благодаря именно его силѣ. Въ настоящую пору, при измѣнившемся общественномъ строѣ, то же право сильнаго распространяется на волостного управителя. Партія родовичей и единомышленниковъ, сумѣвшая провести въ управители своего претендента, становится господствующею партіею на цѣлыхъ три года. При помощи управителя она легко отстаиваетъ свои интересы и пользуется всѣми выгодами тамъ, гдѣ интересы эти перекрещиваются съ интересами другихъ родовыхъ группъ. Притѣсненія сильными родовыми группами группъ слабыхъ, поэтому, явленіе обычное въ жизни кочевниковъ. Сами управители, истративши нѣсколько тысячъ на выборы, съ лихвою возвращаютъ затѣмъ свои затраты съ населенія. И это, конечно, самая темная черта въ общественномъ бытѣ киргиза. Вліяніе родового начала здѣсь вылилось въ уродливыя формы подкуповъ, насилія и обиранія слабѣйшихъ.

Болѣе скромна роль аульныхъ старшинъ. Аульный киргизскій старшина это сельскій крестьянскій староста. На первомъ лежатъ тѣ же обязанности, что и на послѣднемъ; въ этомъ отношеніи на киргизское самоуправленіе цѣликомъ перенесено то, что выработала русская жизнь: но само собою понятно, что при этомъ не могли не остаться и нѣкоторые слѣды вліянія обычнаго киргизскаго права. Старшина оказался чуждою для киргизъ властью, и часто онъ имѣетъ далеко меньшее значеніе, чѣмъ какой либо вліятельный аксакалъ.

Не таковы роль и значеніе біевъ. Бій очень почетное у киргизъ лицо не только по своему служебному положенію, но и по той симпатіи, которую питаетъ населеніе къ нему, какъ народному избраннику. Біи, какъ народные судьи, искони были представителями справедливости, охранителями лучшихъ обычаевъ и мудрыми истолкователями чисто народныхъ воззрѣній на жизненныя отношенія кочевника. Слава мудраго и справедливаго бія долго не умирала въ массѣ, и преданія о выдающихся біяхъ переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. И въ нынѣшнюю пору усиленнаго разложенія киргизскаго родового быта встрѣчаются еще біи такого стараго закала; но, по общему отзыву киргизъ, ряды лучшихъ народныхъ судей съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ все больше и больше; при выборахъ въ судьи все чаще и чаще попадаютъ лица невѣжественныя, недобросовѣстныя и плохо знакомыя съ народнымъ обычнымъ правомъ. Тѣмъ не менѣе біи и ихъ судъ до сихъ поръ еще сохраняютъ всю обстановку стариннаго киргизскаго судопроизводства. Веденіе опроса или слѣдствія, пренія сторонъ, мотивировка рѣшеній народными обычаями и поговорками—все это совершается болѣе или менѣе такъ, какъ и въ былыя времена. Киргизы цѣнятъ вообще краснорѣчіе и часто не только между біями, но и между истцами или отвѣтчиками встрѣчаются люди, хорошо владѣющіе даромъ слова. И вотъ эта чисто народная обстановка суда и традиціонная роль бія, какъ лучшаго знатока народнаго обычнаго права и выразителя справедливости, выгодно оттѣняетъ самый институтъ біевъ.

Такимъ образомъ между общественными дѣятелями киргизъ самыми почетными считаются аксакалы и біи. Это чисто народные общественные дѣятели — одни въ силу своего естественнаго положенія въ родовыхъ группахъ, другіе благодаря своей роли хранителей лучшихъ народныхъ обычаевъ. Волостные же управители, аульные старшины, такъ называемые „почтари", т. е. сотскіе или десятскіе, даже пятидесятники, т. е. выборщики, далеко не пользуются, разъ они лишены личныхъ качествъ, такимъ почетомъ у населенія, какъ старѣйшины-аксакалы и представители народнаго суда — біи.

При настоящемъ строѣ хозяйственнаго быта у киргизъ, единоличная общественная дѣятельность въ значительной мѣрѣ восполняется тѣми общественными отношеніями, которыя сами собою слагаются подъ вліяніемъ особенностей этого строя. Не говоря уже объ оффиціальныхъ съѣздахъ біевъ, регулируемыхъ „степнымъ" положеніемъ, большая часть общественныхъ споровъ, вопросовъ, нуждъ и потребностей проходитъ, такъ сказать, черезъ судъ общественнаго мнѣнія, слагающагося подъ вліяніемъ тѣхъ общехозяйственныхъ отношеній, которыя, въ силу традицій, сами собою поддерживаются совмѣстными кочевками.

6. Хозяйственный бытъ киргизъ и доминирующее значеніе въ немъ скотоводческихъ занятій.

Скотоводство, какъ исконный и охватывающій весь экономическій бытъ киргизъ, промыселъ. Превосходное знакомство киргизъ съ условіями пастбищнаго содержанія скота. Киргизская ботаника и близкое знакомство съ кормовымъ значеніемъ разныхъ растеній. Умѣлое использованіе киргизами степей разнаго качества.

Киргизы — типичнѣйшіе скотоводы. Врядъ ли гдѣ либо занятія скотоводствомъ проявляются въ столь чистой примитивной формѣ, какъ у киргизъ. Кочевой бытъ превосходно еще сохранился во многихъ мѣстахъ наряду съ новѣйшими осложненіями

въ хозяйствѣ кочевника. Скотъ для киргиза — пока все. Онъ имъ питается и живетъ, и немудрено, что на скотѣ сосредоточены всѣ мысли и заботы киргиза. При встрѣчѣ киргизъ первый, послѣ обычнаго привѣтствія, вопросъ касается скота. „Малъ-джаксы-ма?“ спрашиваютъ они другъ друга, т. е. „хорошъ ли, здоровъ твой скотъ?“ и, получивши тотъ или другой отвѣтъ, киргизъ освѣдомляется уже о здоровьи семьи пріятеля. По своему хозяйственному, потребительному и мѣновому значенію, каждый видъ скота распадается у киргиза на массу возрастовъ и подраздѣленій, и одни названія скота по такимъ возрастамъ и дѣленіямъ составляютъ едва ли менѣе сложную терминологію, чѣмъ киргизскій календарь, въ которомъ, наряду съ именами магометанскаго происхожденія, очень часто встрѣчаются имена, заимствованныя отъ названій животныхъ или вообще изъ скотоводческаго быта. У киргизъ существуютъ особыя названія, положимъ, для дойной кобылицы — „кулунбы-біе“, для яловой кобылицы — „тубіе“, для кобылицы, доящейся второй годъ — „тайлы біе“. для жеребенка зимняго возраста „джабага“, просто для жеребенка — „кулунъ“, для двухлѣтка — „тай“. для трехлѣтка — „кунанъ“, для четырехлѣтка — „доненъ“, для мерина — „атъ“, для производителя — „айгыръ“ и т. п. Въ такомъ же родѣ особая терминологія выработалась для верблюдовъ, рогатаго скота, овецъ и козъ. Разумѣется, такая детализація возрастовъ могла сложиться лишь подъ вліяніемъ особо важнаго значенія скота въ жизни киргиза. Тѣми же причинами объясняется и превосходное знакомство киргиза съ условіями пастбищнаго содержанія скота. У киргизъ не сложились еще такія понятія, какъ работникъ въ смыслѣ главы и производительной силы семьи (есть лишь понятіе работникъ наемный, батракъ), нѣтъ понятія о калѣчности, какъ признакѣ рабочей неправоспособности, не существуетъ даже спеціальнаго термина для обозначенія понятія о почвѣ и пр. и пр. въ этомъ родѣ; но за то все, что касается степи, растительности и использованія ея скотомъ, получило широкое развитіе. Киргизъ превосходный бота-

никъ; у него существуетъ довольно сложная и разнообразная номенклатура для обозначенія разнаго рода растеній и широкое знакомство съ кормовымъ значеніемъ каждаго растенія для разныхъ видовъ скота и въ разныя времена года. Какъ-то пришлось мнѣ вести разговоръ на эту тему съ однимъ султаномъ, лучшимъ скотоводомъ въ киргизской степи. Желая выяснить кормовое значеніе особаго злака, извѣстнаго у киргизъ подъ названіемъ „джаульчи“, я просилъ почтеннаго султана охарактеризовать и показать мнѣ это растеніе. „Джаульча“, сказалъ мой собесѣдникъ, это самый лучшій кормъ для скота; особенно любятъ его лошади. Что для русскаго—хлѣбъ, для киргиза—кумысъ, то для лошади—джаульча“, пояснилъ своимъ образнымъ языкомъ султанъ. „Джаульчу лошадь ѣстъ въ опредѣленную пору года; въ настоящее время (дѣло было въ концѣ августа) лошади доѣдаютъ джаульчу; здѣсь нѣсколько дней пасся мой табунъ, и я боюсь, что лошади такъ подобрали джаульчу, что нескоро ее найдешь.... Вотъ еще остался кустикъ“, замѣтилъ султанъ, вперивши глаза въ землю, сидя верхомъ на лошади. Онъ всталъ съ лошади и пригласилъ меня сдѣлать то же. „Вотъ видите, какъ съѣдена здѣсь джаульча“, заговорилъ снова султанъ, указывая на полусъѣденный кустикъ джаульчи. „Лошадь жадна до этого растенія и сгрызаетъ его обыкновенно до корешка, а этотъ кустикъ наполовину срѣзанъ зубами животнаго наискось. Это значитъ, что животное схватило кустикъ джаульчи на бѣгу. Можетъ быть, другое болѣе сильное животное погналось за нимъ или пригрозилъ своими зубами айгыръ“, пояснилъ султанъ. И мой собесѣдникъ буквально-таки, какъ по книгѣ, началъ читать по разнымъ растеніямъ, что дѣлали здѣсь лошади и почему одни виды растительности, какъ джаульча, окончательно уничтожены, а другіе остались еще нетронутыми. „Лошадь, какъ и человѣкъ, объяснялъ султанъ, любитъ смѣшанную пищу. Сколь ни вкусна джаульча, а скотъ не можетъ питаться одною ею, какъ нельзя человѣку довольствоваться одними конфектами. Въ теченіе сутокъ изъ общей пропорціи лошадь при-

мѣрно съѣдаетъ процентовъ 70 или 60 джаульчи, процентовъ 25 или 35 остальныхъ растеній и около 5 процентовъ соленыхъ растеній. Поэтому, солонцы, которые такъ низко цѣнятся земледѣльцами, для насъ, скотоводовъ, очень важны, въ особенности если они разбросаны небольшими площадками на общемъ пространствѣ разныхъ кормовыхъ растеній. Тогда лошадь и другія животныя, поѣдая корма въ смѣшанномъ видѣ, съѣдаютъ ежедневно и соленыя растенія по своему вкусу, и мы, скотоводы, замѣчаемъ, что это естественное принятіе соли въ растеніяхъ полезнѣе для животнаго, чѣмъ дача соли въ чистомъ видѣ, такъ какъ животное въ первомъ случаѣ скорѣе оправляется отъ худобы и быстрѣе нагуливаетъ жиръ, чѣмъ во второмъ“. Я нарочно привелъ этотъ длинный примѣръ, чтобы на немъ наглядно показать, какъ близко знакомы и тонко понимаютъ киргизы-скотоводы пастбищныя условія. Киргизы вообще умѣютъ превосходно пользоваться не только разными видами растеній, но и различными частями степи. Самыя киргизскія кочевки и соединенная съ ними общая совмѣстная жизнь отдѣльныхъ ауловъ, приспособлены къ наилучшему использованію степей.

7. Связь киргизскихъ кочевокъ съ киргизскими сборищами и увеселеніями.

Киргизскія кочевки и значеніе ихъ въ дѣлѣ общественныхъ сношеній. Праздничныя и общественныя увеселенія киргизъ во время кочевокъ. Игра въ «Кукбуре», «Байга» или скачки. Борьба киргизскихъ силачей. Киргизскіе пѣвцы и пѣніе. Танцы.

Всѣ степи можно подраздѣлить на два рѣзко отличныхъ одинъ отъ другого типа: на степи ковыльныя и степи кокпековыя. Первыя богаты лучшими кормовыми травами, каковы разнаго рода злаки, бобовыя и проч., вторыя покрыты преимущественно кокпеками, т. е. кустарниками, служащими пищей для верблюда, съ небольшою примѣсью полыней и очень рѣдко нѣкоторыми злаками, преимущественно типцами. Ковыльныя степи тянутся съ сѣвера на

югъ, кокпеки занимаютъ степи крайняго юга. Сообразно съ такимъ расположеніемъ растительности, киргизы издавна совершали кочевки, примѣняясь къ мѣстности по временамъ года. Тогда и кочевки производились на болѣе значительныхъ разстояніяхъ. Въ настоящее же время кочевки утратили прежній характеръ: ихъ размѣры стали значительно меньше и продолжительность ограниченнѣе. Тѣмъ не менѣе кочевка попрежнему служитъ идеаломъ киргиза. Лучшаго хозяйственнаго положенія этотъ скотоводъ представить себѣ не можетъ. Послушайте стариковъ на эту тему — и они разскажутъ вамъ о золотомъ вѣкѣ кочевокъ, когда не требовались зимовники, не знали косы, а траву рвали руками для молодыхъ и больныхъ животныхъ, когда травы были густы, высоки и вѣчно зелены, когда, однимъ словомъ, на землѣ былъ рай и для человѣка, и для животныхъ, и когда кочевки были лучшимъ способомъ обладанія этимъ раемъ. И теперь еще киргизъ называетъ всякаго, кто не кочуетъ, презрительнымъ „джатакъ", т. е. лежачій, не могущій кочевать. Тамъ, гдѣ земли стало мало и пастбищныя площади ограничены сосѣдствомъ другихъ скотоводовъ, киргизы, поэтому, совершаютъ свои кочевки на небольшихъ разстояніяхъ. Въ среднемъ такія разстоянія не превышаютъ 50 верстъ отъ зимнихъ стойбищъ до „джайляу" или лѣтнихъ пастбищъ. Но мѣстами, какъ въ южныхъ частяхъ Атбасарскаго, Акмолинскаго и Каркаралинскаго уѣздовъ, а также въ Тургайской области, сохранились еще старинныя кочевки на дальнихъ разстояніяхъ. Сыръ-дарьинскіе киргизы прикочевываютъ въ сѣверныя части Кустанайскаго уѣзда и проходятъ до тысячи верстъ въ одномъ направленіи. Баганалинскіе киргизы, зимующіе погранично съ сыръ-дарьинцами на рѣкѣ Чу, проходятъ столь же длинный путь. Раннею весною, въ февралѣ или началѣ марта, киргизы выходятъ съ р. Чу, переходятъ черезъ Голодную степь, остаются нѣкоторое время въ такъ называемыхъ „кумахъ" и „кумъ-конурахъ", т. е. въ области движущихся песковъ и бархановъ, затѣмъ подвигаются далѣе на сѣверъ черезъ кокпековыя степи, вкочевываютъ еще сѣвернѣе въ

районъ Улутавскихъ горъ, проходятъ отсюда совсѣмъ на сѣверъ къ г. Атбасару и располагаются на обширныхъ лѣтовкахъ вблизи него. Здѣсь они остаются около двухъ мѣсяцевъ какъ разъ во время знаменитой атбасарской ярмарки, на которой продаютъ скотъ и закупаютъ хлѣбъ и разнаго рода лавочные товары. Затѣмъ, тѣми же путями киргизы идутъ обратно на р. Чу, соизмѣряя свои кочевки такимъ образомъ, чтобы обратный переходъ черезъ Голодную степь совпалъ съ концомъ ноября или декабремъ, когда, какъ и ранней весною, здѣсь не бываетъ убійственной жары, попадается мѣстами чахлая растительность и бываетъ кое гдѣ хоть худая вода.

Но какъ бы ни былъ великъ размахъ кочеваній, перекочевки совершаются по одному шаблону. На ходу, когда киргизы остаются только на ночь или на два-три дня для отдыха въ извѣстныхъ мѣстахъ, переходы отъ одного мѣста стоянки до другого опредѣляются возможностью перегоновъ наиболѣе медлительнаго скота овецъ. Такіе переходы въ среднемъ равняются 25 верстамъ въ сутки, причемъ на стоянкахъ киргизы устраиваются на половину, не ставятъ юртъ, не распаковываютъ вьюковъ и проводятъ день или ночь подъ навѣсами изъ войлока. Но когда кочевки совершаются съ цѣлью использованія пастбищъ, тогда кочевая картина получаетъ иной характеръ. Глухая степь въ такихъ случаяхъ оживляется, на ней закипаетъ дѣятельность и киргизы проводятъ лучшую пору своихъ передвиженій. Въ это время завязываются самыя широкія сношенія между отдѣльными аулами и разными родами: киргизы гостятъ другъ у друга, играютъ свадьбы, устраиваютъ праздники и игрища, рѣшаютъ споры и недоразумѣнія, совершаютъ покупки и продажи, въ эту, однимъ словомъ, пору течетъ самая дѣятельная и веселая жизнь кочевого населенія.

Киргизскіе праздники и увеселенія грубы, примитивны, но по своему оригинальны. Молодежь, напр., съ увлеченіемъ предается игрѣ въ „кукбуре". Но что это за игра? Кукбуре по русски буквально значитъ „драть козла". Какой нибудь богачъ или шут-

никъ-киргизъ, во время свадьбы или праздниковъ, собираетъ молодежь, рѣжетъ козленка, ягненка или вообще какой либо мелкій скотъ и бросаетъ его въ толпу молодежи на землю. Ловкій джигитъ нагибается съ сѣдла, схватываетъ зарѣзанное животное и мчится съ нимъ въ степь; за нимъ въ галопъ несутся всѣ остальные наѣздники, изъ которыхъ каждый пытается отнять животное; отнявшій животное въ свою очередь старается уйти отъ толпы, но толпа его преслѣдуетъ. Такъ животное переходитъ изъ рукъ въ руки; нерѣдко разрываютъ его на части и мелкіе куски; нерѣдко также одно негодное для игры животное замѣняется другимъ, вновь зарѣзаннымъ. Весь интересъ этой полудикой игры сосредоточивается на ловкости наѣздниковъ.

Болѣе осмысленное общественное увеселеніе представляетъ собою киргизская „байга“, или скачки. Это уже киргизскій спортъ, игра съ призами, желанное удовольствіе для всей массы населенія. Киргизскія скачки устраиваются непремѣнно или на праздники, или вообще при торжественныхъ случаяхъ, каковы, напр., поминки по какому нибудь богатому и извѣстному киргизу. Для скачекъ любители держатъ особыхъ лошадей-бѣгунцовъ. Хорошій бѣгунецъ долженъ быть сильною лошадью и выдерживать большія разстоянія; такіе бѣгунцы очень цѣнятся у киргизъ и за нихъ дорого платятъ. Скачки всегда устраиваются на дальнихъ разстояніяхъ. Обыкновенно всѣхъ, желающихъ участвовать въ скачкахъ, уводятъ верстъ за 30, 40 или 50 отъ того мѣста, которое служитъ конечнымъ пунктомъ бѣга. По данному сигналу наѣздники трогаются съ мѣста. Сначала они несутся бѣшенымъ галопомъ, но затѣмъ животныя отъ чрезмѣрнаго напряженія страшно устаютъ, многія изъ нихъ падаютъ и околѣваютъ, остальныя подъ конецъ бѣга еле плетутся. Въ это время киргизы всячески стараются понукать ихъ, бьютъ, кричатъ, тянутъ за уши, толкаютъ сзади и т. д. Лошади, достигнувшія ранѣе другихъ цѣли, получаютъ призъ. Призы состоятъ обыкновенно изъ животныхъ, денегъ, одежи и пр. и нерѣдко оцѣниваются въ нѣсколько сотъ рублей. Для киргиза, однако, не столько важенъ призъ, сколько добрая слава. Въ силу старинныхъ родовыхъ обычаевъ, выигрышъ приза

считается дѣломъ всего того рода, къ которому принадлежитъ наѣздникъ. И теперь еще этому послѣднему даютъ лишь одну какую либо вещь или часть приза, а все остальное распредѣляется между родовичами. Такимъ образомъ, побѣда на „байгѣ“ оказывается торжествомъ не одного какого либо наѣздника, а всего рода.

Высоко также цѣнятъ киргизы борьбу силачей. Сильный и ловкій борецъ пользуется широкою извѣстностью въ степи. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ вездѣ желанный гость. Его издалека приглашаютъ на состязаніе и поощряютъ призами и подарками. Есть борцы, нажившіе состояніе этимъ спортомъ. Физическая сила и ловкость настолько цѣнится киргизскимъ населеніемъ, что служитъ часто источникомъ возвышенія лица чисто въ общественномъ отношеніи. Въ одномъ изъ южныхъ уѣздовъ жилъ киргизъ, ничѣмъ не выдѣлявшійся изъ общей массы. Благодаря природному уму, онъ считался между односельцами умнымъ человѣкомъ, и этимъ долго ограничивалась его слава въ предѣлахъ околотка. Какъ-то черезъ аулъ проѣзжалъ уѣздный начальникъ съ русскимъ стражникомъ, славившимся своею силою. Въ это же время случайно упалъ въ глубокій колодезь верблюдъ бѣдной вдовы. Силачъ-стражникъ предложилъ уѣздному начальнику, принявшему участіе въ горѣ вдовы, помочь бѣдѣ; онъ спустился въ колодезь на веревкѣ и попробовалъ приподнять верблюда на спинѣ, чтобы продѣть черезъ туловище животнаго веревку. Сколько, однако, не тужился стражникъ, поднять верблюда ему не удалось. Тогда туда же спустился упомянутый киргизъ. Верблюдъ былъ приподнятъ и вытащенъ изъ колодца. На первомъ же торжественномъ сборищѣ, когда назначена была борьба, киргизъ вышелъ противъ непобѣдимаго стражника и поборолъ его. Толпа пришла въ неистовство. Киргизъ сразу обратился въ героя, поддержавшаго честь кочевниковъ, такъ какъ побѣжденнымъ оказался русскій борецъ. Киргизъ погналъ съ этого сборища въ видѣ подарковъ цѣлыя стада лошадей, верблюдовъ и овецъ и сразу сталъ богатымъ человѣкомъ.

Хотя онъ и не принималъ затѣмъ участія въ борьбѣ, но сталъ очень извѣстнымъ въ степи человѣкомъ. Его выбрали въ біи и онъ съ честью поддержалъ это званіе, ставъ любимымъ судьей, благодаря своему природному уму. Къ силачу-бію стали стекаться желающіе судиться изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ степи. Слава его росла, разсказы о необычайной силѣ судьи передавались по всей степи. Въ концѣ концовъ бій-силачъ сталъ такъ популяренъ въ массѣ, что на байгѣ и въ торжественныхъ случаяхъ его сородичи выкрикиваютъ его имя, какъ „уранъ", т. е. боевой кличъ. Такой чести удостоились только немногіе султаны и основатели родовъ. Силачъ-киргизъ сталъ историческимъ героемъ въ киргизскомъ смыслѣ.

Къ числу лицъ, играющихъ видную роль на торжественныхъ сборищахъ и увеселеніяхъ киргизъ, надо причислить выдающихся пѣвцовъ. Киргизъ — пѣвецъ отъ природы. Онъ начинаетъ пѣть съ самыхъ малыхъ лѣтъ, поетъ при всякомъ случаѣ и любитъ послушать хорошаго пѣвца. Но у киргизъ нѣтъ пѣсенъ или во всякомъ случаѣ ихъ очень мало. Каждый поетъ, что придетъ ему въ голову. Тотъ, кто знаетъ, поэтому, пѣсню, въ особенности историческую или общественнаго характера, становится народнымъ пѣвцомъ. Но знаменитыми пѣвцами бываютъ только лица, владѣющія превосходными голосами. Киргизы привыкли цѣнить хорошій голосъ и умѣнье владѣть имъ. Знатоки пѣнія утверждаютъ, что лучшіе киргизскіе пѣвцы—виртуозы въ своемъ родѣ. Они владѣютъ гибкими и обработанными голосами, съ чувствомъ поютъ и превосходно передаютъ не только чувства и страсти людей, но и трели птицъ, и шумъ потока и вообще проявленія природы.

Наконецъ, у киргизовъ, какъ и у другихъ народовъ, существуютъ танцы. Хотя удовольствія этого рода и не пользуются такимъ вниманіемъ, какъ „байга" или борьба, но они очень своеобразны. Киргизы не танцуютъ въ нашемъ смыслѣ. Въ своихъ танцахъ они стараются обыкновенно передать разнаго рода

сцены изъ жизни людей и животныхъ. Танцоры изображаютъ то борьбу, то полеты орла или сокола, то вообще сценическія фигуры, часто совсѣмъ не проявляя непосредственнаго увлеченія самымъ процессомъ пляски.

Самыя увеселенія киргизъ носятъ строго общественный характеръ. Угощенія производятся на общій счетъ родовичей, причемъ богачи даютъ больше, а бѣдняки меньше. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда устраиваются поминки, напримѣръ, какимъ-либо выдающимся богачемъ, рѣжущимъ для угощенія десятками крупный скотъ и сотнями овецъ, участниками все-таки являются отчасти и бѣдные родовичи, выставляющіе юрты для гостей, поставляющіе кумысъ и пр. За такимъ характеромъ киргизскихъ торжественныхъ сборищъ очень явственно обнаруживаются старинные киргизскіе обычаи, своего рода полурелигіозный культъ. Киргизъ выходитъ уже раннею весною на кочевку въ лучшемъ нарядѣ и соблюдаетъ при этомъ извѣстныя церемоніи. Но когда устраивается байга или состязаются борцы, тогда старинные родовые обычаи проявляются въ полной силѣ. За спиною и наѣздника, и борца всегда стоятъ его родовичи. Въ самые торжественные случаи они выкрикиваютъ неистово свой родовой „уранъ“, соотвѣтствующій русскому ура, провозглашая имена своихъ историческихъ героевъ въ родѣ: „Алача“, „Кипчакъ“, „Аблай“ и т. п. Родовичи же устраиваютъ своему герою оваціи и распространяютъ разсказы о его славѣ.

8. Религія киргизъ.

Киргизское магометанство и вѣротерпимость. Малочисленность киргизскаго духовенства и малое распространеніе мечетей. Слѣды язычества. Вліяніе животнаго культа на религіозныя воззрѣнія киргизъ

Сравнивая обычаи, регулирующіе киргизскія сборища и увеселенія, съ чисто религіозными обычаями, легко замѣтить, что первые въ сильнѣйшей степени преобладаютъ

надъ вторыми. Киргизскіе чисто магометанскіе праздники, каковы напр. курбанъ-байрамъ, цѣнятся лишь постольку, поскольку удаются на нихъ байга, борьба и пр. Киргизы магометане, но это, несомнѣнно, самые симпатичные поклонники пророка. Имъ почти чужды религіозный фанатизмъ и исключительность. Они очень добродушно относятся къ русскому христіанину и даже къ христіанскому духовенству. Мнѣ случилось разъ быть свидѣтелемъ встрѣчи киргизскимъ ауломъ монаха изъ одного частнаго крестьянскаго скита, возникшаго въ глуши Петропавловскаго уѣзда. Монахъ — простой старикъ-крестьянинъ, человѣкъ очень строгихъ правилъ, справедливый и въ высшей степени терпимый. Когда мы явились съ нимъ въ аулъ, нѣсколько голосовъ на ломаномъ киргизскомъ языкѣ провозгласило: „Монахъ пріѣхалъ! Монахъ пріѣхалъ!“ Въ мгновеніе ока монахъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, ему жали самымъ дружескимъ образомъ руку, улыбались и кланялись. Хозяинъ юрты, къ которому мы подъѣхали, хорошо говорившій по русски, обратился ко мнѣ и съ улыбкою сказалъ, показывая на монаха: „ему нельзя пить кумыса и ѣсть мяса: онъ монахъ; ему надо ставить самоваръ... Чистый самуваръ, хорошій вода будетъ монаху“, прибавилъ киргизъ, обращаясь уже къ старику.— „То-то чистый! въ свою очередь, улыбаясь, отвѣтилъ старикъ. „А вотъ на счетъ корму для лошадей у васъ плохо. Вѣдь вы овсеца не сѣете, а сѣнца у васъ тоже, чай, нѣтъ?“ — „Овесъ нѣтъ, отвѣтилъ киргизъ, а сѣно будетъ скоро“. Немедленно были наряжены были два джигита, которые черезъ полчаса успѣли сдѣлать путь туда и обратно въ 10 верстъ и притащить двѣ вязанки сѣна для нашихъ лошадей. Въ это время киргизы угощали уже монаха чаемъ и вели съ нимъ самые дружескіе разговоры. Въ большой толпѣ, наполнявшей юрту и расположившейся у входа въ нее, я не замѣтилъ ни на одномъ лицѣ даже тѣни чего-либо враждебно фанатичнаго къ моему спутнику-старику, одѣтому въ подрясникъ и скуфьеобразную шапку. Много разъ я замѣчалъ затѣмъ въ глухой степи, гдѣ часто киргизы не знаютъ ни одного

русскаго слова, самое терпимое отношеніе къ русскому христіанину. Только женщины проявляютъ нѣкій фанатизмъ въ этомъ отношеніи. Вообще, киргизы плохіе магометане; у нихъ почти нѣтъ ни духовенства, ни мечетей. Мулла очень рѣдкій человѣкъ въ степи; еще рѣже можно встрѣтить мечеть. Только богачи иногда дѣлаютъ къ своимъ домамъ пристройки, представляющія мечеть, но такая мечеть остается лишь украшеніемъ, удовлетворяющимъ тщеславію богатаго киргиза. Духовенства при ней не бываетъ. Точно также, когда родится ребенокъ или умретъ кто либо, киргизы обходятся безъ духовенства. Повивальная бабка, ухаживающая за родильницей, даетъ обыкновенно новорожденному имя, какое взбредетъ ей въ голову, увидитъ, напр., собаку при входѣ въ юрту и назоветъ родившагося мальчика „итъ-бай", т. е. приблизительно „богатая собака" или „славная собака"; вспомнится ей какое либо магометанское имя въ родѣ Али или Мухамедъ, — дастъ это названіе. Затѣмъ рѣжутъ обыкновенно барана, съѣдаютъ его и тѣмъ заканчивается торжественное вступленіе въ жизнь новаго родовича. Также просто хоронятъ мертвыхъ, хотя провожаютъ своихъ родовичей въ лучшій міръ съ большими издержками, рѣжутъ больше скота и дѣлаютъ болѣе обильныя угощенія.

Все это объясняется отчасти жизненностью стариннаго языческаго культа киргизъ. Киргизы до сихъ поръ еще плохо привыкли къ магометанской обрядности. Омовеніе съ классическими татарскими сосудами и тазами представляетъ собою общераспространенное явленіе, но намазы, т. е. молитвы, далеко не выполняются киргизами. Я никогда не видѣлъ молодежи, совершающей намазъ, люди среднихъ лѣтъ также рѣдко молятся и только старики любятъ выказать свою набожность. Наиболѣе рѣзко бросается въ глаза принадлежность къ исламу лишь въ устройствѣ киргизскихъ кладбищъ или „мазарокъ". Могилы на киргизскихъ мазаркахъ устраиваются самыя разнообразныя, смотря по мѣстности и тому матеріалу, который имѣется подъ руками. Въ однихъ мѣстахъ мазарки состоятъ изъ кучъ камня, наваленныхъ надъ

могилами умершихъ, въ другихъ возводятся цѣлыя деревянныя зданія, въ третьихъ устраиваются куполообразныя или конусообразныя возвышенія, напоминающія собою большія стога сѣна, и пр. и пр., но всегда почти то на оградѣ, то на отдѣльномъ столбѣ, то на могильномъ памятникѣ вы увидите символъ магометанства— ущербленную луну, грубо сдѣланную изъ куска дерева. Все это, однако, большею частью кладбища и могилы позднѣйшаго времени. Старинныя и особо чтимыя могилы умершихъ — „молла", встрѣчаются одиночками. Тутъ почти никогда не бываетъ ни ущербленной луны, ни какихъ-либо признаковъ магометанства; но съ этими могилами бываютъ связаны многочисленныя сказанія. ибо тутъ покоятся кости киргизскихъ героевъ — знаменитыхъ родоначальниковъ, доблестныхъ султановъ, могущественныхъ „батырей". т. е. богатырей, а иногда и ловкихъ барантачей, т. е. грабителей и разбойниковъ, обогащавшихъ извѣстный родъ.

Точно также и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ киргизъ преобладаютъ мотивы, заимствованные изъ обыденной жизни кочевника-скотовода, сложившейся подъ вліяніемъ языческаго культа. Какъ характерный примѣръ въ этомъ отношеніи я приведу здѣсь легенду киргизъ о томъ, какъ лучше всего можно попасть киргизу-магометанину въ рай. Киргизскій рай. какъ и магометанскій, расположенъ надъ глубокою, зіяющею пропастью, въ которой кипитъ все грѣшное, всякая нечисть и горятъ огни неугасимые. Черезъ эту пропасть или адъ переброшенъ мостъ въ рай Самый мостъ состоитъ изъ такой тонкой проволоки, какъ паутина, и столь же острой, какъ самый острый киргизскій ножъ. И вотъ, чтобы попасть въ рай, правовѣрный долженъ пройти по мосту. Понятно, что при малѣйшей попыткѣ ступить на столь колючій путь, ведущій къ блаженству, смѣльчакъ срывается и падаетъ въ пропасть ада, навсегда лишаясь рая. Какъ же однако можно попасть въ рай? Очень просто. Необходимо лишь свято соблюдать старинные киргизскіе обычаи, т. е. напоить и накормить возможно сытнѣе гостя и вообще сторонняго человѣка. Всякій, кто зарѣжетъ

побольше скота въ курбанъ-байрамъ и отъ чистаго сердца накормитъ имъ другихъ киргизовъ, кто бы они ни были, будетъ перенесенъ впослѣдствіи этимъ жертвеннымъ скотомъ черезъ проволочный мостъ. Только зарѣзанный въ видѣ безкорыстной жертвы для другихъ, скотъ имѣетъ чудное свойство переносить правовѣрныхъ въ рай. А если прибавить къ этому, что, чѣмъ больше рѣжется скота, тѣмъ торжественнѣе бываютъ общественныя увеселенія съ ихъ скачками, борьбою и пр., то попасть въ рай при помощи какой либо коровы, барана или иноходца оказывается вдвойнѣ выгоднымъ.

9. Киргизскія потребности, ихъ уровень и культурная отсталость киргизъ.

Зависимость обычаевъ общественно-бытового и религіознаго характера отъ примитивной патріархальной жизни киргизъ. Низкій уровень киргизскихъ потребностей. Пища и особенности киргизскаго питанія. Ограниченность умственныхъ потребностей. Вліяніе животнаго культа въ этомъ отношеніи. Киргизскій скептицизмъ. Пытливость киргизъ и умѣнье приспособляться къ измѣняющимся условіямъ.

Во многихъ случаяхъ трудно вообще провести сколько нибудь рѣзкую черту между обычаями религіознаго и общественно-бытового характера. Киргизская жизнь такъ еще примитивна и патріархальна, что въ ней далеко не сложились въ совершенно обособленныя формы тѣ или другіе элементы общественности, религіознаго ритуала и нравственнаго культа. Въ культурномъ отношеніи киргизъ далеко, по крайней мѣрѣ, на 100 лѣтъ отсталъ, напр., отъ русскаго крестьянина. Его потребности несложны, жизненная обстановка убога, умственный горизонтъ узокъ. Правда, онъ ѣстъ болѣе питательную пищу, чѣмъ нашъ крестьянинъ, но крайне однообразно и неравномѣрно. Киргизъ питается исключительно животною пищею—мясомъ, кумысомъ и молокомъ и очень слабо пищею растительною. Хлѣба у него нѣтъ, онъ даже не умѣетъ его при-

готовлять, муку онъ употребляетъ изрѣдка, только на „коже“, т. е. на похлебку, и на „баурсаки“, т. е. на печенья въ бараньемъ салѣ; овощи же у номада совершенно отсутствуютъ; мѣстами киргизы не ѣдятъ даже ягодъ. Я нѣсколько разъ давалъ киргизамъ въ глухихъ мѣстахъ яблоки, и какъ бы ни были онѣ вкусны, не было случая, чтобы никогда не видавшій яблока киргизъ съѣдалъ этотъ превосходный плодъ. Киргизъ лишь пробовалъ его и затѣмъ или возвращалъ его назадъ, или же, если отказывались у него брать, бросалъ на землю и восклицалъ: „джаманъ“, т. е. яманъ, или въ вольномъ переводѣ: „чортъ знаетъ что!“ Разъ маленькому киргизенку, внимательно наблюдавшему, какъ русскіе ѣли апельсины, дали кусочекъ очищеннаго апельсина. Киргизенокъ долго не рѣшался взять въ ротъ плодъ, но затѣмъ зажмурилъ глаза, положилъ кусочекъ апельсина въ ротъ, моментально выплюнулъ его на землю и началъ ожесточенно топтать ногами. Въ другое время я имѣлъ неосторожность выразиться, что киргизы плохо и неблагоразумно поступаютъ, не потребляя растительной пищи. Когда хозяину, очень почтенному и важному старику, перевели мое замѣчаніе, — онъ невозмутимо отвѣтилъ переводчику слѣдующей сентенціей: „ты знаешь, сказалъ онъ, что Богъ создалъ животныхъ съ тою цѣлью, чтобы они поѣдались человѣкомъ, а траву произрастилъ для того, чтобы ее поѣдалъ скотъ,—слѣдовательно, человѣку неприлично ѣсть траву, ибо онъ станетъ скотомъ“. Передавая мнѣ все это въ русскомъ переводѣ, мой переводчикъ, студентъ-медикъ и природный киргизъ, прибавилъ, что нашъ хозяинъ выразилъ свою сентенцію въ столь изящной и вѣжливой, съ точки зрѣнія восточнаго краснорѣчія, формѣ, что его конечный выводъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать обиднымъ или неприличнымъ намъ, гостямъ [1]).

При такихъ очень естественныхъ для народа-кочевника привычкахъ къ животной пищѣ, киргизы питаются очень неравномѣрно и

[1]) Все сказанное здѣсь о питаніи киргизъ не можетъ быть обобщаемо на всѣхъ киргизъ, такъ какъ въ мѣстностяхъ съ болѣе развитымъ земледѣліемъ пища ихъ въ значительной мѣрѣ состоитъ изъ растительныхъ продуктовъ. Ред.

нерегулярно. Всю весну, лѣто и первую половину осени они сидятъ исключительно на жидкой молочной пищѣ—кумысѣ, молокѣ, айранѣ и пр. Очень естественно, что лѣтомъ у киргиза развивается необыкновенная алчность къ мясу и твердой пищѣ, и что, поэтому, байга, поминки и пр., съ возможностью до-сыта наѣсться мясомъ, такъ высоко цѣнятся. Когда киргизъ сидитъ на молочной пищѣ, онъ буквально таки обжирается мясомъ, разъ представится возможность къ тому. Я собственными глазами видѣлъ, какъ киргизъ поглощалъ въ одинъ разъ фунтовъ 8 или 10 мяса. Люди, близко стоящіе къ киргизской жизни, разсказываютъ, что между киргизами нерѣдко можно встрѣтить обжоръ, съѣдающихъ въ одинъ разъ тушку баранины, вѣсящую фунтовъ 15 или даже 20. Потребленіе мяса съ зимы, при обычной обстановкѣ, начинается также съ увеличенной порціи. Сначала киргизы съѣдаютъ по 5 и 6 фунтовъ мяса на душу въ сутки, затѣмъ порція понижается до 4 и 3 фунтовъ; въ концѣ февраля и началѣ марта бѣдняки переходятъ еще на болѣе скромный паекъ: далѣе начинается голоданіе; киргизы-бѣдняки туго стягиваютъ животъ поясомъ, чтобы ослабить муки голодовки. Къ веснѣ населеніе большею частью оказывается такимъ же худымъ и тощимъ, какъ и его скотъ, перезимовавшій на подножномъ корму. Когда же покажется молодая сочная трава, тогда начинаетъ поправляться киргизскій скотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его хозяинъ киргизъ, переходящій на обильную молочную пищу. Къ осени жирѣетъ скотъ и толстѣютъ люди.

На потребности въ пищѣ сосредоточиваются, собственно говоря, всѣ заботы киргиза. Все его хозяйство приспособлено къ тому, чтобы удовлетворить, главнымъ образомъ, эту потребность. Что касается затѣмъ домашней обстановки то она до-нельзя бѣдна и первобытна. Если исключить киргизскія юрты, какъ несомнѣнно очень удобныя жилища при передвиженіяхъ, все остальное имущество киргиза является своего рода пародіей на удобство. Киргизскія арбы плохи и неудобны, упряжи почти нѣтъ, земледѣльческія орудія или отсутствуютъ, или до нельзя грубы и малоцѣнны, мебели нѣтъ, посуда немногочисленна и очень грязна, одежда неопрятна— и на всемъ ле-

житъ толстымъ слоемъ грязь, нечистоплотность поразительная, а обиліе паразитовъ невѣроятное. Убогая киргизская обстановка—естественный результатъ несложной хозяйственной жизни и примитивныхъ экономическихъ отношеній. Только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ желѣзной дороги и притока въ степь крестьянъ-переселенцевъ, въ обычную киргизскую обстановку начали попадать предметы культуры и промышленности; и только съ появленіемъ этихъ условій началъ расширяться умственный кругозоръ кочевника.

Киргизы во всемъ, что выходитъ за черту ихъ обычныхъ сношеній, достаточно невѣжественны, несмотря на свою пытливость и несомнѣнную способность къ умственному развитію. Школъ у киргизъ, за исключеніемъ киргизъ Тургайской области, почти нѣтъ; грамотность слабо развита, крупные промышленные и торговые центры совсѣмъ отсутствуютъ. Киргизъ пока живетъ сказками, суевѣріями и разнаго рода слухами, всегда переходящими въ сплетни и пересуды. Умственный кругозоръ киргиза не могъ расшириться среди такой однообразной обстановки, какъ киргизскія степи. Хотя тѣ же степи, научившія киргиза цѣнить и различать разнаго рода растенія, пріучили его къ наблюденіямъ надъ небесными свѣтилами, такъ что киргизъ въ любую часть ночи превосходно можетъ оріентироваться въ степи по звѣздамъ и опредѣлить время, но общіе взгляды его на небо, звѣзды и божій міръ дѣтски наивны, грубы и, если заслуживаютъ вниманія, то главнымъ образомъ со стороны своей поэтической окраски, служащей отраженіемъ скотоводческой жизни и широкаго значенія животнаго культа. Вотъ въ какой, напр., формѣ вылилась легенда у киргизъ о большой и малой медвѣдицахъ. Полярная звѣзда, находящаяся, какъ извѣстно, въ созвѣздіи малой медвѣдицы, это—желѣзный колъ вколоченный въ небо, ибо она неподвижна, что киргизы превосходно знаютъ. Къ этому колу привязаны двѣ великолѣпныхъ лошади въ видѣ двухъ свѣтлыхъ звѣздъ, составляющихъ почти прямую линію къ полярной звѣздѣ. Вдали затѣмъ семь блестящихъ звѣздъ большой медвѣдицы представляютъ семь

знаменитыхъ воровъ, горящихъ нетерпѣніемъ украсть чудныхъ бѣгунцовъ и подкрадывающихся къ завѣтнымъ лошадямъ, привязаннымъ къ желѣзному колу; но лошади ходятъ вокругъ кола и воры никакъ не могутъ ихъ настичь, отвязать и увести.

Неудивительно, что ко всему, что выходитъ за предѣлы такихъ невѣжественныхъ, но поэтическихъ одухотвореній природы и жизни, киргизы относятся крайне недовѣрчиво и скептически. Разъ я попалъ въ этомъ отношеніи въ крайне смѣшное и неловкое положеніе. Проѣздомъ я остановился на ночлегъ у одного именитаго султана, который провелъ почти всю жизнь въ степи, но понималъ русскій языкъ и могъ кое какъ объясняться на немъ. Переводчика не требовалось, и султанъ пригласилъ меня въ свою лучшую юрту на чай. Высокій, величественный и выдержанный по восточному старикъ, угощая меня чаемъ, хранилъ молчаніе, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 15 минутъ. Время отъ времени онъ разглаживалъ свою длинную, роскошную бороду и внимательно наблюдалъ за чаепитіемъ. Казалось, что мой хозяинъ какъ бы старался навѣять на меня какую-то таинственную тишину. Наученный опытомъ, я стоически выжидалъ, когда же начнется разговоръ. Наконецъ, султанъ повидимому рѣшилъ, что торжественности отдана уже достаточная дань и, отхлебнувши изъ стакана глотокъ чаю, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „правда ли, что вблизи Омска положены желѣзныя колеи для дороги и что по этимъ колеямъ сами собой, безъ лошадей и быковъ, бѣгаютъ желѣзныя повозки?“ Я, конечно, отвѣтилъ утвердительно. Султанъ пожалъ плечами и замѣтилъ: „странно!.. какъ же сама собой покатится арба, если ее не будетъ тащить лошадь?“ Я объяснилъ султану, что повозки по желѣзной дорогѣ движутся не сами собою, а ихъ тащитъ за собою особая повозка-машина, которая въ свою очередь движется паромъ. Въ общихъ чертахъ я изложилъ моему хозяину теорію пара и основанія устройства паровыхъ двигателей. Чтобы лучше все это выяснить моему собесѣднику, въ юрту былъ приглашенъ переводчикъ, пришлось прибѣгнуть къ наглядному примѣру въ видѣ кипѣвшаго на очагѣ мѣд-

наго чайника и пр. Въ концѣ концовъ султанъ уловилъ суть моихъ объясненій. Прошло нѣсколько минутъ торжественнаго молчанія и снова мой собесѣдникъ задалъ мнѣ вопросъ: „а правда ли, что городъ Петербургъ такъ великъ, что далеко больше даже Кокчетава?“ Я не могъ не улыбнуться. Кокчетавъ представляетъ собою довольно небольшую казачью станицу, обращенную въ уѣздный городъ. Я снова далъ султану утвердительный отвѣтъ и замѣтилъ, что въ одномъ Петербургѣ почти столько же жителей, сколько оказывается киргизскаго населенія, что въ Петербургѣ есть настолько большіе дома, что въ нихъ могли бы пожалуй помѣститься всѣ жители Кокчетава. Султанъ внимательно слушалъ меня и, когда я кончилъ, легкая улыбка скользнула по его лицу, а его взглядъ ясно выражалъ недовѣріе: „за кого же меня принимаетъ этотъ тюре, говорилъ султанскій взглядъ, разсказывая такія небылицы?“. Я рѣшилъ просвѣтить еще больше моего недовѣрчиваго хозяина и началъ разсказывать ему, какъ велики Парижъ и Лондонъ, но принужденъ былъ прервать свои объясненія. Лицо султана выражало уже просто недовѣріе. Очевидно, султанъ полагалъ, что я позволяю себѣ сознательно шутить и издѣваться надъ нимъ, если только не предположилъ нѣчто худшее.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на невѣжество киргизъ и низкій уровень ихъ умственныхъ потребностей, народность эта, повидимому, имѣетъ свое будущее. Она дала уже довольно значительное число молодежи, прошедшей среднюю школу и бывшей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Между кочевниками, живущими въ глуши, очень часто можно встрѣтить людей умныхъ, съ здравымъ смысломъ и способностью къ критикѣ. Все это указываетъ на то, что киргизы повидимому сумѣютъ приспособиться и къ тѣмъ новымъ жизненнымъ условіямъ, которыя врываются въ степь вмѣстѣ съ проведеніемъ желѣзной дороги и движеніемъ крестьянъ-переселенцевъ. По крайней мѣрѣ, все то, что несетъ съ собою новаго русскій колонизаторъ, охотно принимается кочевниками и относительно быстро прививается къ ихъ жизни.

10. Вліяніе на киргизъ крестьянъ-переселенцевъ въ культурномъ отношеніи и общая характеристика киргизской народности.

Культурное вліяніе крестьянъ-переселенцевъ на хозяйственныя формы киргизъ. Позаимствованія киргизъ въ этой области. Вліяніе крестьянъ на домашній бытъ и обстановку кочевника. Внѣдреніе въ киргизскую рѣчь русскихъ словъ и выраженій. Общая характеристика отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ киргизской народности.

Тотъ, кто не былъ въ степи и не имѣлъ возможности наблюдать соприкосновенія русской народности съ киргизской, не можетъ себѣ представить, насколько велико культурное вліяніе нашего крестьянина-переселенца на киргиза-кочевника. Переселенецъ является прежде всего учителемъ киргиза въ области хозяйственной. Онъ учитъ его пахать, сѣять, косить, молотить и даже потреблять хлѣбъ. Всюду, гдѣ только появились посѣвы, непремѣнно этотъ первый шагъ дѣлается подъ вліяніемъ и при содѣйствіи крестьянина[1]). „Давно ли началъ сѣять хлѣбъ?“ задаете вы вопросъ киргизу и всегда получаете въ отвѣтъ: „Семь или пять лѣтъ, съ того времени какъ поселился вблизи крестьянъ“. „Какой хлѣбъ вы сѣете?“ спрашиваете вы въ другомъ мѣстѣ киргизъ. „Пшеницу русскую и переродку“, отвѣчаютъ вамъ, и тутъ же поясняютъ, что „русская пшеница мельче зерномъ, но скорѣе поспѣваетъ, а перeродка не боится головни, круппѣе зерномъ и даетъ лучшую муку для хлѣба“. — „А хлѣбъ умѣете вы печь?“ освѣдомляетесь вы дальше. — „Нѣтъ, не умѣемъ“, чистосердечно сознаются киргизы. „Хлѣбъ пекутъ намъ крестьянки, а отличать сорты пшеницы научилъ насъ мужикъ“. Въ третьемъ мѣстѣ мужикъ-переселенецъ научилъ киргизовъ, какъ выбирать зерно для посѣва. „Купленныя сѣмена, разсказываютъ киргизы, мы опускаемъ, по совѣту крестьянъ, въ воду. Если зерно при этомъ пускаетъ изъ себя пузырьки, то, значитъ, оно годно для

---

[1]) Сказанное справедливо лишь по отношенію къ сѣвернымъ киргизамъ. Южные туркестанскіе и семирѣчинскіе киргизы учились земледѣлію отъ сартовъ и другихъ осѣдлыхъ туземцевъ. Ред.

посѣва, а если сѣмена не даютъ пузырьковъ, то они не годятся для посѣва". Въ четвертомъ мѣстѣ киргизы разсказываютъ о томъ, что первыя пашни для посѣва выбиралъ имъ крестьянинъ, который училъ ихъ не сѣять хлѣба на низкихъ мѣстахъ, ибо онъ можетъ здѣсь вымокать, не выбирать для посѣвовъ также очень высокихъ мѣстъ, такъ какъ на нихъ чаще появляется кобылка, а пахать на небольшихъ увалахъ. Выслушивая всѣ такіе разсказы отъ киргизъ, точно присутствуешь при живомъ процессѣ перехода крестьянскихъ понятій въ головы киргизъ. Живымъ примѣромъ собственнаго хозяйства, непосредственнымъ участіемъ въ выполненіи для кочевника земледѣльческихъ работъ, совѣтами и практическими указаніями, которыми охотно дѣлится русскій переселенецъ, послѣдній втянулъ уже киргиза въ кругъ интересовъ и понятій земледѣльца и видоизмѣнилъ самые взгляды кочевника на значеніе земли для хозяйства. Въ хозяйствѣ кочевника, подъ вліяніемъ все того же крестьянина-переселенца, появилось много такого, чего раньше у него не было—и болѣе удобные экипажи, и земледѣльческія орудія, и утварь, и упряжь, и хлѣбъ, и овощи. Сообразно съ этимъ, и языкъ киргиза пополнился массою русскихъ словъ и названій, какъ, напр., самуваръ, дога, кожаинъ, т. е. самоваръ, дуга, хозяинъ. Переводя киргизскія названія растеній, разныя кодэ, бетеге, джусанъ и пр., на русскія, я долго не могъ узнать, какое растеніе киргизы называютъ „чай-пій". Оказывается, что это — русское слово и что киргизы называютъ такъ особый видъ полыни, изъ которой крестьяне дѣлаютъ настой и пьютъ его, какъ чай. Киргизъ прислушивается къ тому, что вновь слышитъ, и вдумывается въ новыя для него явленія. Вмѣстѣ съ матеріальными заимствованіями отъ чуждой ему народности, онъ перешелъ уже на почву заимствованій изъ области потребностей ума. Какъ характерный примѣръ такого рода заимствованій, я приведу киргизскую пѣсню, записанную въ Тургайской области киргизомъ А. С. Идигинымъ. Пѣсня эта, составляющая сочетаніе киргизской рѣчи съ русскими названіями, была передана г. Идигину тургайскимъ киргизомъ, умѣв-

шимъ говорить по русски. Вотъ ея содержаніе въ русскомъ переводѣ:

Конь мой, на которомъ сижу, *гнѣдушка*,
Работа моя (была) съ *утра* до темной ночи.
Уже много времени, какъ я не видалъ (твоего) *лица*.
Живешь ли *здорова, милая душка?*
Сидѣлъ я верхомъ на *саврасой* лошади,
(Не зная), будетъ ли *согласна* дѣвица съ юношей.
Если дѣвица и юноша будутъ *согласны*,
Тогда отецъ и мать будутъ говорить *напрасно*.
О дорогая, чернобровая! драгоцѣнные глаза твои!
Ты единственная въ области *Тургайской*.
Если буду жить даже въ *Воронежѣ* и *Лондонѣ*,
Никогда не забуду словъ, сказанныхъ тобою.
Оба глаза твои горятъ, какъ яхонты.
Нѣтъ подобной тебѣ ни въ *Воронежѣ*, ни въ *Парижѣ*,
ни въ *Лондонѣ*,
Съ тѣхъ поръ какъ ты *родилась* отъ киргизскаго народа.

Въ этой не блещущей поэтическими красотами пѣснѣ киргизскія фразы оказываются пересыпаны чисто русскими словами: гнѣдушка, работа, съ утра, лицо, здорова, милая душка, саврасый, согласна, напрасно, дорогая, чернобровая и главное Парижъ, Лондонъ и Воронежъ. Почему именно Воронежу выпала честь стать рядомъ съ Лондономъ и Парижомъ — трудно сказать. Но весьма важно, что полудикій номадъ обратилъ уже свои пытливые взоры въ сторону Воронежа, который попалъ въ пѣсню, быть можетъ, случайно, но за которымъ стоятъ цѣлые ряды другихъ русскихъ городовъ и селеній, посылающихъ ежегодно будущихъ ближайшихъ сосѣдей киргиза — русскихъ крестьянъ-переселенцевъ.

Самое сосѣдство крестьянскихъ селеній приноситъ очень ощутительныя выгоды рядовой массѣ кочевниковъ. Въ селеніяхъ бѣднякъ находитъ выгодный заработокъ, селенія поставляютъ киргизамъ по сходнымъ цѣнамъ нѣкоторые предметы потребленія, непосредственное соприкосновеніе киргизъ съ переселенцами вызываетъ случаи взаимопомощи и т. п. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было про-

ектировано на свободныхъ киргизскихъ земляхъ русское поселеніе. По этому поводу отъ киргизъ поступили жалобы въ видѣ прошеній и телеграммъ на Высочайшее имя, министрамъ, генералъ-губернатору и пр. Разслѣдованіемъ, однако, были обнаружены излишки земли и установлено, что въ основѣ жалобъ лежало стремленіе богача-киргиза удержать за собою въ исключительномъ пользованіи земли, намѣченныя подъ крестьянскій поселокъ. Поселокъ, поэтому, былъ утвержденъ. Черезъ три года мнѣ случилось быть въ этой мѣстности. При встрѣчѣ съ первымъ же киргизомъ, я задалъ ему вопросъ: „на сколько плоше стало жить киргизамъ съ образованіемъ крестьянскаго поселка?“ — „Зачѣмъ плохо?“ отвѣтилъ мнѣ киргизъ. Когда бываютъ жестокія зимы и джутъ, т. е. гололедка, тогда падаетъ масса скота у киргиза отъ безкормицы. А когда крестьянинъ рядомъ сядетъ, появляются запасы хлѣба и кормовъ. „Киргизъ, прибавилъ на своемъ ломаномъ языкѣ мой собесѣдникъ, мука ѣлъ, лошадь солома кушалъ — оба не пропалъ!“ Оказалось, что киргизскій скотъ дѣйствительно былъ спасенъ крестьянскою соломою. Тутъ же киргизъ выдалъ головою своего богатаго родовича, разсказалъ о его проискахъ и, указывая на степь, замѣтилъ: „земли много“!

Итакъ, что же въ концѣ концовъ представляетъ собою человѣческій обликъ киргизской народности, которой суждено повидимому стать въ самыя близкія отношенія съ народностью русской? Едва ли я погрѣшу противъ истины, если въ заключеніе дамъ слѣдующую общую характеристику народа-номада.

За убогою и несложною обстановкою повседневной жизни въ добродушномъ по внѣшнему виду кочевникѣ всетаки проглядываетъ полудикарь. Во взаимныхъ отношеніяхъ, въ особенности при столкновеніяхъ, киргизъ грубъ и жестокъ. Случаи побоевъ нерѣдки и даже при игривомъ шутливомъ обращеніи, напр., между молодежью, стеганіе нагайкою обращается въ своего рода любезность. Киргизъ болтливъ и несдержанъ на языкъ; отборныя ругательства у него въ большомъ ходу и русское сквернословіе знакомо даже

тѣмъ, кто не знаетъ ни одного слова по русски. Киргизъ лѣнивъ и не любитъ труда. Одинъ изъ русскихъ изслѣдователей насчиталъ цѣлыхъ 13 качествъ, характеризующихъ киргизъ съ отрицательной стороны, а именно: отсутствіе истиннаго самолюбія, условную храбрость, условную честность, лживость, корыстіе, болтливость, безпечность, кляузничество, сутяжничество, тщеславіе, хитрость, сладострастіе и хвастливость. Но наряду со всѣмъ этимъ киргизамъ свойственны и положительныя качества. Въ религіозномъ отношеніи киргизъ не фанатикъ и вѣротерпимъ, въ области торговыхъ и экономическихъ отношеній онъ честенъ и твердъ въ своемъ словѣ, въ умственномъ отношеніи пытливъ и любознателенъ. Особенно рѣзко киргизы выдѣляются своею трезвостью, отсутствіемъ пьянства и пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ. Любовь къ дѣтямъ, простота въ обращеніи, уваженіе къ старшимъ—къ аксакаламъ, какъ лучшимъ представителямъ народности, и поразительное миролюбіе, боязнь войны рисуютъ съ самой привлекательной стороны киргизскую народность. Киргизъ, благодаря, быть можетъ, своему постоянному общенію съ природой, поэтъ по натурѣ. Онъ любитъ пѣть и слушать поэтическіе разсказы и сказанія. Въ физическомъ отношеніи киргизы здоровы и крѣпко сложены. Короче, это—народность, которая, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ условіяхъ, не вымираетъ, какъ, напр., калмыки, башкиры и др. инородцы, а разрастается и совершенствуется. Самыя отрицательныя стороны киргизской народности и ея быта, будучи большею частью результатомъ былой примитивной жизни, по одному уже этому не представляютъ собою чего либо трудно поддающагося культурнымъ измѣненіямъ. Школа, знанія, наглядный примѣръ хорошо поставленнаго хозяйства и гуманныя начала по управленію этой народностью легко могутъ ослабить и измѣнить эти непривлекательныя черты кочевого быта.

Ф. Щербина.

Николай Өедоровичъ Костылецкій.

Память о Николаѣ Өедоровичѣ Костылецкомъ не обнимала широкаго круга людей; онъ былъ извѣстенъ только въ тѣсной средѣ его учениковъ, вспоминавшихъ его съ уваженіемъ и благодарностью. Онъ былъ преподавателемъ словесности въ кадетскомъ корпусѣ въ Омскѣ. Несмотря на скромное имя этого человѣка, разсказъ объ немъ можетъ быть интересенъ для читателей нашего сборника, какъ матеріалъ для характеристики просвѣтительныхъ силъ въ Сибири въ періодъ учительской дѣятельности Николая Өедоровича, такъ какъ во время этого періода, т. е. въ двадцатипятилѣтіе съ 1846 по 1866 годъ кадетскій корпусъ въ Омскѣ былъ лучшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Сибири. Николай Өедоровичъ интересенъ еще и въ другомъ отношеніи —какъ жертва крѣпостнической эпохи и полицейскаго строя русской жизни. Родись онъ въ другихъ условіяхъ, изъ него вышелъ бы, вѣроятно, извѣстный профессоръ или, можетъ быть, славный оріенталистъ—ученый, но онъ родился къ его несчастью казакомъ и имя его осталось неизвѣстнымъ русскому обществу.

Свой разсказъ я составилъ отчасти по своимъ личнымъ воспоминаніямъ, какъ ученикъ Н. Ө. Костылецкаго, отчасти воспользовавшись біографическими данными изъ небольшой рукописной замѣтки, которую я получилъ отъ одного омскаго жителя.

Н. Ѳ. Костылецкій родился въ декабрѣ 1818 г. въ 165 верстахъ отъ города Омска въ казачьей станицѣ Урлютюпъ. Отецъ его, урядникъ, разсказываетъ рукописная замѣтка, былъ человѣкъ зажиточный и занимался продажей скота. Начавши торговать со 100 рублями, онъ пріобрѣлъ до 100 тысячъ капиталу. Свѣжесть и бодрость онъ сохранилъ до глубокой старости, былъ дѣятеленъ и постоянно занятъ хозяйствомъ; имѣлъ практическій умъ и сильную натуру. Проживъ 44 года съ своей женой и имѣя шестерыхъ дѣтей, онъ овдовѣлъ и женился во второй разъ на бѣдной казачкѣ. Умирая, онъ передалъ второй своей женѣ весь капиталъ, нажитый трудомъ.

Младшій сынъ его Николай вмѣстѣ съ другими своими братьями росъ и воспитывался дома лѣтъ до десяти. Вставалъ онъ рано вмѣстѣ съ отцомъ и отправлялся съ нимъ осматривать лошадей, скотъ и все хозяйство. Предоставленный самому себѣ, онъ росъ на волѣ; не стѣсняли его въ играхъ, не досматривали за нимъ. Бойкій, рѣзвый мальчикъ весь день бѣгалъ и игралъ съ своими сверстниками. Окруженный киргизами, служившими работниками у его отца, онъ научился говорить по-киргизски съ раннихъ лѣтъ и уже тогда полюбилъ этихъ дѣтей степи и ихъ языкъ.

Въ 1828 г. онъ долженъ былъ разстаться съ своимъ семействомъ; его отвезли въ Омскъ и отдали въ войсковое казачье училище, преобразованное впослѣдствіи (въ 1845 г.) въ кадетскій корпусъ. Тяжело было мальчику разлучиться съ любящей матерью; очень рѣзкимъ долженъ былъ показаться переходъ отъ свободы, которою пользуется станичный казаченокъ, къ казарменнымъ порядкамъ, въ которыхъ держали тогда дѣтей въ войсковомъ училищѣ. Пробывъ въ училищѣ двѣ недѣли, мальчикъ затосковалъ о материнскихъ ласкахъ, по обстановкѣ родного дома и о прежней свободѣ и убѣжалъ изъ заведенія, но въ 15 верстахъ отъ города былъ пойманъ и возвращенъ въ училище.

Авторъ біографической замѣтки разсказываетъ еще объ одномъ случаѣ изъ дѣтства Н. Ѳ. Костылецкаго. На другой годъ послѣ

поступленія его въ заведеніе директоръ училища Черкасовъ отпустилъ мальчика въ родную станицу къ семьѣ, но, жалѣя потратить казенныя деньги на наемъ подводы, отправилъ мальчика съ попутчиками, — посадилъ его въ телѣгу, въ которой повезли двухъ арестантовъ. Завидѣвъ родительскій домъ, мальчикъ, еще не доѣхавши до него, соскочилъ съ телѣги въ тотъ моментъ, когда один изъ арестантовъ готовился поразить его ножомъ; злой человѣкъ хотѣлъ выместить на ребенкѣ свою злобу и отравить радость свиданья. „Ну, счастливъ ты, что скоро слѣзъ, а то бы славный подарокъ сдѣлалъ я твоей матери!“ — сказалъ онъ. Случай этотъ, впрочемъ, не подѣйствовалъ на мальчика сильно и былъ имъ вскорѣ забытъ.

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія Омскъ служилъ центральнымъ мѣстомъ для сношеній съ Средней Азіей. Сюда иногда выѣзжали послы изъ средне-азіатскихъ независимыхъ владѣній; для пріема ихъ въ Омскѣ былъ построенъ посольскій домъ и при немъ мечеть, уцѣлѣвшая и до этихъ дней. Начальнику края приходилось вести переговоры съ представителями азіатскихъ племенъ, для чего нужны были переводчики; такъ какъ въ переводчикахъ ощущался недостатокъ, то администрація рѣшила послать нѣсколько мальчиковъ изъ войскового училища въ Казань для изученія восточныхъ языковъ; было назначено два мальчика изъ татаръ г. Петропавловска (Бикмаевъ и Сейфуллинъ) и два русскихъ (Варгунинъ и Костылецкій). Отецъ Костылецкаго самъ отвезъ сына въ Казань. Такъ какъ мальчики были взяты изъ среднихъ классовъ училища, то они были сначала помѣщены въ казанскую гимназію, а по окончаніи курса въ ней, переведены въ казанскій университетъ.

Время, проведенное въ университетской Казани, было лучшимъ періодомъ въ жизни Костылецкаго и онъ всегда оживлялся, когда вспоминалъ его. Неизвѣстный біографъ его, цитированный выше, говоритъ: „Тутъ-то открылось широкое поприще для молодой пылкой натуры... Не одну безсонную ночь провелъ онъ надъ книгой,

стараясь пріобрѣсти полезныя знанія. Съ восторгомъ онъ вспоминалъ впослѣдствіи славное минувшее время, проведенное въ университетѣ. Оживлялась рѣчь его и длинные разсказы о студенческой жизни, соединенные съ воспоминаніями молодости, увлекали его самого и переносили въ ту жизнь, которая такъ быстро промелькнула для него“.

Одно изъ казанскихъ воспоминаній Костылецкаго связано съ сердечной исторіей. Изъ Казани Костылецкій ѣздилъ иногда къ помѣщицѣ Хлоншевой, жившей недалеко отъ Казани. Въ этомъ семействѣ его всегда хорошо принимали и онъ любилъ бывать въ немъ. Здѣсь ему особенно нравилась младшая дочь помѣщицы, Варвара Петровна. Часто въ лѣтнія, свѣтлыя ночи ходилъ молодой человѣкъ съ любимой дѣвушкой объ руку по саду... По окончаніи курса наукъ въ университетѣ Костылецкій просилъ руки дочери Хлоншевой, но получилъ отказъ отъ матери невѣсты, побоявшейся отдать свою дочь за сына казака. И было чего бояться; казаки были крѣпостные государства; каждый казакъ въ то время обязанъ былъ служить двадцать пять лѣтъ въ военной службѣ, за грошевое жалованье и только въ предѣлахъ своего войска; поэтому казанской помѣщицѣ, вышедшей замужъ за Костылецкаго, предстояло уѣхать съ мужемъ на Иртышъ и прожить въ Сибири весь свой вѣкъ, имѣя въ перспективѣ, что ея дѣти тоже не будутъ свободные люди, тоже должны будутъ служить казаками. Бракъ Костылецкаго съ казанской барышней не состоялся. Разставаясь съ женихомъ, Варвара Петровна плакала и подарила ему на память, снявши съ себя, зеленую кашемировую шаль, сама обвязала его грудь крестъ на крестъ...

Сибирская администрація отправила Костылецкаго и его товарищей въ Казань съ разсчетомъ, что они вернутся въ Сибирь хорошими переводчиками съ азіатскихъ языковъ; поэтому всѣ отправленные мальчики поступили на восточный факультетъ, который тогда существовалъ при казанскомъ университетѣ. Здѣсь Костылецкій изучилъ арабскій и персидскій языки, а также турецкій. Знакомство съ

дѣтства съ киргизскимъ языкомъ облегчило ему изученіе послѣдняго; въ университетѣ онъ сдѣлался извѣстенъ, какъ отличный знатокъ нарѣчія казанскихъ татаръ; онъ говорилъ на этомъ языкѣ артистически, какъ природный татаринъ. Занятія турецкимъ и татарскимъ языками у профессора Казембека сблизили Костылецкаго съ другимъ студентомъ факультета, Ильей Березинымъ, уроженцемъ вятской губерніи; впослѣдствіи Березинъ сдѣлалъ ученую карьеру, въ теченіи многихъ лѣтъ занималъ кафедру тюркскихъ языковъ на восточномъ факультетѣ въ Петербургѣ и сталъ извѣстенъ, какъ лучшій тюркологъ въ Россіи. Разставшись съ Костылецкимъ, который изъ Казани уѣхалъ въ Омскъ, Березинъ не прекращалъ дружескихъ сношеній съ нимъ и поддерживалъ съ нимъ переписку до его смерти.

Способности давали Костылецкому право на такую же блестящую карьеру, какую сдѣлалъ Березинъ, но принадлежность къ казачьему сословію, разстроившая его планы на семейное счастье, стала ему поперекъ дороги къ ученой славѣ. Въ виду выдающихся способностей Костылецкаго, факультетъ имѣлъ намѣреніе хлопотать о назначеніи его драгоманомъ въ Константинополь, но тогдашній генералъ-губернаторъ Западной Сибири, генералъ Капцевичъ потребовалъ, чтобы Костылецкій вернулся въ Омскъ. Что Капцевичъ, нуждавшійся въ людяхъ, знающихъ азіатскіе языки, не захотѣлъ уступить юношу, — это понятно; съ этой собственно цѣлью сибирская администрація и обучала юношей въ Казани на свой счетъ. Богатый отецъ Костылецкаго, конечно могъ бы уплатить казнѣ за обученіе сына и доставить ему свободу выбирать мѣсто службы, но тутъ судьба Костылецкаго наткнулась на законъ о казакахъ; всякій казакъ, въ какомъ бы заведеніи онъ ни учился, какой бы дипломъ онъ ни получилъ, долженъ вернуться въ свое войско, войсковое начальство имѣло право зачислить его въ строй, хотя бы юноша былъ геніаленъ, какъ Ньютонъ, и этотъ Ньютонъ, еслибъ войсковое начальство захотѣло, могъ бы весь свой вѣкъ прослужить рядовымъ казакомъ. Такимъ образомъ казачій законъ закрѣпощалъ Костылецкаго омскому военному начальству.

Въ 1840 г. 4 декабря по выходѣ изъ университета Костылецкій

пріѣхалъ въ Омскъ. При войсковомъ училищѣ въ Омскѣ была устроена отдѣльная школа переводчиковъ съ азіатскихъ языковъ. Костылецкаго и его товарищей сдѣлали учителями въ этой школѣ; Сейфуллину, какъ природному татарину, поручили преподавать татарскій языкъ, Бикмаеву, тоже татарину, арабскій и персидскій, а Костылецкому русскій. Администрація распорядилась не глупо; татары пусть обучаютъ татарскому и тѣмъ азіатскимъ языкамъ, которые они изучаютъ съ дѣтства, какъ мусульмане, а русскій языкъ въ школѣ толмачей пусть преподаетъ русскій, который не лишенъ знаній въ азіатскихъ языкахъ. Съ точки зрѣнія интересовъ школы такое рѣшеніе можетъ быть разумнѣе этого; но если принять во вниманіе личные интересы Костылецкаго, такое рѣшеніе было грубо, по военному безцеремонно, невеликодушно. Товарищи его были люди заурядные, обладавшіе, конечно, знаніемъ, нужнымъ для учителя, но совершенно равнодушные къ наукѣ о восточныхъ языкахъ, никогда не задумывавшіеся надъ ея успѣхами; Костылецкій смотрѣлъ на изученіе восточныхъ языковъ, какъ на спеціальную цѣль своей жизни, онъ мечталъ самъ внести вклады въ эту науку, увлекался восточными языками, чувствовалъ ихъ красоты, что̀ было недоступно скромнымъ вкусамъ его товарищей, а сибирскій администраторъ къ языкамъ, которые любилъ Костылецкій, приставилъ другихъ людей, а ему поручилъ каѳедру русскаго языка, къ которой онъ прежде не имѣлъ никакого интереса. Такое распоряженіе, конечно, вызывало въ Костылецкомъ досаду. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что на первыхъ порахъ предоставленная ему каѳедра опротивѣла ему, какъ всегда бываетъ противно человѣку всякое насиліе надъ его умственными наклонностями.

Омскъ представлялъ нѣкоторыя благопріятныя условія для занятій того рода, къ которымъ имѣлъ склонность Костылецкій; на другомъ берегу Иртыша противъ города начиналась киргизская степь; киргизы, знатные и бѣдные, нерѣдко наѣзжали въ городъ; въ 200 или 300 верстахъ отсюда на западѣ лежалъ городъ

Петропавловскъ, въ которомъ жило много татаръ и живало не мало купцовъ изъ Ташкента и Бухары. Но, чтобы воспользоваться этой близостью Азіи, надо было покровительство правительства и облегченіе служебныхъ обязанностей, суровое же сибирское начальство того времени не заботилось о покровительствѣ наукѣ и мѣстнымъ умственнымъ силамъ. Не могъ Костылецкій найти поддержки и въ обществѣ, которое тогда было въ Омскѣ бѣдно интеллигентными людьми вообще; еще менѣе было въ немъ людей, съ которыми Костылецкій могъ раздѣлить увлеченіе своей профессіей. Сознаніе своего духовнаго одиночества было въ Костылецкомъ такъ мучительно, что онъ даже началъ лелѣять мысль бѣжать въ Бухару, вѣроятно затѣмъ, чтобы оттуда черезъ Индію перебраться въ Англію. Объ этомъ говоритъ и цитированный мною его біографъ и прибавляетъ, что только любовь къ матери удержала его отъ исполненія этого намѣренія.

Костылецкій преподавалъ русскій языкъ какъ въ школѣ толмачей, такъ и въ войсковомъ училищѣ. Директоромъ училища былъ старый генералъ, человѣкъ добрый, но очень не умный; въ городѣ о немъ разсказывали много курьезныхъ анекдотовъ въ родѣ того, что онъ въ состояніи былъ повѣрить, что вода въ сосудѣ выгорѣла, что онъ приказалъ высѣчь гусей, которые напали на него среди площади, а должны были бы знать, что онъ старый генералъ, служитъ уже третьему императору. Остальное начальство и учебный персоналъ также были невысокаго качества. Офицеры и преподаватели были изъ военныхъ училищъ большею частью даже не среднихъ, а низшихъ. Понятно, какъ долженъ былъ въ этой публикѣ чувствовать себя молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и независимымъ характеромъ. Онъ не могъ не встать въ враждебныя отношенія къ этимъ педагогамъ, которые прежде всего заботились не о дѣйствительной дисциплинѣ, научающей владѣть собою и сдерживать свои инстинкты какъ передъ старшими, такъ и передъ младшими, но единственно о чинопочитаніи, и вовсе не заботились о расширеніи умственныхъ горизонтовъ учениковъ. Біографъ Костылец-

каго говоритъ, что въ это время ему пришлось вести борьбу съ невѣжествомъ и низостями тогдашнихъ начальниковъ.

Въ 1846 г. войсковое училище было преобразовано въ кадетскій корпусъ; директоръ сначала остался тотъ же, но для реформы внѣклассныхъ порядковъ были присланы офицеры изъ Петербурга, а для преобразованія учебной части молодой, образованный артиллерійскій капитанъ Жданъ-Пушкинъ, который былъ назначенъ инспекторомъ классовъ. Жданъ-Пушкинъ уволилъ большинство учителей, какъ негодныхъ, и оставилъ изъ прежнихъ только трехъ: Кучковскаго для преподаванія геометріи, Старкова для географіи и Костылецкаго для русскаго языка [1]). Съ этой перемѣной начальства положеніе Костылецкаго улучшилось. При Жданъ-Пушкинѣ кончилось закрѣпощенное положеніе Костылецкаго. Въ 1851 г. пріѣхалъ въ Омскъ ревизоръ—генералъ Анненковъ; вѣроятно, вопросъ о Костылецкомъ возбудилъ Жданъ-Пушкинъ, и по ходатайству Анненкова Костылецкій былъ исключенъ изъ казачьяго сословія. Теперь судьба Костылецкаго была въ его собственныхъ рукахъ; онъ могъ оставить педагогическую дѣятельность и уѣхать изъ Омска, но десять лѣтъ проведенныхъ въ трудѣ поневолѣ надъ предметомъ, къ которому онъ наконецъ привыкъ и даже полюбилъ, десять лѣтъ, прожитыхъ въ полной увѣренности, что всякая надежда на другую карьеру потеряна, надломили энергію Костылецкаго; за десять лѣтъ образовались такія привычки и привязанности, которыя сдѣлали организмъ менѣе поворотливымъ; смѣлость замысловъ сократилась, прежнія мечты потеряли прелесть. Въ томъ же 1851 г. Костылецкій женился на бѣдной дѣвушкѣ, сиротѣ Ракитиной; появились семейныя заботы, и Костылецкій долженъ былъ прочно осѣсть въ Омскѣ.

Семь лѣтъ спустя новый инспекторъ классовъ, смѣнившій Жданъ Пушкина, пригласилъ на мѣсто Костылецкаго новаго преподавателя

---

[1]) Школа толмачей была отдѣлена и обратилась въ независимое учебное заведеніе, и Костылецкій, кажется, болѣе въ ней не преподавалъ.

изъ Петербурга; это былъ Лободовскій, пріятель извѣстнаго публициста Чернышевскаго.

Восемнадцать лѣтъ безвыѣздной жизни въ провинціальномъ городѣ вдали отъ университетскихъ городовъ несомнѣнно дурно отразились на Костылецкомъ; онъ отсталъ если не отъ умственной жизни въ Россіи вообще, то въ педагогической практикѣ навѣрно, и начальство учебнаго заведенія имѣло основаніе призвать новаго преподавателя; на судьбѣ Костылецкаго это распоряженіе отозвалось очень тяжело. Съ пріѣздомъ новаго преподавателя Костылецкій долженъ былъ заниматься съ однимъ только младшимъ классомъ и сталъ получать всего 12 рублей въ мѣсяцъ.

„При такомъ скудномъ жалованьи, съ семействомъ, состоявшимъ изъ жены и трехъ дѣтей, нанимая квартиру въ самой грязной части города, окруженный бѣдной обстановкой, терпя иногда крайнюю нужду, — говоритъ біографъ — Николай Ѳедоровичъ оставался твердъ, не падалъ духомъ и надѣялся снова попасть на прежнюю дорогу. Бѣдственное положеніе продолжалось три года до 1860 г. Съ этого времени онъ опять занялъ мѣсто главнаго учителя по своему предмету и прежніе классы. Въ 1867 году онъ былъ приглашенъ учителемъ русской словесности въ женскую гимназію, въ 1869 г. въ прогимназіи занимался преподаваніемъ татарскаго языка. Этотъ же годъ былъ послѣднимъ годомъ его жизни. Незадолго до смерти Н. Ѳ. въ послѣдній разъ посѣтилъ могилы матери и отца; возвратившись съ линіи, онъ почувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ, но болѣзнь была непродолжительна и скоро прошла. Спустя пять мѣсяцевъ, Н. Ѳ. умеръ отъ воспаленія легкихъ, послѣ трехдневной болѣзни, 11 дек. 1869 г. Тяжела была болѣзнь его, молча, терпѣливо страдалъ Н. Ѳ. и въ послѣдніе часы все еще заботился о домашнихъ и спрашивалъ, отчего не играютъ дѣти и чѣмъ они занимаются. За нѣсколько часовъ до смерти Н. Ѳ. составленъ былъ консиліумъ двумя докторами Кушелевскимъ и Вещицкимъ, но искусство медицинское уже не оказало помощи; больному не стало легче. Вскорѣ бредъ возобновился. „Книги возьмите!

онѣ разстроили мое здоровье!“ повторялъ онъ нѣсколько разъ, забываясь въ бреду и отбрасывая одѣяло. Умиралъ Н. Ѳ. въ полномъ сознаніи. Когда ему сложили крестомъ руки, Н. Ѳ. взглянулъ въ послѣдній разъ и кроткая улыбка озарила блѣдное лицо страдальца“

Такъ прошла жизнь этого человѣка, истинному призванію котораго не суждено было развернуться. Умственное одиночество въ теченіи тридцати лѣтъ и пошлая среда, какою представлялось тогдашнее омское общество, обезцвѣтили судьбу Костылецкаго; онъ не оставилъ послѣ себя явнаго, осязательнаго наслѣдія въ какомъ-нибудь литературномъ трудѣ; тѣмъ не менѣе эти тридцать лѣтъ онъ прожилъ для общества не безплодно. Заслуга его состоитъ въ благотворномъ вліяніи на его учениковъ.

Какъ сказано уже, преподаваніе русскаго языка было навязано Костылецкому и онъ говорилъ, что сначала ему этотъ предметъ былъ противенъ, но потомъ онъ полюбилъ его и полюбилъ очень сильно. Никакихъ лекцій по исторіи литературы своему классу Костылецкій не читалъ, и никакими разсказами учениковъ не увлекалъ; все классное время онъ употреблялъ на грамматическій разборъ. По окончаніи же учебнаго сезона передъ экзаменами онъ давалъ имъ самимъ написанныя тетрадки, содержавшія курсъ исторіи литературы, по которымъ ученики должны были готовиться къ экзамену. Практическія занятія языкомъ онъ пересыпалъ своими мыслями и отдѣльными сужденіями по литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ. Онъ не увлекалъ насъ краснорѣчивымъ изложеніемъ, на его урокахъ не было поводовъ къ вспышкамъ энтузіазма, но онъ пріучалъ насъ къ критикѣ. Во время классныхъ бесѣдъ обнаруживалась его оригинальность и въ этой послѣдней заключалась сила, посредствомъ которой онъ производилъ на насъ воздѣйствіе. Въ немъ все было оригинально: и фигура, и жесты, которыхъ у него былъ цѣлый репертуаръ, и манера говорить, и манера носить платье. Костылецкій былъ высокаго роста, имѣлъ открытый лобъ; въ осанкѣ сказывался независимый характеръ; медленныя движенія придавали

ему важный видъ; жесты его были картинны, и легко запечатлѣвались въ памяти и перенимались, но никогда не служили поводомъ къ каррикатурѣ у нашихъ доморощенныхъ каррикатуристовъ: его передразнивали, но безъ малѣйшей тѣни насмѣшки, потому что всѣ чувствовали къ нему уваженіе. Оригинальныя черты его такъ рѣзко врѣзывались въ нашу память, что мы никогда не могли забыть ихъ, и вотъ даже теперь, спустя 30 или 40 лѣтъ, онъ стоитъ передо мной, какъ живой, медленно поднимаетъ руку къ глазамъ и четвертью изъ пальцевъ правой руки поправляетъ очки, или читаетъ намъ Гоголя, держа раскрытую книгу на раздвинутыхъ пальцахъ, какъ купцы держатъ блюдцо съ чаемъ, и, кончая чтеніе, характерно захлопываетъ книгу со взмахомъ кверху. Поясняя грамматическія правила, онъ прибѣгалъ часто къ образнымъ примѣрамъ, восхищая насъ своей наблюдательностью надъ дѣтскимъ міромъ. Ему нужно объяснить слово эпизодъ, онъ говоритъ, обращаясь къ классу: „Эпизодъ вставочное предложеніе“, выставляетъ намъ на показъ согнутый локоть своей руки и пальцемъ другой руки молча очерчиваетъ кружокъ вокругъ локтя. Мы понимаемъ, что онъ намекаетъ на часто встрѣчающіяся заплатки на локтяхъ кадетскихъ куртокъ.

Конечно, Костылецкій былъ учитель стараго образца; современный педагогъ къ его способамъ воздѣйствія на учениковъ во многомъ отнесется отрицательно, но эти педагогическія шероховатости покрывались непосредственнымъ впечатлѣніемъ, которое мы получали отъ духовной фигуры учителя, отъ его страстнаго отношенія къ высокому въ жизни.

Нашъ генералъ отличался феноменальной глупостью, и Костылецкій въ классахъ иногда издѣвался надъ его недалекимъ умомъ, не стѣсняясь тѣмъ, что въ рядахъ кадетъ сидѣлъ на скамейкѣ сынъ генерала. Въ числѣ нашихъ учителей былъ одинъ татаринъ, очень добродушный человѣкъ, но тоже не блиставшій умомъ; это былъ сверстникъ Костылецкаго по университету; Костылецкій всегда звалъ его не иначе, какъ Ташмедомъ, т. е. по имени, а не по фа-

міи; Ташмедъ постоянно былъ предметомъ ядовитыхъ насмѣшекъ Костылецкаго. Онъ зло подсмѣивался надъ тѣмъ, что начальство надѣялось на какіе-то успѣхи Ташмеда, посылая его въ университетъ, а Ташмедъ всѣ четыре года упорно просидѣлъ въ аудиторіи, вотъ такъ, говорилъ Костылецкій, и при этомъ ставилъ на столъ свой кулакъ, на кулакъ другой кулакъ, а сверхъ этого кулака свою бороду. Доставалось отъ Костылецкаго и бездарнымъ кадетамъ; онъ любилъ потѣшиться надъ „телячьей скамейкой", т. е. надъ передней скамейкой, на которой обыкновенно сидѣли кадеты, дѣлавшіе малые успѣхи. Безжалостно и негуманно было третировать умственными паріями этихъ бѣдныхъ людей, „нищихъ духомъ", какъ ихъ называлъ Костылецкій, но, если вспомнить, что это было въ царствованіе императора Николая I, то можно простить старому учителю его суровость. Въ то жалкое время было мало людей, подобно Костылецкому, не примѣнявшихся ко времени и не жившихъ и не учившихъ по шаблону.

Дѣло въ томъ, что для насъ въ Костылецкомъ воплощался протестъ противъ всего пошлаго, мелочнаго въ жизни.

Общеніе съ умственной жизнью центральной Россіи для омскаго учителя того времени возможно было только чрезъ посредство журналовъ и газетъ; ученые и педагогическіе съѣзды тогда еще не устраивались; отправлять учителей въ отпускъ въ Россію для ознакомленія съ новыми педагогическими пріемами начальство того времени не находило нужнымъ. Понятно, что Костылецкій поотсталъ въ педагогической техникѣ, но, какъ человѣкъ съ дѣятельнымъ умомъ, онъ не отставалъ отъ идейнаго теченія въ русской литературѣ, умѣлъ разбираться въ литературныхъ направленіяхъ и примыкалъ къ передовому.

Генералъ Клюпфель, пріѣзжавшій въ Омскъ ревизовать кадетскій корпусъ, сдѣлавъ хорошій отзывъ о постановкѣ учебнаго дѣла въ корпусѣ вообще, замѣтилъ, что одинъ только преподаватель русской словесности освѣщаетъ русскую дѣйствительность нежелательнымъ свѣтомъ. Я и, вѣроятно, многіе другіе мои товарищи

не поняли этого, но я это хорошо запомнилъ. Въ чемъ дѣло, я понялъ не ранѣе, какъ десять лѣтъ спустя, когда я очутился въ Петербургѣ, когда начали выходить томики собранія сочиненій Бѣлинскаго и когда я началъ прочитывать одинъ томъ за другимъ. Тутъ я увидѣлъ, что листочки о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, которые давалъ намъ Костылецкій и по которымъ мы готовились къ экзамену, были написаны имъ по статьямъ Бѣлинскаго, помѣщавшимся въ „Отечеств. Запискахъ“. Статьи печатались безъ подписи, но Костылецкій зналъ, кто ихъ авторъ и однако во все время преподаванія ни разу не назвалъ намъ его имени, хотя понималъ значеніе его проповѣди для Россіи. Только разъ, когда нашъ классъ былъ выпускнымъ, мы были уже представлены въ офицеры и жили еще въ зданіи корпуса, но отдѣльно отъ остальныхъ кадетъ, онъ какъ-то зашелъ къ намъ въ веселомъ, общительномъ настроеніи, повидимому съ какой-то пирушки, и проговорился о Бѣлинскомъ. Проповѣдникъ правды о русской действительности только что умеръ и Костылецкій сказалъ нѣсколько словъ о томъ, какую утрату въ его лицѣ понесло наше отечество. Имя это было для насъ тогда звукъ пустой и мы не могли взвѣсить величіе этой утраты, но, названное нашимъ учителемъ, оно крѣпко врѣзалось въ нашу память; въ моей памяти оно удержалось до того времени, когда, живя уже въ Петербургѣ, я получилъ возможность познакомиться съ Бѣлинскимъ по собранію его сочиненій. Такова сила авторитета для молодого ума.

Въ этотъ день Костылецкій показался намъ въ новомъ видѣ, въ какомъ мы его никогда не видали. Военный режимъ какъ будто ранѣе сковывалъ его языкъ, а теперь онъ не чувствовалъ надъ собой военной цензуры. Передъ нимъ были не кадеты, не дѣти, а взрослые, свободные люди. Наши молодыя лица воодушевили его и онъ далъ волю своимъ университетскимъ воспоминаніямъ. Мы въ первый разъ увидѣли передъ собою человѣка, вдохновеннаго культомъ университета.

Костылецкій разсказалъ намъ о двухъ необыкновенныхъ встрѣ-

чахъ въ Казани, которыя запечатлѣлись въ его памяти. Одна — встрѣча съ Пушкинымъ. Услышавъ, что Пушкинъ придетъ въ университетъ, студенты стали собираться въ зданіе университета, чтобы посмотрѣть на знаменитаго поэта; Костылецкому почему-то никакъ нельзя было попасть въ университетъ къ назначенному часу, чѣмъ онъ былъ сильно огорченъ. Въ тотъ же день подъ вечеръ, часовъ въ 6 или 7, онъ шелъ по одной казанской улицѣ и видитъ, что изъ поперечной улицы выходитъ человѣкъ и пересѣкаетъ ему дорогу. „Въ глазахъ, въ чертахъ лица, въ движеніяхъ, во всей фигурѣ было столько внушительнаго достоинства, что я — увѣрялъ Костылецкій — былъ ошеломленъ; я чувствовалъ, что передо мною необыкновенный человѣкъ, геній; я остановился, какъ вкопанный, и стоялъ, пока онъ не удалился".

Въ другой разъ совершенно такое же ощущеніе отъ соприкосновенія съ власть имѣющимъ существомъ Костылецкій испыталъ при встрѣчѣ съ императоромъ Николаемъ I. Студенты были собраны въ рекреаціонной залѣ казанскаго университета. Вошелъ царь; дѣло было лѣтомъ, его лицо загорѣло, но часть лба, которая покрывалась околышемъ фуражки, не носила загара, и представлялась дугообразнымъ бѣлымъ пятномъ въ видѣ мусульманской луны. „Татарскій городъ Казань, царь, значительная часть подданныхъ котораго мусульмане, и эта луна на царскомъ челѣ, во всемъ этомъ, говорилъ Костылецкій, мы подозрѣвали нѣкоторое мистическое указаніе. Господство русскаго царя надъ луной!" Эти двѣ встрѣчи, съ царемъ и съ его необыкновеннымъ подданнымъ вызвали въ Костылецкомъ одинаково глубокое чувство благоговѣнія. Разсказъ Костылецкаго произвелъ на насъ впечатлѣніе; мы въ первый разъ слышали о такихъ еще незнакомыхъ нашимъ молодымъ душамъ чувствахъ.

Въ теченіе шести лѣтъ, проведенныхъ нами въ корпусѣ, Костылецкій не раскрылся передъ нами такъ, какъ въ одинъ этотъ вечеръ. Конечно, въ дѣтской средѣ онъ долженъ былъ держаться иначе, чѣмъ въ какой-либо другой, но и въ другой онъ, кажется,

велъ себя сдержанно. Были ли у него сердечныя увлеченія, кромѣ казанской исторіи? Съ разстоянія нѣсколькихъ десятилѣтій присматриваясь къ его образу, который сохранился въ моей памяти, я прихожу скорѣе къ мнѣнію, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, у которыхъ надъ всѣми другими чувствами доминируютъ любовь къ матери и любовь къ дѣтямъ. Есть такіе люди, у которыхъ чувство не застаивается надъ настоящимъ и увлекается или къ прошедшему, или къ будущему. Онъ училъ въ классѣ, что русскій человѣкъ больше всего любитъ мать и ея любовь цѣнитъ больше всякой другой; въ этомъ положеніи надо видѣть долю субъективнаго. Въ подтвержденіе онъ приводилъ русскую пѣсню о томъ, какъ конь принесъ домой вѣсть о казакѣ, умирающемъ въ степи; мать плачетъ, какъ рѣка льется, сестра плачетъ, ручей бѣжитъ, а жена плачетъ, роса падетъ; взойдетъ солнце, росу высушитъ.

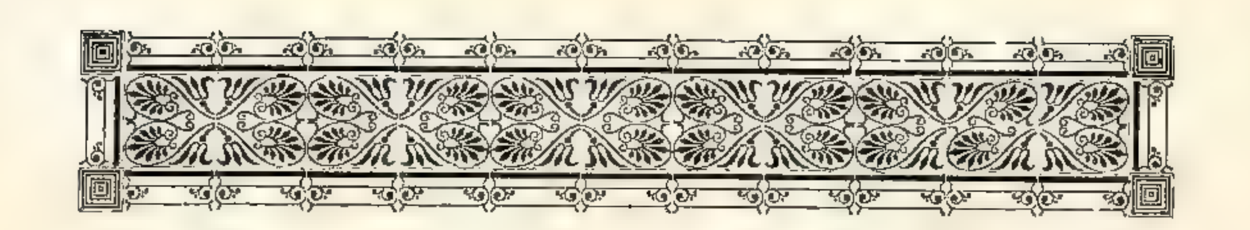
Костылецкій очень любилъ русскія пѣсни, приходилъ отъ нихъ въ восхищеніе и любилъ слушать хороводы. Въ классѣ онъ говорилъ, что господствующій тонъ русской пѣсни элегическій, что даже нерѣдко подъ плясовымъ мотивомъ, прислушавшись, открываешь описаніе какой-нибудь драмы такъ же, какъ подъ внѣшнимъ добродушіемъ у русскаго человѣка иногда скрывается предрасположенность къ дикому аффекту. „И друга, друга въ жилочку чувствительно хвачу“, цитировалъ онъ какую-то народную пѣсню. Не весело онъ смотрѣлъ на настоящее, но пессимистомъ, кажется, не былъ. Онъ говорилъ намъ: „Современные мыслители пришли къ убѣжденію, что жизнь въ основѣ благо, но что обстановка жизни дурна“. Мы, ученики Костылецкаго, запомнили эти слова, какъ священный текстъ, но практическій выводъ для жизни изъ этой догмы додумались сдѣлать не ранѣе, какъ по истеченіи десяти или пятнадцати лѣтъ по выходѣ изъ школы.

Жданъ-Пушкинъ постарался составить такой хорошій подборъ учителей, какого не было ни въ какомъ другомъ учебномъ заведеніи въ Сибири того времени. Всѣ предметы преподавались у насъ превосходно. Изъ учителей нужно выдѣлить четырехъ, которые

не только увеличивали запасъ нашихъ знаній, но вліяли кромѣ того на образованіе нашего характера и убѣжденія. Это были учителя закона Божія священникъ Сулоцкій, географіи Старковъ, исторіи Гонсѣвскій, и русской словесности Костылецкій. Первые трое подкупали насъ своимъ незлобивымъ характеромъ, Сулоцкій своей христіанской кротостью, Старковъ дѣтской мягкостью своего сердца, Гонсѣвскій гуманнымъ обращеніемъ съ нами. Въ другомъ родѣ было вліяніе Костылецкаго. Хотя намъ ни малѣйшаго понятія не дали о крѣпостничествѣ, хотя насъ не посвящали въ мрачныя стороны режима, подъ которымъ тогда жило русское общество, но общее направленіе, приданное преподаванію Жданъ-Пушкинымъ было такое, что, какъ только палъ Севастополь и начались толки о реформѣ, мы оказались воспріимчивы къ реформаторской правительственной программѣ того времени. Но научиться критиковать дѣйствительность мало; надо еще приготовить себя къ борьбѣ со зломъ; для этого нужно воспитать въ себѣ боевой характеръ. Мы считали Костылецкаго самымъ смѣлымъ, самымъ независимымъ характеромъ среди нашихъ учителей. Хотя мы и не знали за нимъ никакихъ особыхъ подвиговъ, но мы вѣрили, что онъ на нихъ способенъ; мы видѣли, какъ онъ реагировалъ на притязанія къ его личности со стороны окружающей среды, ни одинъ изъ нашихъ воспитателей не обнаруживалъ такой постоянной оппозиціи этой средѣ. Другіе учили насъ, что такое идеалъ, Костылецкій служилъ образцомъ борца, готоваго на защиту попираемаго человѣческаго достоинства. Онъ былъ не сомнѣвающійся монархистъ,—монархистъ, но негодующій на условія русской жизни.

Г. Потанинъ.

Въ пустынѣ.

Сегодня тяжелый мы сдѣлали путь
Въ пустынѣ безлюдной и сонной;
И люди, и кони хотятъ отдохнуть,
Свершивъ переходъ отдаленный.
Ужъ близится вечеръ, и зной ужъ исчезъ,
И выросли тѣни, и хмурится лѣсъ.

И выросли тѣни, и хмурится лѣсъ,
А солнце не хочетъ садиться.
Оно заблудилось въ пустынѣ небесъ,
Не можетъ на западъ спуститься.
Какъ мы, оно бродитъ, устало скользя,
По солнцу на отдыхъ спуститься нельзя.

Мы начали рано обычный походъ,
Покинувъ ночлегъ одинокій,
А солнце ужъ въ полдень пошло на восходъ
И начало путь свой далекій.
Съ тѣхъ поръ, какъ надъ тундрой дохнула весна,
Оно не видало ни ночи, ни сна.

Сегодня и мы натерпѣлись хлопотъ;
Съ утра мы попали въ трясину,
Извилистымъ шагомъ ползли мы впередъ,
Мѣсили глубокую тину.
И кони пугались невѣрной стези
И вязли по брюхо въ зеленой грязи.

И спутники, съ бранью покинувъ сѣдло,
Въ глубокую прыгали лужу;
И въ тинистой влагѣ брели тяжело,
Хранившей подземную стужу;
И, мокрые вьюки отбросивши прочь,
Усталымъ конямъ торопились помочь.

Я тоже купался не разъ и не два
Въ той влагѣ холодной и липкой.
Измученный конь мой тащился едва
По почвѣ невѣрной и зыбкой;
И падалъ на кочкахъ, колѣни склоня,
Въ гніющую воду бросая меня.

Намъ встрѣтилась чаща колючихъ кустовъ.
Слѣды тамъ внезапно исчезли.
И вѣтви сплетались, какъ плотный покровъ,
И дерзко навстрѣчу намъ лѣзли.
Онѣ насъ ловили, какъ частая сѣть,
Въ лицо намъ хлестали, какъ тонкая плеть.

Мохнатыя кочки какъ будто росли,
Тянулись упорно изъ грязи;
Какъ тайныя змѣи, межъ ними ползли
Незримыя крѣпкія связи;
Опасныя ямы, глубокіе рвы,
Лежали средь мокрой болотной травы.

И лѣсъ намъ попался. Онъ росъ по буграмъ,
Но лучше дорога не стала.
Болото упрямо тянулось и тамъ,
Болото деревья питало.
Сквозь мхи посылало невидимый стокъ,
Гдѣ вмѣстѣ купались и конь, и сѣдокъ.

Мѣстами деревья вставали, какъ строй,
Вершины смыкались, какъ своды.
Мы двигались тихо, въ трущобѣ сырой
Едва находили проходы.
Рогатые сучья на каждомъ шагу
Намъ путь преграждали, какъ будто врагу.

Древесные трупы навстрѣчу порой
Ложились преградой огромной;
Ихъ бурые корни вздымались горой,
Зіяли пещерою темной;
И мшистыя нити сплетались въ узлы,
И гниль наполняла сѣдые стволы.

И кони ступали на ветхіе пни
И пятились долго со страхомъ
И падали въ дупла, какъ въ глубь западни,
Засыпанной тлѣющимъ прахомъ,
И бились, запутавъ развязанный тюкъ,
И ранили ноги объ сломанный сукъ.

Мы долго терпѣли усталость и зной,
Боролись съ трясиной и чащей.
Насъ долго крылатый преслѣдовалъ рой,
Назойливой тучей летящій.
Комаръ увивался, жужжа и звеня,
И оводъ кружился и жалилъ коня.

Но день нашъ оконченъ. Настала пора
Привалъ для ночлега раскинуть,
И путникъ усталый спѣшитъ до утра
Желѣзное стремя покинуть;
Отпущенъ на волю разнузданный конь
И вмигъ разгорѣлся веселый огонь.

Походный котелъ ужъ на крюкѣ виситъ
И мѣрную пѣсню заводитъ.
Ямщикъ передъ нимъ неподвижно сидитъ
И глазъ отъ огня не отводитъ
И голосомъ тихимъ и грустнымъ, какъ стонъ,
Шумящей водѣ подпѣваетъ и онъ.

Товарищъ, скажи мнѣ, какая мечта
Возникла въ душѣ твоей снова?
Зачѣмъ ты сомкнулъ такъ упрямо уста
И молвить не хочешь ни слова?
    Зачѣмъ опустилъ ты такъ низко глаза
    И смотришь на землю уныло,
    И мнѣ показалось, какъ будто слеза
    Рѣсницы твои увлажила.

Мой другъ, ободрися! Намъ плакать нельзя.
Бѣдѣ не поможешь слезами.
Куда ни легла бы предъ нами стезя,
Ее отыскали мы сами.
    Мы были не дѣти, не слѣпо мы шли,
    Покорны святому завѣту.
    И видѣть могли мы въ грядущей дали
    Пустыню холодную эту.

За нами остался весь міръ позади,
Измѣнчивой жизни движенье,
И только, какъ призракъ, храпимъ мы въ груди
Минувшихъ картинъ отраженье,
За нами остались, какъ тѣни во мглѣ,
Былыя тревоги и страсти.
Въ союзахъ и спорахъ людей па землѣ
Ужъ нѣтъ намъ по прежнему части.

Пускай же въ изгнаньи памъ жизнь суждена,
Еще намъ осталась природа.
Людскихъ приговоровъ не знаетъ она,
Ей служитъ закономъ свобода.
Опа намъ поможетъ бороться съ тоской
Въ унылыя, долгія лѣта
И будетъ пустыни беззвучный покой
На мѣсто людского привѣта.

Среди непрерывной двухмѣсячной тьмы,
Подъ бременемъ стужи суровой,
Какъ отблескъ полудня во мракѣ тюрьмы,
Блеснетъ намъ надежда на небѣ зимы
Зарей полуночной багровой.
И звѣздное небо намъ будетъ мерцать
Спокойной и грустною лаской,
И будутъ намъ рѣки привѣтомъ журчать,
И жалобы вѣтра намъ будутъ звучать
Невнятной, но чудною сказкой.

Танъ.

Задачи экономической политики въ Сибири.

(Рѣчь на Сибирскомъ вечерѣ въ Томскѣ 26 октября 1903 года).

Серьезный моментъ, переживаемый нынѣ Сибирью въ смыслѣ ломки старыхъ экономическихъ устоевъ и возникновенія совершенно новыхъ условій жизни, даетъ поводъ задать вопросъ о направленіи экономической политики для ближайшаго будущаго Сибири. Отъ этого направленія зависитъ очень многое. Мы не думаемъ сказать что либо новое, но считаемъ умѣстнымъ подчеркнуть для Сибири нѣкоторыя соображенія, которыя не разъ высказывались въ русской литературѣ вообще.

Но прежде, чѣмъ перейти къ поставленной нами темѣ, предпошлемъ нѣсколько теоретическихъ соображеній.

Что такое соціально-экономическая политика? „Соціально-экономическая политика—говоритъ Брюлль—представляетъ ту отрасль государственныхъ наукъ, которая занимается отношеніями публичной власти къ отдѣльнымъ производительнымъ классамъ и ихъ взаимнымъ интересамъ". Согласно Зомбарту, „соціально-экономическая политика есть совокупность мѣропріятій, которыя имѣютъ цѣлью сохраненіе, содѣйствіе развитію или уничтоженіе, подавленіе опредѣленной экономической системы или ея составныхъ частей".

Откуда черпаетъ содержаніе и идеалы экономическая политика? Ни изъ этики, ни изъ идеи національности, или какихъ нибудь иныхъ

чуждыхъ ей принциповъ, а изъ себя самой. Въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что всѣ человѣческія дѣйствія подлежатъ этической оцѣнкѣ и что конечной цѣлью человѣчества мы согласимся признать нравственность, вовсе не слѣдуетъ выводъ, что идеалы всѣхъ нашихъ дѣйствій должны быть этическими. Такъ, идеаломъ науки является истина, идеаломъ въ искусствѣ служитъ красота, въ экономической политикѣ—экономическое преуспѣяніе, экономическій прогрессъ.

Если признать этотъ принципъ руководящимъ началомъ всякой экономической политики, то возникаетъ сейчасъ же вопросъ, въ какихъ предѣлахъ должны осуществляться мѣропріятія этой политики. Послѣдняя не можетъ распространять своей поддержки на всѣ группы населенія. Препятствіемъ тому служитъ различіе и часто даже прямая противоположность интересовъ различныхъ группъ населенія, покоящихся не рѣдко на различныхъ хозяйственныхъ системахъ, напр., ремесленной и капиталистической. Однѣ группы являются представителями отживающаго экономическаго строя, другія носятъ въ себѣ начало прогрессивныхъ формъ, и, несомнѣнно, нѣтъ никакихъ основаній поддерживать группы, клонящіяся къ упадку. Такъ, напр., интересы мелкихъ торговцевъ—лавочниковъ противоположны интересамъ колоссальныхъ универсальныхъ магазиновъ, интересы ремесленниковъ—интересамъ крупныхъ фабрикантовъ и т. д.

Такъ какъ экономическая политика не можетъ покровительствовать всѣмъ, то она неизбѣжно ограничивается вліяніемъ на ту или иную часть населенія, т. е. принимаетъ групповой характеръ. Выборъ той общественной группы, интересы которой должны поддерживаться экономической политикой, зависитъ отъ яснаго представленія о всемъ процессѣ экономической жизни. Экономическая политика должна поддерживать тѣ группы населенія, которыя служатъ экономическому преуспѣянію страны. Экономическая политика, согласно Зомбарту, должна имѣть своей задачей поддержку той соціальной группы, которая является основой экономическаго прогресса, потому что только этимъ путемъ можетъ быть достигнутъ ея идеалъ —высшее развитіе

производительныхъ силъ, достиженіе котораго необходимо въ интересахъ культурнаго прогресса человѣчества.

Итакъ, теоретикъ приходитъ къ требованію самостоятельности идеала экономической политики, заключающагося въ экономическомъ совершенствованіи. Но этотъ идеалъ, конечно, не является конечной цѣлью человѣчества, а служитъ только средствомъ для достиженія высшихъ его цѣлей. „Чѣмъ выше ступень достигнутаго экономическаго совершенства —говоритъ Зомбартъ —тѣмъ болѣе свободными людьми мы будемъ, тѣмъ большую возможность мы будемъ имѣть посвятить нашу жизнь достиженію идеаловъ правды, красоты, добра и человѣческаго совершенства“.

Обращаясь теперь къ непосредственной нашей темѣ — къ задачамъ экономической политики въ Сибири, мы должны прежде всего отмѣтить ту перспективу, какая открывается намъ при анализѣ хозяйственнаго быта Сибирскаго края.

До настоящаго времени преобладающими занятіями сибиряка являются земледѣліе и скотоводство. Если въ Европейской Россіи съ привислянскими губерніями городское, т. е. торгово-промышленное, населеніе составляетъ 13,4% всего народонаселенія, то въ Сибири оно равно всего 8%. Почти вся масса живетъ въ деревнѣ, посвящая свой трудъ сельскому хозяйству и добывающей промышленности. Этому содѣйствуетъ рядъ причинъ, какъ-то: громадныя пространства дѣвственной, нетронутой почвы и земельный просторъ для населенія, а также естественныя богатства—рыбныя, лѣсныя, пушныя. Отсюда вытекаетъ усиливающееся приложеніе труда къ этой области; размѣръ запашекъ растетъ съ каждымъ годомъ, увеличивая хлѣбную производительность (въ 1896 г. 156 мил. пудовъ, въ 1899 г. 203 мил.).

Наоборотъ, обрабатывающая промышленность, за исключеніемъ немногихъ простыхъ видовъ переработки сырья — мукомольнаго, винокуреннаго, кожевеннаго и салотопеннаго производствъ — отличается неподвижнымъ состояніемъ. Для роста этой промышленности въ Сибири пока нѣтъ благопріятныхъ элементовъ. Мы можемъ констатировать скудость капиталовъ, изобиліе которыхъ необходимо для про-

цвѣтанія промышленности; мы должны считаться съ недостаткомъ рабочихъ рукъ, ихъ сравнительной дороговизной при плохомъ качествѣ; мы видимъ далѣе недостатокъ техническихъ знаній, препятствующій усовершенствованію пріемовъ производства; наконецъ, мы встрѣчаемся съ конкурренціей болѣе дешевыхъ фабрикатовъ изъ Европейской Россіи и изъ иностранныхъ государствъ, съ удобствомъ доставляемыхъ нынѣ рельсовымъ путемъ во всѣ концы Сибири.

При такихъ условіяхъ Сибирь на долгіе годы должна ограничиваться ролью земледѣльческой колоніи. Въ этомъ положеніи есть несомнѣнныя выгоды. Страна производитъ дешевое сырье и обмѣниваетъ его на обработанныя издѣлія тѣхъ странъ, въ которыхъ они наиболѣе дешевы. Такимъ путемъ промышленныя издѣлія пріобрѣтаются путемъ обмѣна, съ гораздо меньшей затратой труда, чѣмъ если бы они стали производиться въ Сибири.

Отсюда самъ собой напрашивается выводъ, что въ настоящее время нѣтъ надобности, нѣтъ экономической цѣлесообразности въ насажденіи и поощреніи въ Сибири обрабатывающей промышленности.

Этотъ выводъ укрѣпляется неутѣшительнымъ примѣромъ Европейской Россіи, въ которой интенсивное покровительство обрабатывающей промышленности привело къ весьма печальнымъ результатамъ, именно къ упадку благосостоянія крестьянскаго населенія, засвидѣтельствованному нѣсколькими оффиціальными изслѣдованіями; вслѣдствіе этого промышленность Европейской Россіи не опирается на твердый, прочный фундаментъ внутренняго рынка и похожа на колосса съ глиняными ногами. До сихъ поръ для государствъ имѣетъ силу старое французское изреченіе: pauvre paysan, pauvre royaume.

Сибирь, какъ извѣстно, переживаетъ тяжелый процессъ перехода отъ натуральнаго къ денежному хозяйству, осложняемый такими фактами, какъ китайская экспедиція 1900 г. и японская война 1904 года (добавимъ теперь). За послѣдніе годы обнаруживаются нѣкоторые неблагопріятные признаки положенія крестьянскаго хозяйства въ Сибири. Нѣсколько неурожаевъ серьезно подорвали благосостояніе зажиточнаго сибиряка; денежный строй хозяйства

привелъ къ уничтоженію натуральныхъ запасовъ хлѣба и другихъ продуктовъ, которые представляли собой натуральное страхованіе населенія отъ неурожаевъ; во многихъ мѣстностяхъ констатируется уменьшеніе количества скота.

Между тѣмъ, при мало мальски благопріятныхъ условіяхъ крестьянство въ Сибири обнаруживаетъ способность къ быстрому экономическому преуспѣянію; такъ, напр., подворная перепись Тургайскихъ переселенцевъ (см. соч. А. А. Кауфмана) обнаруживаетъ приростъ скота и посѣвной площади противъ того, что переселенцы имѣли на родинѣ:

	головъ рогатаго скота.	десятинъ посѣва.
На родинѣ	1.289	2,545
Въ Сибири	1.640	3.332
	увеличеніе на 27,2%	увеличеніе на 31%.

Для 93.352 семей переселенцевъ констатировано офиціальнымъ изслѣдованіемъ:

	десятинъ посѣва на семью.	лошадей на семью.	рогатаго скота на семью..	% семействъ съ самостоятельнымъ хозяйствомъ.
На родинѣ. .	2,7	1,3	1,43	78%
Въ Сибири. .	4,7	2,7	3,1	90%.

Изъ сказаннаго легко придти къ выводу о томъ, какая общественно-экономическая группа должна составить центръ экономической политики въ Сибири? —Представители труда, главнымъ образомъ крестьянство.

Отъ его благосостоянія и экономическаго процесса зависитъ весь ходъ экономическаго развитія Сибири:

1) Количество продуктовъ, доставляемыхъ на рынокъ, опредѣляетъ собой то количество товаровъ, главнымъ образомъ обработанныхъ издѣлій, которое Сибирь можетъ получить для себя. Чѣмъ больше первыхъ, тѣмъ полнѣе и разнообразнѣе могутъ быть удовлетворены потребности сибирскаго населенія.

2) Отъ результатовъ крестьянскаго хозяйства зависитъ размѣръ всей сибирской торговли, оборотъ кредита, величина желѣзнодорожнаго движенія.

3) Состоятельное крестьянство является главнымъ потребителемъ обработанныхъ издѣлій, создаваемыхъ сибирской промышленностью, ремесленнымъ и кустарнымъ производствами.

Сосредоточеніе вниманія на интересахъ трудящагося крестьянскаго класса представляется яснымъ до очевидности требованіемъ разумной экономической политики. Между тѣмъ жизнь показываетъ намъ, какъ далеки мы отъ столь простыхъ истинъ и отъ сознанія необходимаго объединенія всѣхъ экономическихъ мѣропріятій общественной власти одной идеей. Приведемъ рядъ примѣровъ.

Вопросъ о таможенномъ обложеніи товаровъ, привозимыхъ черезъ Сѣверный океанъ къ устьямъ сибирскихъ рѣкъ, можетъ быть рѣшаемъ и съ точки зрѣнія интересовъ небольшой группы русскихъ промышленниковъ, и съ точки зрѣнія интересовъ массы сибирскаго крестьянскаго и инородческаго населенія. Какую точку зрѣнія избрать? Конечно, ту, которая отвѣчаетъ задачамъ благосостоянія большей части населенія. А эти задачи требуютъ облегченія доступа товаровъ въ сѣверные районы Сибири и сбыта сибирскихъ продуктовъ въ цѣляхъ экономическаго оживленія края.

Возьмемъ въ связи съ этимъ вопросъ о таможенномъ обложеніи вообще. Въ послѣдніе годы освобожденъ отъ пошлинъ ввозъ машинъ для золотопромышленниковъ. Но развѣ нѣсколько десятковъ капиталистовъ заслуживаютъ такой необычной въ Россіи льготы? Для Сибири была бы важна не она, а освобожденіе отъ пошлинъ сельскохозяйственныхъ машинъ, такъ какъ это повело бы къ улучшенію земледѣлія и повышенію доходовъ земледѣльца.

Возьмемъ далѣе переселенческій вопросъ. Въ Европейской Россіи часто склонны его рѣшать съ точки зрѣнія интересовъ мѣстности, отпускающей переселенцевъ. Одни желаютъ сократить переселеніе для обезпеченія дешевой рабочей силы, другіе—по-

ощрить—для облегченія земельной тѣсноты. Но эта точка зрѣнія односторонняя. Надо принять во вниманіе и интересы Сибири, получающей переселенца, и сибирскаго земледѣльца, получающаго себѣ новаго сосѣда; какъ разъ интересы старожиловъ слишкомъ часто жертвуются ради интересовъ пришлыхъ колонистовъ.

Особенно много возраженій вызываетъ веденіе казеннаго лѣсного хозяйства, представители котораго имѣютъ въ виду исключительно увеличеніе казеннаго дохода и совершенно забываютъ въ своей преувеличенно—коммерческой точкѣ зрѣнія объ интересахъ массы трудящагося люда. Вся система сложныхъ формальностей и канцелярской волокиты опутываетъ крестьянина, занимающагося лѣсными промыслами, и ведетъ къ массѣ неудобствъ и невыгодныхъ послѣдствій. Между тѣмъ, масса лѣса все равно гибнетъ безъ пользы для населенія и безъ выгоды для казны. Если бы лѣсное вѣдомство поставило своей цѣлью эксплоатацію лѣсовъ согласно съ интересами мѣстнаго крестьянскаго населенія, то многіе существующіе недостатки дѣла совершенно отсутствовали бы.

Вопросъ о частной земельной собственности въ Сибири много дебатировался за послѣднее время въ печати и въ обществѣ. Въ ней видѣли возможность пристраивать россійскихъ дворянъ не у дѣлъ, видѣли насажденіе сельскохозяйственнаго прогресса, но забывали при этомъ интересы мѣстныхъ крестьянъ, которые должны были бы лишиться доступа въ землѣ, отводимой въ частную собственность, и вступать въ отношенія батрачества и иныя, выгодныя по преимуществу для одной стороны.

Мы видимъ далѣе цѣлую систему кабалы и эксплоатаціи многочисленныхъ сибирскихъ инородцевъ, практикуемую небольшой кучкой русскихъ торговцевъ. До сихъ поръ почти ничего не сдѣлано здѣсь для того, чтобы обуздать непомѣрные и безчеловѣчные аппетиты этихъ дѣльцовъ, въ интересахъ беззащитныхъ представителей первобытнаго труда.

Возьмемъ, наконецъ, область отношеній предпринимателей и трудящихся въ горной и обрабатывающей промышленности Сибири.

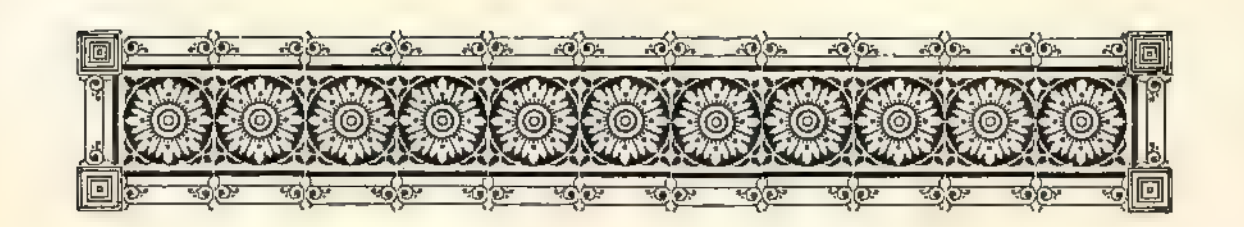
Фабричное законодательство, защищающее интересы труда, здѣсь совершенно отсутствуетъ, горное законодательство не вышло изъ предѣловъ элементарныхъ начатковъ. Между тѣмъ интересы того же сибирскаго крестьянскаго класса настойчиво требуютъ государственной защиты для обезпеченія жизни, здоровья и духовной культуры трудящихся. При отсутствіи такой защиты крестьянство вынуждено нести серьезную тяжесть въ видѣ увѣчныхъ, неспособныхъ къ труду, больныхъ и пр.

Мы отмѣтили основную идею, которая должна руководить экономической политикой въ Сибири. Къ сожалѣнію, эту простую мысль слишкомъ часто забываютъ у насъ дѣятели, не связанные солидарностью интересовъ съ мѣстнымъ населеніемъ.

Если интересы крестьянскаго населенія положить въ основу всей системы экономическихъ мѣропріятій въ Сибири, мы создадимъ благоденствующій народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ имѣть тотъ матеріальный фундаментъ, который обезпечитъ общекультурный прогрессъ Сибирскаго края.

М. Соболевъ.

Хронологія событій моей жизни[1]).

(Къ автобіографіи).

Николай Михайловичъ Ядринцевъ, сибирякъ, родился въ г. Омскѣ, Тобольской губ., въ 1842 году, сынъ грамотнаго купца, мать бывшая крѣпостная крестьянка.

Воспитывался въ частномъ пансіонѣ, затѣмъ въ Томской губернской гимназіи и, наконецъ, слушалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ съ 1860—1863 г.

Въ 1863 г. воротился въ Сибирь, въ 1865 г. былъ арестованъ по дѣлу сепаратистовъ; въ 1868 г. сосланъ въ Шенкурскъ, Архангельской губ., съ лишеніемъ правъ. Въ 1873 г. амнистированъ съ возвращеніемъ правъ и возвратился въ Петербургъ[2]).

---

[1]) Напечатанная здѣсь «Хронологія событій жизни» Н. М. Ядринцева есть ни что иное, какъ рядъ автобіографическихъ замѣтокъ, pro memoria занесенныхъ рукою покойнаго публициста. Рукопись эта, взятая мною изъ его архива, хранящагося въ Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, представляетъ собою бѣгло набросанный, неудобочитаемый, уже ветхій черновикъ, начатый Н. М—чемъ еще въ 1874 г. и потомъ, время отъ времени, имъ пополняемый. Замѣтки эти совершенно необработаны и, конечно, не предназначались авторомъ для печати, а должны были служить лишь справками для автобіографіи. Несмотря на это, опубликованіе ихъ должно имѣть значительный біографическій и историческій интересъ и цѣнность, какъ всякій матеріалъ, относящійся къ характеристикѣ личности незабвеннаго сибирскаго патріота. *Т. Фарафонтова*

[2]) Весь этотъ абзацъ въ рукописи густо зачеркнутъ; возстановляю его при содѣйствіи Г. Н. Потанина. *Т. Ф.*

Литературную дѣятельность большею частью посвятилъ Сибири. Началъ писать въ 1862 г. въ „Искрѣ“. „Наша любовь къ народу“, „Путешествіе по полямъ россійской журналистики“, подъ псевдонимомъ Дантъ Семилуженской волости, „Козни злонамѣренныхъ“ (нѣкое предложеніе россійскимъ писателямъ), „Искра“ 1862—1863 г. [1]).

Въ № 5, 1864 г., „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ напечаталъ „По поводу Сибирскаго университета“ (публичное чтеніе въ Омскѣ). Въ № 5, 1865 г., „Общественная жизнь въ Сибири“, о вспомоществованіи учащимся (публичное чтеніе въ Омскѣ); напеч. въ „Томскихъ Губ. Вѣд.“. Въ 1865 г. постоянное сотрудничество въ „Томскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“, гдѣ помѣстилъ рядъ статей: „Сибирь въ 1-е января 1865 г.“, „Сибирь передъ судомъ русской литературы“ и проч. до іюня мѣсяца [2]). Въ 1866 г. въ „Искрѣ“: „Бойкій полетъ“, „Тюменская жизнь“, „Эпизодъ изъ приключеній киргизъ въ Петербургѣ“.

Въ 1866 г. въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, (изд. Иркутскъ): „Некрологъ Чокана Валиханова“ и корреспонденціи изъ Томска [3]).

Въ 1867 г. въ „Женскомъ Вѣстникѣ“ статья „Женщина въ Сибири въ XVII и XVIII столѣтіяхъ“; въ „Дѣлѣ“ 1868 г.: „Письма о сибирской жизни“, подъ псевдонимомъ Семилуженскій.

Въ 1869 г. въ „Дѣлѣ“: „Секретная“, „Община и ея жизнь въ русскомъ острогѣ“.

Въ 1870 г. „Острожные типы“, „Исторія Сибирской ссылки“ (три статьи). Рецензія на книгу Максимова: „Сибирь и каторга“. Рецензія на книгу Турбина: „Край изгнанія“.

---

[1]) Указанныя здѣсь статьи напечатаны въ «Искрѣ» 1863 года: «Наша любовь къ народу», въ №№ 2, 4, 9. Затѣмъ названная имъ статья «Путешествіе по полямъ россійской журналистики» по смыслу соотвѣтствуетъ статьѣ подъ псевдонимомъ Дантъ семи-лужной волости, въ № 8 «Искры», 1863 г., озаглавленной «Россіянинъ на пути прогресса» (сцена изъ русской комедіи «Перерожденіе») нѣкоторое подражаніе «Божественной комедіи Данта». *Т. Ф.*

[2]) Этотъ мѣсяцъ 1865 г. не слѣдуетъ ли считать временемъ ареста Ядринцева?

[3]) Подъ псевдонимомъ «Томичъ»? *Т. Ф.*

Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1872 г. двѣ передовыя статьи объ административной реформѣ въ Сибири.

Въ „Дѣлѣ“ 1872 г. — „Преступники по изображенію романтической и натуральной школы“, „Очерки англійской колонизаціи“; въ „Азіатскомъ Вѣстникѣ“: „На чужой сторонѣ“. Въ 1872 и въ 1873 г.г. въ „Недѣлѣ“: „По Сибирской желѣзной дорогѣ“ (отвѣтъ Авсову), „Администрація въ Сибири“ (двѣ статьи).

Въ 1872 г. отдѣльной книгой вышли рядъ статей о тюрьмѣ и ссылкѣ подъ заглавіемъ: „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“; въ этой книгѣ авторъ въ первый разъ выступилъ въ борьбу противъ ссылки въ Сибирь. Книга эта была принята къ свѣдѣнію при тюремной реформѣ преобразовательными комиссіями.

«Проектъ книги объ исправительной системѣ въ дѣлѣ наказаній» [1]:

I. Опытъ и наблюденія мои надъ преступниками. Цѣль исправленія: сдѣлать способнымъ для соціальной жизни, возбудить соціальные инстинкты (любовь къ общинѣ, къ людямъ) и воспитать сознаніе общественныхъ выгодъ.

II. Критика системъ; достигаютъ ли этого системы тюремъ одиночныхъ (Осборнская система, Ирландская)?—Нѣтъ. Какъ вліяла общинная жизнь въ русскихъ острогахъ. Слѣды соціальныхъ инстинктовъ; однако сложившееся обособленіе отъ другого міра. Корпорація острожниковъ и ссыльныхъ. Вредъ всякой корпораціи и острожной особенно.

III. Мысль воспользоваться соціальными наклонностями человѣка для его перевоспитанія. Присоединеніе лучшихъ правилъ изъ другихъ системъ. Основаніе тюремъ на новыхъ началахъ.

Программа: 1) Ознакомленіе съ правилами и знакомство съ преступниками. Дисциплинированіе личности: предварительно одиночное заключеніе; недѣльное ознакомленіе съ уставомъ. 2) Введеніе пре-

---

[1]) Этотъ «Проектъ книги», набросанный на листѣ бумаги и вложенный въ «Автобіографію», если формальной связи съ печатаемой рукописью не имѣетъ, то онъ связанъ съ нею логически и весьма любопытенъ для біографа, какъ образчикъ творческой работы мысли автора. *Т. Ф.*

ступника въ общество. Устраненіе разговоровъ, неподходящихъ къ работѣ или къ обыденной жизни (молчаніе только во время работъ). Пріученіе къ соціальной работѣ, раздѣленіе труда и т. д. Примѣры и разговоры объ экономической зависимости другъ отъ друга. Общая школа, грамотность и воспитаніе, чтеніе, лекціи, разговоры. Организація работы. Воспитаніе: учителя, священники, роль смотрителя, мастера. Вліяніе на психическую сторону: мягкое обращеніе, заботы. 3) Общая жизнь и работа; общественное мнѣніе и привычки, общая касса, введеніе своего суда, самоуправленія. Высшій классъ, переходы работы: увеличеніе свободы на условіи исправленія. Условная свобода и устройство на волѣ.

Въ 1874 г. „Убытки золотого дѣла": „Спб. Вѣд." №№ 301 и 308; кромѣ того, корреспонденціи. (С-л-матовъ)[1]). (Списокъ до апрѣля, 1875 г.[2]).

Съ 1873 года началось мое участіе въ „Камско-Волжской Газетѣ", около года до ея закрытія. Въ это время я съ особеннымъ увлеченіемъ отдавался разработкѣ провинціальнаго вопроса: я изучалъ исторію провинціи въ Европѣ, вопросъ о децентрализаціи, и запасся матеріаломъ, готовясь создать цѣлое направленіе въ области нашей провинціальной журналистики и выйти, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ соперничество со столичной печатью, монопозилизировавшей за собою и мысль, и журнальную дѣятельность.

Въ 1873 году въ „Камско-Волжской Газетѣ" рядъ статей:

---

[1]) Саламатовъ—псевдонимъ Ядринцева, см. стр. 252.

[2]) Здѣсь выпущенъ длинный перечень работъ Н. М—ча, сдѣланный имъ весьма бѣгло и неточно. А въ виду того, что въ печати уже имѣется хронологическій указатель трудовъ Ядринцева при его біографіи, составленной М. К. Лемке, (указатель этотъ хотя и грѣшитъ нѣкоторою неполнотою и неточностью, но можетъ вполнѣ удовлетворить цѣлямъ біографа); по этимъ соображеніямъ, а также чтобъ придать статьѣ болѣе литературный характеръ, здѣсь оставлены лишь тѣ библіографическія справки, которыя или снабжены комментаріями самого автора или не вошли въ указанный выше «хронологическій перечень сочиненій Н. М. Ядринцева».

Т. Ф.

„Отмѣна ссылки“, „Ожиданіе реформъ на Востокѣ“, „Чѣмъ мы покоримъ Среднюю Азію“, „О Сибирскомъ Университетѣ“ (три статьи); фельетоны подъ псевдонимомъ „Добродушный Сибирякъ“ и стихотворенія подъ псевдонимомъ „Восточный Поэтъ“. Рядъ статей о развитіи провинціи; статья о французской провинціи. Обзоры провинціальной литературы и провинціальной библіографіи. Беллетристическіе очерки: „Аулъ“, „Эшафотъ обокралъ“ и др.

Въ 1874 г. нашъ провинціальный органъ „Камско-Волжская Газета“ несчастнымъ образомъ прекращается въ порѣ силъ и расцвѣта, давая уже себя чувствовать въ столичной печати.

Около этой газеты, послѣ перерыва нашей литературной дѣятельности, начали группироваться всѣ сибирскіе сотрудники: въ ней участвовали Потанинъ, Нестеровъ, Катанаевъ.

Въ 1874 г. я былъ уже въ Петербургѣ. Мы употребляли усилія воскресить „Камско-Волжскую Газету“, замѣнить ее сборникомъ и т. п., но это не удалось. Тогда начались попытки провести въ Петербургѣ статьи въ защиту провинціальной печати. Въ „Недѣлѣ“ я помѣщаю статью противъ воззрѣній Мордовцева на провинціальную печать: „Одинъ изъ русскихъ централистовъ“ и „Будущность провинціальной печати“.

Помѣщая въ то же время статьи въ столичныхъ изданіяхъ: въ „Недѣлѣ“, въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ В. Ф. Корша, я принялъ псевдонимъ Саламатова, челобитчика отъ Сибири (см. исторію эпохи Сперанскаго).

Въ Петербургѣ я работаю при графѣ Соллогубѣ, доставляя записки о ссылкѣ и тюремной реформѣ.

Къ этому времени относятся мои статьи въ „Бирж. Вѣдомостяхъ“: Открытое письмо Спасовичу о ссылкѣ и два фельетона въ „Голосѣ“ о ссылкѣ, по поводу мнѣнія Маслова. Я счелъ себя въ это время достаточно сильнымъ дать отпоръ защитникамъ ссылки, какъ наказанія.

Въ 1875 году я помѣщаю статьи въ „Дѣлѣ“ [1]): „Потребность знанія на Востокѣ“ (о сибирскомъ университетѣ) и въ „Вѣстникѣ Европы“ №№ 1 и 2 „Положеніе ссыльныхъ въ Сибири“.

Въ 1875 года послѣдовало назначеніе новаго Генералъ-Губернатора, Н. Г. Казнакова, въ З. Сибирь. Мое знакомство съ нимъ, причемъ я представилъ ему рядъ записокъ о положеніи Сибири и насущныхъ вопросахъ края. Здѣсь видную роль играли вопросы объ университетѣ и о ссылкѣ.

Въ этотъ годъ университетъ, по докладу Н. Г. Казнакова Государю, былъ рѣшенъ, о чемъ онъ сообщилъ мнѣ при личномъ свиданіи и поздравилъ меня, какъ сибиряка.

Въ 1875 и 1876 гг. я остаюсь еще въ Петербургѣ, продолжая работать въ журналахъ. Зима 1875 г. проходитъ въ преніяхъ и хлопотахъ по изданію въ Петербургѣ сибирской газеты „Востокъ“, вмѣстѣ съ Б. А. Милютинымъ, но въ это время въ Иркутскѣ у Клиндера пріобрѣтается газета „Сибирь“ и въ ней я сосредоточиваю свое сотрудничество. Съ іюля 1875 г. участіе въ газетѣ „Сибирь“.

Въ 1876 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ [2]) выходитъ „Сперанскій и его реформы въ Сибири“, и въ „Отечественныхъ Запискахъ“: „Современная манія къ путешествіямъ“ и „Нужды и потребности рабочаго населенія въ Сибири“.

Въ томъ же 1876 г. я получаю отъ Генералъ-Губернатора Казнакова приглашеніе поступить на государственную службу и ѣхать на родину. Начинаются цѣлыя мытарства: мой переѣздъ съ семьей на свой счетъ, затяжки къ поступленію на службу. Вопросъ, наконецъ, разрѣшается черезъ Комитетъ Министровъ.

По пріѣздѣ въ Омскъ съ декабря я занимаю должность секретаря Тюремнаго Попечительнаго Комитета и работаю при ко-

---

[1]) Кн. 10.

[2]) Кн. 5 и 6.

миссіи по поземельному устройству крестьянъ (мои особыя мнѣнія въ комиссіи). Въ это же время я начинаю работы по статистикѣ ссылки. Одновременно приходится посылать статьи въ газету „Сибирь“ по сибирскимъ вопросамъ (см. газ. „Сибирь“ 1876 г.). Университетскій вопросъ начинаетъ измѣнять движеніе. Споръ городовъ Омска и Томска; въ этомъ спорѣ я стараюсь разъяснить вопросъ, собираю матеріалы, а также пишу въ Спб. А. И. Деспоту-Зеновичу. Комиссія въ Петербургѣ и рѣшеніе вопроса за Томскъ.

Въ 1877 г. открывается Западно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, гдѣ я принимаю участіе и составляю программу для иcслѣдованія сельской общины въ Сибири. Наконецъ, составляю программу для путешествія и изслѣдованія быта переселенцевъ.

Въ 1878 г. я совершаю мое первое путешествіе на Алтай; отчетъ о немъ помѣщенъ въ „Запискахъ З.-С. Отдѣла Географич. Общества“. Тогда же представлены записки Генералъ-Губернатору: 1) „О переселеніяхъ въ Алтай“ и 2) „По поземельному вопросу въ Горномъ Алтаѣ“. Записки эти были составлены по дѣламъ о горныхъ крестьянахъ.

Затѣмъ я занимался статистикой ссылки и составилъ записку о положеніи ссылки въ Западной Сибири, которая Генералъ-Губернаторомъ была представлена Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Въ это же время мною представленъ рефератъ о положеніи ссылки въ Спб. Юридическое Общество, и я былъ приглашенъ членомъ-сотрудникомъ Юридическаго Общества.

Въ то же время я поднялъ вопросъ о продажѣ крестьянскихъ земель въ Западной Сибири въ частныя руки и представилъ его исторію. Продажа этихъ земель въ частную собственность по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ въ 1881 г. была пріостановлена.

По жалобѣ Васильева, что я не принимаю строительнаго стола и дѣлъ, которыя не входили въ мои занятія, я перешелъ въ

IV Отдѣленіе Главнаго Управленія и занялся крестьянскими дѣлами. Въ это время мною составлена записка о кустарныхъ промыслахъ въ Западной Сибири и о средствахъ содѣйствія ихъ развитію (изъ нея напечатана статья въ „Русской Мысли“).

Въ 1879 г. я былъ приглашенъ членомъ комитета по разсмотрѣнію инородческаго вопроса въ Западной Сибири и составилъ обзоръ инородцевъ со статистическими свѣдѣніями объ нихъ и съ таблицами. Въ то же время я представилъ программу въ Западно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества объ изученіи инородцевъ и началъ готовиться къ новому путешествію на Алтай. Я изучалъ антропологическіе пріемы, пріемы измѣренія высотъ съ универсальнымъ инструментомъ, запасся барометрами.

Путешествіе въ 1880 г. совершено мною на счетъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества вмѣстѣ съ командировкой отъ Главнаго Правленія. Кромѣ средствъ отъ Отдѣла на командировку я получилъ казенныхъ денегъ всего 100 рублей на прогоны, на одну лошадь, и изъ нихъ возвращено въ казну 30 рублей.

Путешествіе это совершено съ апрѣля вокругъ Телецкаго озера, въ вершины Катуни; осмотрѣвъ Катунскіе глетчеры, я вернулся въ Бійскъ, потомъ проѣхалъ на Кузнецкъ и въ концѣ сентября выѣхалъ въ Томскъ. Октябрь и часть ноября я прожилъ въ Томскѣ, гдѣ прочелъ лекцію о своемъ путешествіи, а затѣмъ выѣхалъ въ Омскъ. Декабрь и январь употребилъ на составленіе отчета генералъ-губернатору, а затѣмъ выѣхалъ въ отпускъ къ семьѣ, находившейся въ то время уже въ Россіи, и въ С.-Петербургъ.

Въ Петербургѣ я прочелъ въ Географическомъ Обществѣ отчетъ о путешествіи.

Въ 1881 г. я приготовляю къ печати книгу „Сибирь какъ колонія“, къ юбилею 300-лѣтія Сибири, и также помѣщаю въ „Вѣстникѣ Европы“ статью по поводу 300-лѣтія Сибири.

Книга „Сибирь какъ колонія“. На книгу появились рецензіи: „Дѣло“ 1882 г., № 6; „Отечественныя Записки“ 1882 г., № 5;

„Устои“ 1882 г., № 6 (статья Потанина); „Русская Старина“ 1882 г.; „Вѣстникъ Европы“ 1882 г., № 8; „Русскій Вѣстникъ“ (рецензія Д. Завалишина); „Русская Мысль“ 1882 г., „Зеркало Россіи“ — Капустина; Этнографія (Бѣлоруссія и Сибирь) т. IV, А. Н. Пыпина. Книга „Сибирь какъ колонія“ переведена на нѣмецкій языкъ и дополнена профессоромъ Бернскаго, нынѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Э. Ю. Петри.

Въ „Живописной Россіи“, изданіе Вольфа, „Западная Сибирь“, статьи Ядринцева.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ — „Инородческое царство“.

При министерствѣ генералъ-адъютанта А. П. Игнатьева я былъ приглашенъ на съѣздъ свѣдущихъ людей по переселенческому вопросу, чтобы высказать свое мнѣніе о переселеніяхъ въ Сибирь; представилъ особую записку о переселеніяхъ въ Сибирь.

Въ 1882 г. я исходатайствовалъ право на изданіе „Восточнаго Обозрѣнія“, которое началъ съ апрѣля 1882 г., а также готовилъ работы для Географическаго Общества и Западно-Сибирскаго его Отдѣла.

Отчетъ о моемъ путешествіи 1880 г. напечатанъ въ „Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества“. По поводу уменьшенія озера Чановъ и о Катунскихъ ледникахъ мною сдѣланъ докладъ въ Геологическомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ и въ Отдѣленіи этнографіи Географическаго Общества, „О положеніи сибирскихъ инородцевъ“ (рефератъ этотъ напечатанъ въ „Русской Мысли“).

Антропологическія работы и измѣренія переданы мною въ Московское Общество Естествознанія и Антропологіи; обработанныя, онѣ составили предметъ особаго доклада. Въ 1882 г., при поѣздкѣ въ Москву, въ этомъ Обществѣ былъ сдѣланъ докладъ объ антропологическихъ наблюденіяхъ надъ алтайцами.

Вычисленія высотъ въ Алтаѣ произведены Шарнгорстомъ при Главномъ Штабѣ; тамъ же сняты копіи съ моихъ картъ Телецкаго озера и озера Чановъ, а также маршрутъ по Чуйской дорогѣ. Въ

Московское Общество археологіи, графу Уварову, мною передана статья о древнихъ памятникахъ въ Сибири, нынѣ напечатанная въ трудахъ Общества.

26-го октября 1882 г., въ день 300-лѣтняго юбилея, я сдѣлалъ докладъ о современномъ культурномъ и промышленномъ положеніи Сибири.

Лѣтомъ 1883 г. я занимался картографическими изысканіями въ архивѣ Главнаго Штаба, пополнилъ карты озеръ Западной Сибири и открылъ маршрутъ поѣздки Воложанина, который напечатанъ въ „Запискахъ Отдѣл. Географіи".

Въ 1883 г. продолжается изданіе газеты „Восточное Обозрѣніе"; цифра подписчиковъ достигаетъ только 900 (убытки и хлопоты по газетѣ; нѣкоторые сибирскіе капиталисты отказываютъ въ субсидіи, кризисъ газеты и намѣреніе прекратить ее).

Зимой въ „Отдѣленіе статистики Географическаго Общества" внесенъ докладъ и обработанные матеріалы по статистикѣ ссылки съ 50 таблицами (готовится къ печати).

Въ Обществѣ Любителей Древней Письменности и Древностей докладъ о раскопкахъ Знаменскаго близъ Тобольска.

Въ то же время продолжалъ писать монографію о переходныхъ культурныхъ стадіяхъ къ осѣдлости среди алтайскихъ племенъ въ связи съ доисторическимъ распространеніемъ земледѣлія и культуры въ Сѣверной Азіи.

Для Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества окончена монографія о Чанахъ и исчезновеніи водъ.

Лѣтомъ 1883 г. газета „Восточное Обозрѣніе" испытываетъ кризисъ. Я принужденъ былъ съѣздить въ Нижній-Новгородъ для свиданія съ нѣкоторыми сибирскими капиталистами, но поддержки не получилъ. Въ 1884 г. подписка увеличилась до 1.300; однако лѣтомъ газета получила „второе предостереженіе", по этому поводу я видѣлся съ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и защищалъ газету.

Зима 1884—1885 гг. проходитъ въ работахъ по газетѣ и

въ подготовленіи къ изданію Литературнаго Сборника, который и появился весною 1885 г. Этой же зимою я оканчивалъ трудъ: „Очерки по исторіи культуры Угро-Алтайскихъ племенъ".

Въ лѣто 1884 г., какъ результатъ сибирскихъ обѣдовъ и группировки сибиряковъ, было открыто „Общество вспомоществованія учащимся сибирякамъ", и въ 1885 г. Ядринцевъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя.

Продолжается мое участіе въ ученыхъ обществахъ. Зимой въ Географическомъ Обществѣ сдѣлано нѣсколько докладовъ—по поводу путешествія Адріанова и по исторіи культуры. Зимою организованы библіографическія работы для изданія библіографіи Сибири.

Разстроенное здоровье побудило меня въ августѣ 1885 г. выѣхать за границу, гдѣ я пробылъ мѣсяцъ и три недѣли, объѣхавъ Германію, Швейцарію, Италію до Флоренціи и побывавши въ Вѣнѣ. Вездѣ осматривалъ музеи, галлереи; привезъ немало книгъ по антропологіи и географіи; снесся съ учеными и профессорами и заключилъ условіе съ Гашетомъ въ Парижѣ, по напечатанію путешествія въ „Tour du monde". Сочиненіе „Сибирь какъ колонія" начало переводиться на нѣмецкій языкъ профессоромъ Петри.

Во время моей поѣздки газетой получено „третье предостереженіе", и я рѣшился сдѣлать ее подцензурной. Но, желая поддержать газету и въ то же время начать развитіе журнальнаго дѣла (въ Сибири), я испросилъ право издавать приложеніе къ ней ежегодныхъ сборниковъ.

Въ 1886 г. я продолжалъ изданіе „Восточнаго Обозрѣнія"; подписка пала на 300 чел. и газета имѣла только 1.000 подписчиковъ. Въ 1886 г. я выпустилъ три книжки, а 4-я готовилась къ 1887 г. Эти четыре книжки обошлись въ 5.000 рублей.

Лѣтомъ 1886 г. съ мая мѣсяца я совершилъ поѣздку въ Сибирь до Иркутска и Байкала, продолжавшуюся 3 мѣсяца, гдѣ дѣлалъ этнографическія изслѣдованія и разсматривалъ всѣ музеи. Зимой 1886 г. я сдѣлалъ отчетъ въ Отдѣленіи этнографіи въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, въ январѣ докладъ въ

Археологическомъ Институтѣ и въ февралѣ въ Археологическомъ Обществѣ. Сдѣлано много рисунковъ, раскрашены этнографическія и археологическія карты.

Въ декабрѣ принималъ участіе въ обсужденіи вопроса о желѣзной дорогѣ при Обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ.

Въ декабрѣ призванъ былъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Игнатьевымъ, для составленія программы по поземельному дѣлу и записокъ о нуждахъ Восточной Сибири. Призываемъ былъ для бесѣды къ барону Корфу.

Зимою 1887 г. въ январѣ вновь выдвинулся вопросъ о ссылкѣ, и я видѣлся съ начальникомъ Тюремнаго Управленія Галкинымъ-Врасскимъ.

Въ февралѣ собралась комиссія по университетскому вопросу.

Зиму продолжались занятія въ Комитетѣ Общества вспомоществованія учащимся сибирякамъ въ Петербургѣ.

Написалъ рядъ очерковъ по антропологіи.

Въ мартѣ написано нѣсколько записокъ для генералъ губернатора гр. А. П. Игнатьева: программа и инструкція для изслѣдованія землевладѣнія въ Сибири, записка объ административной ссылкѣ. Переданы матеріалы начальнику Тюремнаго Управленія Галкину-Врасскому для подготовленія записки въ Государственный Совѣтъ.

Апрѣль, май, іюнь и іюль работы по газетѣ и археологическій трактатъ о скиѳахъ, о культѣ медвѣдя и о культѣ собаки. Пріостановка „Сибири" и „Сибирской Газеты". „Восточное Обозрѣніе" расчитывается за нихъ[1]). Мой проектъ передать газету и переселиться въ Иркутскъ. Томительное ожиданіе и раздумье. Я колебался. Августъ, сентябрь, октябрь — рѣшается поѣздка въ Иркутскъ. Ноябрь телеграмма отъ Потанина: призывъ изъ Иркутска. Мое рѣшеніе: я считалъ это гражданскимъ долгомъ. Приготовленія; подача прошенія. Въ ноябрѣ выѣхалъ; декабрь—дорога; январь—я въ Иркутскѣ. Пріемъ у генералъ губернатора.

[1]) Т. е. удовлетворятъ подписчиковъ высылкой газеты. Т. Ф.

1888 г. январь въ Иркутскѣ. Первыя мои энергическія попытки поставить газету. „Старики"—редакторы „Сибири". Надежда на поддержку. Телеграммы для подписчиковъ. Иркутскіе кружки статистиковъ. Столкновенія. Сибирскія газеты. Вопросы о томъ, чтобы обновить редакцію; вопросъ о правахъ редактора.

Открытіе университета въ Томскѣ. Адресъ отъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла, написанный мною. Статьи въ „Восточномъ Обозрѣніи". Юбилейная статья въ „Сибирской Газетѣ".

Какъ отнеслись въ Иркутскѣ.

Печальный годъ. Удары судьбы. Смерть жены моей Аделаиды Федоровны.

Зима 1888 г. и приготовленія мои къ экспедиціи въ Монголію. Передача редакторства Ошуркову; 1889 г. весной въ маѣ экспедиція въ Монголію. Открытіе Каракорума. Возвращеніе осенью въ Иркутскъ, затѣмъ въ Москву и Петербургъ. Конгрессъ въ Москвѣ; мое участіе, доклады.

Рефераты на международномъ археологическомъ съѣздѣ („Культъ медвѣдя" — „Этнографическій Сборникъ", Москва) — „Записки Московскаго Археологическаго Общества": „О древностяхъ Алтая и каменныхъ бабахъ".

1890 г. Зима въ Петербургѣ. Весною въ маѣ поѣздка въ Парижъ. Возвращеніе и участіе въ Тюремномъ Конгрессѣ. Поѣздка въ деревню. Осенью поѣздка въ Крымъ.

1891 г. Зима въ Петербургѣ и подготовленіе къ новой экспедиціи въ Монголію. Отправка въ маѣ; возвращеніе поздней осенью, въ октябрѣ, въ рязанскую деревню. Проѣздъ черезъ Сибирь. Пріемъ въ Томскѣ и знакомство со студентами. Оваціи. Возвращеніе.

Отчетъ въ Географическомъ Обществѣ.

1892 г. Зима Второе изданіе книги „Сибирь какъ колонія" и „Сибирскіе инородцы". Весной слухи о голодѣ и болѣзняхъ въ Западной Сибири. Предложеніе мнѣ ѣхать. Поѣздка лѣтомъ 1892 г. съ санитарнымъ отрядомъ. Возвращеніе осенью. Въ августѣ участіе на конгрессѣ археологовъ и на Географической выставкѣ. Рефератъ.

1893 г. Зима въ Петербургѣ. Занятія землячествомъ. Мои работы въ „Русской Жизни“. Весной поѣздка въ Америку, въ Чикаго. Возвращеніе въ концѣ іюля въ деревню. До конца октября работалъ въ деревнѣ.

Въ ноябрѣ я былъ въ Москвѣ, гдѣ въ Отдѣленіи Географіи при Московскомъ Обществѣ Естествознанія и Антропологіи сдѣлалъ докладъ о переселеніяхъ въ Сибирь и объ эмиграціи въ Американскіе Штаты. Затѣмъ въ декабрѣ я былъ въ Петербургѣ, гдѣ пробылъ зиму и до половины апрѣля. Продолжалъ участвовать въ „Русской Жизни“, и въ видахъ предполагаемой поземельной реформы въ Сибири, изучалъ проекты. Принялъ участіе въ алтайскихъ дѣлахъ и приглашенъ былъ статистикой завѣдывать бюро въ Барнаулѣ.

Н. Ядринцевъ.

Тимофей Михайловичъ Бондаревъ.

(Изъ сибирскихъ воспоминаній).

Въ сочиненіяхъ графа Л. Н. Толстого есть статья, озаглавленная „Женщинамъ“ Въ ней нашъ извѣстный писатель, между прочимъ, говоритъ: „Какъ сказано въ библіи, мужчинѣ и женщинѣ данъ законъ: мужчинѣ законъ труда, женщинѣ законъ рожденія дѣтей. Хотя мы, по нашей наукѣ, nous avons changé tout ça, но законъ мужчины, какъ и женщины, остается неизмѣннымъ, какъ печень на своемъ мѣстѣ, и отступленіе отъ него казнится все также неизбѣжно смертью. Разница только въ томъ, что для мужчины отступленіе отъ закона казнится смертью въ такомъ близкомъ будущемъ, что оно можетъ быть названо настоящимъ, для женщины же отступленіе отъ закона казнится въ болѣе далекомъ будущемъ. Отступленіе общее всѣхъ мужчинъ отъ закона уничтожаетъ людей тотчасъ же; отступленіе всѣхъ женщинъ уничтожаетъ людей слѣдующаго поколѣнія. Отступленіе же нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ не уничтожаетъ рода человѣческаго, а лишаетъ только отступившихъ разумной природы человѣка. Отступленіе мужчинъ отъ закона началось давно въ тѣхъ классахъ, которые могли насиловать другихъ, и, все распространяясь, продолжалось до нашего времени, и въ наше время дошло до безумія, до идеала, выра-

женнаго княземъ Блохинымъ и раздѣляемаго Ренаномъ и всѣмъ образованнымъ міромъ: будутъ работать машины, а люди будутъ наслаждающіеся комки нервовъ. Отступленія отъ закона женщинъ почти не было. Оно выражалось только въ проституціи и въ частныхъ преступленіяхъ убиванія пола. Женщины круга людей богатыхъ исполняли свой законъ, тогда какъ мужчины не исполняли своего закона, и потому женщины стали сильнѣе и продолжаютъ властвовать надъ людьми, отступившими отъ закона и потому потерявшими разумъ".

По поводу этой статьи Н. К. Михайловскій, въ своихъ „Критическихъ опытахъ", замѣтилъ: „Удивительная статья графа „Женщинамъ" (я не знаю, успѣю ли сказать, чѣмъ именно она удивительна) начинается ссылкою на библію, по которой мужчинѣ данъ законъ труда, а женщинѣ — законъ рожденія. Ссылка эта совсѣмъ чужая графу Толстому, который строитъ свое зданіе на Новомъ, а не на Ветхомъ завѣтѣ, на Евангеліи, а не на библіи. *Эта ссылка, равно какъ и непосредственно примыкающія къ ней размышленія о неизмѣнности обоихъ законовъ, принадлежитъ нѣкоему минусинскому крестьянину, съ логическимъ стройнымъ ученіемъ котораго*[1]) читатели могли познакомиться изъ одной статьи Глѣба Успенскаго въ „Русской Мысли". Но гр. Толстой умалчиваетъ объ этомъ и съ христіанскимъ чувствомъ предоставляетъ минусинскому крестьянину счастіе неизвѣстности, какъ богоугодному старику сказки".

Статья Г. И. Успенскаго, на которую ссылается Н. К. Михайловскій, называется „Трудами рукъ своихъ" и помѣщена въ серіи очерковъ талантливаго писателя, озаглавленныхъ „Скучающая публика". Въ ней авторъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Я обѣщалъ познакомить читателя, томящагося рѣшеніемъ вопроса: „какъ жить свято?" — съ одною рукописью, написанною

---

[1]) Курсивъ весь нашъ. *Авт.*

крестьяниномъ, въ которой какъ-бы „брезжитъ“ нѣчто, отвѣчающее на этотъ многосложный и многотрудный вопросъ“.

Опасаясь, что рукопись не произведетъ на читателя такого впечатлѣнія, какое желалъ бы авторъ, что онъ, читатель, „истомленный дѣйствительностью“, повидимому, неопровержимо доказывающей ему каждую секунду и долгіе-долгіе годы подрядъ, что „свято жить нельзя, а надо жить не свято“, набросится на эту рукопись „съ жадностью и алчностью утомленнаго, чрезмѣрно уставшаго человѣка, и, какъ всякій уставшій и проголодавшійся человѣкъ, которому кажется, что онъ съѣстъ быка, не съѣстъ съ должнымъ аппетитомъ и того маленькаго кусочка, который ему предлагаютъ“, — опасаясь этого, авторъ предпосылаетъ рукописи „предварительныя соображенія“

Мы не будемъ излагать этихъ „соображеній“, такъ какъ желающіе могутъ прочесть ихъ въ названной статьѣ Г. И. Успенскаго, не будемъ излагать и содержанія рукописи, потому что это будетъ сдѣлано ниже, а приведемъ только конецъ „Трудами рукъ своихъ“, чтобы познакомиться со взглядомъ автора „на рукопись, написанную крестьяниномъ“.

„Я знаю,—говоритъ Г. И. Успенскій, — что даже несмотря на мое предостереженіе, сдѣланное читателю относительно того, чтобы онъ не очень жадно набрасывался на литературное произведеніе крестьянина, — произведеніе это, съ которымъ читатель успѣлъ уже ознакомиться, не удовлетворило его; оно кажется блѣднымъ, не громкимъ, не трещитъ, не открываетъ какихъ-нибудь новыхъ невѣдомыхъ чудесъ, а напротивъ — толкуетъ о вещахъ, всѣмъ извѣстныхъ и даже непривлекательныхъ для большинства читающей и скучающей публики. Извольте-ка, въ самомъ дѣлѣ, идти пахать своими руками, „работать хлѣбъ“,—совѣтъ, неисполнимый для милліоновъ людей. Да мы и не думаемъ, чтобъ скучающая публика, двадцать лѣтъ изнемогающая (подъ звуки: „который былъ моимъ папашей, который былъ моимъ мамашей“) въ тоскѣ бездѣйствія и бездумья, стала отказываться отъ семейно-музыкально-

танцовальныхъ формъ жизни и бѣжать къ сохѣ, чтобы начать новую жизнь „по-божецки“. Конечно, на Руси было бы много лучше жить, если бы „соха“ поприбрала подъ свой цѣлительный покровъ дурно направленныя массы „нерабочаго народа“. Да и вообще положеніе независимое на лоскутѣ земли,—положеніе, выражающееся словами „самъ хозяинъ, самъ и работникъ“, — не оскорбительно ни для какого хорошаго, образованнаго и честнаго человѣка. И ничего бы не было болѣе желательно, если бы этотъ „типъ“ распространялся на Руси, входилъ бы въ моду среди образованныхъ людей подрастающаго поколѣнія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ вошелъ, напр., типъ адвоката, т. е. человѣка, хотя и „умнѣйшаго и ученѣйшаго“, а все-таки вполнѣ зависящаго, съ позволенія сказать, отъ всякой кляузы. Но я даже и такихъ совѣтовъ не намѣренъ давать; если отрывки изъ рукописи могутъ имѣть какое-нибудь значеніе, — такъ только для людей, не боящихся просто и смѣло *думать*, и думать, конечно, во-первыхъ, о томъ, „какъ жить свято?“ вообще и, во-вторыхъ, о будущемъ русскихъ народныхъ массъ. А для такихъ людей документъ долженъ имѣть нѣкоторое значеніе. Нельзя, будучи справедливымъ, не признать за вполнѣ справедливую формулу прогресса — *постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между (ихъ) органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми (то-есть самими недѣлимыми)*, - вотъ что такое прогрессъ. И далѣе: нельзя на основаніи этой формулы не признать безусловно, что *нравственно, справедливо и разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ*. Нельзя затѣмъ не признать, что та же научная формула, выраженная словами: *самъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ*, характеризующими форму жизни огромной массы русскаго земледѣльческаго населенія, говоритъ намъ, что у русскаго народа есть полная воз-

можность развиваться широко, самостоятельно, „справедливо, нравственно, разумно“. И вотъ этотъ-то справедливый, разумный и нравственный идеалъ человѣческаго существованія не только *сознательно* подтверждается словомъ человѣка, принадлежащаго къ *народной* земледѣльческой *средѣ*, не только совпадаетъ съ научнымъ опредѣленіемъ прогресса, но еще и говоритъ, что идеалъ этотъ прочно таится въ самой народной душѣ, что она именно и живетъ во имя этого самаго идеала, живетъ, вполнѣ сознавая его „нравственность, справедливость и разумность“. Изъ отрывка рукописи — говоритъ, наконецъ, Г. И. Успенскій, „нельзя не убѣдиться, что въ народѣ таятся вполнѣ опредѣленныя и ясныя стремленія и что во имя вѣры въ ихъ справедливость онъ *можетъ* совершенно ясно видѣть и сознавать все, что этимъ стремленіямъ не соотвѣтствуетъ, мѣшаетъ, не подходитъ. Авторъ рукописи строго ведетъ свою линію, исходная точка которой — „жить трудами рукъ своихъ“, самому удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ духовнымъ — сознаніемъ, что такая жизнь справедлива, нравственна, разумна,— такъ и физическимъ: мужъ и жена должны жить такъ, а не иначе, потому между прочимъ, что они физически обязаны жить извѣстнымъ образомъ: мужу физически нельзя оставлять въ бездѣйствіи такой сложный организмъ, который данъ ему, какъ мужчинѣ, точно также и женщинѣ невозможно избѣжать тѣхъ свойствъ организма, которыя ей даны. Такъ вотъ мнѣ и кажется, что если читатель, даже и скучающій, усвоитъ себѣ хотя бы мало-мальски ясныя очертанія „справедливаго, разумнаго и нравственнаго“ типа существованія, провѣритъ имъ себя и подумаетъ о *будущемъ* русскаго народа, примѣняясь къ его нравственнымъ свойствамъ и идеаламъ, то, если онъ не оживетъ и не воспрянетъ, все-таки, онъ хоть думать начнетъ свѣтлѣе, увѣреннѣе, у него будетъ хоть „что-нибудь“ впереди, но это „что-нибудь“—навѣрное свѣтлое, справедливое, „божецкое“.

Что же это за „минусинскій крестьянинъ“, о которомъ писали корифеи нашей литературы? [1]). Это — *Тимофей Михайловичъ Бондаревъ*, недавняя, сравнительно, смерть котораго побуждаетъ меня сообщить свои воспоминанія объ этой интересной личности.

Познакомился я съ нимъ такимъ образомъ.

Съ 1882 по 1886 годъ включительно мнѣ, по такъ называемымъ „независящимъ обстоятельствамъ“, пришлось прожить въ захолустномъ городишкѣ Енисейской губерніи, Минусинскѣ. Теперь тамъ есть и телеграфъ, и пароходы ходятъ по Енисею, а въ то время, къ которому относятся настоящія воспоминанія, въ Минусинскѣ ничего не было. При такихъ условіяхъ жить было бы совсѣмъ не весело, если бы не прекрасные, интеллигентные товарищи, не „добрые люди“ изъ мѣстныхъ обывателей и изъ раннихъ пришельцевъ, а также если бы въ Минусинскѣ не существовало того прекраснаго учрежденія, которое ставитъ городокъ этотъ выше другихъ сибирскихъ городовъ. Я говорю о *минусинскомъ публичномъ музеѣ*, пользующемся теперь чуть не всемірною извѣстностью [2]), какъ и основатель его Николай Михайловичъ Мартьяновъ.

Вотъ въ этотъ-то музей, кажется, въ 1883 году прислана была не то посылка, не то бандероль, озаглавленная: „*Въ Минусинскую городскую музею, въ домъ Бѣлова, гдѣ собраны со всего свѣта рѣдкости*“.

Въ посылкѣ оказалась рукопись весьма оригинальнаго содержанія, и изъ адреса на рукописи временно проживавшая въ Минусинскѣ интеллигенція узнала, что авторъ рукописи — крестьянинъ Тимофей Михайловичъ Бондаревъ, проживающій въ деревнѣ *Юдиной*, Минусинскаго же округа.

---

[1]) Были о немъ статьи и другихъ авторовъ, какъ напр.: «Деревенская философія». А. Ш. («Спб. Газ.» № 27, 1884 г.), «Обо всемъ». Созерцатель («Русск. Бог.» № 12, 1884 г.). Затѣмъ въ газ. «Русскій Трудъ» напечатана была чуть ли не цѣликомъ рукопись Бондарева.

[2]) Скажемъ къ слову, что при минусинскомъ музеѣ имѣется превосходная библіотека.

Нужно ли говорить, что многіе изъ насъ пожелали познакомиться съ авторомъ нижеизлагаемаго сочиненія, а въ числѣ этихъ многихъ былъ и я [1]).

Посѣтить названную деревню мнѣ удалось въ 1884 году.

Прежде чѣмъ говорить о знакомствѣ моемъ съ Бондаревымъ, считаю небезъинтереснымъ привести выдержку изъ одной моей статьи [2]), въ которой говорится объ исторіи деревни Юдиной.

Въ концѣ первой или въ началѣ второй половины царствованія Николая Павловича въ Сибирь—„за вѣру“ —сослано было не мало субботниковъ и молоканъ; часть ихъ, преимущественно помѣщицкіе крестьяне Воронежской, Саратовской и Самарской губерній, попали въ Енисейскую губернію и были поселены въ Красноярскомъ округѣ, въ с. Заледеевскомъ, въ 27 вер. отъ г. Красноярска, по пути въ Томскъ.

Прожили они здѣсь не долго, и субботники первые начали хлопотать о дозволеніи имъ переселиться въ другое мѣсто. Просьба ихъ была уважена и іудействующіе отправили отъ себя ходоковъ для розысканія удобныхъ земель.

Ходоки, послѣ долгихъ странствованій по дебрямъ Минусинскаго округа, облюбовали, наконецъ, мѣсто по рѣчкѣ Сосы, притоку Абакана; здѣсь они основали деревню и, какъ поклонники ветхаго завѣта, назвали ее „*Обѣтованною*“, каковое названіе соотвѣтствовало отчасти географическимъ условіямъ мѣстности: на сѣверѣ отъ новаго поселенія тянулась громадная пустынная степь; на югѣ —

---

[1]) Благодаря этой временной минусинской интеллигенціи, рукопись Бондарева была переписана въ нѣсколькихъ экземплярахъ и послана выдающимся литературнымъ силамъ, а также въ нѣкоторые органы печати. Этимъ и объясняется, почему съ сочиненіемъ Бондарева познакомились гр. Толстой, Успенскій и пр. Впослѣдствіи Бондаревъ пріѣзжалъ въ Минусинскъ, снимался, и его фотографическая карточка также была разослана. Если не отказываетъ мнѣ память, то гр. Л. Н. Толстой въ обмѣнъ на карточку Бондарева выслалъ послѣднему свою.

[2]) См. газ. «Сибирь» за 1885 г.: «Пребываніе въ Сибири основателя секты «Общихъ».

непроходимая горная тайга; кругомъ—земли дикихъ инородцевъ; нетронутая же плугомъ земля, достаточное количество воды и близость лѣса давали возможность думать о хорошемъ существованіи для земледѣльца, а отдаленность отъ бюрократическихъ центровъ [1]) и глушь, служа защитой отъ разныхъ наѣздовъ [2]), гарантировали такимъ образомъ духовную сторону сектантовъ.

Въ послѣднемъ субботники были разочарованы уже на первыхъ порахъ: енисейскій губернаторъ „не потерпѣлъ“ названія „*Обѣтованною*“, деревни, населенной „жидовствующими“ [3]), „а посему“... въ честь Іуды предателя, отъ котораго, по мнѣнію просвѣщеннаго правителя, происходили „іудействующіе“, повелѣлъ переименовать „*Обѣтованную*“ въ „*Іудино*“. Съ тѣхъ поръ деревня носитъ оффиціальное названіе „*Іудина*“, а неоффиціально: „Молоканы“, „Сосы“, „Субботина“ и Юдино.

Вскорѣ послѣ основанія новаго поселенія, сюда прибыли всѣ заледеевскіе субботники и молокане въ количествѣ около 1.000 человѣкъ, изъ которыхъ почти $^2/_3$ приходилось на долю іудействующихъ, а остальные были воскресники.

То обстоятельство, что субботникамъ и молоканамъ былъ воспрещенъ переходъ изъ разъ избраннаго мѣста на другое, и что облюбованная ими для деревни мѣстность была окружена землями татаръ, послужило сначала причиной основанія въ *Юдиной* общиннаго землевладѣнія, а впослѣдствіи повлекло за собою оскудѣніе сектантовъ.

Дѣло въ томъ, что новымъ переселенцамъ изъ татарскихъ земель было нарѣзано въ надѣлъ всего по 8 десятинъ разныхъ ка-

[1]) Отъ Минусинска до д. Юдиной, если ѣхать степью, «татарами»,— 130 вер.; если ѣхать деревнями, черезъ русскія поселенія—187 вер; отъ прежней волости (въ с. Шушѣ) — 125 вер. Теперь Юдино причислено къ вновь-образованной, Бейской волости, въ с. Бейскомъ, отъ котораго до Юдиной 33 вер.

[2]) А это было очень важно въ дореформенной Сибири не только для сектантовъ, но и даже всѣхъ вообще.

[3]) Благодаря пребыванію субботниковъ, въ минусинскомъ округѣ запрещено селить евреевъ.

чествъ земли на ревизскую душу, что для этой части минусинскаго округа, гдѣ почва не удобряется и родитъ хорошо только при условіи чуть не ежегодной перемѣны старой земли на совершенно новую, было весьма недостаточно и заставило сектантовъ, несмотря на бывшія въ первое время религіозныя распри, владѣть землею на общинныхъ[1]), не извѣстныхъ почти въ Сибири, началахъ.

Общинность эта, въ связи съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ жителей и абсолютною въ первое время трезвостью ихъ, сразу подняла д. Юдино на высокую ступень земледѣльческой культуры, такъ что тогда уже нужно было думать о пріобрѣтеніи рынка для сбыта большаго количества хлѣба и овощей.

Съ одной стороны—сбыть было не легко, съ другой—не трудно: выѣздъ субботникамъ и молоканамъ изъ Юдиной, какъ мы уже сказали, строго воспрещался и, чтобы отлучиться, напримѣръ, на самое незначительное разстояніе, приходилось брать всякій разъ особый видъ, что, конечно, совершенно убивало торговлю; вмѣстѣ съ тѣмъ сектанты не имѣли почти конкурентовъ: культура сибиряковъ стояла тогда на невысокой степени: въ старинной, напримѣръ, д. Арбатахъ, въ 35 вер. за Юдиной въ то время и долго послѣ не было вовсе телѣгъ, не было никуда колесной дороги, о культурѣ земледѣльческой не могло быть и рѣчи. Съ трудомъ пополамъ субботники и молокане добивались всетаки разрѣшенія койкогда сплавить хлѣбъ по р. Енисею, на сѣверъ губерніи, но этого было мало: ежегодный запасъ хлѣба и овощей, масса скота далеко превышали мѣстное потребленіе. Къ счастію, открывшіеся по близости, въ округѣ золотые пріиски создали громадный спросъ на продукты юдинскихъ жителей; съ этого времени экономическое положеніе деревни начало улучшаться весьма быстро.

Прошло лѣтъ 8—10; Юдино разрослось въ большую деревню

---

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду общинно-уравнительную форму (передѣлы), которая по отношенію къ пахатнымъ землямъ получила пока распространеніе только въ одной изъ сибирскихъ губерній—Тобольской. *Ред.*

и вытянулось въ одну длинную, трехверстную улицу, которая раздѣляется рѣчкою на двѣ „стороны": „субботническую" и „молоканскую", хотя постройки идутъ безпрерывно; сектанты жили припѣваючи и служили примѣромъ для сибиряковъ, которые и теперь хвалятъ „молоканъ": „что и говорить—народъ тверезый, работящій, стра-асть работящій!" услышите вы на всемъ пути въ Юдино[1]).

Устраиваясь въ матеріальномъ отношеніи, сектанты не забывали и духовной стороны: субботники и молокане строго соблюдали каждый свое ученіе; между разнородными сектами прекратились споры, каждый твердо держался своего; словомъ, въ Юдиной жили два общества съ выработанными и ясными для нихъ взглядами на жизнь.

Въ такой-то деревнѣ жилъ Тимофей Михайловичъ Бондаревъ.

Теперь о самомъ Бондаревѣ и его рукописи я, на основаніи оставшихся замѣтокъ, могу сказать слѣдующее:

При жизни, полной горя и печали, тьмы и бѣдности, народная масса не можетъ изобиловать интеллигентными субъектами, и только изрѣдка въ средѣ ея появляются люди, силою какихъ-то трудно объяснимыхъ причинъ, не подавленные окончательно „властью земли".

Если не сладка жизнь интеллигенціи культурныхъ классовъ, то что же приходится испытать интеллигенціи народной! Безъ всякой поддержки, безъ сочувствія, безъ возможности провѣрить вѣрность своихъ взглядовъ, живутъ представители этой интеллигенціи въ царствѣ тьмы, испытывая муки Тантала; отъ природы впечатлительные, нервозные, чуткіе ко всѣмъ проявленіямъ жизни, они не въ силахъ остановить работу мысли, а мысль эта наталкиваетъ ихъ на различные „проклятые вопросы", рѣшеніе которыхъ или не подъ силу одному человѣку, не обладающему никакимъ запасомъ знаній и долженствующему до всего доходить „своимъ умомъ", или, если и подъ силу, то, разрѣшивъ ихъ, онъ не можетъ все-таки внести нѣчто новое въ старую жизнь и, видя полную ея несостоятельность, долженъ

---

[1]) Юдино—одна изъ немногихъ деревень въ Сибири, гдѣ крестьяне съ успѣхомъ дѣлали опыты искусственнаго орошенія. *Ред.*

мириться съ тѣмъ, съ чѣмъ мирятся всѣ, или сдѣлаться отщепенцемъ. Но что такое отщепенецъ народный? Какъ онъ, въ качествѣ отщепенца, добудетъ себѣ необходимый кусокъ насущнаго хлѣба? Что дѣлать ему въ такомъ случаѣ съ дѣтьми, съ женою, съ самимъ собою, разъ онъ выходитъ изъ своей среды? Задача весьма трудно разрѣшимая... Остается—жить и мучиться, мучиться и жить такъ, какъ живутъ всѣ.

Такого несчастнаго мученика мысли намъ пришлось встрѣтить въ лицѣ Тимофея Михайловича Бондарева.

Крестьянинъ земли Войска Донского, онъ, будучи уже 37 лѣтъ отъ роду, оторванный отъ семьи, былъ отданъ помѣщикомъ въ солдаты и, прослуживъ нѣкоторое время на Кавказѣ, сосланъ, за переходъ въ секту іудействующихъ, въ Сибирь, въ д. Юдино, гдѣ мы съ нимъ и познакомились.

До чего Бондаревъ былъ впечатлителенъ, примѣромъ тому можетъ служить необыкновенно характерный фактъ перехода Бондарева въ секту іудействующихъ: однажды, въ бытность свою на Кавказѣ, въ субботу, Тимофей Михайловичъ зашелъ въ еврейскую лавочку, чтобы купить ситцу; еврей отмѣрилъ ему требуемое количество, но отрѣзать не согласился, предлагая послѣднее сдѣлать ему, Бондареву; на вопросъ о причинѣ нежеланія отрѣзать ситецъ, еврей отвѣтилъ: „нельзя, сегодня суббота“. Вотъ и только. Трудно представить себѣ болѣе обыденное явленіе, а между тѣмъ оно было для Бондарева настолько важнымъ, что „съ тѣхъ поръ“, по его словамъ, „запала мысль въ голову“, которая не давала ему покоя; вскорѣ послѣ этого онъ „нарочно“ знакомится съ жидовствующими и переходитъ въ ихъ секту. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ будемъ говорить дальше, Бондаревъ не могъ передать всего хода процесса мышленія передъ измѣненіемъ религіознаго взгляда, но a priori можно заключить, что „мысль“ дѣйствительно „не давала ему покоя“, ибо человѣку малограмотному, родившемуся въ православіи, не подвергавшемуся никакимъ вліяніямъ почти до сорокалѣтняго возраста, не легко измѣнить свой взглядъ, измѣнить притомъ

такъ радикально: между іудаизмомъ и православіемъ весьма мало общаго.

Явившись въ Юдино, Бондаревъ засталъ здѣсь весьма много своихъ единовѣрцевъ, но не сдѣлался слишкомъ усерднымъ поклонникомъ и новой вѣры, хотя весьма часто и внимательно читалъ Ветхій Завѣтъ, хотя однообразная труженическая сельская жизнь, „власть земли", отсутствіе сомнѣній у его религіозныхъ единомышленниковъ должны были бы успокаивающимъ образомъ дѣйствовать на Бондарева; нѣтъ — „искорки", по выраженію Тимофея Михайловича, вѣчно „мелькали" въ его головѣ, онъ вѣчно сомнѣвался, все ему казалось „неладно" и въ іудаизмѣ, и въ соціальномъ бытѣ, вытекавшемъ изъ „власти земли", заставившей Бондарева почувствовать ея неотразимую силу. Для бо̀льшей энергіи мышленія, для полученія изъ „искорокъ" искръ огня требовался еще какой-нибудь толчекъ, подобный полученному на Кавказѣ. Онъ скоро случился; но что это за толчекъ! Всякій другой человѣкъ и вниманія бы не обратилъ на него.

Въ 1877 или 78 году, въ самый разгаръ „страды", Бондаревъ, проработавъ до пота съ зари, вечеромъ, разбитый и истомленный, возвращался въ деревню; не доходя до Юдиной, онъ увидѣлъ тройку и развалившагося въ тарантасѣ чиновника: Бондаревъ остановился и снялъ шапку; чиновникъ вниманія не обратилъ, не кивнулъ даже головою. „Сердце мое разорвалось на части", прибавляетъ послѣ этого разсказа Бондаревъ; „какъ я, трудящійся, что̀ твой волъ, съ утра до ночи, добывающій тяжелымъ трудомъ своимъ хлѣбъ, которымъ питаются всѣ, я, усталый, поклонился, былъ вѣжливъ, а онъ, чиновникъ, не кивнулъ мнѣ даже головою!"

На кого изъ народной массы подобное незначительное событіе могло бы произвести хотя какое-нибудь впечатлѣніе? Кто изъ крестьянъ вообще, а изъ юдинцевъ, въ частности, не приглядѣлся къ этимъ явленіямъ? Съ Бондаревымъ произошло иное: чиновникъ былъ для него искрою, брошенною въ заряженную поро-

хомъ мыслей голову; все, посившееся отрывочно, безсвязно въ этой головѣ, начало приводиться въ порядокъ, обобщаться и выразилось, въ концѣ концовъ, въ оригинальномъ, обратившемъ на себя, какъ мы видѣли, вниманіе прессы.

Свое ученіе Бондаревъ писалъ пять лѣтъ; какъ человѣкъ трудящійся, онъ не могъ „засѣсть" за свой трудъ, всецѣло предаться ему, не могъ также и осилить его сразу.

Система писанія „Торжества земледѣльца" весьма оригинальна: съ момента встрѣчи съ чиновникомъ до окончанія труда, Бондаревъ не выходилъ изъ дому безъ клочка бумаги и кусочка карандаша для того, чтобы записывать каждую мысль, возникавшую въ его головѣ по поводу главнаго сюжета, съ которымъ мы ознакомимся при изложеніи ученія; боронилъ ли онъ, пахалъ ли, ѣхалъ ли въ лѣсъ или просто шелъ куда, онъ вѣчно думалъ и, разъ приходила какая-либо достойная вниманія мысль Бондаревъ останавливался и заносилъ ее на бумажку, чтобы внести въ „ученіе".

Собственно говоря, „ученіе" Бондарева коротко и просто, но весьма понятная неумѣлость изложенія сдѣлала изъ него весьма объемистый трудъ, создала „250 вопросовъ", большинство которыхъ составляетъ повтореніе одного и того же; поэтому совершенно излишне приводить его все, мы бы даже ограничились изложеніемъ только *сути*, если бы въ нѣкоторыхъ „вопросахъ" не высказывались необыкновенно оригинальныя, чрезвычайно дѣльныя, и нерѣдко весьма остроумныя мысли, характеризующія личность автора.

Ученіе носитъ названіе: „Трудолюбіе или торжество земледѣльца" съ эпиграфомъ, въ которомъ, какъ мы увидимъ, заключается вся суть „ученія":

„*Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, отъ нея же взятъ*" (Бытія III, 19).

Ученію предпосылаются два предисловія: въ первомъ авторъ прежде всего сообщаетъ свою краткую біографію, изъ которой

читатель узнаетъ, что Бондаревъ былъ прежде крѣпостнымъ помѣщика Земли Войска Донского, Чернозубова; что помѣщикъ этотъ отдалъ Тимофея Михайловича, „отъ жены и пятерыхъ дѣтей", въ солдаты, и что жена и дѣти остались у помѣщика „подъ тяжкимъ игомъ"; далѣе Бондаревъ сообщаетъ, что живетъ онъ въ Сибири уже 14 лѣтъ и за это время, *благодаря исключительно земледѣльческому труду*, труду упорному, онъ пріобрѣлъ себѣ домикъ и обзавелся всѣмъ необходимымъ въ сельской жизни. Считая трудъ земледѣльческій самымъ главнымъ и выдающимся изъ трудовъ вообще и ставя себѣ въ заслугу труды по добыванію хлѣба, Бондаревъ замѣчаетъ, что онъ „выше заслуженныхъ генераловъ", которые должны предъ нимъ стоять, такъ какъ онъ, Бондаревъ, „кормитъ" генераловъ, а не генералы его; на этомъ же основаніи онъ считаетъ себя вправѣ писать и проповѣдывать. Вслѣдъ за этимъ Бондаревъ требуетъ, чтобы евреи первые отвѣтили ему на вопросъ: почему они, евреи, лѣнятся и тунеядствуютъ? Такое требованіе онъ мотивируетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что евреи — „взысканный Богомъ народъ". Желая заставить евреевъ отвѣчать, Бондаревъ прибавляетъ, что онъ не только не врагъ ихъ, но единовѣрецъ, такъ что пристрастія къ нимъ у него быть не можетъ, и, если они не отвѣтятъ, это будетъ только доказательствомъ ихъ отлынивапія отъ труда. Бондаревъ, въ случаѣ молчанія со стороны его единовѣрцевъ, проситъ правительство „насильно заставить евреевъ заняться земледѣліемъ" [1]). Дальше Бондаревъ обращается къ читателямъ, прося снисходительно относиться къ изложенію ученія на томъ основаніи, что онъ принадлежитъ „къ низшему сословію", которое должно вѣчно трудиться, а потому изощряться въ писательствѣ не имѣетъ ни времени, ни возможности: "даже высшій классъ", прибавляетъ онъ въ свое

[1]) То же самое онъ повторяетъ потомъ въ 174 и 175 вопросахъ своего „ученія".

оправданіе, „пишетъ иногда нескладно“. За этою просьбою о снисходительности слѣдуетъ другая, чрезвычайно оригинальная: Бондаревъ проситъ, что, если ученіе его будетъ опубликовано, ни подъ какимъ видомъ не открывать настоящаго автора, а издать отъ имени какого-нибудь важнаго и заслуженнаго лица, потому что люди вообще охотнѣе слушаютъ *кто говоритъ*, а не *что говоритъ*, „какъ говоритъ Іисусъ, сынъ Сираховъ“, дополняетъ авторъ: „*Богатый нелѣпая возглагола и все умолкла, бѣдный же провѣща разумъ — не даша ему мѣста — рѣша — кто сый?*“ (Сир. 13, 26). Потомъ авторъ спрашиваетъ, почему не всѣ люди исполняютъ „*первородную заповѣдь*“, „основной“, по его мнѣнію, „законъ“, на которомъ держится все ученіе Бондарева, т. е. *почему не всѣ люди добываютъ сами для себя, своими руками, хлѣбъ, что должно быть для всѣхъ безъ исключенія обязательно, и почему ни въ гражданскихъ, ни въ другихъ какихъ бы то ни было законахъ нѣтъ постановленій объ обязательности этого, а, наоборотъ, земледѣльческій трудъ униженъ?* Заканчиваетъ онъ первое предисловіе такою оригинальною просьбою:

„*Въ заключеніе всего прошу читателя прежде двое сутокъ хлѣба не ѣсть, да тогда дѣлать оцѣнку этимъ вопросамъ*“.

Второе предисловіе очень коротенькое; начинается оно философскимъ разсужденіемъ такого рода:

„На два круга раздѣляю я міръ весь: одинъ изъ нихъ возвышенный и почтенный, а другой униженный и отверженный; первый — богато одѣтый и за сластьми наполненнымъ столомъ, въ почтенномъ мѣстѣ величественно сидѣвшій — это богатые, а второй — въ рубищѣ, изнуренный сухоядѣніемъ и тяжкими работами, съ униженіемъ и плачевнымъ видомъ предъ нимъ у порога стоящій — это бѣдные земледѣльцы. Истину слова моего подтверждаетъ евангельская критика“ (Лук. 16, 20).

Оканчивается второе предисловіе слѣдующимъ обращеніемъ къ земледѣльцамъ:

„Теперь обращаю я слово мое къ своимъ товарищамъ-земледѣльцамъ, у порога стоящимъ: что мы стоимъ всѣ вѣка и вѣчности предъ ними съ молчаніемъ, какъ четвероногіе? Конечно, должно молчать предъ человѣкомъ высшимъ насъ достоинствами, но нужно же знать, почему, когда и сколько молчать, а не унижаться предъ ними до подлаго ласкательства и не притворяться истуканами: поэтому отъ имени всѣхъ послѣднихъ и говорю я одинъ ко всѣмъ первымъ, и вы дадите мнѣ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы“.

„Вопросовъ“ этихъ, какъ мы уже сказали, 250; они слѣдуютъ тотчасъ за предисловіями.

Первый вопросъ гласитъ о преступленіи Адама, которое, по мнѣнію Бондарева, состояло не въ томъ, что первый человѣкъ съѣлъ яблоко, а въ какомъ либо болѣе тяжеломъ беззаконіи: яблоко — это аллегорія. Второй и третій вопросы, будучи продолженіемъ перваго, трактуютъ о томъ же предметѣ: во второмъ говорится, что за преступленіе Адама милосердный Богъ сказалъ только: „въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой“ и т. д., а въ третьемъ авторъ выражаетъ предположеніе, что Адамъ, радуясь такому мягкому приговору, облилъ вѣроятно землю слезами.

Вопросы 4, 5, 6 и 7 посвящены разъясненію гипотезы Бондарева, что Адамъ, по совѣту змѣя („Будете, аки Боги, видящіе доброе и лукавое“), хотѣлъ сдѣлаться „бѣлоручкою“, „помѣщикомъ“ и началъ скрываться отъ Бога, за что Богъ и заставилъ его добывать хлѣбъ собственными трудами.

Въ 8-мъ вопросѣ говорится, что Адамъ выполнилъ возложенный на него трудъ, т. е. всю жизнь добывалъ хлѣбъ своими руками и поэтому то получилъ первобытное блаженство.

На основаніи всего вышесказаннаго, въ 9 и 10-мъ вопросахъ авторъ дѣлаетъ выводъ, что спасены будутъ только земледѣльцы, а высшіе классы, говорится въ 11 вопросѣ, должны погибнуть.

Въ пяти по порядку слѣдующихъ вопросахъ доказывается *необходимость* и *обязательность земледѣльческаго труда*

для всѣхъ, въ подтвержденіе чего авторъ въ 17 вопросѣ спрашиваетъ: почему же, въ противномъ случаѣ, Богъ не назначилъ Адаму другихъ наказаній, какъ-то: постъ, молитву и т. п? Значитъ, отсюда, Богъ считаетъ земледѣліе первымъ дѣломъ.

Въ 18 вопросѣ авторъ негодуетъ на Адама за то, что, благодаря ему, только одинъ крестьянскій людъ закабаленъ на вѣчную страду: Адамъ, говорится въ этомъ вопросѣ, былъ крестьянинъ, „нашъ человѣкъ", безграмотный, почему Богъ по его, Адама, разуму и назначилъ такое наказаніе, какъ обработка земли, а теперь Богъ хотя и предписываетъ, черезъ Св. Писаніе, „совѣсть" образованнымъ людямъ, но эти послѣдніе „такія отрицапія" представляютъ, на которыя и самъ Богъ отвѣтить не можетъ; „а Адамъ самъ влопался, да и насъ, низшій классъ, въ ту же бездну увлекъ; не даромъ говоритъ пословица: одинъ глупый въ море камень кинетъ, а его и десять умныхъ не выпутъ". Изъ этого же вопроса можно заключить, что Бондаревъ подъ ветхозавѣтнымъ „зміемъ" подразумѣваетъ „образованнаго человѣка", съ которымъ Богъ ничего не могъ подѣлать, а съ Адамомъ, какъ съ неучемъ-крестьяниномъ, справился легко.

Начиная съ 19-го вопроса, Бондаревъ приступаетъ къ защитѣ двухъ „*первородныхъ законовъ*" или „*эпитимій*" и доказываетъ необходимость ихъ исполненія. „*Эпитиміи*" эти: 1) *Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, отъ нея же взятъ* и 2) *Умножая умножу печали твоя, въ болѣзняхъ родиши чада твоя*: первая *для всѣхъ безъ исключенія* мужчинъ, вторая — *для всѣхъ безъ исключенія* женщинъ [1]). Въ вопросахъ 20, 21, 22, 23, 24, 25,

---

[1]) Бондаревъ (162, 163, 164, 167) отрицаетъ, что первая заповѣдь должна быть: «люби ближняго, какъ самого себя», потому что любятъ ближнихъ, обыкновенно, изъ выгоды для самихъ себя; онъ ставитъ эту заповѣдь такъ: «чего себѣ не желаешь, того и другому не дѣлай: если ты не желаешь, чтобы твоихъ трудовъ хлѣбъ ѣли, то на что же ты ихъ (т. е. крестьянскій трудъ) поѣдаешь даромъ?»

27, 30 авторъ возмущается слѣдующею несправедливостью: почему вторая *„эпитимія“*, второй *„первородный законъ“* для женщинъ: „въ болѣзни родишь чада“—исполняется всѣми женщинами „безъ изворотовъ“, —„въ болѣзняхъ родятъ дѣтей *всѣ* женщины“, а первая *„эпитимія“* для мужчинъ: „въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой“ и т. д. не исполняется мужчинами?

Это неисполненіе мужчинами „первороднаго закона“, первой „эпитиміи“, Бондаревъ — въ 28 вопросѣ — сравниваетъ съ уничтоженіемъ плода женщинами и выражаетъ сильное негодованіе въ 29 вопросѣ—на мужчинъ, которые, не добывая собственными трудами хлѣба, не обрабатывая земли, *„спокойно* ѣдятъ чужой хлѣбъ“, между тѣмъ какъ женщины, уничтожающія зародышъ, *мучатся* и *страдаютъ.*

Бондаревъ думаетъ, что причина такого явленія, такой несправедливости лежитъ въ неопубликованіи „всему міру“ этихъ двухъ „первородныхъ законовъ“, поэтому въ 31 вопросѣ спрашиваетъ—почему же „законы“ эти не опубликованы? И отвѣчаетъ въ 32 вопросѣ: потому, во-первыхъ, что образованный высшій классъ не знаетъ даже, откуда что берется, потому, во-вторыхъ что предъ „заповѣдью“ этою должны всѣ преклониться, и потому, въ третьихъ, что всякій, кто пожелаетъ опубликовать этотъ „законъ“, долженъ самъ на себѣ показать первый примѣръ [1]); а между тѣмъ, говоритъ авторъ въ слѣдующихъ пяти, по порядку, вопросахъ, отъ опубликованія этого „закона“ была бы польза чудовищная: не только повсемѣстные урожаи, но вообще довольство, уничтоженіе всѣхъ золъ. Бондаревъ отрицаетъ какія бы то ни было наказанія и требуетъ, для исправленія всего рода человѣческаго, только *всеобщаго труда,* который долженъ послѣдовать „за опубликованіемъ первороднаго закона“, и наоборотъ: неизвѣстность закона влечетъ за

---

[1]) Въ 144, 145, 146, 147 вопросахъ «ученія» выставляется еще одна причина: боязнь «высшаго класса», что землелѣльцы начнутъ «волноваться», бунтовать. Бондаревъ, конечно, отрицаетъ это и доказываетъ, что волненій не будетъ, а наоборотъ—всѣ начнутъ трудиться охотнѣе, чѣмъ теперь.

собою, кромѣ всѣхъ существующихъ золъ, еще и то, что „низшій классъ“, видя работающими далеко не всѣхъ, „самъ лѣнится“ (38 вопросъ); о томъ же трактуетъ и вопросъ 39, съ добавленіемъ о необходимости не только опубликованія, но и „разъясненія закона“.

Словно опасаясь, чтобы его не заподозрили въ несогласіи слова съ дѣломъ, Бондаревъ въ 40 вопросѣ заявляетъ о томъ, о чемъ говорилъ уже въ первомъ предисловіи, т. е., что проповѣдуетъ онъ то, что самъ дѣлаетъ, и въ двухъ слѣдующихъ вопросахъ укоряетъ „высшій классъ“ въ бездѣліи, говоря (43 вопросъ), что „все продается и покупается, а хлѣбъ берете вы у земледѣльца даромъ“, такъ какъ, поясняетъ онъ уже въ 65 вопросѣ, „покупать и продавать хлѣбъ нельзя, потому что онъ безцѣненъ; въ крайнихъ и уважительныхъ случаяхъ его нужно давать даромъ: дѣйствующимъ войскамъ, плавающимъ по морямъ, въ государственную пользу, на больницы, на сиротскіе и воспитательные дома, въ тюрьмы, погорѣвшимъ, вдовамъ, сиротамъ, калѣкамъ, дряхлымъ и безроднымъ старикамъ“.

Отъ 47 до 55 вопроса включительно Бондаревъ повторяется на счетъ того, что отъ „хлѣбнаго труда“ весь міръ измѣнится, а въ 46 вопросѣ возводитъ „хлѣбный трудъ“ до „священной обязанности“ каждаго человѣка; говоря въ 44 вопросѣ, что „не работать“ даже—„грѣхъ“, онъ прибѣгаетъ (56, 57, 58, 59, 60 вопросы) къ весьма курьезному доказательству: „не забороненная полоса“, говоритъ Бондаревъ, „называется„ огрѣхъ“: нужно писать: о! грѣхъ!“

Въ 45 вопросѣ онъ предлагаетъ *всѣмъ безъ исключенія* заниматься земледѣліемъ *хотя 30 дней въ году* [1]),*а остальное время всякій можетъ дѣлать, что ему угодно*, и, дабы никто отъ

---

[1]) Въ 180 и 181 вопросахъ Бондаревъ рисуетъ идиллію, какъ пріятно ѣсть *свой* кусокъ хлѣба, даже не зная «первороднаго закона», какъ будетъ хорошо, когда *всѣ* будутъ работать; поэтому — въ 182 вопросѣ — онъ умоляетъ «высшій классъ» «не предавать «дѣла» этого уничтоженію», а если въ немъ есть что-либо противозаконное, то онъ проситъ дѣло это положить въ Архивъ для будущихъ временъ, когда можно будетъ осуществить, и онъ лично не прочь погибнуть за это дѣло.

работы не отлынивалъ, Бондаревъ въ 66 вопросѣ предлагаетъ не лишенный остроумія способъ: *не продавать хлѣба, а давать даромъ: неловко будетъ всякому ходить и просить хлѣба*, и всякій, конечно, постарается добыть хлѣбъ своимъ трудомъ.

Отъ 67 до 81 вопроса включительно Бондаревъ, для приданія большаго вѣса и значенія ученію своему, изобрѣтаетъ себѣ противника, который опровергаетъ „Трудолюбіе или Торжество Земледѣльца“, но, въ концѣ концовъ, Бондаревъ, конечно, разбиваетъ противника, при чемъ въ диспутахъ съ предполагаемымъ оппонентомъ крѣпко достается „бѣлоручкамъ“ и восхваляются земледѣльцы.

Вопросы: 104, 116, 117, 122, 128, 129, 130, 131, 143, 149, 150, 151, 155, 168, 170, 171, 212, 215, 216, 223 посвящены тунеядству и разсужденію о богатыхъ и бѣдныхъ.

Бондаревъ никакъ не можетъ согласиться, чтобы работали только *одни* крестьяне; по его вычисленіямъ, „найдется около 30 милліоновъ, не считая евреевъ и цыганъ“, которые ѣдятъ чужой хлѣбъ, т. е. крестьянскій, и спрашиваетъ — развѣ мы (т. е. крестьяне) въ силахъ всѣхъ накормить? Отыскивая первоначальную причину тунеядства въ маннѣ небесной, которою Богъ питалъ евреевъ въ пустынѣ и тѣмъ нѣкоторое время дозволилъ избранному народу ѣсть, ничего не дѣлая, Бондаревъ тунеядство послѣднихъ временъ приписываетъ крестьянину, который, работая на всѣхъ, тѣмъ самымъ поощряетъ тунеядство и тунеядцевъ, причемъ къ послѣднимъ, кромѣ богатыхъ, такъ называемаго имъ „высшаго класса“, причисляетъ и духовенство, особенно монаховъ: „ревнители по Богѣ“, пишетъ онъ въ 131 вопросѣ, „для достиженія благъ, бѣгутъ въ горы, на острова морскіе и разнообразную скитальческую жизнь на себя принимаютъ — спрашивается: чего они тамъ ищутъ, голову закону Божьему размозживши, т. е. чужихъ трудовъ хлѣбъ ѣвши? Да неужели нельзя быть добродѣтельнымъ при этихъ (подразумѣвается „хлѣбный трудъ“), Богомъ благословенныхъ трудахъ?“

Выразивши такой взглядъ на духовенство, а слѣдовательно и на вопросы религіи, Бондаревъ спѣшитъ оговориться: „спроситъ меня читатель“, пишетъ онъ въ 132 вопросѣ, „если ты полагаешь земное и небесное, временное и вѣчное блаженство въ трудѣ, то на что же ты оставилъ христіанскую вѣру, а принялъ еврейскую? Я на это отвѣчу такъ: этому времени 25 годовъ назадъ; я тогда, хотя и много разовъ прочитывалъ это мѣсто Св. Писанія (подразумѣвается Бытіе III, 19: „въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой“ и т. д.), но что же? пробѣжалъ глазами, пролепеталъ языкомъ и никакого понятія не получилъ, какъ птица пролетѣла — слѣду нѣтъ; а научить было некому, въ церкви объ этомъ и помину не было, какъ и теперь нѣтъ“, т. е., другими словами, въ чемъ мы убѣдимся, когда познакомимся ниже съ личностью автора, Бондаревъ *теперь* индифферентенъ къ дѣламъ религіи и все видитъ, находитъ единственное для всѣхъ спасеніе — въ „хлѣбномъ трудѣ“.

Выразивъ въ помянутыхъ вопросахъ полнѣйшее негодованіе богачамъ, кулакамъ, міроѣдамъ, всѣмъ, кого онъ считаетъ тунеядцами, обозвавъ ихъ „трутнями“, Бондаревъ 14 вопросовъ (188—201) посвящаетъ крѣпостному праву и личности покойнаго государя, Александра II-го.

„Бывшій помѣщицкій крестьянинъ“, пишетъ Бондаревъ въ 188 вопросѣ, „какъ онъ страдалъ! Ахъ — увы!.. Бѣда и горе при одномъ только воспоминаніи о страданіяхъ ихъ! холодная дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ жиламъ моимъ!.. Да лучше бы тѣмъ людямъ на свѣтѣ не родиться! да если бы я не одинъ, а много языковъ имѣлъ и говорить бы схотѣлъ — и тогда бы не можно было повѣдать нужду ихъ, и тогда бы нельзя было подробно разъяснить болѣзнь бѣдныхъ тѣхъ мучениковъ: изнемогутъ всякія уста человѣческія представить въ сущности страданія ихъ!“...

Изобразивъ въ яркихъ чертахъ печальную жизнь крестьянина въ крѣпостное время, Бондаревъ въ 193 вопросѣ спрашиваетъ: „За что работали помѣщику или великіе оброки вносили? Это

есть важнѣе всѣхъ вопросовъ вопросъ—скажите мнѣ что нибудь законнѣе?" „Недаромъ (вопросъ 195) Адамъ за одно пожеланіе быть господиномъ, т. е. помѣщикомъ, подвергся вотъ какому осужденію! Говорятъ, можно и господиномъ быть угоднымъ Богу. Конечно, можно, если будетъ на себя работать".

Само собою разумѣется. что личность покойнаго Государя, какъ освободителя крестьянъ, превозносится Бондаревымъ въ высшей степени:

„Не говоря о человѣческомъ разумѣ", говоритъ онъ въ 197 вопросѣ, „и ангельскому уму непостижимо есть, откуда и какъ начать, гдѣ и какъ кончить — отдавать Богу хвалу и благодарность за Царя въ Бозѣ почившаго, Александра Николаевича. Выражаемъ желаніе (198 вопросъ) причислить Государя къ лику святыхъ и сдѣлать 19 февраля праздникомъ больше Пасхи: царь Александръ Николаевичъ освободилъ изъ ада 24 милліона, а Христосъ неизвѣстно сколько; Христово освобожденіе мы видимъ только на бумагѣ—очевидцевъ не было и нѣтъ—а что царь освободилъ, то мы глазами видимъ, ушами слышимъ, руками осязаемъ и сердцемъ ощущаемъ. Въ день смерти Государя (вопросъ 199)—праздникъ и постъ: онъ истинно „смертью смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ".

Въ 200 вопросѣ Бондаревъ говоритъ, что „эти два приговора" онъ готовъ подписать своею кровію, а въ 201, выразивъ надежду, что покойный Государь не забудетъ государство свое и въ загробной жизни, совѣтуетъ собирать деньги на сооруженіе памятника. Къ этому же вопросу относится и слѣдующее „примѣчаніе": „теперь русскіе не имѣютъ права обвинять евреевъ за смерть Христа, сами убивши Государя: 1) Евреи все сдѣлали публично, а здѣсь нѣтъ. 2) Евреи, по ихъ мнѣнію, находили вину за Христомъ, а здѣсь нѣтъ. 3) Смерть Христа была заранѣе назначена Богомъ, кѣмъ и гдѣ должна совершиться. Виноваты (т. е. въ смерти Государя) не только казненные, но вся Россія: вѣдь многихъ не нашли. Спрашиваю: вашъ классъ или нашъ, низкій, убилъ Царя

И еще—за что? За то убили его, чтобы работать хлѣбъ, или за то, чтобы избавиться отъ этого гнуснаго труда?“

Задавъ эти два вопроса, Бондаревъ утвердительно отвѣчаетъ на второй.

Въ моментъ переписки Бондаревымъ на бѣло своего „ученія“, до деревни Юдиной дошла вѣсть о введеніи въ Сибири „Положенія 19 февраля“. Бондаревъ и это заноситъ въ ученіе, приписываетъ, такъ сказать: „О! услыши небо и внуши земля. слѣдующія слова устъ моихъ: Пошли все желаемое государственному совѣту за то, что вручилъ права крестьянамъ —злодѣевъ судить! Я въ твердой и твердой увѣренности, что съ сего времени всѣ злодѣянія прекратятся, съ этого времени (т. е. съ 1884 года) все криводушіе и лихоимство прекратится, такъ трактуетъ между собою всякое общество: „до полусмерти задеремъ всякаго злодѣя“, говорятъ они, „а тѣмъ болѣе вора и взяточника, и если за начальникомъ замѣтимъ, что будетъ брать взятки, тотчасъ же донесеніе начальнику губерніи съ тою просьбою, чтобы удалили его отъ должности“.

Въ концѣ „вопросовъ“ Бондаревъ устраняетъ слѣдующее недоразумѣніе, которое могло, по его мнѣнію, возникнуть изъ его „ученія“: правительство вообще, Государя въ частности, Бондаревъ причисляетъ „къ своимъ“, „къ низшему сословію“: „почему такъ? спроситъ читатель съ сердцемъ“, возбуждаетъ вопросъ Бондаревъ: „не ты ли хвалился, что поѣдешь прямой дорогой, а теперь струсилъ? Съ дороги истины своротилъ. Не ѣстъ ли и верховный правитель чужихъ трудовъ хлѣба? Онъ голова и долженъ примѣръ показывать... Докажи намъ, почему ты его устраняешь!“

На всѣ эти, могущіе возникнуть, вопросы Бондаревъ говоритъ: „Кто долженъ быть въ нашемъ ульѣ маткой, безъ которой рой погибнетъ? Такъ вотъ правитель долженъ смотрѣть за порядкомъ, притомъ матка должна быть одна, а не двѣ и не три“.

Этимъ, собственно говоря, и заканчивается „ученіе“, которое мы, по мѣрѣ силъ и возможности, старались привести въ систему; но для полнаго ознакомленія съ воззрѣніями автора необходимо

еще ознакомиться съ приложеніями къ „ученію“: а) *Мое рѣшеніе*, b) *Требованіе*, с) *Прошеніе*, d) *Защитники*, е) *Заключеніе* и f) *Прошеніе* одному высокопоставленному лицу.

Въ „*Моемъ рѣшеніи*“ Бондаревъ ставитъ себя на мѣсто начальства и такъ разсуждаетъ по поводу своего ученія.

1) „Уничтожить (т. е. „ученіе“) нельзя: совѣсть замучитъ. Обнародовать? Мой классъ упрекнетъ, что послушалъ мужика“...

2) „Обнародовать? Я долженъ и весь мой родъ работать... Лучше скрою... Не я первый, не я послѣдній это дѣлаю... Если обнародую, сниму тяжелый трудъ съ земледѣльцевъ, будетъ для нихъ вмѣсто ночи свѣтлый день, минетъ ихъ убожество и процвѣтетъ вся вселенная, и сольется она въ одну вѣру въ Бога... А я? Долженъ буду стать наравнѣ съ мужикомъ, т. е. принизиться, да и весь нашъ классъ будетъ плакаться на меня?.. Пусть же 60 милліоновъ земледѣльцевъ мучатся—мнѣ что? Лишь бы я и подобные мнѣ именитые люди блаженствовали въ сей жизни (что дѣлается въ загробной неизвѣстно)... Нашъ цвѣтъ заключается въ сухости низшаго класса, — такъ пусть же они сохнутъ и исчезаютъ, а не мы... они таковскіе и къ тому сродные... Богатый охотою не станетъ работать и будетъ мучиться— причиною буду я... Я долженъ подражать наклонностямъ высшаго класса, потому что они ближніе мои, а я—ихъ; а земледѣльцы это — отдѣльная и неприкосновенная къ намъ часть людей... А что этотъ писатель увѣряетъ, что тогда прекратятся всѣ злодѣянія—это вѣрно, потому что всякъ будетъ своими трудами жить, но для насъ это нездорово: мы тогда съ голоду должны погибнуть за тѣмъ, что не кого и не за что будетъ судить; да еще и то, что, гдѣ больше злодѣяній, тамъ сподручнѣе громадныя взятки брать, и безъ того ее не возьмешь... По всему сказанному — предаю эти всѣ статьи къ уничтоженію—и предалъ“.

„Это—иносказаніе“, заканчиваетъ „Мое рѣшеніе“ Бондаревъ: „я бы такъ не сдѣлалъ“.

Въ „*Требованіи*“ Бондаревъ требуетъ, чтобы „заграничные

люди“ явились благодарить Россію за то, что изъ Россіи за границу „идетъ много хлѣба“ [1]), причемъ считаетъ со стороны европейцевъ возможнымъ такого рода вопросъ: „а чего же не благодарятъ васъ тѣ изъ вашихъ, которыхъ вы (т. е. крестьяне) хлѣбомъ кормите!“ „Мы (русскіе крестьяне) отвѣтимъ: нами управляютъ“. А они (европейцы) отвѣтятъ: „но вѣдь вы имъ за это жалованье платите, а хлѣбомъ даромъ кормите, какая же за это благодарность?“

„Мы: никакой“.

„*Заграничные*: ну, такъ пусть васъ ваши благодарятъ первые, а потомъ мы“.

Въ „*Прошеніи*“ авторъ требуетъ уравненія правъ [2]) субботникамъ и молоканамъ съ православными, особенно настаиваетъ на правѣ выѣзда изъ Юдиной.

Въ прибавленіи: „*Защитники*“ Бондаревъ задается вопросомъ, —кто будетъ защищать ученіе его? Крестьяне? Но у нихъ нѣтъ хорошей одежи, ловкости, хитрости, что необходимо при сношеніяхъ съ образованнымъ классомъ, поэтому авторъ думаетъ, что защитниками ученія могутъ быть только: 1) эпитиміи, 2) хлѣбъ, 3) Царь и 4) Богъ.

Наконецъ, въ „*Заключеніи*“ Бондаревъ совѣтуетъ правительству сдѣлать слѣдующее: 1) написать „эпитиміи“ золотыми буквами; 2) выписать красиво особые вопросы изъ всего ученія; 3) поставить на столѣ икону Бога Саваоѳа направо, а „эпитиміи“ налѣво; ниже положить ржаной хлѣбъ; 4) по просьбѣ земледѣльцевъ сядетъ Царь, а ниже его — человѣка 3 земледѣльцевъ - это съ одной стороны, съ другой—знатные, которыхъ изберутъ; собраніе должно рѣшить „дѣло“ въ немногихъ словахъ и извѣстить о результатахъ его, Бондарева, причемъ послѣдній,

[1]) Въ 135, 136 вопросахъ Бондаревъ совѣтуетъ, для оплодотворенія полей, искусственное орошеніе, удобреніе и т. д., а не жалобы на Бога за неурожаи.

[2]) Объ этомъ же онъ говоритъ въ вопросѣ 226.

„за открытіе этого закона“, требуетъ себѣ награды, какая дается путешественникамъ, открывшимъ новыя страны, но въ концѣ концовъ соглашается, чтобы за его трудъ „переписали хорошо сочиненіе („съ краснорѣчіемъ“), а черновую положили бы въ архивъ, гдѣ хранятся государственныя бумаги“.

Теперь намъ остается только изложить прошеніе Бондарева одному высокопоставленному лицу, въ которомъ авторъ излагаетъ существенную часть ученія и выражаетъ свои взгляды на открытый имъ „первородный законъ“.

Вотъ это весьма интересное „прошеніе“:

Крестьянина Енисейской губерніи, Минусинскаго
округа, Шушенской волости,
Тимофея Михайлова Бондарева
Прошеніе.

Подавалъ я на имя Вашего Сіятельства въ 1883 году, отъ 18 іюня, за № 4933 [1]) прошеніе [2]), къ которому приложилъ одну узаконенную марку въ 60 копѣекъ, а другую такого же достоинства вложилъ въ тотъ же пакетъ, для обратнаго отвѣта, о которомъ и по сіе время не получилъ никакого извѣстія, куда оно дѣлось или гдѣ затерялось — ничего не знаю, потому вынужденнымъ нахожусь подавать вотъ и второе, къ которому приложилъ тоже въ 60 копѣекъ марку. Содержаніе прежде поданнаго мною прошенія—вотъ оно:

Неусыпно день и ночь безпокоится правительство объ улучшеніи быта низшаго класса людей, и разнаго рода мѣры разыскиваетъ для исправленія ихъ состоянія, а они всѣ въ одномъ и томъ же низкомъ положеніи остаются, неизлечимая язва нищеты и убожества—при нихъ же; да и никто отъ живущихъ на землѣ помочь имъ не въ силахъ, кромѣ Бога. Я же, бывшій помѣщицкій крестьянинъ, просто рабочій, а эти люди, въ какихъ тискахъ были — это всѣмъ извѣстно; нужда же самый лучшій

[1]) Выставленъ № почтовой росписки.

[2]) Приводимое здѣсь прошеніе писано и отослано министру въ 1881 г.

учитель есть изобрѣтательности, въ ученіи которой, т. е. въ этихъ тискахъ, со всего правительства никто не былъ; потому-то я изобрѣлъ и написалъ до 250 вопросовъ, подъ названіемъ „Торжество Земледѣльца", это настолько сильное и полезное для нихъ врачевство, что если довести его до свѣдѣнія всякаго человѣка, то не болѣе какъ черезъ четыре года, безъ понесенія трудовъ и безъ напряженія силъ, избавятся всѣ они отъ тяжкой нищеты и отъ нестерпимаго убожества; тогда глупый сдѣлается умнымъ, лѣнтяй—трудолюбивымъ, пьяница—трезвымъ, бѣдный—богатымъ, бездомникъ—прочнымъ хозяиномъ, злодѣй—честнымъ человѣкомъ, и будетъ какъ на нихъ, такъ и на столѣ ихъ Великъ-День, и безъ всякаго противленія или закоснѣлости сольется вся вселенная въ одну вѣру въ Бога! Богъ свидѣтель между мною и Вами, Ваше Сіятельство, что я истину это говорю, ни одного слова лжи или неразсудительности не выходитъ изъ устъ моихъ. Послушаютъ ли люди моего совѣта и убѣжденій? Какъ алчущій къ хлѣбу и жаждущій къ водѣ, неудержимо устремятся на выполненіе его. Если бы я успѣлъ это написать года за два до смерти Александра Николаевича, тогда бы онъ жилъ на свѣтѣ до опредѣленнаго Богомъ срока, потому что убійцы, услыхавши все это, сдѣлались бы самыми честнѣйшими людьми, и пришли бы они къ Царю съ раскаяніемъ своего намѣренія: изобрѣтенный и по возможности моей развитой законъ настолько силенъ, что самаго закаменѣлаго злодѣя ухватитъ за косму его злодѣянія и невольно повлечетъ на путь добродѣтели. Конечно, довольно трудно для Васъ такимъ моимъ отъ вѣка неслыханнымъ и какъ человѣка незначительнаго словамъ повѣрить, но еще труднѣе или совсѣмъ невозможно допустить и то, чтобы я безъ всякой пользы рискнулъ врать, ложно писать правительству, тутъ же и Государя своего обманывать. Именемъ Бога праведнаго умоляю Ваше Сіятельство удалить всякое сомнѣніе изъ головы своей! Тамъ, въ изобрѣтенномъ мною законѣ [1]) тяжутся трудъ съ праздностью, а хлѣбъ съ тунеядствомъ.

---

[1]) Самое ученіе не было послано.

При разбирательствѣ же правительствомъ этой тяжбы, если хлѣбъ и трудъ возьмутъ верхъ, тогда неотмѣнно выполнится надъ людьми все вышесказанное, а когда, избави Богъ, праздность и тунеядство восторжествуютъ надъ первыми, тогда послѣдуетъ все противное тому, да и мнѣ, писателю, не избѣжать страданій, а увѣряетъ меня какое-то предчувствіе, что послѣдніе на судѣ процвѣтутъ и возвысятся, а первые увянутъ и понизятся.

Да и было бы вамъ извѣстно, что я все это извлекъ не изъ своей тѣсно ограниченной догадки или вольнодумства, а изъ главнѣйшаго и коренного закона, о которомъ не одно Русское Государство, а вся Вселенная или не могла, или, вѣрнѣе сказать, не хотѣла по сіе время знать; потому у меня есть великое желаніе знать, чѣмъ она будетъ оправдываться и чѣмъ прикрываться въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, которыя съ жадностью ждутъ ея слабыхъ отвѣтовъ.

Если я есть изобрѣтатель преполезнѣйшій и отъ начала вѣка на свѣтѣ не бывало закона, что можно видѣть изъ предыдущаго, затѣмъ-то желаю и долженъ быть при первомъ его вступленіи въ свѣтъ; потому прошу Ваше Сіятельство — требуйте отъ меня это дѣло и вмѣстѣ съ нимъ — и меня къ себѣ, а иначе и дѣла не дамъ, и потому, какъ страдали люди, такъ и будутъ страдать: потому требуйте меня, что тамъ будетъ великое преніе между трудомъ и тунеядствомъ; я же хотя по роду и незначительный и говорить красно не умѣю, а въ этомъ случаѣ, со стороны труда и хлѣба, защитникъ буду не послѣдній, а можетъ статься — Богъ пошлетъ на мою сторону и многихъ, а иногда и всѣхъ: вотъ тогда-то, какъ на крыльяхъ, взлетитъ вселенная вся на несказанное блаженство, и тогда-то возвратится къ намъ на землю первобытный, до преступленія Адама, рай!“

Поговоримъ теперь о личности автора „Трудолюбія“.

Сообщественники Бондарева, жители д. Юдиной, не понимали Бондарева и относились къ нему, какъ къ человѣку по меньшей мѣрѣ странному. Причинъ этому не мало и о каждой изъ нихъ

мы упомянемъ, а теперь замѣтимъ, что въ Юдиной живутъ люди умные —молокане и субботники исключительно, стоящіе не въ примѣръ выше обыкновенной крестьянской среды; и однако между ними нѣтъ не только ни одного поклонника Бондареву, но даже отношеніе всѣхъ къ нему было вполнѣ индифферентное.

Дѣло въ томъ, что Бондаревъ дѣйствительно странный человѣкъ, чтобы не сказать болѣе: во-первыхъ, его „ученіе" сдѣлалось его idée fixe и онъ ни о чемъ больше говорить рѣшительно не могъ и, если молчалъ, когда его опровергали или что либо доказывали, то это еще не значитъ, что онъ васъ слушалъ: какъ только вы переставали говорить, онъ, не принимая во вниманіе сказаннаго вами, начиналъ говорить „свое", т. е. излагать „ученіе"; далѣе, изъ словъ его можно было понять только, что всѣ должны заниматься *исключительно* земледѣліемъ, при чемъ въ разговорѣ онъ напиралъ болѣе всего на то обстоятельство, что *высшіе классы, не обрабатывая земли, виновны главнымъ образомъ въ лѣности крестьянина, т. е. что крестьянинъ, глядя на господъ, трудится не какъ слѣдуетъ.*

Само собою разумѣется, что юдинцы, весьма усердно обрабатывающіе землю, никакъ понять не могли, чего требуетъ Бондарево: „да-мы и такъ работаемъ, только съ землею да хлѣбомъ и возишься"; еще болѣе развитые изъ молоканъ и субботниковъ, разговаривая съ Бондаревымъ по поводу ученія его, спрашивали нерѣдко, какую роль должны играть другія занятія, какъ-то: ремесла, торговля и т. д., но Бондаревъ твердилъ одно, т. е. что *всѣ должны заниматься „хлѣбнымъ трудомъ"*, не выясняя роли другихъ занятій; словомъ, Бондаревъ-писатель и Бондаревъ-ораторъ не сходятся: когда онъ говоритъ, выходитъ больше несообразностей, чѣмъ когда онъ пишетъ.

Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ писалъ ясно и понятно — далеко нѣтъ! Но, читая „ученіе", можно уловить главную мысль, прослѣдить ея развитіе, хотя и для этого нужно ознакомиться съ массою никуда негоднаго балласта, съ безчислен-

ными повтореніями, съ выдержками изъ всѣхъ книгъ, которыя когда либо читалъ авторъ [1]), такъ что читатель-крестьянинъ не вынесъ бы ничего, прочитавъ отъ доски до доски всѣ 250 вопросовъ.

Ко всему этому надо прибавить странное съ точки зрѣнія крестьянъ „поведеніе“ Бондарева: вѣчно задумчивый, онъ, какъ извѣстно, ходилъ съ бумажкою и карандашемъ и, останавливаясь, записывалъ свои мысли и т. д.

Трудно было крестьянину понять Бондарева, и крестьянинъ сначала удивлялся, а потомъ махнулъ рукою: „пусть, молъ, чудитъ“ — и неудивительно: оригиналы, выдающіяся личности нерѣдко порицаются даже интеллигенціею. Этотъ индифферентизмъ, это полунасмѣшливое отношеніе юдинцевъ къ Бондареву, непониманіе его мыслей измучили Тимофея Михайловича; онъ чувствовалъ себя одинокимъ не только среди односельцевъ, но и въ семьѣ: родной сынъ его, сельскій писарь, и тотъ, не понимая отца, относился къ нему съ насмѣшкою. Бондаревъ, благодаря вышеприведеннымъ обстоятельствамъ, сдѣлался угрюмымъ, сосредоточеннымъ, углубился въ самого себя, изъ „ученія“ сдѣлалъ idée fixe и жилъ только надеждою, что его скоро повезутъ въ Петербургъ, что скоро „ученіе“ его сдѣлается извѣстнымъ всему міру и тогда „вся вселенная взлетитъ на несказанное блаженство“.

Когда мы, пріѣхавъ въ Юдино, разыскали его и заявили, что интересуемся его ученіемъ, Бондаревъ очень обрадовался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ нашей квартирѣ и проговорилъ до глубокой полночи, а на другой день явился на зарѣ

---

[1]) Бондаревъ былъ страстный поклонникъ чтенія; не говоря о Св. Писаніи, которое онъ не только перечиталъ, но зналъ наизусть и свободно цитировалъ. Бондаревъ читалъ все, что только попадалось подъ руки и читалъ внимательно, съ наслажденіемъ, запоминая все выдающееся. Изъ «ученія» и изъ разговоровъ съ нимъ мы могли узнать, что, кромѣ Св. Писанія, писанія Св. отцевъ и т. д., онъ читалъ: Крылова, Пушкина и Мильтона; произведенія первыхъ двухъ онъ смѣшивалъ.

и ждалъ, покуда мы встанемъ. Тяжело было смотрѣть на этого библейскаго старца [1]), съ воспаленными (большими черными), вѣчно поднятыми вверхъ глазами, съ руками, поднятыми кверху, когда онъ говоритъ; плавно и необыкновенно медленно излагая намъ свое ученіе, онъ весь погружался въ мысли свои, не чувствовалъ, кажется, присутствовавшихъ и виталъ въ иномъ мірѣ.

Только передъ отъѣздомъ нашимъ, Бондаревъ, опомнившись, спросилъ— кто мы и почему интересуемся его ученіемъ. Мы прямо заявили, что пишемъ въ газетахъ и журналахъ. Это произвело на него необыкновенно пріятное впечатлѣніе и онъ далъ намъ набѣло переписанное „ученіе“ свое, на что сначала не соглашался, отдавая намъ черновое; вручая свое сочиненіе, Бондаревъ просилъ напечатать его, чтобы оно стало всѣмъ извѣстно, и выслать ему ту книгу, гдѣ будетъ напечатано, при этомъ прибавилъ: „только долго не держите, а то, если правительство меня потребуетъ, какъ же я поѣду безъ ученія?“

Уѣзжая, мы отъ души пожалѣли эту выдающуюся личность, волею судебъ поставленную въ такія условія, что не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ быть бы могъ, — а сколько силъ такихъ гибнетъ, сколько пропадаетъ недюжинныхъ жизней подъ бременемъ нужды, тьмы и печали!..

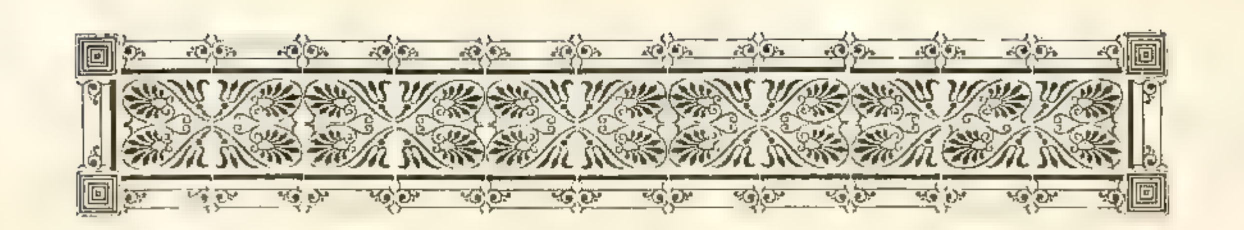
Изъ писемъ, полученныхъ впослѣдствіи отъ Бондарева, мы еще болѣе убѣдились, какъ глубоко страдалъ этотъ непонятый въ своей средѣ человѣкъ.

И. П. Бѣлоконскій.

---

[1]) Ему было тогда болѣе 70 лѣтъ, что не мѣшало Бондареву быть еще здоровымъ человѣкомъ; черты лица Бондарева напоминали еврейскій типъ.

Стихотворенія Н. М. Ядринцева [1].

I.

Милый призракъ!
Темной пропастью неволи отдаленный,
Не буди, молю, похороненный,
Навсегда уснувшихъ въ сердцѣ грезъ!..

* * *

Я забылъ, что жизнь мнѣ обѣщала,
Я погребъ, что сердце волновало,
Все съ собой въ могилу я унесъ...

* * *

[1]) Всѣ эти стихотворенія были написаны Н. М. Ядринцевымъ въ г. Шенкурскѣ, Архангельской губ., въ послѣдніе годы пребыванія въ ссылкѣ (1870—1873 гг.), а потому отъ всѣхъ ихъ вѣетъ грустью одиночества и сдавленнымъ горемъ. Они взяты изъ писемъ Н. М—ча къ Г. Н. Потанину, одному изъ немногихъ близкихъ друзей, съ которымъ онъ дѣлился своими поэтическими опытами и отъ котораго ждалъ поощренія и критики. Письма 1873—74 гг. изобилуютъ стихотвореніями, но большинство ихъ было напечатано въ «Камско-Волжской Газетѣ» 1873—74 гг.; приведенныя здѣсь еще не видали свѣта. Нѣкоторыя несовершенства внѣшней формы сглаживаются подъ обаяніемъ той искренности и того жгучаго чувства неволи и тоски по покинутой родинѣ, которыми дышитъ каждая строка этой юношеской поэзіи. *Т. Фарафонтова*

Не всходи-жъ теперь изъ темной дали,
Свѣтлый образъ, въ мракъ моей печали,
Что одинъ я терпѣливо несъ!

* *
*

Что тебѣ въ той жизни позабытой?
Что тебѣ въ душѣ моей разбитой,
Полной, лишь, невыплаканныхъ слезъ?..

* *
*

Не мани же, жизнь, меня мечтою,
Не чаруй нетлѣнной красотою:
На могилахъ намъ не нужно твоихъ розъ!

* *
*

Отойди же, призракъ неотвязный,
Въ мракъ забвенья снова отойди
И въ душѣ, на гибель осужденной,
Что прошло—напрасно не буди!..

П.

Юмористическіе мотивы.

Тяжело... и слезъ на сердцѣ
Что-то много накопилось,
Я запѣлъ, но эта пѣсня
Только смѣхомъ разразилась...

Свиданіе.

Въ пору юности и счастья
Насъ развѣялъ вихорь жизни...
И покинули мы гордо
Непривѣтную отчизну.

* *
*

Мы со смѣхомъ удалились,
Злому року повинуясь,
А за горы вмѣстѣ съ нами
Удалилася и юность.

* * *

На чужбинѣ въ разсыпную
Мы довольно поскитались.
Шли года, и, сколько помню,
Мы здѣсь долго не смѣялись...

* * *

Но когда въ родныя горы
Изъ изгнанья воротились,
То, увидѣвши другъ друга,
Разомъ смѣхомъ разразились.

* * *

И до слезъ мы хохотали —
Надъ беззубыми устами,
Надъ плѣшивыми главами
И надъ тѣми костылями,
Что теперь насъ подпирали...

III.

Освобожденіе [1]).

(Ал. Дмитр. Ш—ову).

Свободенъ! спали кандалы,
И жизнь я начинаю снова,
Опять, опять прекрасенъ міръ,
И сердце вырваться готово!

* * *

Смотря на прежнюю тюрьму,
Не въ силахъ вновь негодовать я:
Любовь и миръ въ душѣ моей,
Любовь и миръ, но нѣтъ проклятья...

* * *

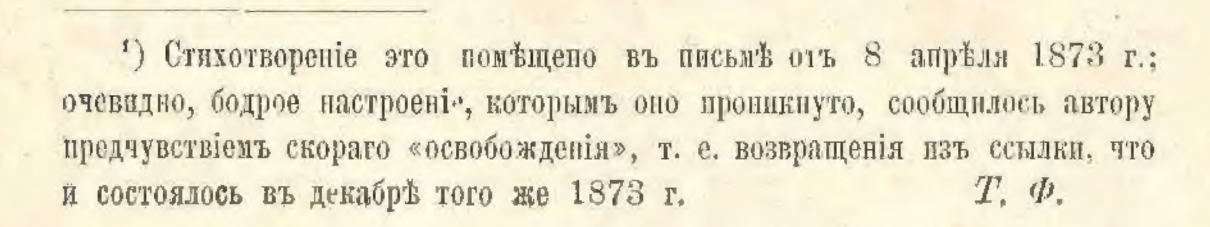
Какъ тяжкій, но мгновенный сонъ,
Исчезли лѣтъ прожитыхъ муки;
Къ чему ихъ помнить, коль дрожатъ
Въ душѣ ликующіе звуки!

* * *

Желаньямъ вновь запрета нѣтъ,
По морю жизни голубому
Несется вольная ладья,
Стремяся къ берегу родному.

* * *

Колышется высоко грудь,
Смѣется парусъ и играетъ,
И руку въ счастіи мою
Рука любимая сжимаетъ...

[1]) Стихотвореніе это помѣщено въ письмѣ отъ 8 апрѣля 1873 г.; очевидно, бодрое настроені», которымъ оно проникнуто, сообщилось автору предчувствіемъ скораго «освобожденія», т. е. возвращенія изъ ссылки, что и состоялось въ декабрѣ того же 1873 г. *Т. Ф.*

